Прибалтийские исследования в России

2015

Федеральное архивное агентство

Российский государственный архив
социально-политической истории

Фонд «Историческая память»

Российская ассоциация
прибалтийских исследований

Прибалтийские исследования в России

2015

Москва
Издательский центр
фонда «Историческая память»

УДК 316.485.26
ББК 92
М32

Редакционная коллегия сборника
А. Р. Дюков (руководитель), Н. М. Межевич, О. Е. Орленко,
А. В. Репников, А. И. Рупасов, В. В. Симиндей, А. К. Сорокин

Составители
М. А. Вилков, В. В. Симиндей

Сборник «Прибалтийские исследования в России. 2015»
выпущен за счет средств государственной поддержки некоммерческих
неправительственных организаций, выделенных в качестве гранта
в соответствии с распоряжением Президента РФ № 11-рп от 17.01.2014
и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России.

М32 **Прибалтийские исследования в России. 2015.** Сборник статей / Сост. М.А. Вилков, В.В. Симиндей. – М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2015. – 480 с.

ISBN 978-5-9990-0040-8

В последнее десятилетие Латвия, Литва и Эстония стали для российских ученых достаточно популярным объектом исследований. К моменту распада Советского Союза в 1991 году и значительное время после него в России почти не было ученых, занимающихся Прибалтикой; сегодня же десятки специалистов в своих работах затрагивают те или иные аспекты истории, этнологии, социального, экономического и политического положения в Латвии, Литве и Эстонии. В данный сборник статей подготовлен по итогам первой международной научной конференции «Прибалтийские исследования в России», прошедшей в ноябре 2014 г. в Москве.

УДК 316.485.26
ББК 92

© Издательский центр фонда
«Историческая память», издание, 2015

ISBN 978-5-9990-0040-8

Содержание

Раздел I. Изучение истории Прибалтики: историография и историческая политика.....9

Алексей Комаров, Юлия Михайлова. К вопросу о сотрудничестве российских и латвийских историков: становление, развитие, современное состояние 10

Владимир Симиндей. Инструментарий государственной исторической политики Латвии: воздействие на историческое сообщество 18

Илья Никифоров. Политика исторической памяти в странах Балтии 44

Раздел II. История межэтнических отношений и культурной политики 67

Наталья Андреева. «Конец немецкому засилью»: прибалтийские немцы и Первая мировая война 68

Бенджамин Конрад. Русский язык в латвийском парламенте, 1918–1934 гг.....82

Людмила Воробьева. Положение русских в Эстонии в межвоенный период (1920–1940 гг.) 95

Олеся Орленко. Политика Латвии по отношению к национальным меньшинствам по документам французских дипломатов Ж. Трипье и Ж. Ганеваля (1930-е годы)..... 103

Аарон Шнеер. «Они не нравятся, они нежелательны». Трансформация антисемитизма в межвоенной Латвии от традиционного к расовому 117

Игорь Прекуп. Филетизм в новейшей истории Православия в Эстонии: его специфика и почва 129

Сергей Крук. Культурная политика прибалтийских советских республик на примере строительства памятников Ленину..... 147

Раздел III. Дипломатическая история 169

Михаил Мельтюхов. Прибалтийский плацдарм в геополитических расчетах великих держав в 1910-х – 1940-х гг.. 170

Андрей Петренко. Реакция в Швеции на государственный переворот в Эстонии 12 марта 1934 года 189

Тьерри Гросбуа. Бельгийские дипломаты в изгнании и страны Балтии в 1940–1945 гг 225

Николай Кабанов. Дипломаты свергнутой диктатуры: казусы Карлиса Зариньша и Паулса Рейнхардса..... 267

Раздел IV. Военно-политическая история 291

Александр Чапенко. К вопросу о демобилизации военнослужащих-латышей из 24-го территориального стрелкового корпуса РККА 29–30 июня 1941 г.: историческая ретроспектива и анализ проблемы..... 292

Борис Ковалев. Вооруженные формирования из Прибалтики на Новгородчине (1941–1943 гг.) 301

Раздел V. Экономика: история и современность 313

Сергей Рекеда. «Локомотив перестройки»: Прибалтика в контексте экономических преобразований в СССР 1985–1989 гг. 314

Николай Межевич. Экономическая модель государств Прибалтики: в поисках утраченного будущего 324

Раздел VI. Конструирование национальных идентичностей: современный опыт..... 361

Максим Кирчанов. Создание латвийской национальной идентичности: от стандартной национальной культуры к постнациональным культурам массового потребительства.. 362

Владислав Волков. Идентичность этнических меньшинств Латвии: общественно-политический и научный дискурсы в 1991–2014 годах..... 383

Михаил Родин. Этнополитические конфликты и национальная идентичность в Латвии 416

Ольга Петровская. Литовский фактор в формировании национально-государственной идентичности населения Республики Беларусь..... 443

Именной указатель 467

От редакции

В последнее десятилетие Латвия, Литва и Эстония стали для российских ученых достаточно популярным объектом исследований. К моменту распада Советского Союза в 1991 году и значительное время после него в России почти не было ученых, занимающихся Прибалтикой; сегодня же десятки специалистов в своих работах затрагивают те или иные аспекты истории, этнологии, социального, экономического и политического положения в Латвии, Литве и Эстонии. К настоящему моменту в российской науке сформировался значительный корпус исследований, позволяющий говорить о наличии разнообразных тенденций и направлений в области изучения стран Прибалтики.

Будучи убежденными в том, что необходимым условием развития гуманитарных и социальных наук является обмен опытом и дискуссия между учеными, исследующими политические, социальные и культурные процессы в конкретном регионе, сотрудники Фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» при поддержке Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) приняли решение о проведении международной научной конференции «Прибалтийские исследования в России». Конференция состоялась 12–14 ноября 2014 года в Москве за счет средств государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, выделенных в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ № 11-рп от 17.01.2014 и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России.

«Прибалтийские исследования в России» – первая в отечественной практике международная научная конференция, посвященная исследованиям Прибалтики в области исторической науки, социологии, политологии, экономики и этнологии. Это мероприятие позволило собрать активных исследователей истории и современного развития Латвии, Литвы, Эстонии, а также Прибалтийского региона в целом. Следует особо подчеркнуть вклад данной конференции в установление и развитие прямых научных контактов специалистов по Прибалтике, проживающих и работающих не только в различных государствах (Бель-

гии, Германии, Израиле, Латвии, Литве, России, Франции, Эстонии), но и разных регионах нашей страны (Воронеже, Москве, Мурманске, Новосибирске, Санкт-Петербурге).

Проведенная международная конференция способствовала укреплению методологических взаимосвязей между гуманитарными и социальными науками в деле становления комплексного регионоведения, а также созданию прочной научной базы для складывания современной российской школы прибалтийских исследований. Значимым результатом конференции также стало конструктивное и плодотворное обсуждение целого ряда важнейших стратегических положений отечественной науки, связанных с изучением истории стран Балтии (правомерность использования термина «Прибалтика», дискуссионность проблемы «советской оккупации» Латвии, Литвы и Эстонии, комплексная оценка развития эстонцев, латышей, латгальцев и литовцев в составе Российской империи и СССР).

Живая дискуссия и научный обмен позволили ее участникам уточнить свои представления по основной изучаемой тематике и расширить знания по вопросам, смежным с теми, которые непосредственно исследует каждый ученый. Многие участники конференции высказывались о том, что придание данному формату научной деятельности регулярного характера способствовало бы формированию более развитого и плодотворного научного сообщества в России, изучающего историю и современное состояние Прибалтики.

В ходе работы возникла и прошла обсуждение идея создания периодического бюллетеня по текущей библиографии прибалтийских исследований в России; такой бюллетень оказывал бы справочную помощь исследователям по тематике научных публикаций и персоналиям их авторов.

Наконец, плодом труда организаторов и участников конференции стал данный сборник докладов и статей (разумеется, исправленных и дополненных за время последующего общения и подготовки данной публикации), который, как мы надеемся, найдет своих заинтересованных читателей в России и за рубежом.

РАЗДЕЛ I

Изучение истории Прибалтики: историография и историческая политика

Алексей Комаров
Юлия Михайлова

К вопросу о сотрудничестве российских и латвийских историков: становление, развитие, современное состояние

После распада Советского Союза на международной арене появились, как говорят политологи, новые акторы международной политики, в том числе и независимые Латвия, Литва и Эстония. В новых условиях, когда существенно возрос взаимный интерес к общей истории, в России возникла настоятельная потребность в специалистах по истории стран Балтии, желательно при этом владеющих балтийскими языками.

Подготовка специалистов такого рода является длительным процессом. В связи с этим формирование нового направления стало складываться в том числе,и на базе уже **существовавшей** школы скандинавистики - междисциплинарной отрасли, которая динамично развивалась в Советском Союзе с 1950-х годов. Ее предметом являлось изучение истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. По этой тематике регулярно проводились всесоюзные конференции; появлялись многочисленные публикации как академического характера, так и общественно-политического.

В этот период в нашей стране для обозначения североевропейского региона применялись такие классические понятия, как «страны Северной Европы» или «скандинавские страны и Финляндия». В условиях биполярного мирового порядка указанный регион представлял собой своеобразную буферную зону между двумя противостоящими блоками. Многие, наверное, помнят термин «северный баланс», которым обозначали то свое образное геополитическое равновесие, которое сложилось на Севере Европы.

В новой геополитической реальности, возникшей после распада СССР и появления трех новых Балтийских государств,

были учреждены международные организации регионального сотрудничества, такие как Совет государств Балтийского моря (создан в 1992 году); Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) – создан в 1993 году; была выдвинута концепция «Северное измерение». Начиная с 1999 года, она стала частью внешнеполитической линии Европейского союза.

После окончания холодной войны и крушения биполярной системы международных отношений классический термин «страны Северной Европы» приобрел неустойчивый характер. В связи со сказанным уместно напомнить о периоде между двумя мировыми войнами, когда, в условиях внешнеполитической нестабильности, выдвигались различные скандинавско-балтийские региональные проекты[1].

В 1990-х гг. политики и политологи заговорили о Старой Северной Европе (включающей пять государств) как об уходящем понятии – и Новой Северной Европе, включающей в дополнение к традиционным странам Северной Европы также страны Балтии, северо-западную Россию, Польшу и Германию. В настоящее время для обозначения региона, о котором идет речь, все чаще используется термин «Скандинавско-Балтийский регион». Это определение имеет свою историю – оно уже применялось в межвоенный период в Советской России[2]. Позднее региональ-

---

[1] Как известно именно в межвоенный период разрабатывались проекты Балтоскандии и Панбалтонии. Идею создания так называемой Панбалтонии – неотеократического государства в Восточной Прибалтике – выдвинул в межвоенный период писатель и проповедник, буддийский монах Карл Тыниссон. Новое государство, по его замыслу, объединило бы Эстонию, Латвию, Литву и прилегающие регионы России. Официальной религией стал бы буддизм, а официальным языком – русский с использованием латиницы. См. его книгу: *Tennison K.* Tulevane Pan-Baltonia Ilmariik ja Selleskuldses riigsasuvate Buddha-, Päärkonsi-, Pirkse- ehk Taarausu preestrite Seadus, 1928. И в настоящее время политологи также рассуждают о новой роли стран Северной Европы, Балтии и Северо-Запада России в создании регионального политического проекта Пан-Балтония с целью сохранения национальной идентичности путем создания единого панбалтийского «рабочего пространства». См., например: *Видеман В.* Пан-Балтония: проект XXI столетия. URL: http://imperativ.narod.ru/imp4/20.html (дата обращения: 10.03.2015).

[2] См.: К скандинавско-балтийской профсоюзной конференции // Правда. 1926. 8 дек.

ную и духовную общность Скандинавии и Балтии подчеркивали в трудах латвийские и эстонские историки, эмигрировавшие после 1940 г. в Европу и США[3].

В последние годы в научной и политической литературе появилось понятие «Северное пространство» («Nordics pace»). Данный термин был введен в научный оборот сравнительно недавно. Североевропейская интеграция и глобализация заставляют исследователей по-новому взглянуть на политическое, экономическое и культурное развитие государств Балтии – в тесном взаимодействии со странами Европейского Севера[4].

Таким образом, существующая школа скандинавистики, а также традиция изучения малых стран дали определенный импульс для развития балтийских исследований в России.

Современные историки получили возможность по-новому взглянуть на историю стран Балтии. Существенный интерес вызывает период независимости республик Прибалтики в межвоенные десятилетия. До перестройки и распада СССР история этого периода трактовалась однобоко, исключительно с идеологических позиций, характерных для того времени[5]. В этом отно-

---

[3] *Švābe A.* The story of Latvia. Stockholm, 1949; *Švābe A.* Latvijas vēsture 1800–1914. Uppsala, 1958; *Balodis Fr.* Latvia and the Latvians // Journal of Central European Affairs. vol. 6. No 3. 1947. Jan. P. 241–282; *Bilmanis A.* A history of Latvia. Princeton, 1951; *Spekke A.* The history of Latvia. Stockholm, 1951; *Uustalu E.* The history of Estonian people. London, 1952.

[4] См.: *Турбьерн Э.* Формирование Северо-европейского региона в XIX–XX веках. Представление исследовательской программы (К постановке проблемы) // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 6. М.: «Наука», 2007. С. 377–387; Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX в. / Ред.: А. А. Комаров, Е. Л. Назарова и др. М., 2009.

[5] См.: *Сиполс В. Я.* Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919–1940 гг. Рига, 1968; *Сепре О. А.* Зависимость буржуазной Эстонии от империалистических стран. Таллин, 1960; *Арумяэ Х. Т.* За кулисами «Балтийского союза» (Из истории внешней политики буржуазной Эстонии в 1920–1925 гг.). Таллин, 1966; *Он же* (ред.). От революции к революции. 1905–1940. Таллин, 1975; *Почс К. Я.* Санитарный кордон. Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929 гг.). Рига, 1985; *Жюгжда Р. Ю.* Буржуазная Литва в планах империалистических государств (1919–1940). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Вильнюс, 1980. И др.

шении новые горизонты открылись не только перед российскими историками. Следствием расширения доступа к материалам российских архивов стали, например, работы А. И.Рупасова, О. Н.Кена[6], эстонского историка Магнуса Ильмярва[7] и др.

Интересующиеся историей международных отношений стран Балтии и Северной Европы могут заметить следующую закономерность: двусторонние отношения с великим восточным соседом для малых стран Северной Европы и Балтии всегда играли неизмеримо большую роль, нежели эти же отношения значили для России Советского Союза. Поэтому историков и политологов, занимающихся Россией в соседних малых странах, нередко бывает больше (относительно общего числа специалистов), чем российских ученых, занимающихся той или иной малой страной. В настоящее время необходимость в подготовке компетентных российских обществоведов, занимающихся изучением истории и современного положения стран Балтии, хорошо знающих национальную историографию этих стран, продолжает оставаться острой. Злободневность этому придает и то, что официальная историческая наука в странах Балтии, в частности в Латвии, в вопросах истории двусторонних отношений свое основное внимание сосредотачивает на концепции «трех оккупаций», которая, с одной стороны, является одной из основ общегосударственной политики, а с другой – активно используется во внешнеполитической риторике.

При наличии спорных вопросов общей истории потребность в установлении профессиональных связей с целью конструктивного и взвешенного диалога между историками России и Латвии становится особенно актуальной. На решение этой задачи с конца 1990-х годов и направлены усилия сотрудников Центра истории Северной Европы и Балтии ИВИ РАН.

Развитие связей с историками Латвии занимает одно из первых мест в деятельности центра и осуществляется в разнообразных формах – проведение двусторонних и многосторонних на-

---

[6] *Кен О., Рупасов А.* Западное приграничье: Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934. М., 2014.

[7] *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция: внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М., 2012.

учных семинаров, круглых столов и конференций, подготовка молодых специалистов – чтение лекций студентам и подготовка дипломников и аспирантов. Развиваются контакты не только с Латвийским университетом, но и с другими научными центрами Латвии. Например, с 2005 г. с. н. с. ИВИ РАН Е. Л. Назарова выступает на международных гуманитарных чтениях, организуемых университетом Даугавпилса.

Латвийские историки – Ирене Шнейдере, Гвидо Страубе, Андрис Шне – приезжали в Москву по приглашению ИВИ РАН, выступали с докладами на заседаниях Ученого совета института с характеристикой исследовательских направлений и приоритетов в латвийской исторической науке.

Важную роль играют публикации материалов и статей, которые являются результатом и отражением совместной работы российских и латвийских историков[8].

Развитие связей историков России и Латвии дополнялось институциональным оформлением двустороннего сотрудничества, что имеет большое значение для установления научного диалога. 19 октября 2000 г. был подписан протокол о намерениях между ИВИ РАН и Институтом истории Латвийского университета, который возглавлял в то время Андрис Цауне.

С 12 июня 2003 г. действует также неоднократно продлевавшийся договор о сотрудничестве между ИВИ РАН и Латвийским университетом. С российской стороны договор подписал академик РАН Александр Оганович Чубарьян, с латвийской – бывший в то время ректором университета советский и латвийский ученый-физик профессор Иварс Лацис.

В декабре 2010 г. в ходе встречи президента России Дмитрия Анатольевича Медведева и президента Латвийской Республики Валдиса Затлерса, состоявшейся в Москве, было принято решение о создании двусторонней комиссии историков. Цели и задачи комиссии, учитывая наличие многих спорных и болезненных вопросов общего прошлого, заключались в стремлении вести взвешенный профессиональный диалог, основанный

---

[8] См. подробнее: *Комаров А. А., Михайлова Ю. Л.* О развитии научных связей Института всеобщей истории РАН с историками Латвии (конец 1990-х – 2010 год) // Россия и Балтия. Диалог историков разных стран и поколений. Вып. 6. «Весь Мир». Москва. 2011. С. 223–231.

на анализе исторических событий, расширении доступа к архивным документам. Именно поэтому в состав комиссии с обеих сторон были включены как профессиональные историки, так и представители архивных служб. Учредительное заседание комиссии состоялось 14 ноября 2011 г. в Москве.

Было решено начать совместную работу над сборником документов, относящихся к истории политических, экономических и культурных связей СССР и Латвии в период между двумя мировыми войнами. Две последующие встречи включали как обсуждение текущих рабочих моментов комиссии, так и научные коллоквиумы. Согласно договоренности, целью деятельности комиссии было определено «углубленное изучение истории Латвии и России XX века, чтобы обеспечить академическое отображение малоисследованных и спорных проблем истории и отношений двух стран в широком международном контексте». Однако следует подчеркнуть, что в ходе двух проведенных на настоящий момент коллоквиумов, вопросы концепции «советской оккупации», которая напрямую связана с государственной политикой Латвии, не затрагивались.

Первый коллоквиум – он состоялся в рамках второго заседания российско-латвийской комиссии по истории 26 ноября 2012 г. в Риге – был посвящен отношениям СССР и Латвии в 1920-х – 1930-х гг. В центре внимания историков – ключевые моменты взаимоотношений Латвии и СССР, такие как мирный договор 1920 г., торговый договор 1927 г., договор о ненападении 1932 г., попытки заключения Восточного пакта. Во время визита российских историков в Ригу состоялась также встреча сопредседателей комиссии академика РАН А. О. Чубарьяна и профессора А. Зунды с президентом Латвийской Республики А. Берзиньшем.

В ходе третьего заседания комиссии, имевшего место в Москве 5 декабря 2013, был проведен еще один научный коллоквиум, посвященный проблемам истории Первой мировой войны на территории России и Латвии. Участники уделили внимание таким вопросам, как события Первой мировой войны на территории Балтийского региона (В. В. Рогинский), война за независимость на территории Латвии в 1918–1920 гг. (Я. Шилиньш), историография Первой мировой войны (А. Иванов), роль латышских стрелков в военных действиях в 1918–1919 гг., а также в период

становления независимой Латвийской Республики (А. В. Шубин, Ю. Цигановс).

Существенное влияние на тональность сотрудничества российских и латвийских историков начиная с весны-лета 2014 г. оказали события на Украине. Латвийским историкам оказалось непросто, а в некоторых случаях и невозможно абстрагироваться от внешнеполитических веяний, и с этого времени и вплоть до настоящего момента можно констатировать охлаждение отношений, по крайней мере на официальном уровне.

Так, например, директор Института истории Латвии профессор Гунтис Земитис в апреле 2014 г. в Москве после успешно проведенной презентации книги «Латыши и Латвия» в Овальном зале Библиотеки иностранной литературы высказался в пользу заключения договора о двустороннем сотрудничестве между ИВИ РАН и ИИ Латвии, который явился бы продолжением традиции, начатой в 2000 году, когда директором Института был А. Цауне. Однако позже он отказался от этой мысли, ссылаясь на невозможность в сложившихся условиях заключения подобных договоров на официальном уровне. По этой же причине не состоялась и запланированная на сентябрь 2014 года научная встреча российских и латвийских историков, которая должна была быть посвящена вопросам культурного и научного взаимодействия русских и латышей в XIX–XX вв.

Наконец, в сентябре 2014 года российская часть комиссии из латвийских СМИ узнала, что латвийские историки – члены комиссии единогласно проголосовали за приостановку ее работы. В интервью газете «Latvijas Avīze» сопредседатель А. Зунда высказал мысль о том, что в условиях конфликта на Украине невозможно *«игнорировать мораль»* и *«сидеть за одним столом с российскими историками, делая вид, что ничего не происходит»*[9].

«Мы договорились, что, руководствуясь современной ситуацией, а конкретно агрессивной политикой России против Украины, нецелесообразно созывать запланированный в декабре в Риге коллоквиум», – указал Зунда в своем интервью[10].

Решение латвийской стороны означает и приостановку работы над сборником документов, для выявления которых немало

[9] Latvijas un Krievijas vēsturnieku komisijas gals // Latvijas Avīze. 2014. 12. sept.

[10] Ibid.

сделали архивные службы России и Латвии. Это также значит, что не состоится и научная встреча, в ходе которой предполагалось обсудить вопросы общей истории периода 1939–1941 гг.

Российская сторона с момента создания и начала работы комиссии всецело поддерживала линию, направленную на ведение конструктивного неполитизированного научного диалога, без бессмысленного и непродуктивного стремления навязать другой стороне свою точку зрения на тот или иной вопрос. Остается искренне надеяться на то, что сотрудничество российских и латвийских историков будет со временем возобновлено именно на этих принципах, а контекст совместной деятельности станет менее политизированным и основанным прежде всего на взаимопонимании.

В заключение следует добавить, что авторы в своем изложении не претендовали на всестороннее освещение российско-латвийского сотрудничества в области изучения истории. Оно гораздо шире и разнообразнее. При подготовке данного текста авторы преимущественно опирались на собственный опыт, приобретенный за многие годы работы в ИВИ РАН.

Комаров Алексей Алексеевич,
к. и. н., Институт всеобщей истории РАН (Россия)
Михайлова Юлия Леонидовна,
к. и. н., Институт всеобщей истории РАН (Россия)

Владимир Симиндей

Инструментарий государственной исторической политики Латвии: воздействие на историческое сообщество

Начиная с 1990–1991 гг. полный пересмотр представлений о событиях, связанных с периодом пребывания в составе СССР, стал использоваться в Латвии на государственном уровне в качестве инструмента для переформатирования общественного сознания и закрепления новой власти. В основу «национальной» идеологической конструкции был положен тезис латышских эмигрантских кругов о странах Балтии как жертвах двух тоталитарных режимов, согласно которому советский режим подавался как «более опасный и худший» для титульных балтийских народов, чем нацистский. В попытках «не отстать от времени» заостряли этот «концепт» также еще недавно лояльные (и даже гиперлояльные) к советской власти местные историки, вплоть до провозглашения тезиса о том, что *«очевидно, нацистская пропаганда намного больше основывалась на реальных фактах и была ближе к истине, чем советская»*[11]. Следует отметить, что концепция «советской оккупации» Латвии послужила оправданием для лишения значительной части населения страны политических и ряда экономических прав. Специфический институт массового «негражданства» является одной из основ созданного в Латвии политического режима, что не может не оказывать влияния и на «жесткость» официальных трактовок исторических событий после 1940 года – в оправдание данного института. Об этом в 2005 году недвусмысленно заявила председатель комиссии по иностранным делам Сейма ЛР Вайра Пэгле: *«Если мы отказываемся от концепции оккупации, то ставим*

[11] Фраза из интервью на тот момент сопредседателя российско-латвийской комиссии историков с латвийской стороны Инесиса Фелдманиса (Latvijas Avīze. 2013. 15. feb.).

под угрозу нашу политику в отношении гражданства, в отношении неграждан и их прав и других ключевых вопросов. Понятно, что на такой шаг мы пойти не можем»[12].

Идеологические основы, которыми руководствуется латвийская историческая наука, «лояльная» государству, документально закреплены в ряде политико-декларативных актов органов власти. К ним следует отнести декларации Сейма ЛР «Об оккупации Латвии» от 22 августа 1996 года[13], «О латышских легионерах во Второй мировой войне» от 29 октября 1998 года[14] и «Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР» от 12 мая 2005 года[15]. Эти документы сохраняют свое действие до сих пор.

В частности, в декларации «Об оккупации Латвии» утверждается, что «*все время оккупации СССР целенаправленно осуществлял геноцид против народа Латвии, тем самым нарушая Кон-*

---

[12] Вести сегодня. 2005. 21 мая.

[13] Latvijas Vēstnesis. 1996. 27. aug. Nr. 143 (628). В связи с этим 4 октября 1996 года Государственная Дума ФС России приняла ответное заявление № 652-II ГД, в котором, в частности, выразила «серьезную озабоченность беспрецедентной по цинизму, откровенно антироссийской акцией Сейма Латвийской Республики», отметила «искаженное, крайне предвзятое толкование истории взаимоотношений Латвии и России после 1918 года» и провокационный характер территориальных претензий Латвии к России, а также сформулировала следующую позицию: «Данные в так называемой декларации об оккупации Латвии оценки, используемую в ней терминологию следует рассматривать как оправдание уже совершенных противоправных действий и попытку создать правовую базу для продолжения дискриминационной, унизительной политики в отношении проживающих в Латвии людей, родным языком для которых является русский и которым латвийская сторона вознамерилась придать статус оккупантов». Кроме того, в ответном заявлении декларировался принцип увязки межгосударственных политических и экономических отношений России и Латвии с правовым положением русскоязычного населения этой страны, содержался призыв к международным организациям и мировому сообществу «с тем, чтобы в целях недопущения усиления национал-радикалистских настроений в высшем законодательном органе Латвии и укрепления в этой стране режима дискриминации людей по национальному и языковому признаку была дана соответствующая правовая оценка принятой Сеймом Латвийской Республики так называемой декларации об оккупации Латвии».

[14] Latvijas Vēstnesis. 1998. 10. nov. Nr. 336. (1397).

[15] Latvijas Vēstnesis. 2005. 17. mai. Nr. 77. (3235).

венцию о недопущении геноцида и осуждении за него от 9 декабря 1948 года… Руководство СССР целенаправленно наводнило Латвию сотнями тысяч мигрантов и с их помощью пыталось уничтожить идентичность народа Латвии»[16]. Адекватность употребления международно-правового понятия «геноцид» и самодельно-политического определения «уничтожение идентичности народа Латвии» в контексте советской политики, полагаю, уважаемые коллеги оценят сами…

В декларации «О латышских легионерах во Второй мировой войне» заявлено, что «*в тридцатые годы XX века в Европе сформировалось два больших тоталитарных террористических государства. Реализация агрессивных целей этих государств началась с подписания так называемого пакта Молотова–Риббентропа, в результате которого была ликвидирована государственная независимость Латвийской Республики и ее попеременно оккупировали как СССР, так и Германия*»[17]. В этой же декларации предпринимается попытка преуменьшить нацистские преступления, ретушировать память о жертвах нацистского геноцида и глорифицировать латышских легионеров Ваффен-СС из числа добровольцев: «*Действительно, некоторая часть граждан Латвии вступила в латышский легион добровольно, но это произошло потому, что СССР в 1940–1941 годах осуществлял в Латвии геноцид. Сотни человек были расстреляны без приговора суда, десятки тысяч депортированы в отдаленные районы СССР. Германия также в это время допускала военные преступления и геноцид в Латвии, однако они затронули граждан Латвии в многократно меньших объемах. Поэтому некоторые граждане Латвии считали, что, вступая в легион, они защитят себя и свои семьи от новых массовых репрессий со стороны СССР, которые позднее действительно последовали*»[18]. Этим документом правительству Латвии вменяется в обязанность «*заботиться об устранении посягательств на честь и достоинство латышских воинов в Латвии и за рубежом*»[19]. Здесь уместно заметить, что к добровольцам можно отнести до 20% личного состава Латышского легиона СС (на конец 1944 г.),

[16] Latvijas Vēstnesis. 1996. 27. aug. Nr. 143. (628).

[17] Latvijas Vēstnesis. 1998. 10. nov. Nr. 336. (1397).

[18] Ibid.

[19] Ibid.

включая практически всех офицеров. Добровольцами также следует считать служащих латышских полицейских батальонов, включенных в состав Латышского легиона СС[20]. Далее в этой парламентской декларации безапелляционно утверждается: «*Целью призванных и добровольно вступивших в легион воинов была защита Латвии от восстановления сталинского режима. Они никогда не участвовали в гитлеровских карательных акциях против мирного населения*»[21]. Однако историкам известно, что в состав Латышского легиона СС в конце войны влился и персонал «Латышской вспомогательной полиции безопасности» СД во главе с Виктором Арайсом, специализировавшейся на осуществлении нацистской истребительной политики, включая Холокост. Да и относительно соучастия непосредственно латышских легионеров войск СС в нацистских преступлениях против мирного населения и военнопленных на территории России, Белоруссии и Польши также имеются свидетельства. Так, согласно архивным документам, в карательной операции против партизан и мирных жителей Ушачско-Лепельской зоны на территории Белоруссии (апрель-май 1944 года) участвовали не только 2-й Лиепайский и 3-й Цесисский полицейские полки (остатки которых позднее включили в дивизии Ваффен-СС), но и подразделения 15-й гренадерской дивизии Ваффен СС (1-я латышская)[22].

Концепции «советской оккупации» и «советского геноцида» являются как минимум спорными, на что неоднократно обращалось внимание российскими историками. Однако в Латвии эти историко-идеологические концепции утверждены на государственном уровне, что не могло не оказать вненаучного инструментального воздействия на деятельность латвийских историков.

---

[20] См., например: *Дюков А. Р. Симиндей В. В.* Латышский легион СС в свете Нюрнбергского трибунала // Международная жизнь. 2011. № 6. С. 141–148; *Dyukov A., Simindei V.* The Latvian SS Legion and the Nuremberg Tribunal's Decisions // International Affairs. 2011. № 4. P. 232–238.

[21] Latvijas Vēstnesis. 1998. 10 ноября. Nr. 336. (1397).

[22] Опубликованные архивные свидетельства см.: «Уничтожить как можно больше...»: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944 гг. Сборник документов / Ред. А.Р. Дюков, В.В. Симиндей и др. М.: Фонд «Историческая память», 2009. С. 266–267.

* * *

Инфраструктура государственной исторической политики в Латвии включает в себя множество взаимодополняющих элементов с государственным и неправительственным статусом, поддерживаемых «титульными» СМИ и подпитываемых из латышских эмигрантских кругов (с учетом смены поколений в эмиграции последний фактор носит затухающий характер).

Механизм перелицовки фактов по лекалам официальной идеологии в Латвии обеспечивается следующими составными частями. Главным «приводным ремнем» официальной Риги, призванным идеологически оформить и фактологически наполнить «оккупационную» риторику, используемую для выдвижения исторических и финансовых претензий к современной России, а также для обоснования дискриминационной политики в отношении значительной части русских в Латвии, лишенных гражданства в 1991 году, является созданная 13 ноября 1998 года Комиссия историков при президенте ЛР. В состав комиссии из 11 членов во главе с археологом профессором А. Цауне (в настоящее время комиссия состоит из 14 человек, председательствует академик Латвийской Академии наук профессор И. Фелдманис)[23] вошел также советник президента Латвии по вопросам истории А. Зунда (покинул этот пост в июне 2012 г. «по сокращению штатов», в конце сентября назначен сопредседателем совместной с Россией комиссии историков вместо И.Фелдманиса). «Президентские историки» активно сотрудничают с МИД ЛР, а также с Министерством образования и науки, готовя базу для составления новых учебных пособий и в целом влияя на школьное преподавание истории. Для придания весомости результатам исследовательской и пропагандистской работы Комиссии были привлечены ученые из ряда стран, получившие статус зарубежных членов, из которых, однако, далеко не все активно участвовали в работе, а некоторые и вовсе прекратили в ней числиться.

Деятельность комиссии с 1998 года выстраивалась по пяти основным направлениям, охватывающим эпохи с 1940 по 1991 годы (руководители рабочих групп – И. Шнейдере, А. Странга, И. Фелдманис, Х. Стродс, Д. Блейере). Ключевыми задачами данной структуры стали обеспечение официальных лиц тезисами для «оккупацион-

[23] См.: URL: http://president.lv/pk/content/?cat_id=7 (дата обращения: 10.03.2015).

ной» риторики и презентация на международной арене тематики «преступлений против человечества в Латвии в период советской и нацистской оккупаций»; при этом акцент делался на «преступ лениях советского тоталитаризма» – с намерением доказать «равенство» двух режимов с точки зрения преступности их идеологии и практики, но при «более тяжких» последствиях для латышей именно «советской оккупации», выразившихся в «геноциде». Оборотной стороной этой идеологической натяжки является оправдание и едва завуалированное восхваление латышских легионеров Ваффен-СС, всего лишь «надеявшихся с помощью Гитлера прогнать Сталина и вернуть независимость Латвии». Широкая репрезентация трудов комиссии на внутрилатвийской площадке и т. н. «связи с общественностью» оставалась несколько в тени «внешних» пропагандистских задач, несмотря на частое присутствие нескоторых членов комиссии в местном медийном пространстве.

Более успешное «разъяснение» латвийской официальной позиции западной аудитории предполагало, наряду с эксплуатацией негативных настроений в отношении СССР, также некоторые уступки и заверения в полном принятии демократических ценностей. В этой связи латышские историки, прежде всего – из данной комиссии, предприняли следующий маневр: приняли активное участие в обсуждении тематики Холокоста[24], оставляя без должного и сколь-нибудь приличного внимания преступления латышских коллаборационистов в отношении белорусов и русских; развивали тезис о борьбе легионеров СС только против СССР, а не всей антигитлеровской коалиции; сделали попытку вывести из-под уравнивания коммунистической и нацистской идеологии «еврокоммунизм», с учетом его интеллектуального багажа, а также актуальности и влиятельности левых настроений в Западной Европе. Постепенно латвийские историки и политики пришли к выводу, что можно признать геноцид евреев на территории Латвии, рассчитывая на то, что Израиль и еврейские общины в США и ряде других стран отступятся от критики в адрес Латвии за ее политику в отношении других нацмень-

[24] См., например: Holokausta izpēte Latvijā. Starptautisko konferenču materiāli, 2003. gada 12. – 13. jūnijs, 24. oktobris, Rīga, un 2002. – 2003. gada pētījumi par holokaustu Latvijā (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 12. sēj.). Rīga, 2004.

шинств и восхваление ветеранов Ваффен-СС как «национальных героев и жертв советского тоталитарного режима».

В значительной степени этот маневр удался: за редкими исключениями критические высказывания в адрес латвийского правительства или правосудия звучат лишь со стороны некоторых международных еврейских организаций, занятых поиском военных преступников и мониторингом антисемитизма в мире[25]. Латвийские власти в 2005 году даже пообещали возвратить еврейской общине собственность или выплатить компенсацию за то недвижимое имущество, которое ей не вернули в порядке реституции. Но в дальнейшем практическая реализация этой договоренности была отложена в долгий ящик под нажимом националистов. Не осуществлена она до сих пор.

В числе других звеньев цепочки по политической инструментализации истории стоит упомянуть следующие структуры:

- Музей оккупации Латвии (выставочно-исследовательский центр, внесенный МИД Латвии в протокол для обязательного посещения зарубежными официальными делегациями; организует различные мероприятия: от методических семинаров для подготовки в соответствующем ключе школьных учителей, до вечеров антисоветских анекдотов; планируется создание нового грандиозного корпуса этого музея в Старой Риге (с двусмысленным названием «Дом будущего»), что вызвало смущение у части латвийских архитекторов и прочих представителей интеллигенции);
- Военный музей Латвии, поднадзорный министерству обороны (собирает документы из частных коллекций и артефакты «подвигов» латышских легионеров СС, проводит специализированные выставки, конференции, презентации книг, например о кавалерах гитлеровских Железных крестов)[26];

---

[25] Наиболее принципиальную позицию в постсоветский период по этому вопросу занимал Центр Симона Визенталя.

[26] Откровенным прославлением латышских легионеров СС Военный музей Латвии отметился, например, 14 декабря 2005 года, предоставив свои помещения для презентации книги Удо Интиса Сиетиньша «За землю, которую любим… Латышские кавалеры Железного креста». В этом издании, подготовленном по распоряжению эмигрантского Союза кавалеров Железного креста, с гордостью подчеркивается, что высоких наград Гитлера удостоились почти 4000 латышей.

- Центр документации последствий тоталитаризма в Бюро по защите Конституции – главной латвийской спецслужбы (хранит агентурно-учетные карточки – «мешки КГБ», ранее довольно активно участвовал в презентациях репрессивной деятельности советских спецслужб и ретушировании связей руководства Политуправления полиции Латвии с абвером и СД накануне и в начале Второй мировой войны)[27];
- Правительственная комиссия по подсчету ущерба от «советской оккупации» (в полном варианте названия – «Комиссия по определению количества жертв и массовых мест захоронений тоталитарного коммунистического режима оккупации СССР, обработке информации по репрессированным и массовым депортациям и подсчету ущерба, нанесенного латвийскому государству и его жителям»), созданная в соответствии с декларацией Сейма ЛР от 12 мая 2005 года под председательством руководителя департамента обеспечения Госканцелярии Эдмунда Станкевичса.

* * *

На Комиссии по подсчету ущерба от «советской оккупации» стоит остановиться отдельно. 28 апреля 2008 года Кабинет министров Латвии заслушал информационное сообщение о промежуточных итогах и планах работы комиссии, в котором ее глава Э. Станкевичс заверил руководство страны, что работа идет полным ходом, при этом называть конкретные сроки ее завершения и какие-либо предварительные финансовые цифры не стал. Однако, согласно латвийским СМИ, в кулуарах правительства и Сейма фигурировал ориентир в 50 млрд долларов. Члены комиссии отчитались за уже проведенные 20 заседаний и несколько загранкомандировок, в том числе в Россию. К результатам своей деятельности они отнесли разработку методики подсчета дохода на душу населения Латвии в 1935–1940 гг., а также сбор макроэкономических показателей страны за этот период для последующего сравнения с данными государств, сохранивших рыночную эко-

[27] См., например, статью специалиста Центра документации последствий тоталитаризма в Бюро по защите Конституции ЛР, ныне депутата Сейма Латвии, бывшего замдиректора «Музея оккупации» Ритварса Янсонса: *Jansons R.* Kara un genocīda noziegumus izmeklējot // Latvijas Vēstnesis. 2002. Nr. 62. (2637).

номику в послевоенный период. Сообщалось также, что ведется работа по созданию оптимальной модели «альтернативного прошлого». Вопрос о том, чем прямое наложение показателей, без учета реальных или действительно наиболее вероятных геоэкономических и социально-политических условий, отличается от «средней температуры по палате», так и остался без ответа.

Комиссия Э. Станкевичса сосредоточила свое внимание и на демографических потерях республики за советский период и влиянии фактора размещения советских войск на территории Латвии. Разработчики полагают, что выведенная ими формула позволит подсчитать предположительные потери от непроизведенного ВВП за счет «выпадения» из экономики республики почти 58 тысяч репрессированных и сосланных всех возрастных групп в сталинский период. Охват последующих лет вызвал некоторые сложности, однако члены комиссии нашли экологический ущерб, а также косвенные демографические потери Латвии в участии ее жителей в ликвидации катастрофы на Чернобыльской АЭС и действиях советских войск в Афганистане.

В последующие годы латвийские политики и аффилированные с властными институтами историки приступили к переформатированию структур, ответственных за взращивание «национально-исторической идентичности», пропаганду и детализацию «оккупационной» версии истории пребывания Латвии в составе СССР, а также за обоснование историко-финансовых претензий к современной России. Катализатором изменений стал глубокий экономический кризис в Латвии, повлекший за собой сокращение государственных расходов и перевод в 2009-2010 гг. пропагандистских структур на преимущественно внебюджетное финансирование. При оценке эффективности государственной исторической политики ЛР также звучала критика в адрес ведущих ученых, не сумевших продемонстрировать достаточную гибкость и продуктивность в своей работе. Дополнительным стимулом перевода активности в плоскость НГО стали надежды на получение более устойчивого финансирования историко-политических изысканий из еврофондов, подкрепленные предварительными договоренностями об этом ряда депутатов Европарламента от Латвии. Однако оказалось, что без государственного софинансирования многие проекты не могут рассчитывать на покрытие всех затрат из еврофондов.

Первой «жертвой» режима государственной экономии стала «оккупационная» комиссия при правительстве Латвии. С 1 августа 2009 года деятельность этой структуры была приостановлена на неопределенное время[28]. При этом данный шаг был представлен латвийскими дипломатами как «жест доброй воли» и «дружественный шаг» по отношению к России. Однако уже осенью 2009 года появилась инициативная группа во главе с тем же Э. Станкевичсом, призванная создать на базе «замороженной» правительственной комиссии – неправительственную организацию «Общество по изучению оккупации Латвии» (ОИОЛ)[29].

Оформление и запуск деятельности ОИОЛ заняли почти год, увенчавшись проведением 5 августа 2010 года общего собрания организации в здании Латвийской Академии Наук. Согласно уставу ОИОЛ, ее работа *«направлена на защиту прав человека и прав индивида для жителей Латвии, пострадавших от режима оккупации, развитие гражданского общества, стимулирование образования, науки и культуры»* в рамках выполнения декларации Сейма от 12 мая 2005 года. Предполагаемые практические итоги деятельности ОИОЛ определены как установление степени и форм влияния «советской оккупации» на современное латвийское общество, определение суммы «ущерба» и внесение вопроса о «компенсациях» со стороны России в повестку дня переговоров по линии Россия – ЕС.

В состав организации вошли более 40 политиков, историков, юристов, экономистов и демографов, в том числе Г. В. Кристовскис (в прошлом составе правительства – министр иностранных дел), А. Мичулис (юрист, чиновник Министерства регионального развития и по делам самоуправлений), И. Залите (бывший руководитель Центра документации последствий тоталитаризма при БЗК[30]). ОИОЛ отметилось проведением в Риге конференции

---

[28] В Латвии распустили комиссию по подсчету ущерба от «советской оккупации» // Время новостей. 2009. 18 июня.

[29] См. сайт ОИОЛ. URL: www. loib.lv.

[30] Бюро по защите Конституции, Satversmes aizsardzības birojs, SAB – невоенный институт государственной безопасности Латвии. Обладает правом прослушки телефонных разговоров, обнаружения шпионов, вербовки агентов за рубежом. SAB является головным органом по осуществлению разведывательных и контрразведывательных функций, а также защите секретов НАТО и ЕС.

«Причиненный Советским Союзом ущерб в Балтии» (17–18 июля 2011 года) и выпуском книги И. Упмалиса, Э. Тилгасса и Э. Станкевичса «Латвия под властью советских милитаристов. 1939–1999»[31], презентованной 14 июня 2012 г. в Военном музее. В данной книге авторы насчитали по непрозрачной методике «ущерб» только от пребывания советской (российской) армии на территории Латвии в размере около 5,8 млрд долларов США, оговорившись при этом, что данная работа носит «не академический, а популярно-исследовательский» характер. Однако ставки росли, и уже в 2013 году представители ОИОЛ оценивали общий «ущерб» для Латвии от СССР ни много ни мало в 200 млрд латов[32].

* * *

Определенные проблемы возникли и у Комиссии историков при президенте Латвии, выпускавшей в последние годы всего по одному - два тома исследований и рефератов[33]. Придать «динамизма и напористости» официальной структуре призван был ее новый председатель И. Фелдманис, вступивший в должность в январе 2010 года. В числе озвученных И. Фелдманисом планов работы комиссии на 2010–2012 гг. значились укрепление взаимодействия с МИД ЛР, особенно в вопросах российско-латвийских отношений (тематика «открытия» российских архивов, латвийские захоронения на территории России, информационно-пропагандистское обеспечение, работа с иностранными членами комиссии), издание книги членов комиссии Карлиса Кангериса, Улдиса Нейбургса и члена двусторонней комиссии историков с Россией[34] Рудите Виксны о Саласпилсском концлагере[35]). Од-

---

[31] *Upmalis I., Tilgass Ē., Stankēvičs E.* Latvija Padomju militāristu varā 1939–1999. Rīga: LOIB, 2010.

[32] Новый подсчет ущерба от оккупации Латвии - 200 миллиардов латов // Freecity.lv. 2013. 23 авг. URL: http://www. freecity.lv/obshestvo/3206/ (дата обращения: 21.05.2015). 200 млн латов составляли до утраты Латвией национальной валюты около 320 млн долларов США.

[33] С 1999 по 2015 г. выпущено 28 сборников, в 2013–2014 годах сборники не выпускались.

[34] О Российско-латвийской комиссии историков см. ниже.

[35] См.: *Kangeris K., Neiburgs U., Vīksne R.* Aiz šiem vārtiem vaid zeme. Salaspils nometne 1941–1944. - Rīga: "Lauku Avīze", 2016.

нако книгу этих трех авторов «За этими воротами стонет земля: Саласпилсский лагерь 1941–1944» удалось выпустить в свет только в январе 2016 года, зато презентовать с помпой: поздравление от и. о. премьер-министра Лаймдоты Страуюмы, личное присутствие на презентации и жаркая речь спикера Сейма от ультранационалистов Инары Мурниеце, обещания широкого распространения не только на латышском языке, но и на русском, английском...

* * *

На книге У. Нейбургса, К. Кангериса и Р. Виксне стоит остановиться подробнее, ибо она стала долгожданным (фактически с 2010 года) для властей Латвии образчиком эффектной инструментализации государственной исторической политики по чувствительной для общества тематике. Книга, названная монографией, издана в соответствии с решением научного совета Института истории Латвии Латвийского университета от 19 октября 2015 года. Ее рецензентами также выступили историки «своего круга»: американский профессор латышского происхождения Андриевс (Эндрю) Эзергайлис, среди прочего – член редколлегии «Журнала Института истории Латвии», а также Айварс Странга, профессор Кафедры новой и новейшей истории Латвии и Восточной Европы все того же Латвийского университета. Несмотря на прохождение этих формальностей, книгу было решено издавать вовсе не в академическом издательстве «LU Akadēmiskais apgāds», а в популярном среди этнонационалистов издательстве «Lauku Avīze». Финансовыми спонсорами издания при этом на обороте титула указаны самоуправление Саласпилсского края и зарегистрированный в США латышский эмигрантский фонд «Latviešu Fonds», имеющий богатый стаж работы в годы Холодной войны (основан в 1970 году). В предисловии добавлено еще и указание на спонсорскую помощь со стороны издательства «Lauku Avīze», имеющего тенденцию выпускать литературное чтиво о прошлом с националистическим и национально-ностальгическим уклоном.

Обращает на себя внимание тот факт, что в названии книги без кавычек использована фраза «За этими воротами стонет земля», которая представлена на входе в Саласпилсский мемориальный комплекс, открытый в 1967 году. Более того, ни в предисло-

вии, ни во введении не указано ни то, что это именно цитата со входной композиции, ни авторство. А ведь знатокам данной темы хорошо известно, что эта надпись отсылает к стихотворным образам узника Саласпилса, Штуттгофа и Маутхаузена, известного латышского советского поэта Эйжена Вевериса (1899–1976) – его фамилии вообще нет в именном указателе новой книги.

При некорректном заимствовании надписи из Саласпилсского мемориального комплекса в названии этого труда сама проблематика увековечивания страданий узников затронута на удивление даже не факультативно, а вообще фрагментарно. В содержании книги К. Кангериса, У. Нейбургса и Р. Виксне отсутствует не то что глава, но хотя бы специальный параграф о мемориализации и коммеморации памяти жертв Саласпилсского концлагеря, а имеются лишь отрывочные фрагменты об обстоятельствах и процессе создания мемориального ансамбля, причем поданные нарочно в негативной коннотации, густо пересыпанные рассуждениями авторов:

- о «идеологии Саласпилса»;
- «отвлечении внимания в широких кругах общества от жертв сталинизма, с акцентом вместо этого на содеянном нацистами»;
- «влиянии мифов социально-политической истории на современное постсоветское общество»;
- прочей важности «формировать продуманную и сбалансированную политику памяти»[36].

Среди диспропорций в структуре книжного текста особо выделяется тот факт, что авторы из 432 страниц позволили себе «раскрыть» темы «Администрация лагеря» на 5 страницах, а «Охрана лагеря» – аж на 3 (!) страницах. Неудивительно, что Конрад Калейс (1913–2001), командовавший внешней охраной Саласпилсского концлагеря, упомянут в трехстраничном параграфе вскользь и лишь один раз, не считая сноски, хотя архивные и следственные материалы по нему содержат в себе немало подробностей, интересных для исторической науки и общества. Не будем забывать и то, какую роль в защите обвинявшегося в военных преступлениях Калейса играл не кто иной, как рецензент данной кни-

[36] *Kangeris K., Neiburgs U., Vīksne R.* Aiz šiem vārtiem vaid zeme. Salaspils nometne 1941–1944. – Rīga: "Lauku Avīze", 2016. 11. – 19. lpp.

ги Андриевс (Эндрю) Эзергайлис, выступивший с письменными показаниями в Мельбурнском суде в 2001 году. В них Эзергайлис пытался повлиять на суд с тем, чтобы не допустить депортации Калейса в Латвию, где ему якобы не был бы обеспечен справедливый суд, потому что *«было сказано, что он нацист, и на Латвию оказывалось серьезное международное давление, чтобы она его покарала»*, так как *«Латвия добивается принятия в ЕС и НАТО. Преследование мистера Калейса – цена членства»*, а само требование о выдаче Калейса *«мотивируется не искренним желанием наказать военного преступника, а, скорее, желанием показаться миру в роли наказывающих лицо, которому приписан нацизм»*[37]. В результате различных проволочек и ухищрений Калейс, лишенный гражданства США еще в 1994 году из-за вранья о своей биографии в годы Второй мировой войны, так и не был предан суду за свои злодеяния.

Авторы настаивают на недопустимости использования на именования «лагерь смерти» и неправильности преимущественного употребления слова «концлагерь» в отношении Саласпилса, акцентируя внимание на нацистской типологии лагерей, согласно которой он представлял собой «расширенную полицейскую тюрьму и воспитательно-трудовой лагерь». При этом напрочь отметаются аргументы, согласно которым лагерь фактически выполнял функцию концентрации заключенных, формально имея иное подчинение. Также игнорируется, что для абсолютного большинства строивших бараки евреев это место стало воистину «лагерем смерти».

Анализ текста помпезно встреченной и активно продвигаемой госструктурами Латвии книги показывает, что авторы намеренно трактуют неполные сведения в сторону занижения числа жертв при отбрасывании целого ряда ценных источников как якобы «недостоверных». Особому шельмованию подвергаются материалы Чрезвычайной государственной комиссии Латвийской ССР, протаскивается мысль о презумпции недостоверности этих документов в сравнении с документами немецкого происхождения или отдельными свидетельствами постсоветского периода. Так, К. Кангерис, У. Нейбургс и Р. Виксне предпочитают считать, что «во время строительства Саласпилсского лагеря

[37] Цит. по: *Краснитский А.* Калейс в ответе за гибель 296 узников Саласпилса // Час. 2001. 16 мая.

число умерших евреев могло достигнуть 1000 персон», а всего их якобы было задействовано «до 1500–1800». Внятные методические и фактические основания для такого «минималистского» подхода к подсчетам на страницах книги приведены не были. При этом приводившийся ранее известным латвийским историком Маргером Вестерманом диапазон численности строителей лагеря (от 2,5 до 5 тысяч человек) был попросту проигнорирован[38].

В книге используется понятная неполнота и неточности в свидетельствах очевидцев (в основном – узников концлагеря) для отрицания этих свидетельств, если они кажутся им преувеличенными, однако готовы всерьез опираться в своих расчетах на отдельные «выгодные» свидетельства. Так, например, цитируя воспоминания Карлиса Сауснитиса 1960-х годов на странице 46, авторы сомневаются в приводимых К. Сауснитисом цифрах о количестве узников, однако при этом за абсолютную правду принимают воспоминания из 1990-х годов бывшего узника Артура Непартса (узника не простого, а связанного с администрацией концлагеря – помощника старосты). Более того, данные по погибшим в Саласпилсе в период с мая 1942 года до сентября 1944 года взяты из воспоминаний лишь одного бывшего заключенного, которым как раз и был… А. Непартс[39]. Именно эти цифры (от 592 до 802 человек) авторы выдают за самые достоверные. Другим примером может служить махинация с численностью жертв нацистской карательной акции «Зимнее волшебство» в 1943 году на территории Белоруссии и России, в которой преимущественно участвовали коллаборационисты из Латвии. Утверждается, что в ходе этой акции в Саласпилсский лагерь всего было отправлено около 4000 человек, тогда как только за два из четырех периодов проведения этой карательной экспедиции задокументирован 3951 новый узник. Также без должной критики утверждается, что в ходе «Зимнего волшебства» было убито 3904 человека, тогда

---

[38] В частности, см. материалы данного автора на немецком языке: *Vestermanis M.* Die nationalsozialistischen Haftstätten und Todeslager in okkupierten Lettland 1941–1945 // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Herausgegeben von U. Herbert, K. Orth und Ch. Dieckmann. Band I. Göttingen: Wallstein Verlag, 1998.

[39] *Kangeris K., Neiburgs U., Vīksne R.* Aiz šiem vārtiem vaid zeme. Salaspils nometne 1941–1944. – Rīga: "Lauku Avīze", 2016. 402. lpp.

как известно, что немецкие и латышские каратели не утруждали себя точным подсчетом расстрелянных, и особенно сожженных в деревнях. Совокупный анализ разных источников и отдельных эпизодов позволяет утверждать, что эта «твердая цифра» занижена не менее чем в 2,5 раза[40].

В снискавшем приветствие и поддержку на правительственном уровне издании утверждается, что, *«хотя дети в Саласпилсском лагере содержались в весьма тяжелых и травмирующих условиях, нет оснований считать, что там проводились массовые убийства детей. Нельзя отрицать, что часть детей (по большей части самые маленькие), привезенных в Саласпилс, здесь умерли (данные колеблются между 250 и 650 умершими), но это явилось результатом неполноценного питания, голода, болезней и эпидемий, а не последствием медицинских экспериментов»*[41]. Оставим на совести Нейбургса сотоварищи убежденность в том, что массовый забор крови (множество свидетельств которого отрицать не получается) не влиял на ослабленные организмы детей и не приводил к смерти. Но и здесь мы обнаруживаем схожую с вышеописанной махинацию с численностью детей, погибших в концлагере по версии авторов (250–650 детей): данные только одного акта Чрезвычайной государственной комиссии Латвийской ССР об эксгумации 632 детских трупов разного возраста на Гарнизонном кладбище в Саласпилсе[42] в значительной степени превышают минимальные «предположения» этих трех авторов. И такие примеры «арифметической химии» от Кангериса, Нейбургса & Виксне отнюдь не единичны…

Таким образом, книга трех латвийских историков «За этими воротами стонет земля: Саласпилсский лагерь 1941–1944», названная монографией, на самом деле представляет собой с точки зрения исторической науки эрзац-продукт – своего рода спред из научных, иллюстративных и политико-публицистических ин-

---

[40] Подробнее см.: «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль – март 1943 г.: Документы и материалы. М.: Фонд «Историческая память», 2013.

[41] *Kangeris K., Neiburgs U., Vīksne R.* Aiz šiem vārtiem vaid zeme. Salaspils nometne 1941–1944. – Rīga: "Lauku Avīze", 2016. 399. lpp.

[42] Латвийский государственный исторический архив (Latvijas Valsts Vēstures arhīvs). Ф. P-132. Оп. 30. Д. 27. Л. 29.

гридиентов, с признаками и примерами недопустимой махинации с количественными показателями, вопиющим волюнтаризмом в использовании источников и свидетельств, отсутствием единой и внятной методики в работе с документами.

* * *

В последние годы разворачивается дискуссия о смене статуса Комиссии историков при президенте ЛР, выведении ее из-под патронажа главы государства и его канцелярии, возможно, под эгиду правительства, о недостатках в стратегическом планировании ее работы и тактике связей с общественностью.

11 октября 2010 года в Риге состоялась презентация работы нового фонда «Малая библиотека истории Латвии». Председателем правления фонда стал по совместительству председатель Комиссии историков при президенте Латвии И. Фелдманис. Комментируя необходимость создания фонда, он отметил: *«Мы пришли к выводу, что во многих вопросах, в том числе в интерпретации истории, мы потеряли "гандикап", имевшийся после восстановления независимости. Ставится под сомнение даже легитимность латвийской государственности».* По его словам, одним из мотивов образования новой структуры стало осознание того, что *«Латвия находится под постоянным влиянием российского информационного поля».* Миссия фонда состоит в том, чтобы выработать «иммунитет» у латышей к «русско-советским мифам» и ослабить их влияние на западную общественность, а основная концепция характеризуется девизом в духе ультраправых речовок: *«Нация, государство, Европа».*

Руководством фонда были озвучены весьма амбициозные планы – издать около 60 книг на латышском, английском, немецком, французском и русском языках по основным проблемам истории Латвии. В целом, по словам И. Фелдманиса, «*латвийским историкам следовало бы занимать более агрессивные позиции, реагируя на вещи, затрагивающие государственность Латвии и исторические ценности латышской идентичности, особенно в отношении событий XX века*». Стоит отметить, что «эластичность» фонда по сравнению с комиссией позволяет закладывать в его труды еще более радикальные и популистские тезисы, и при этом «окормлять» всю профессиональную среду латвийских историков. Первой попыткой установления «всеохватного» контроля над историческим сообществом стал проведенный 16–17 сентября

2011 года под эгидой фонда I Конгресс историков Латвии, в ходе которого произошел весьма характерный эпизод.

Выступая на открытии конгресса, президент ЛР Андрис Берзиньш заявил: *«Латвии не нужно однобокое, строго национальное, видение истории. Исследуя историю Латвии, надо помнить, что это история не только латышей, но и многих других народов. Специфика Латвии в том, что здесь веками рядом с латышами жили немцы, русские, поляки, евреи и другие народы. Нельзя об этом забывать. Взвешенный взгляд и оценка будут способствовать чувству принадлежности к Латвии среди нацменьшинств, помогут сплоченности, консолидации»*. Однако уже через несколько дней данное заявление президента было фактически дезавуировано председателем Комиссии историков при президенте ЛР И. Фелдманисом, заявившим: *«Большая часть жителей Латвии должна смириться с тем, что они являются потомками оккупантов, но они не должны нести за это ответственность и сами же должны меньше говорить об этом [...] Оккупация является красной линией нашей истории. Мы от этого дела никогда не откажемся»*[43]. Таким образом, попытка президента А. Берзиньша скорректировать узконационалистический взгляд политической верхушки на историю Латвии наткнулось на противодействие историков, сделавших карьеру на обслуживании официальных историко-идеологических тезисов с 1990-х годов.

* * *

Принятое в 2010 году решение о создании совместной комиссии историков России и Латвии вызвало большую ажитацию среди государственных деятелей и официальных историков Латвии, сделавших целый ряд заявлений, наглядно свидетельствующих об идеологических основах и политических устремлениях этой части комиссии. Выделим наиболее яркие постулаты.

Во-первых, госсекретарь МИД ЛР А. Тейкманис открыто транслировал латвийским ученым-историкам политическую установку официальной Риги: *«Не может быть и речи о том, что наши историки придут к каким-то абсолютно новым выводам. Мы свою историю переписывать не будем и не собираемся этого делать. Ни на йоту»*[44].

[43] Latvijas Radio. 2011. 21. sept.

[44] Latvijas Avīze. 2011. 11. janv.

Во-вторых, председатель Сейма ЛР С. Аболтиня 11 января 2011 года заявила латвийским СМИ, что «советская оккупация» Латвии является таким же «неоспоримым» и «фундаментальным» фактом, как и Холокост. Данное высказывание одного из высших должностных лиц государства является своего рода «домашней заготовкой», нацеленной в стратегической перспективе на раскручивание спекуляций по уравниванию Холокоста и «советского геноцида латышей». Эта схема рассчитана на ретуширование тематики соучастия латышей в тотальном уничтожении евреев на оккупированной нацистами территории Латвии и подкрепление политико-финансовых претензий к современной России.

В-третьих, руководитель Комиссии историков при президенте ЛР И. Фелдманис, кандидатура которого была выдвинута официальной Ригой в сопредседатели двусторонней комиссии историков[45], в беседе с журналистами подчеркнул: *«Мы основали „Фонд малой библиотеки истории Латвии“, чтобы сопротивляться политике пропаганды, которую Россия ведет против Латвии и других республик бывшего СССР. Их цель – изменить нашу национальную идентичность […] Цель их пропаганды – достичь, чтобы отношение латышей к России становилось все более доброжелательным и чтобы Латвия становилась все более русской»*. Он также заявил о недопустимости отступления от «оккупационного стандарта»: *«Я тут хочу бросить камень в огород латвийской журналистики. Я не понимаю, почему СМИ, конкретно Латвийское Радио, осмеливается проводить двусмысленную дискуссию о том, была или не была (советская) оккупация. Это же совершенно ясно, что была! Что тут еще мусолить? Это – красная линия, которую нельзя нарушать! Факт оккупации неоспорим! Почему деятельность СССР надо оценивать иначе, чем деятельность нацистской Германии?»*[46] 22 декабря 2011 года Фелдманис еще раз отметил*: «Наша позиция по событиям 1939–1940 гг. прошлого века тверда. Работа* (совместной) *комиссии будет направлена в такое русло, чтобы быть полезной для Латвии».*

---

[45] Распоряжение Президента Латвийской Республики Андриса Берзиньша «О членах Латвийско-российской совместной комиссии историков» и их подчиненности от 01 августа 2012 года // LETA. 2012. 2 авг.

[46] Latvijas Avīze. 2010. 3 dec.

31 января 2011 года в Рижском замке прошла встреча нынешнего состава латвийской комиссии историков с президентом ЛР Валдисом Затлерсом, на которой был оглашен список участников латвийской части двусторонней комиссии историков с Россией из 7 человек.

Особое внимание привлекло назначение сопредседателем комиссии И. Фелдманиса, известного своими ультранационалистическими взглядами. Позицию Фелдманиса можно проиллюстрировать следующим фрагментом из интервью с ним, опубликованным в июле 2008 года: *«Советские и российские историки всегда утверждали, что Саласпилс был лагерем смерти. Ничего подобного! Под лагерями смерти в научной литературе понимают лагеря, где жертв убивали сразу после их привоза. Ничего подобного в Саласпилсском лагере не происходило. Некоторые русские историки по меньшей мере в пятьдесят раз преувеличили численность погибших в этом лагере: всего там было уничтожено лишь только 2 тысячи человек, а не 100 тысяч. Одновременно там могли находиться только от двух до трех тысяч человек – такая вот расширенная тюрьма. Лагерь строили привезенные из Германии евреи, и из них какая-то тысяча в Саласпилсе погибла...»*[47] Характерно, что Фелдманис усматривает в пособничестве нацистам полезную для латышей деятельность и даже своего рода движение Сопротивления. Вот как выглядит этот по-своему выдающийся образчик изворотливой мысли: *«В данном случае вместе с такими терминами, как „коллаборация“ (обычное сотрудничество с оккупантами) или „коллаборационизм“ (предательское сотрудничество) можно использовать дефиницию „тактическая коллаборация“, обозначив с ее помощью сотрудничество с немецкой оккупационной властью, направленное на достижение таких целей, которые, так или иначе, отвечали интересам латышского народа. Достоин обсуждения и вопрос о том, можно ли воспринимать и выделять тактическую коллаборацию как определенную форму движения сопротивления»*[48].

---

[47] NRA. 2008. 21 jūl.

[48] *Feldmanis I.* Okupācija, kolaborācija un pretošanās kustība Latvijā // Okupācija, kolaboācija, pretošanās: vēsture un vēstures uztvere. Starptautiskās konferences materiāli 2009. gada 27. – 28. oktobrī Rīgā: Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti, 26. sēj. Rīga, 2010. 173. lpp.

Можно констатировать, что официальная Рига решила «сыграть на обострение» в январе 2010 года, утвердив кандидатуру И. Фелдманиса в качестве руководителя Комиссии историков при президенте Латвии и создав административные предпосылки для его выдвижения на аванпост двусторонней комиссии историков. Подлили масла в огонь негативистские и запретительные жесты МИД и БЗК Латвии в адрес сотрудников российского фонда «Историческая память» зимой-весной 2012 года. При этом последовавшая осенью 2012 года рокировка крайне одиозного Фелдманиса на «не менее своего» Зунду, по сути, ничего не поменяла.

Спустя год после прихода на должность главы государства Андриса Берзиньша, летом 2012 года в Латвии обострилась обстановка в кругах провластных историков. Занимающий агрессивно-наступательную позицию по «оккупационной» риторике в адрес России И. Фелдманис постепенно утрачивал былое влияние. Его коллега, советник президента по вопросам истории и нацменьшинств А. Зунда с 28 июня 2012 года лишился своей должности, занимаемой с 1998 года. Эту отставку можно связать с общей «политической изношенностью» советника по истории, а также его рекомендациями по «неосторожному» оправданию и восхвалению латышских легионеров СС, обернувшимися для «президента-прагматика» А. Берзиньша заметными репутационными неудобствами весной 2012 года, а также отсутствием у нового главы государства зацикленности на историко-риторической тематике.

* * *

Конкурирующей со «старыми» официальными историками структурой в 2010-х гг. выступил Центр изучения социальной памяти (ЦИСП), созданный при Институте социально-политических исследований (директор Я. Икстенс) Факультета социальных знаний Латвийского университета (ЛУ). Протокол о намерении создания этого центра на базе профессорско-преподавательского состава ЛУ в марте 2012 года подписали министр культуры Ж. Яунземе-Гренде и ректор ЛУ М. Аузиньш. Было создано специальное Общество в поддержку данного центра (председатель правления М. Капранс), на счетах которого планируется аккумулировать часть субсидий, пожертвований

и средств из еврофондов на уставные цели и конкретные проекты нового центра.

Неудивительно, что только еще создаваемый ЦИСП успел подвергнуться острой критике из уст официальных академических историков, стерегущих свое фактически монопольное положение, за «неприемлемый политологический уклон», а со стороны национал-радикалов на страницах газеты «Latvijas avīze» – за «риск размывания устоявшихся исторических позиций». Однако центр парировал эти выпады открывающимися возможностями для «междисциплинарных экспертиз» в интересах МИД и Минкультуры ЛР, выходящих за рамки узких исторических интерпретаций. Разрядить обстановку было призвано и обещание ЦИСП наладить рабочие взаимоотношения с Историко-философским факультетом ЛУ.

Также В. Зелче решительно отвергла все упреки националистов и догматиков в «нестойкости взглядов», указывая в своих интервью о намерении сосредоточиться на борьбе, пусть и не всегда прямолинейной, с «советско-российским засильем» в социальной памяти латышей и латвийцев. Более того, она подчеркивает, что удостоилась доверия и поддержки со стороны американцев, получив престижный грант для полугодовой стажировки в США и подготовки книги о «войнах памяти» между Россией и странами Балтии.

Основатели и активисты ЦИСП предложили президенту ЛР А. Берзиньшу, как казалось, «более хитрую» по сравнению с «академиками» концепцию получения политических дивидендов и избегания имиджевых потерь от эксплуатации военно-исторической тематики. В ее основе лежала идея выделить небольшую часть «лояльных» ветеранов-красноармейцев местного происхождения (как правило, этнических латышей) и организовать их публичное «примирение» с легионерами СС на основе признания континуитета Латвийской Республики и «оккупационных» постулатов. Софистическая формула «примирения» предложена следующая: *«Ни легионеры, ни красноармейцы не воевали под правильными знаменами, но и у тех, и у других основной враг был правильный!»* Пропагандистский эффект от реализации этой затеи был рассчитан не только на внутреннюю аудиторию, но и на внешнюю: Латвия-де уже все встречные шаги по примирению в обществе сделала, «мяч» на стороне России...

24 октября 2013 года президент Латвии Андрис Берзиньш в ответ на предложение министра-радикала Яниса Борданса снести памятник советским воинам – освободителям Риги от немецко-фашистских захватчиков заявил: *«Человек, занимающий пост министра юстиции, а также временно и министра культуры, не может себе позволить такие выступления. Поступки Борданса неприемлемы»*[49]. Впрочем, примирительные инициативы самого президента также забуксовали. После ряда встреч с советскими ветеранами и лицами, воевавшими на стороне гитлеровской Германии, глава латвийского государства так и не смог выдвинуть проект соглашения, устраивающий все стороны. Попытки же правящих кругов построить примирение на принципе *«обоюдно-насильственного и преступного призыва латышей как в Красную армию, так и в Ваффен-СС»*, не нашли поддержки у ветеранов.

* * *

В феврале 2013 года в Латвии разразился скандал вокруг поправок к закону о научной деятельности, которые возлагали бы на ученых обязанность прекращать свои исследования, если они, по заключению органов безопасности, могут создать угрозу национальной безопасности. Эти поправки вызвали широкое возмущение в академических кругах, прежде всего за рубежом. В результате вынужден был вмешаться и президент Латвии Андрис Берзиньш, отправивший закон в Сейм на повторное рассмотрение с формулировкой, включающей в себя следующий пассаж, имеющий, на наш взгляд, иронический оттенок: *«Хотя интересы научной деятельности и национальной безопасности действительно нередко соприкасаются, однако национальная безопасность не является и не может быть в законе определена в качестве цели всей научной деятельности»*[50].

Другим полем проявления активности спецслужб стало преследование отдельных ученых и публицистов, чьи взгляды и вы-

---

[49] Президент Латвии: только «злые духи» Минкульта могли породить идею о сносе памятника советским солдатам // Newsru.com. 2013. 24 октября. URL: http://newsru.com/world/24oct2013/monument.html (дата обращения: 21. 05. 2015).

[50] Из письма президента ЛР А. Берзиньша к председателю Сейма ЛР С. Аболтине с требованием повторного рассмотрения поправок к Закону о научной деятельности от 22 февраля 2013 года // www.president.lv. 2013. 25 февраля.

сказывания вызывали острое неприятие влиятельных националистических кругов. Среди примеров – попытки преследования Сергея Крука (Университет им. Страдыня), Андрея Бердникова (Латвийский университет), Александра Гильмана (публицист в латвийских СМИ)[51].

Наряду с «закручиванием гаек», особенно усилившимся после начала конфликта на востоке Украины (и его интерпретации как «агрессии России»), наблюдается расконсервация и более интенсивное задействование старых инструментов государственной исторической политики. Так, 5 ноября 2013 года правительство Латвии возобновило работу комиссии по подсчету ущерба от так называемой «советской оккупации». Лоббистом данного решения выступило министерство юстиции, контролируемое национал-радикалами из «Национального союза». Финансирование деятельности комиссии, прерванное из-за кризиса с 1 августа 2009 года, получило поддержку фракций правящей коалиции в Сейме. Состав комиссии подчеркивает ее госстатус: среди ее членов – представители прокуратуры, министерств экономики, обороны, иностранных дел и регионального развития, а также Военного музея, Центра исследования Балтии и Севера, Музея оккупации, Общества исследования оккупации, Латвийского университета. О мотивации воссоздания «умершей» комиссии еще в 2012 году поведал министр юстиции Я. Борданс. По его мнению, ответственной за «советскую оккупацию» Латвия считает правопреемницу Советского Союза – Россию.

12 сентября 2014 года участники латвийско-российской комиссии историков со стороны Латвии объявили о своем решении приостановить работу в ней. Такой шаг подается как ответ на события вокруг Украины и мотивируется некими «моральными соображениями», без расшифровки таковых. Тут уместно задать риторический вопрос: «Разве кто-то из российских членов комиссии поехал воевать?» Однако есть и другая трактовка дан-

[51] Так, 29 июня 2012 г. полиция безопасности ЛР возбудила уголовное дело (процесс) по статье 74 (1) Уголовного закона против экс-депутата Рижской думы А. Гильмана, утверждавшего в одной из своих публикаций на примере истории своей семьи, что депортацию его еврейских родственников из Латвии 14 июня 1941 года организовывали люди латышской национальности. Дело не было доведено до суда.

ного демарша: задействованные в комиссии латвийские историки не смогли добиться от своего правительства сколь-нибудь существенного финансирования этой затеи, а на голодный желудок энтузиазм довольно быстро иссяк. Оказались завышенными как ожидания от архивных находок в Москве, так и желаемый пропагандистский эффект. Поэтому и воспользовались надуманным украинским поводом для сворачивания деятельности двусторонней комиссии.

* * *

Историческая наука в современной Латвии подвергается существенному давлению со стороны государства, задающего жесткие идеологические рамки интерпретации событий XX века и инструментально вмешивающегося в научную работу. Модель «единственно верного» объяснения исторических событий зафиксирована рядом деклараций Сейма ЛР и постоянно «разъясняется» историкам в заявлениях государственных деятелей. В такой ситуации говорить об абсолютной свободе исторической дискуссии в Латвии по «сложным» вопросам истории XX века никак не приходится. Впрочем, ряд латвийских историков сохраняют ту или иную степень резистентности к государственному воздействию на ученое сообщество, но мало кто из них отваживается открыто и последовательно возражать против навязывания «догматов».

С целью «обоснования» сформулированных на государственном уровне историко-идеологических тезисов в Латвии была создана сложная система учреждений, осуществляющих интеллектуальное «сопровождение» концепций «советской оккупации» и «советского геноцида». Это, в свою очередь, привело к созданию довольно замкнутой группы аффилированных с властными структурами историков, позиционирующих себя как хранителей латвийской «исторической правды». Представители этой «когорты» сохраняли и во многом сохраняют свои позиции даже при ротации находящихся у власти элит (так, например, А. Зунда последовательно занимал должность советника по вопросам истории при президентах В. Вике-Фрейберге, В. Затлерсе и А. Берзиньше), а их конкуренты (В. Зелче и др.) отличаются лишь явным креном в сторону смежных с историей социально-политических дисциплин и предложением, как им кажется, более «хитрой» тактики

по манипуляциям социальной памятью. Усиливает внутренние трения и медленная смена поколений в «когорте»: ее молодые члены с еще большим жаром спорят о методах борьбы с «советской и российской пропагандой», отвергая косность и замшелость «старой академической верхушки»[52].

Получая поддержку со стороны государства и национал-радикальной части политического класса страны, латвийские историки из вышеуказанных формальных и неформальных структур, как правило, с большей уверенностью пытаются участвовать в блокировке или «притушении» острых общественно-научных дискуссий по «сложным» вопросам истории с неудобными коллегами внутри Латвии и за рубежом.

Вместо заключения нужно сказать, что сохранение рабочих связей историков России и Латвии, несмотря на сворачивание деятельности двусторонней комиссии, является важным достоянием научного сообщества. Хотелось бы, чтобы наше дальнейшее сотрудничество в рамках отдельных исследовательских, конференционных и издательских проектов продолжилось, несмотря на политические препятствия.

Симиндей Владимир Владимирович,
фонд «Историческая память» (Россия)

[52] Молодое поколение членов комиссии при президенте ЛР составляют Мартиньш Минтаурс (руководитель рабочей группы по периоду «советской оккупации» Латвии 1944–1990 гг.), Улдис Нейбургс и Валтерс Щербинскис.

Илья Никифоров

Политика исторической памяти в странах Балтии

Введение в оборот новых архивных данных, появление новых исторических фактов, иных интерпретаций событий прежних времен, других оценок и характеристик, то есть все то, что можно назвать новыми историческими образами, замещает прежние представления. Это можно считать естественным процессом, когда общественное сознание, массовая культура следуют за первопроходцами-историками, частично ассимилируя новые, а частично отторгая и забывая прежние исторические знания. Процесс исторического познания бесконечен и неисчерпаем[53]. На постсоветском пространстве образы истории вступают в конфликт друг с другом и конкурируют чаще всего не на академическом поприще, а как инструменты в борьбе за власть и политическое влияние. История становится политикой.

За последние годы тема существования на постсоветском пространстве различных, в том числе и конфликтующих, образов истории стала предметом внимательного изучения. Наиболее обстоятельно рассматривались вышедшие в постсоветский период школьные учебники истории[54]. Автор также принял участие в исследовании этой актуальной темы[55].

---

[53] См. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986; *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991; *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. М.: Наука, 1980.

[54] Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы / ред. Аймермахер К., Бордюгов Г. М.: АИРО-XXI, 2002; *Багдасарян В., Абдулаев Э., Клычников В. и др.* Школьный учебник истории и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009; *Миллер А., Липман М.* Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012; *Шнирельман В.* Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003.

[55] См.: История России и новых независимых государств в школьных учебниках: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 2010; *Никифоров И.* Этноцентризм в изучении истории Эстонии // История и культура объединяют или разъединяют народы? Сборник статей. Таллин: AuMAX, 2011.

В ходе исследований изменений образов преподаваемой истории и современной историографии сформировалось и представление о «национальной истории»[56]. Получили теоретическое обоснование понятия коллективной памяти и исторической памяти[57]. Мы оговоримся, что будем проводить различие между коллективной памятью и памятью исторической исходя из тех соображений, что любая система с обратной связью обладает памятью. В том числе памятью обладает и общество. Однако коллективные представления на основании прошлого опыта далеко не всегда являются памятью исторической. Так, внеисторично сознание мифологическое, однако миф является элементом коллективной памяти. Коллективная память становится исторической там и тогда, где и когда в обществе присутствует исторический нарратив в рамках собственно исторического дискурса[58].

Особо стоит отметить, что данной теме посвящен ряд интересных работ латвийских политологов и социологов[59], а так-

---

[56] Автор придерживается определения, данного Г. Бордюговым: «Понятие «национальная история» в социологическом смысле означает систему знаний, сотворенную национальной (принадлежащей той или иной стране) школой историографии, которая в силу неизбывных обстоятельств культурно-исторического развития демонстрирует в разной степени этноцентризм». – *Бордюгов Г.* Предисловие. Национальные истории: тенденции последнего десятилетия // Национальные истории на постсоветском пространстве. Т. II. М.: АИРО-XXI, 2009. С 9.

[57] *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память, // Неприкосновенный запас, 2005, № 2-3. URL: magazines.russ.ru/nz/2005/2/ (дата обращения: 01. 08. 2012); *Вальцер Х.* История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас, 2005/ № 2–3. URL: magazines.russ.ru/nz/2005/2/ (дата обращения: 01. 08. 2012). Впрочем, следует сказать, что онтологические, гносеологические и эпистемологические аспекты «социальной памяти» были успешно описаны и исследованы на базе истории науки в следующих работах: *Розов М.* Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск: Наука, 1977; *Сычева Л.* Современные процессы формирования наук. Опыт эмпирического исследования. Новосибирск: Наука, 1984; *Колеватов В.* Социальная память и познание. М.: Мысль, 1984; а также в работах других авторов.

[58] *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. М.: Наука, 1980. С. 17.

[59] Например: The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations. Riga: University of Latvia Press, 2011; Karojoša piemiņa. 16. marts un 9. maijs. Rīga: Zinātne, 2011.

же российских историков и политологов, работающих на латвийском материале[60]. Надо отметить, что в приведенных выше исследованиях превалирует содержательный анализ «национальной историографии. Такое исследование – важное самостоятельное направление в историографии. Предмет его в рамках собственно исторической методологии неисчерпаем, актуальность непреходяща. Недостаточно, однако, исследованы вопросы, связанные не столько с совокупностью высказываемых взглядов, идей, представлений и ценностей, определяющих историческое «повествование», сколько с проблемами становления национальных политик исторической памяти. Требует дальнейшего исследования объект и предмет этой политики, ее субъекты, ее место в структуре политического действия, а также ее функции и необходимые процессы коммуникации.

В современных государствах Балтии даже академическая полемика по темам новейшей истории общественностью рассматривается скорее как полемика политическая или юридическая[61], нежели собственно научно-историческая, и ведет не к объективному описанию событий прошедшего, а к достижению политического господства посредством символического господства той или иной «истории».

В этом отдают себе отчет и современные балтийские историки, полагая, что иного для новейшей истории дискурса, нежели политический, просто не существует. Так, профессор Таллинского университета Рейн Руутсоо в полемической статье настаивает, что *«исторический нарратив выполняет роль светской религии, а споры по вопросам веры, как известно, чреваты последствиями»*[62]. Подобная методологическая установка совпадает с установкой бывшего министра образования Эстонии Яака Аавиксоо, который заявил в журнале «Diplomaatia» в апреле 2011 года: *«Информационное самоопределение на уровне национального государства также означает, что никто не может вынудить нас говорить правду,*

---

[60] *Симиндей В.В.* Историческая политика Латвии. Материалы к изучению. М.: Фонд «Историческая память», 2014.

[61] *Шепетис Н.* Отсутствующая «национальная история» Литвы // Национальные истории на постсоветском пространстве. Т. II. М.: АИРО-XXI, 2009. С. 160.

[62] *Руутсоо Р.* Оккупация versus Освобождение // Столица (газета). 2012. 23 янв.

если мы сами этого не хотим. И с нашей стороны было бы глупо винить другие государства, если они не хотят всегда говорить правду»[63].

Хрестоматийным стало представление об истории не только как о науке, призванной *sine ira et studio*[64] препарировать человеческие деяния прошедших времен, но и об истории как основе национальной идентичности, формулирующей коллективные ценности, представления о добре и зле, своих и чужих, то есть об истории как информационном и ценностном багаже этнополитики. Таким образом, современный исторический текст в странах Балтии существует одновременно и в научном, и в политическом дискурсах, то есть «и с гневом, и с пристрастием». Объективность и адекватность нарративов в этом случае вовсе не исключаются, но и значения не имеют. Достижение господства, доминирования в отношении исторической памяти – цель, существующая вне рамок научно-исторической рефлексии. Поэтому описать политику исторической памяти можно, лишь выйдя за пределы собственно истории в область пересечения социологии, культурной антропологии и политологии. Предмет нашего исследования не критика исторических нарративов, а политика исторической памяти: политические институты, политические инструменты и политический дискурс. В качестве предварительного рабочего определения исторической памяти мы будем использовать понимание ее как **создаваемое в ходе научной деятельности, художественного творчества, политического взаимодействия или медийной коммуникации культурно-историческое наследие для социализации, этнической, политической и корпоративной самоидентификации, сохранения, поддержания или изменения личного, корпоративного, этнического, политического и социального статуса. Онтологически историческая память существует за счет актов постоянного воспроизведения в разнообразных процессах коммуникации**.

Несомненным эвристическим потенциалом для нашего исследования политики исторической памяти обладает политиче-

---

[63] *Aaviksoo J.* Infokonfliktid ja enesekaitse (Информационные конфликты и самозащита) // Diplomaatia. 2011. märts. № 91.

[64] «Без гнева и пристрастия» – лат.

ская социология Пьера Бурдье[65]. Его представления о социальном поле и теория габитуса[66] хорошо объясняют социально-политические функции исторической памяти, а также сам процесс формирования последней как целенаправленной деятельности по социализации индивида и структурировании общества на основании общих традиций и ценностей.

Так как наше рабочее определение исторической памяти предполагает обязательное наличие перманентного акта социальной коммуникации, то в качестве объясняющей теории мы опираемся на работы немецкого социолога Никласа Лумана[67], и особенно на его исследование массмедиа[68].

Как правило, в политически стабильных обществах и демократических обществах не возникает необходимости особого выделения политики исторической памяти. Однако радикальный социально-политический слом существовавшего порядка и необходимость формирования новых политических консенсусов превращает историческую память в явный объект политики. Именно такой слом порядка, казавшегося незыблемым, имел место в бывших республиках советской Прибалтики.

Наиболее стабильна и традиционна академическая история, или профессиональная историография. Субъектом ее является академическое сообщество. Связи с остальными общественны-

---

[65] *Бурдье П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993; *Бурдье П.* Социология социального пространства. 2 т. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

[66] «Габитус – это система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Он позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации. За этим стоит огромная работа по образованию и воспитанию в процессе социализации индивида, по усвоению им не только эксплицитных, но и имплицитных принципов поведения в определенных жизненных ситуациях. Интериоризация такого жизненного опыта, зачастую оставаясь неосознаваемой, приводит к формированию готовности и склонности агента реагировать, говорить, ощущать, думать определенным – тем, а не другим – способом», – *Шматко Н.* Введение в социоанализ Пьера Бурдье // Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 12.

[67] *Луман Н.* Власть. М.: Праксис, 2001; *он же.* Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005; *он же.* Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.

[68] *Он же.* Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.

ми группами и корпорациями осуществляются, как правило, опосредованно, через массмедиа. Согласно коммуникационной теории Никласа Лумана, масс-медиа не транслируют информацию иных групп, но создают и постоянно модифицируют собственную «реальность», которая и предлагается остальным действующим «соучастникам» коммуникации[69].

Хорошо исследованы[70] в качестве феномена исторической памяти нарративы школьной истории, создаваемые, как правило, представителями академического сообщества, но уже с учетом иного функционального назначения школьных учебников. Дискурс школьной истории наиболее чувствителен к политическому воздействию, а сама школьная история является питательной почвой для произрастания исторических мифов.

Наиболее массовой в отношении вовлеченности в процессы коммуникации является «медийная история»[71]. Под ней мы будем понимать совокупность газетных, журнальных, телевизионных, радио- и сетевых исторических нарративов. Историческая публицистика является в странах Балтии неотъемлемой составной частью журналистского ремесла. Более того, медийный исторический нарратив в период «перестройки», и даже некоторое время спустя, замещал более инертную профессиональную историографию и школьную историю.

Медийная история наиболее массовая и близкая к историческому мифу. Она не предполагает процедур проверки или опровержения и полностью отождествляет нарратив, порождаемый субъективностью «историка», равно как и «историческую реальность», свидетеля и свидетельство. Сами по себе политические активисты и политические институты не занимаются конструированием «исторической реальности» так, как это делает

---

[69] Там же. С. 17.

[70] См. напр., анализ 187 школьных учебников истории, используемых в государствах бывшего СССР в работе: История России и новых независимых государств в школьных учебниках: Кн. для учителя / ред.: Данилов А., Филиппова А. М.: Просвещение, 2010.

[71] Историческая память в латвийских СМИ специально исследована, например, в работе: *Skudra O.* Historical Themesand Conceptsinthe Newspapers Dienaand Vesti Segodnyain 2009 // The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations. Riga: University of Latvia Press, 2011. P. 139–174.

массмедиа. Политические активисты ассимилируют и инструментализируют предложенные «академиками» исторические нарративы, самостоятельно создавая новый, уже политический дискурс из продукции профессиональных историков.

Использование исторической памяти как эффективного средства текущей политики характерно для государств региона восточной Балтики. Традиционно считается, что начало формирования национальной исторической памяти в Латвии, Литве и Эстонии относится к периоду т. н. национального возрождения, т. е. к середине XIX века.

Вплоть до провозглашения независимости в Латвии, Литве и Эстонии не могло быть и речи о какой-то последовательной национальной политике исторической памяти. Однако перед глазами были наглядные и поучительные образцы такой политики, проводимой властями Российской империи. Власти молодых Балтийских республик одним из первых важнейших государственных мероприятий сделали открытие национальных университетов.

В 1920–1930-х гг. в странах Балтии сложилась национальная профессиональная историография. Наряду с научной историей, наличие которой – тоже результат политики исторической памяти, сложились исторические мифы и образ истории, необходимый как инструмент для консолидации общества вокруг определенных национальных ценностей в условиях нарастающего политического кризиса. Субъектом политики исторической памяти в этот период было государство, точнее – политический режим. Последний в Эстонии, как и в Латвии и Литве, чрезвычайно сужал круг людей, принимающих решение[72].

Летом 1940 г. политические события, стремительно превратившие Латвийскую, Литовскую и Эстонскую Республики, соответственно в Латвийскую, Литовскую и Эстонскую Советские Социалистические Республики, привели к резкому слому и изменению вектора политики исторической памяти в странах Балтии.

Первые т. н. «народные правительства» включали в себя отнюдь не местных коммунистов, а, скорее, представителей местной интеллигенции, оппозиционно настроенной к авторитар-

[72] *Ilmjarv M.* Hääletu alistumine (Безмолвная капитуляция). Tallinn: Argo, 2004. L. 8.

ным режимам. В Литве просоветское правительство возглавил известный журналист Ю. Палецкис, в Латвии – профессор-микробиолог А. Кирхенштейн, в Эстонии – поэт Й. Варес-Барбарус. К сотрудничеству была привлечена и заметная часть национальной интеллигенции с левыми взглядами. В Эстонии вошел в правительство один из ведущих историков – Ханс Круус. Работая в 1930-е гг. над фундаментальной сводной историей Эстонии, он стал одним из авторов и проводников исторической модели, включавшей в себя представление о «семисотлетнем немецком господстве», т. е. мифа «о заклятом враге» в лице остзейских немцев.

Если «советизация» Латвии, Литвы и Эстонии начиналась «с учетом местной специфики», то после 1945 г. и особенно после 1950 г. политика была ужесточена и ориентирована на полную и безоговорочную интеграцию Прибалтики в общесоветское политическое, экономическое, культурное и ментальное пространства. Республики советской Прибалтики начали превращаться «в национальные по форме и социалистические по содержанию». Массовое же воздействие на историческую память осуществлялось масштабным переименованием улиц и городов, уничтожением памятников, противоречащих господствующему политическому курсу, и установкой новых памятников.

Часто современные представления об истории ассимилировали сложившиеся в предшествующий период взгляды, что позволяло не отменять прежнюю «буржуазную» историческую память, а «переструктурировать» ее. Наглядным примером такого «переструктурирования» является сохранение в центре Риги монументального архитектурно-скульптурного ансамбля «Памятник Свободе». Памятник был установлен в 1935 г. и символизировал исторический путь Латвии в триединстве ее исторических регионов (Курземе, Видземе, Латгале). Монумент представляет собой исторический концепт, сложившийся в Латвии в 1930-е гг., вполне ассимилированный и востребованный и в Советской Латвии. Символика монумента оказалась более чем актуальной и сегодня: девиз «Отчизне и свободе» стал названием одной из политических партий, а ветераны Латвийского легиона 16 марта возлагают венки к этому же памятнику.

И наконец, были задействованы и «репрессивные» механизмы политики исторической памяти. Под таковыми можно пони-

мать и эффективную деятельность советской цензуры, изъятие из процесса коммуникации печатных, аудио- и видеоматериалов и превентивную, иногда и карательную, деятельность органов государственной безопасности.

Весной 1953 года, уже после смерти И. Сталина, по инициативе Л. Берии Н. Хрущевым начала продвигаться новая национальная политика, которая предполагала коренизацию руководящих кадров и внедрение в делопроизводство национальных языков. Посредством «эстонизации» КПЭ к середине 1960-х гг. сформировался молодой и амбициозный слой местной образованной эстонской элиты, занявший впоследствии все ключевые посты. С ней вполне уживалась умеренно оппозиционная Москве национальная интеллигенция.

Прибалтийская историография советского периода и массовая историческая память массмедиа ассимилировали многие образы национальной истории из того наследия, что было создано в первой половине XX века. Особенно это касалось краеведения и древней истории Латвии, Литвы и Эстонии. Взрывной рост внутрисоюзного туризма в 1960-х гг. и культивирование имиджа Прибалтики как своего рода советского «Запада» и подстегнули развитие популярной истории для туристов, издание соответствующей литературы и медийной истории для «внешнего» употребления. Такая политика сознательно культивировала безобидные исторические мифы и этнические стереотипы.

Новая историческая парадигма и соответствующая ей политика исторической памяти сформировались в восстановивших независимость странах Балтии очень быстро. Во-первых, в Латвии, Литве и Эстонии существовала эмигрантская традиция историографии и групповой исторической памяти со своим устоявшимся дискурсом, опиравшимся на представление о насильственной оккупации стран Балтии со стороны СССР и о континуитете Балтийских государств. Во-вторых, историческое сообщество в странах Балтии располагало фактическим материалом, противоречащим официальному советскому историческому дискурсу.

Ключевой же для формирования нового исторического нарратива стала кампания, проведенная в 1987 г. Главлитом и Межведомственной комиссией по передаче прежде «запрещенной» литературы из «спецхрана» в открытые библиотечные хранили-

ща. Образцы иных исторических нарративов стали доступными и для профессиональной историографии, и для массмедиа.

Летом 1988 г. медийная история становится одной из важнейших форм национальной коммуникации, закладываются основы нового исторического дискурса. Примечательно, что в вопросах национальной идентичности, исторических древностей, периодов национального возрождения новый возникающий дискурс не противоречил прежнему национальному, хоть и советскому. Происходит восстановление элементов исторического дискурса довоенного периода и ассимиляция «советского». Таким образом, к 1991 г. и в профессиональной историографии, и в массовой исторической памяти, и в массмедиа господствовали убеждения о национальном характере истории стран Балтии, особой ценности обретения независимой государственности в начале XX в. и о насильственном присоединении к СССР.

Важно отметить, что эти убеждения сложились в ходе конкурентной борьбы и опирались не на авторитет и власть, а, скорее, на поиски идейного ядра для консолидации в процессе стихийно растущих массовых протестных настроений. Советская парадигма национальной истории стран Балтии оказалась очень живучей, и ядром консолидации стал лозунг повторения «национального возрождения», а содержанием – «восстановление исторической справедливости».

Вплоть до августа 1991 г. политика исторической памяти, проводившаяся со стороны государства (парламента и правительства), была сконцентрирована на признании «восстановленных независимых государств». На этом этапе политика исторической памяти заключалась прежде всего в закреплении в массовом сознании предлагаемых оценок событий 1940 г., зафиксированных в решениях и декларациях местных органов законодательной власти.

Второй, более масштабной и перспективной стороной политики исторической памяти стали процессы, которые мы можем условно назвать «десоветизацией». В ходе «советизации» стран Балтии приспособление истории к новым политическим реалиям имело подчиненный характер. В обратном же процессе проблема исторической памяти вышла на первый план. Политика, выстроенная как восстановление правопреемных независимых

государств, требовала не только обсуждения текущих проблем в терминах оккупации[73] и реституции, но и «возвращения» прошлого: имен, образов, топонимов, политических, эстетических и этических нормативов.

Для Прибалтики характерна традиция системной и целенаправленной политики исторической памяти, когда бы эта политика ни осуществлялась и какие формы бы ни принимала: от массового движения за сохранение латышских дайн[74], до патриотического проекта «эстонизации» К. Пятса. Что в XIX, что в XX вв. (в т.ч. и в советский период) академическая наука сохраняла определенную автономию. Из ее среды могли рекрутироваться агенты для проведения исторической политики. Идеологи могли ассимилировать для своей деятельности результаты академических исследований. Но сама по себе наука в Латвии, Литве и Эстонии не была субъектом политики исторической памяти. Само наличие «университетской истории» – результат такой политики.

До августа 1991 г. историческая политика в странах Балтии может быть рассмотрена как инструмент формирования республиканских политических элит, в том числе из состава общесоюзной номенклатуры. История инструментализируется, становясь флагом, под который становится «своя» «политическая армия». После 1991 г. акценты политической памяти (и этнополитики) сместились. «Суверенность» истории теперь должна была задать временные и пространственные границы стран Балтии, создать образ для этнической и государственной идентичности. Речь идет о присвоении пространства и времени, о топонимике, календаре и памятниках.

Изменение топонимов (названий городов, поселков, улиц) – одно из самых наглядных проявлений символического присвоения пространства в рамках политики исторической памяти. Из центра Риги в одночасье исчезли улицы Суворова, Ленина, Горького. В Таллине наименования улиц были возвращены к по-

---

[73] *Симонян Р.Х.* Оккупационная доктрина в странах Балтии: содержательный и правовой аспекты // Государство и право. 2011. № 11. С. 106–114.

[74] Во второй половине XIX в. латышская интеллигенция, опираясь на массовую поддержку латышей, организовала массовый сбор и запись народных песен (дайн).

ложению середины 1920-х гг., когда в городе были введены эстонские названия улиц.

Еще одним приемом присвоения пространства в рамках политики исторической памяти стал демонтаж памятников, не укладывающихся в официально принимаемый образ национальной истории, и восстановление (а порой и возврат из тайников и хранилищ) памятников, уничтоженных в советский период, а также создание новых мемориалов и памятников. Новые памятники связаны преимущественно с событиями 1918–1920 гг., с трагедиями депортации 1941 и 1949 гг., с вооруженным сопротивлением советизации Прибалтики и национальным частям в составе вермахта и войск СС.

Новая историческая память потребовала создания нового календаря из государственных и религиозных праздников, а также памятных дат. Отметим лишь важнейшие из них, опустив религиозные праздники, как лютеранские, так и католические. Православные праздники в официальный календарь в странах Балтии не попадают, т. к. в противном случае разрушается этноцентричность календаря.

Цикличность исторического календаря – это своего рода символический возврат к мифологическому освоению истории, когда постоянный круговорот заменяет вектор времени, прошлое исчезает, а история сливается с сегодняшним днем. В число государственных праздников и основных памятных дат в Латвии[75], например, входят:

20 января – День памяти защитников баррикад 1991 г;

25 марта – День памяти жертв коммунистического геноцида, т. е. депортации 1949 г.;

4 мая – День провозглашения декларации независимости в 1990 г.;

14 июня – День памяти жертв коммунистического террора;

23 июня – народный праздник Лидо, имеющий отчетливую языческую коннотацию;

11 августа – День памяти бойцов за свободу Латвии, приуроченный к дате подписания в 1920 г. в Риге российско-латвийского мирного договора;

---

[75] В Латвии действует Закон Латвийской Республики о праздниках и памятных датах от 3 октября 1990 г. в редакции от 11.05.2011.

18 августа проходит День Риги;

11 ноября – День Лачплесиса как общенациональный День защитника Отечества;

18 ноября – День независимости Латвии, провозглашенной в 1918 г.

Дискурс исторического календаря Эстонии во многом похож на латвийский, хотя памятные даты имеют и собственную календарную привязку, и коннотации[76]:

2 февраля официально отмечается заключение Тартуского/Юрьевского мирного договора 1920 г.;

24 февраля празднуется День независимости, т. е. день провозглашения Эстонской Республики в 1918 г.;

14 марта – День родного языка (имеется в виду эстонский язык);

4 июня – День государственного флага;

14 июня – День траура (дата депортации 1941 г.);

23 июня – День победы, имеется в виду победа эстонской армии под Вынну/Цесисом над немецкими формированиями ландесвера;

24 июня – Янов день, как и в Латвии, имеет четкую языческую коннотацию;

20 августа – День восстановления независимости Эстонии;

23 августа – День поминовения жертв коммунизма и нацизма (годовщина подписания пакта Молотова – Риббентропа);

22 сентября – День сопротивления (годовщина вхождения Красной армии в Таллин в 1944 г.);

16 ноября – День возрождения (годовщина принятия ВС ЭССР декларации о суверенитете).

Последние три памятные даты вошли в официальный список сравнительно недавно. Помимо этого, проводятся памятные мероприятия, посвященные бомбардировке Таллина советской авиацией 9 марта 1944 г., а также поминаются жертвы мартовской депортации 1949 г.

В Литве[77]:

---

[76] В Эстонии действует Закон о государственных праздниках и памятных датах // Russia Today. 2011. 9 марта. № I (7). URL: http://russian.rt.com/all/2011/3 (дата обращения: 21.05.2015).

[77] Закон о памятных днях Литовской Республики от 3 июля 1997 г. № VIII-397.

День флага отмечается 1 января, а день 13 января объявлен Днем памяти защитников свободы, т. е приурочен к трагическим событиям в Вильнюсе в 1991 г.;

16 января отмечается День восстановления Литовского государства, что было провозглашено в Вильнюсе в 1918 г.;

11 марта празднуется День восстановления независимости Литвы (уже в 1990 г.);

6 июля - День государственности в Литве, и этот государственный праздник приурочен ко дню коронации князя Миндаугаса в 1252 г.;

23 августа неформальным образом отмечается годовщина пакта Молотова - Риббентропа (т. н. «День черной ленты»);

25 августа – День конституции Литвы, принятой на референдуме 1992 г.;

23 ноября – День воинов Литвы, приуроченный к созданию регулярной литовской армии в 1918 г.

«Присвоение времени» осуществляется не только государством, но и группами по интересам, общественными организациями и т. д., т. е. всеми теми, кого можно отнести к «третьему сектору». Так, в Эстонии, как общественная инициатива, регулярно организовывается в конце июля слет ветеранов 20-й дивизии Ваффен-СС (Эстонская № 1) на Гренадерской горке в местечке Синимяэ. Аналогичное мероприятие, но с большим международным резонансом, регулярно проводится в Риге 16 марта, когда ветераны «Латвийского легиона» СС в сопровождении сторонников и поклонников возлагают венки и цветы к Памятнику Свободы.

Изучение истории в школе закладывает основу интеграции общества, формирует и государственную, и этническую самоидентификацию, сохраняет культурно-исторический дискурс. С другой стороны, школьная история – основа, набор образцов исторических нарративов для формирования исторической мифологии, как национальной, так и групповой, маргинальной. Школьная историческая память в странах Балтии абсолютно вписана в долгосрочный политический дискурс, и ведущим субъектом памяти является государство. В интервью газете «Postimees» министр образования Эстонии Яак Аавкисоо сказал, что «*учебники пишут на основе учебных*

программ, которые государство составляет с учетом своих национальных понятий»[78].

Уже в самом начале 1990-х гг. во всех трех странах Балтии создавались общественные, публично-правовые и государственные институции для проведения политики исторической памяти. Как правило, эти «институты памяти» были ориентированы на изучение, формирование и распространение памяти, связанной с репрессиями, имевшими место в советский период истории Прибалтики.

Президент Эстонии Леннарт Мери в 1998 г. выступил с идеей создания Международной комиссии по изучению преступлений против человечности. Комиссия стала эффективным политическим инструментом создания новых образов, оценок, представлений эстонской исторической памяти и для профессиональной историографии, и для медийной истории. Председателем комиссии стал финский дипломат Макс Якобсон. Участники комиссии сами не корпели над исследованиями, но лишь давали итоговую оценку работы профессиональных историков. Были опубликованы два больших сборника отчетов[79]. В 2008 г., после публикации второго тома исследований комиссия прекратила свою деятельность.

По инициативе эстонского президента Тоомаса Хендрика Ильвеса в том же 2008 г. был учрежден Институт исторической памяти[80], который продолжил работу по правилам, установленным еще международной комиссией. Главной целью института стал сбор данных о нарушении прав человека в советский период истории Эстонии[81]. Таким образом, институт работает в рамках предустановленной политической, а не исторической парадигмы и является классическим образцом открытой и публично

---

[78] Postimees. 2014. 22 апр. URL: rus.postimees.ee (дата обращения: 17.03.2015); Там же. 2012. 01 авг. URL: rus.postimees.ee (дата обращения: 17.03.2015).

[79] Estonia since 1944: Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity. Tallinn, 2009; Estonia 1940–1945: Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity. Tallinn, 2006.

[80] Eesti mälu instituut. URL: www. mnemosyne.ee (дата обращения: 21.05.2012).

[81] Ibid.

заявленной институционализации политики исторической памяти.

Комиссия или институт учреждались как целевые некоммерческие организации по инициативе и под патронажем главы государства. В Литве же Центр исследования геноцида и резистенции[82] сформировался летом 1988 г. сначала как общественная инициатива, из которой потом вырос государственный институт. Окончательно Сейм Литвы 5 июня 1997 г. принял закон о Центре исследований геноцида и резистенции[83]. Таким образом, как и в Эстонии, в Литве был создан институт, функционально ориентированный на выработку и проведение определенной политики исторической памяти. Однако в Литве субъектом такой политики выступает не персонифицированный политик (президент)[84], а высший законодательный орган и правительство, с опорой не на общественность, а на государство.

Эстонский опыт работы международной комиссии при президенте был востребован и в Вильнюсе несмотря на то, что основная доля обязанностей легла на государственный Центр исследования геноцида и резистенции. 7 сентября 1998 г. президент Литвы Валдас Адамкус распорядился учредить Международную комиссию по оценке преступлений нацистского и советского оккупационных режимов в Литве.

В Латвии республиканский законодательный орган первоначально выступил сам в качестве субъекта политики исторической памяти, выпустив пространные декларации по политически актуальным вопросам истории: «Об оккупации Латвии» от 22 августа 1996 г.[85], «О латышских легионерах во Второй мировой

---

[82] Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras (Центр исследований геноцида и резистенции Литвы). URL: www. genocid.lt (дата обращения: 21.05.2015).

[83] Закон о Центре исследований геноцида и резистенции Литвы от 5 июня 1997 г. № VIII-238. URL: www3. lrs.lt (дата обращения: 21.05.2015).

[84] Tarptautinė komisija nacių ir sovietinio okupacinių režimų nusikaltimams Lietuvoje įvertinti (Международная комиссия по оценке преступлений нацистского и советского режимов в Литве). URL: www. komisija.lt/lt/ (дата обращения: 21.05.2015).

[85] Декларация об оккупации Латвии от 22 августа 1996 г. // LatvijasVēstnesis. 1996. 27 aug. Nr. 143 (628).

войне» от 29 октября 1990 г.[86] и «Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР» от 12 мая 2005 г.[87] Целью упомянутых документов стало закрепление основных принципов официального и господствующего исторического дискурса[88].

По примеру Эстонии 13 ноября 1998 г. президент Латвии Гунтис Ульманис инициировал создание Комиссии историков при президенте ЛР[89]. Если в Эстонии президентская комиссия занималась лишь анализом и оценкой материалов, полученных в ходе исследования преступлений против человечности в период с 1940 по 1944 г., то латвийская комиссия, по сути, влияла на политику исторической памяти в целом, активно сотрудничая с МИД ЛР, министерством образования и науки, в какой-то степени влияя на школьное преподавание истории.

Созданная по инициативе эстонского парламента и действовавшая 11 лет, с 1993 по 2004 г., государственная комиссия по исследованию репрессивной политики периода оккупации опубликовала при поддержке Правительства ЭР и Министерства юстиции «Белую книгу», где был сформулирован «ущерб, нанесенный Эстонии за период советской оккупации»[90]. Выводы комиссии были впоследствии использованы для неофициального требования к России как преемнику СССР компенсировать «нанесенный советской оккупацией ущерб». В частности, председатель комиссии лютеранский пастор Велло Сало (Vello Salo) через

---

[86] Декларация о латышских легионерах во Второй мировой войне от 29 октября 1998 г., Latvijas Vēstnesis, 10.11.1998. Nr. 336 (1397).

[87] Декларация об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР от 12 мая 2005 г. // Latvijas Vēstnesis, 2005. 17 maijs. Nr. 77 (3235).

[88] Политика исторической памяти Латвии стала предметом полемики со стороны российских историков. См., напр., *Симиндей В. В.* Историческая политика Латвии: Материалы к изучению. М.: Фонд «Историческая память», 2014.

[89] Latvijas Vēsturnieku komisija (Латвийская комиссия историков). URL: www.president.lv (дата обращения: 21.05.2015).

[90] Valge Raamat. Eesti rahva kaotustest okupatsioonide läbi. 1940–1991 (Белая книга. Потери эстонского народа за период оккупаций. 1940–1991.) Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2005. L. 155.

прессу предложил передать Эстонии исключительные права на лесозаготовку и лесопереработку в Новосибирской области[91].

Тема «компенсации за период советской оккупации» в Латвии, Литве и Эстонии присутствует в массовом политическом сознании более двух десятков лет с периода борьбы за восстановление независимости. Литва – единственная из трех Балтийских стран, которая законодательно закрепила обязанность властей республики добиваться от России компенсационных выплат. 14 июня 1992 г. был инициирован референдум по вопросу вывода из Литвы советских войск, на котором граждане Литвы выразили в т. ч. и желание добиться от России возмещения «ущерба за оккупацию». В 2000 г. литовский парламент подкрепил решение референдума законом, который обязал правительство инициировать переговоры с РФ по вопросу компенсации за оккупацию. Надо отметить, что правительство Литвы особой активности в этом вопросе не проявляло, поэтому 30 июня 2005 г. парламент подготовил и принял резолюцию, призывающую Россию признать факт советской оккупации государств Балтии. В 2008 г. президент Литвы Валдас Адамкус озвучил сумму претензий в 28 млрд долларов. В 2012 г. Вильнюс снова вернулся к этой теме. Председатель литовской правительственной комиссии по оценке, гендиректор Центра исследования геноцида и резистенции Бируте Бураускайте (Birutė Burauskaitė), например, считает требование компенсаций делом безнадежным[92].

Латвийские законодатели также создали аналогичную комиссию по подсчету ущерба от оккупации в 2005 г. Политической основой создания такой комиссии стала принятая 12 мая 2006 г. декларация парламента Латвии «Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического и оккупационного режима СССР». Однако президенты республики Вайра Вике-Фрейберага и Валдис Залтерс (Valdis Zalters) неоднократно высказывали сомнение в реальности политического требования компенсаций от Российской Федерации. В 2009 г. деятельность комиссии была приостановлена в рамках программы экономии бюджетных средств. На смену ей уже в 2010 г. пришла неправительственная организация «Общество по изучению ок-

[91] Молодежь Эстонии (газета). 2004. 19 мая.

[92] Взгляд (газета). 2012. 12 мая.

купации Латвии», намеренная впредь лоббировать внесение вопроса о «компенсациях за советскую оккупацию» в повестку латвийско-российских переговоров и переговоров Россия – ЕС[93].

Политика исторической памяти, связанная с Второй мировой войной, – самая болезненная и самая противоречивая в признанном ныне историческом мейнстриме. Такая политика сложилась далеко не сразу. Первое время она была уделом маргиналов и только во второй половине 1990-х гг. под давлением этнонационально ориентированных партий в Эстонии и в Латвии все более широкое общественное признание стали получать «сражавшиеся с режимом» «лесные братья». Затем обновилось значение понятия «борцы за свободу».

Нынешняя позиция эстонского государства прямо и недвусмысленно была выражена 9 мая 2006 г. министром обороны Эстонии Юргеном Лиги (Jürgen Ligi): «Мы должны на государственном уровне ясно сказать, что ваша борьба в 1944 г. была борьбой за свободу Эстонии»[94]. Лиги сказал это, выступая на митинге ветеранов, которые воевали на стороне гитлеровской Германии против вооруженных сил СССР.

Латвийские парламентарии были настроены гораздо решительнее и еще в 1998 г. приняли специальную декларацию «О латышских легионерах во Второй мировой войне», в которой законодатель зафиксировал, что целью и призывников, и добровольцев, воевавших в составе Латвийского легиона СС, была «защита Латвии от восстановления сталинского режима»[95].

Можно высказать гипотезу, что последовательное проведение такой политики исторической памяти и даже ее эскалация вызваны тем, что пространственное, временное, смысловое присутствие иного дискурса, в рамках которого народы Латвии, Литвы и Эстонии участвовали в борьбе с фашизмом, воевали против Германии и ее союзников на стороне антигитлеровской коалиции, консервирует элементы еще советского исторического дискурса. Это, в свою очередь, ставит под сомнение «десоветизацию», разрушает целостность парадигмы «возвращения к исто-

---

[93] Телеграф. lv (газета). 2010. 6 авг.

[94] Интерфакс. 2006. 9 мая.

[95] Декларация о латышских легионерах во Второй мировой войне от 29 октября 1998 г. // Latvijas Vēstnesis. 1998. 10. nov. Nr. 336 (1397).

кам», подрывает восстановление непрерывности самостоятельной истории, создает ситуацию поливариантности понимания истории и, как следствие, порождает альтернативность стратегических перспектив. Такую историческую память политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии готовы допустить лишь как маргинальную.

Особую, а в иных случаях – ведущую, роль в политике исторической памяти в странах Балтии играют организации «третьего сектора». Негосударственные организации выступают и как форма широкой научной инициативы (исторические сообщества), и популярная форма финансирования исторических исследований, памятных и пропагандистских мероприятий, и как коммуникатор между профессиональной историографией и общественными запросами, и как институции для создания и поддержания мифологизированных корпоративных образов истории.

Деятельность латвийских, литовских и эстонских комиссий, центров и институтов коммуникативно ориентирована прежде всего на политические сообщества – государственные органы, партии, сообщества экспертов. Более широкая, в т. ч. медийная, коммуникация затруднена специфичностью политических и исторических нарративов, порождаемых этими организациями. Иначе говоря, книги с документами и выводами дороги, а тиражи малы. Дефицит коммуникации успешно восполняют «музеи оккупации». Такого типа музеи акцентуированы на новейшей «истории», призваны в доступной и образной форме подкрепить историческое повествование и совокупность идеологических и пропагандистских оценок. Поэтому, как правило, музеи оккупации представляют собой большую политико-историческую инсталляцию, в которой предметы повседневной истории, такие как стоматологическое кресло или парикмахерский фен 1960-х гг., обретают новое устрашающее значение.

* * *

Как нами было показано, историческая память в странах Балтии понимается как создаваемое культурно-историческое наследие для социализации, самоидентификации, сохранения политического и социального статуса. Историческая память существует за счет актов постоянного воспроизведения в разнообразных процессах коммуникации. Политика исторической памяти, как

и всякая иная политика[96], – это деятельность (совокупность практик и дискурсов[97]), связанная с завоеванием и удержанием господства над институтами власти. В странах Балтии такая политика исторической памяти направлена прежде всего на легитимацию власти посредством «исторического оправдания», «исторического обоснования», «исторической преемственности».

Для стран Балтии характерна традиция системной и целенаправленной политики исторической памяти, когда бы эта политика ни осуществлялась и какие формы бы ни принимала. Особенностью новейшего периода истории стран Балтии является высокий уровень институционализации политики исторической памяти, создание специальных институтов, комиссий, музеев, негосударственных организаций, не только занимающихся сбором, хранением и исследованием исторической памяти, но и отвечающих на формулируемые политиками и политическими институциями запросы.

Такой уровень институционализации позволяет интегрировать политику исторической памяти в этнополитическую архитектуру стран Балтии. «Историческая политика», особенно в последние четверть века, стала одним из ключевых элементов балтийской этнополитики, эффективным инструментом для создания, отбора и распространения таких «образов истории», которые способствовали бы самоидентификации и консолидации вокруг представлений о национальном государстве как важнейшем достоянии «государствообразующей» нации, даже на уровне повседневного поведения.

Для политики исторической памяти Латвии, Литвы и Эстонии характерно, что балтийская историография советского периода и массмедиа ассимилировали многие образы национальной истории первой половины XX в. Особенно это касалось краеведения и древней истории. Этим же путем пошла современная популярная «медийная история», частично ассимилировав результаты исторических исследований советского периода.

Новая историческая память формировалась и продолжает формироваться посредством установленного государством ка-

---

[96] Политика // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 490.

[97] Политика // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2000–2001.

лендарного праздничного цикла, семиотическим присвоение пространства, посредством топонимов и памятников. Цикличность исторического календаря – это возврат к мифологическому осознанию истории и круговороту времен. Присвоенные время и пространство ознаменовали полный отказ от советской традиции, возврат к образам исторической памяти первой половины XX в. и дополнение их образами «восстановления независимости». Воспроизведена символическая структура победы в «очередной» освободительной войне[98]. Особенностью стран Балтии является то, что за последние сто лет в регионе сменились четыре принципиально отличающихся друг от друга исторических календаря. Причем действующий календарь делает акцент на памятных исторических датах новейшего периода.

Изучение истории в школах стран Балтии жестко подчинено целям государственной политики и вписано в долгосрочный политический дискурс, и ведущим субъектом памяти является государство. Одновременно политический контроль над идеологическим содержанием учебного процесса осуществляется не административными органами, а на стадии формирования представлений об историческом процессе и посредством самого же педагогического сообщества. Официально одобряемый исторический дискурс укоренился в корпоративном менталитете большинства педагогов и в среде национальной гуманитарной интеллигенции.

Массовое историческое сознание в существенной степени мифологично, ориентировано на массмедиа и текущую политику. Следовательно, исторический мейнстрим неизбежно полифоничный. Корреляция исторических образов в профессиональной историографии, массмедиа, школе и мифе зависит от динамического характера разноуровневой коммуникации между субъектами исторической памяти. Поэтому балтийская историография

[98] Наглядным свидетельством этого является торжественно открытый 23 июня 2009 года в центре Таллина монумент «Крест свободы», облицованный панелями из чешского стекла и посвященный победе в Освободительной войне 1918–1920 гг. Монумент выполнен в виде циклопического орденского знака «Крест свободы» и символически увековечивает «антиколониальную» историческую модель, проводя ее от 1918 года через события 1940 года к «финалу» в 1991 году.

не совпадает ни с медийно-популистской, ни с «державными» видами политики исторической памяти. В настоящее время в странах Балтии доминирующим коммуникатором выступает политическое сообщество. Это выражается в «политизированности» исторического мейнстрима и инструментализации исторического дискурса. Политическое сообщество Латвии, Литвы и Эстонии как вместе, так и по отдельности решает собственные, сегодняшние внутриполитические и внешнеполитические задачи, анализ которых выходит за пределы поставленной в статье задачи.

Никифоров Илья,
Русское академическое общество (Эстония)

РАЗДЕЛ II

История межэтнических отношений и культурной политики

Наталья Андреева

«Конец немецкому засилью»: прибалтийские немцы и Первая мировая война

Вступление Российской империи в Первую мировую войну усилило в ее обществе антинемецкие настроения, которые были направлены не только против врагов внешних – «германцев», но и против российских немцев – колонистов, немецкого населения российских городов и жителей Прибалтийских губерний.

Несмотря на заверения в лояльности и поддержку внешнеполитического курса правительства, заявленные в Государственной думе прибалтийско-немецкими депутатами, в обществе сохранялось неблагоприятное отношение к остзейцам. С самого начала войны они подпали под подозрение в нелояльных действиях, симпатиях к врагу и шпионаже.

На страницах влиятельных консервативных органов печати – «Нового времени» и «Вечернего времени» – развернулась широкая антинемецкая кампания. Она формировала в общественном мнении образ российского немца как внутреннего врага, усиливая тем самым антинемецкие настроения в Российской империи.

Ключевыми фигурами и активными участниками этой кампании были журналисты А. П. Тупин, А. М. Селитренников (А.Ренников), А. М. Оссендовский (М.Чертван) и др. В своих статьях они приписывали прибалтийским немцам различные нелояльные, а зачастую изменнические и даже преступные действия.

Так, например, эти журналисты обвиняли пасторов в том, что они якобы сигнализируют неприятелю огнями с колоколен кирх, выкрашенных на взморье в яркие цвета специально для ориентации вражеской морской артиллерии. Из статьи в статью кочевали сюжеты о «тайных съездах» баронов и об их лесничих –

германских подданных, которые будто бы призывали местных жителей неповиноваться властям и устраивали в имениях сигнальные сооружения и площадки для посадки «цеппелинов»[99]. Несмотря на очевидный вымысел и откровенную абсурдность этих обвинений, они, тем не менее, производили на общество определенное впечатление и самым негативным образом отражались на репутации прибалтийских немцев.

Почти через сорок лет Ренников – один из застрельщиков антинемецкой кампании – в своих воспоминаниях признался в том, что слишком увлекся малоправдоподобными историями, которые ему рассказывали эстонцы и латыши, и фактически оклеветал прибалтийских немцев. Ренникову нравилось, что его антинемецкие брошюры раскупались наперебой, и он потворствовал публике, жаждавшей «разоблачений»[100].

Вопреки своим утверждениям периода Первой мировой войны, по прошествии времени Ренников в своих воспоминаниях признал российских немцев «политически наиболее надежным элементом» из всех «народностей, населявших империю». При этом, по его словам, «многие граждане с немецкими фамилиями бывали гораздо больше русскими патриотами, чем Ивановы и Сидоровы»[101]. Раскаяние Ренникова, собственно, не имело особого значения: как слишком запоздалое, оно уже не могло помочь людям, которые по его вине были арестованы и высланы из Прибалтийских губерний или подвергнуты общественному порицанию как пособники врага.

Следует отметить, что не все отечественные публицисты разделяли мнение Ренникова и его националистически на-

---

[99] См., например: Прибалтийский край и война: материалы из русской печати за август, сентябрь и октябрь 1914 г. / Под ред. А. П. Тупина. Пг., 1914; *Ренников А.* В стране чудес. Правда о прибалтийских немцах. Пг., 1915.

В том же ключе, что в публикациях А. Ренникова и А. Тупина «немецкий вопрос» рассматривается в следующих изданиях: *Сергеев И. И.* Мирное завоевание России немцами. Пг., 1917; *Вираб Г. И.* Прибалтийские немцы: Их отношение к русской государственности и к коренному населению края в прошлом и в настоящем. Юрьев, 1916; *Резанов А. С.* Немецкое шпионство. Пг., 1915; *Мансырев С. П.* Немецкое засилье и правила 2 февраля 1915 г. Пг., 1915.

[100] *Ренников А. М.* Минувшие дни. NewYork, [1954]. С. 255.

[101] Там же. С. 254.

строенных коллег о российских немцах и «немецком вопросе» в целом. Полемику с ними по этому вопросу, временами весьма ожесточенную, вели, в частности, представители кадетской прессы – журналисты С. Т. Григорьев (С.Патрашкин), Л. М. Клячко (Л.Львов), А. С. Ланде (Изгоев), Д. В. Философов, К. И. Чуковский, С. Я. Елпатьевский и др.

В своих публикациях они резко отзывались об антиостзейской, по сути – клеветнической книге Ренникова «В стране чудес», рассчитанной, по их мнению, «на худшие инстинкты толпы» и сравнивали антинемецкую кампанию с травлей евреев в правой печати: «*поражает здесь аналогия с недавней государственной задачей националистического лагеря, – борьбой с еврейством. Та же система облавы, тот же розыск, где, в каких финансовых предприятиях участвуют евреи <…>, то же стремление устранить евреев от всякой общественной деятельности, искоренить их из России, а если можно, то и из Европы*», – писал С. Елпатьевский.

Подчеркивая лояльность российских немцев, кадетские публицисты в особенности указывали на то, что многие из них добровольцами пошли на фронт. Д. В. Философов отмечал: «*Возьмите официальные списки раненых. Сколько немецких фамилий! Неужели этот факт не обязывает нас, помимо всех прочих соображений, особенно бережно относиться к русским немцам?*»[102]

Представители прибалтийско-немецкого дворянства также пытались защититься от нападок националистов. Они писали опровержения в газеты, которые, однако, не всегда публиковались. Управляющий канцелярией министра внутренних дел в письме предводителю курляндского дворянства В. Е. Рейтерн-Нолькену объяснял это тем, что «*опровержения вообще, а во время войны в особенности, имеют значение, только пока они свежи.*

---

[102] Подробно об этом см.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. СПб., 2008. С. 220–221; *Она же:* Прибалтийские немцы и Первая мировая война // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX в. СПб., 1999. С. 461–473; *Елпатьевский С.* Охота на немцев (Из общественных настроений) // Русские ведомости. 1914.10.12. № 235. Цит. по: Дополнительные материалы к книгам А. Ренникова «В стране чудес» и А. Тупина «Прибалтийский край и война»: Голоса балтийских немцев и отзывы русской печати. Венден, 1915. С. 177, 138.

События слишком быстро следуют и отдельные факты столь же быстро улетучиваются из памяти». Вместе с тем управляющий признавал, что общество неблагоприятно настроено по отношению к российским немцам и предлагал остзейцам «*энергично бороться фактами и <...> путем газетных опровержений*» с этим настроением[103].

Апеллируя к общественному мнению, остзейский политик, депутат Государственной думы барон А. Ф. Мейендорф опубликовал два сборника статей, писем прибалтийских немцев в редакции газет и других материалов, опровергавших выдвинутые в печати против остзейцев обвинения[104]. Однако изменить антинемецкие настроения в обществе Мейендорфу не удалось. Попытки кадетской прессы и петербургских немецких газет «Sankt-Petersburger Zeitung» и «Petrograder Herold» защитить российских немцев также оставались безуспешными и вызывали очередные нападки националистической прессы.

Она провоцировала рост шовинистических настроений в обществе. Об этом в полной мере свидетельствуют многочисленные письма на имя председателя Совета министров с требованиями осуществить антинемецкие мероприятия, на которых настаивала правая печать.

Анонимные авторы этих писем призывали покончить с «немецкой заразой» и «*немедленно выселить <...> всех буквально немцев и австрийцев, т. к. они – шпионы и составляют вторую армию немцев внутри России*». Они требовали от правительства «*изгнать этих шпионов из России <...> всюду позволяющих себе хозяйничать, этих зазнавшихся немцев и остзейских баронов*», «очистить Петроград от засилья немцев всех возрастов и выселить их за границу» и «приняться» за прибалтийских немцев[105].

В общероссийской антинемецкой кампании также принимала активное участие эстонская и латышская буржуазия, наде-

---

[103] *Андреева Н.С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 228.

[104] *Мейендорф А.Ф.* Разбор обвинений, заключающихся в книгах «Прибалтийский край и война» Ар. Тупина и «В стране чудес» А. Ренникова. Пг., 1915; Дополнительные материалы.

[105] РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1239. Л. 44 об., 114.

ясь, что правительство оценит ее патриотизм и расширит политические права эстонцев и латышей за счет немцев[106].

Результаты «патриотического подъема» в столице были вполне предсказуемы – он вылился в погромы в ночь с 22 на 23.07.1914 посольства Германии и немецких, как казалось толпе, торговых заведений на Невском проспекте. Пострадала также редакция старейшей российской газеты на немецком языке «Sankt-Petersburger Zeitung», с которой сорвали вывеску и разбили окна.

Опасность того, что в Прибалтийских губерниях события будут развиваться подобным образом, была крайне велика. Так, по свидетельству курляндского губернатора С. Д. Набокова (дяди писателя В. В. Набокова), в крае велась широкая антинемецкая агитация с призывами к латышам расправиться с немцами в отместку за карательные экспедиции во время революции 1905–1907 гг.[107]

Принимая во внимание всю серьезность положения, Набоков не исключал того, что прибалтийское дворянство могло снова стать жертвой погромов. Для предупреждения беспорядков 23.07.1914 он обнародовал объявление о преступности действий, направленных против немецкого населения губернии. Объявление подобного содержания издал также 02.08.1914 главный начальник Двинского военного округа А. Е. Чурин[108]. В то же время были приняты меры в отношении местной прессы, возбуждавшей антинемецкие настроения. Благодаря этим своевременным действиям военной и гражданской администрации удалось несколько разрядить обстановку и не допустить немецких погромов в Прибалтийских губерниях.

Вместе с тем Министерство внутренних дел беспокоил вопрос о политических настроениях прибалтийских немцев в связи с войной и об их лояльности к Российской империи. Так, по сведениям о якобы изменнической деятельности остзейцев, о которой сообщали печать и депутаты Государственной думы от Прибалтийских губерний С. П. Мансырев, Я. Ю. Гольдман и И. М. Раамот в записках на имя министра внутренних дел

---

[106] *Карьяхярм Т.* Попытки реформ местного управления в Прибалтике в 1914–1916 гг. // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002. С. 48–49.

[107] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 143. Т. 1. Л. 46.

[108] Там же. Л. 47; ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 92. Л. 59.

и председателя Совета министров, Департамент полиции проводил тщательное расследование. Эти сообщения проверял и товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, предпринявший 3–4.09.1914 поездку в Прибалтийские губернии[109].

В секретном докладе 20.09.1914 министру внутренних дел об этой поездке Джунковский отмечал, что сведения об измене прибалтийских немцев были отчасти вымышлены, а отчасти появились вследствие «общей нервозности и подозрительности».

По его мнению, из всех социальных слоев немецкого населения самым верным по отношению к России оставалось остзейское дворянство в силу не только долга присяги, но и различных материальных интересов и привилегий. В то же время его привилегированное по сравнению с эстонцами и латышами положение крайне негативно влияло на межнациональные отношения в Прибалтике. Начало войны усилило враждебность эстонцев и латышей к немцам и вызвало у них желание свести с последними «старые счеты»[110].

Эти заключения подтверждают и выводы, к которым пришел ротмистр Отдельного корпуса жандармов Роговский, проверявший в августе 1914 г. сообщения о полетах германских летательных аппаратов в Лифляндской губернии и контактах немецких летчиков с местным дворянством. Как отмечал Роговский 15.09.1914 в своем рапорте начальнику отделения по охране общественной безопасности и порядка в Петрограде, эти сообщения оказались вымышленными. Слухи о таких контактах, как правило, возникали «*на почве массового психоза под влиянием переживаемых военных событий и <…> жажды мести туземного населения к немцам*»[111].

Результаты всех этих проверок опровергли возведенные на прибалтийских немцев обвинения. Однако условия военного времени и секретность боевых операций не позволяли предать гласности выводы следствия и таким образом реабилитировать остзейцев, поэтому в глазах общества они по-прежнему оставались изменниками.

---

[109] Подробно об этом см.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 222–223.

[110] ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 17 об.

[111] РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 109. Л. 12 об.

При этом обращает на себя внимание некоторая двойственность в отношении правительства к прибалтийским немцам в начальный период войны. Хотя они и подпали под общероссийские, по сути своей дискриминационные меры, такие как запрет употреблять немецкий язык публично и преподавать на нем (начиная с 1916/1917 учебного года), закрытие немецких газет, обществ и учебных заведений при них, роспуск всех организаций, объединявших немцев, по подозрению в пангерманской пропаганде и в связях с «Пангерманским союзом», но вместе с тем правительство пыталось рассеять антинемецкие настроения в обществе и покончить с ложным доносительством в Прибалтийских губерниях.

Это, прежде всего, объяснялось позицией председателя Совета министров И. Л. Горемыкина, который считал необходимым пресечь антинемецкую кампанию в прессе. Из членов кабинета его точку зрения полностью поддерживали министр иностранных дел С. Д. Сазонов и министр внутренних дел Н. А. Маклаков. По мнению последнего, травля немцев не имела под собой «фактических оснований» и носила характер шантажа, в то время как лояльность остзейского дворянства не вызывала никаких сомнений.

В связи с этим Совет министров 28.10.1914 обратился к начальнику штаба верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу с просьбой способствовать по линии военной цензуры смягчению газетной кампании против немцев[112]. Однако Ставка не спешила идти навстречу Совету министров и принимать меры против антинемецкой кампании в печати.

Соответствующие действия последовали со стороны Министерства внутренних дел: Маклаков лично сделал внушение редакторам газет «Новое время» и «Вечернее время» М.А. и Б. А. Суворинym из-за нападок на прибалтийское дворянство. Этот выговор вполне подействовал на редакторов – до весны 1915 травля немцев в прессе не возобновлялась[113].

---

[112] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 110; *Яхонтов А.* Записи о секретных заседаниях Совета министров. Публ. А. Плигузова // Новый журнал. 2000. Кн. 221. С. 111–112.

[113] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 143. Т. 2. Л. 67.

Помимо этого, Маклаков пытался бороться с ложным доносительством в Прибалтийских губерниях. Секретным циркуляром 28.11.1914 он предписал прибалтийским губернаторам принять «все меры», чтобы прекратить ложные доносы. Они в буквальном смысле слова завалили военную и гражданскую администрацию в Прибалтике и отвлекали ее от выполнения своих непосредственных функций. Доносы большей частью содержали вымышленные обвинения и были направлены, главным образом, против прибалтийско-немецкого дворянства и пасторов[114].

Так, особоуполномоченный по гражданскому управлению Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерниями П. Г. Курлов, лично проверявший результаты расследований по доносам, свидетельствовал о том, что из ста подобных дел, как правило, лишь одно давало некоторые основания к подозрению. В связи с этим 25.02.1915 он запретил в приказном порядке местным чинам полиции проводить дознания по анонимным доносам. Их следовало представлять Курлову, который принимал решение о дальнейшем расследовании. При этом за сообщение ложных сведений устанавливалась уголовная ответственность[115].

Ложные доносы и антинемецкие публикации в прессе, собственно, составляли часть продуманной кампании по дискредитации прибалтийских немцев и в особенности дворянства. Между тем, несмотря на принятые меры, пресечь принявшее широкие масштабы в Прибалтике ложное доносительство так и не удалось.

Начало «великого отступления» на фронте весной 1915 года спровоцировало новую вспышку антинемецких настроений. Общество искало виновников военных неудач и нашло их в лице немецкого населения Российской империи. Озлобление против немцев вылилось в демонстрации и погромы, причем наиболее серьезными стали беспорядки в Москве 26–30.05.1915.

Приближение линии фронта к Курляндии спровоцировало высылку в Сибирь и во внутренние губернии представителей прибалтийско-немецкого дворянства и лютеранского духовенства, причем нередко на основании именно ложных доносов.

---

[114] Там же. Л. 68 об.; *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 225.

[115] *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. М., 1991. С. 209.

В отличие от гражданских, военные власти считали всех без исключения российских немцев германскими шпионами и выступали инициаторами их выселения из районов, объявленных на военном положении. Этого взгляда, в частности придерживались главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта Н. В. Рузский, начальник штаба верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевич и сменивший его М. В. Алексеев.

Отрицательную роль также сыграли серьезные недостатки в организации контрразведки и то, что военная администрация была не в состоянии контролировать расследование каждого дела во всех его подробностях. Кроме того, ситуацию усугубляли недобросовестность и стремление некоторых сотрудников контрразведки любыми средствами сделать себе карьеру.

Характерным примером этого служит дело мичмана Рославца, уличенного в многочисленных фальсификациях. По свидетельству коменданта Ревельской морской крепости А. М. Герасимова, перлюстрированная военной цензурой переписка Рославца с одним из чинов контрразведки штаба армии Северного фронта показала «*сколько глупости, сплетен и лжи доносилось в штаб армии Северного фронта <...> и как низко пала дисциплина при принятой штабом фронта системе разведки*». В то же время Рославец сообщал вымышленные сведения не только своему непосредственному военному начальству, но и депутату Мансыреву, выступления которого в Думе и в печати по «немецкому вопросу» пользовались большой популярностью и усиливали антинемецкие настроения в обществе[116].

Совет министров, со своей стороны, неоднократно выражал недовольство репрессивной политикой военных властей в отношении прибалтийских немцев. Одним из примеров этой политики стали распоряжения военной администрации о высылке ряда должностных лиц прибалтийско-немецкого дворянства. Вскоре их пришлось отменить, поскольку невиновность этих лиц была доказана.

В связи с этим Министерство внутренних дел считало желательным, чтобы военная администрация, принимая подобные

---

[116] *Андреева Н. С.* «Во имя своего прошлого, во имя всегдашней верности...» (Балтийские рыцарства и российское правительство. Из истории взаимоотношений 1914–1917 гг.) // Русское прошлое. 1998. Кн. 8. С. 205.

решения, предварительно сносилась с гражданской властью. Министерство полагало, что это позволит не допустить дискредитации правительства[117].

Однако военные власти возражали против вмешательства Министерства внутренних дел в область, как они считали, их компетенции. Ставка Верховного главнокомандующего опасалась, что руководство контрразведкой будет изъято из ее ведения и передано Департаменту полиции МВД, и отстаивала свои полномочия в этой сфере. В целом взаимоотношения между военной и гражданской администрацией в Прибалтике часто привлекали к себе внимание Совета министров, но наладить их ему так и не удалось[118].

Произвол военных властей имел весьма негативные последствия: он усиливал среди прибалтийских немцев прогерманские настроения, ослабляя тем самым позиции государственной власти в крае. Остзейцы, запуганные репрессивными действиями военных, начинали верить в то, что с началом боевых действий в Прибалтийских губерниях из них вышлют всех прибалтийско-немецких помещиков, а их имения уничтожат. Боясь за свое дальнейшее существование, надежды на улучшение ситуации часть остзейцев все более связывала с Германией.

Немецкое командование знало об этих настроениях и принимало их в расчет в своих планах. Так, один из чинов германского Генштаба в записке «Внутреннее положение России и состояние ее армии», составленной в конце 1914 г., отмечал, что в начале войны российская администрация обращалась с прибалтийскими немцами «беспощадным образом», несмотря на их лояльность. Этот просчет российской политики позволял надеяться, что местные немцы поддержат вступление германской армии в Курляндию. В то время как от латышей, по мнению автора записки, напротив, следовало ожидать враждебных действий. В отношении этого «по своей природе трусливого народа» (von Naturfeigem Volk) он предлагал применять силу[119].

---

[117] РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1396. Л. 405 об.

[118] *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 229–230; *Зданович А. А.* Отечественная контрразведка 1914–1920: организационное строительство. М., 2004. С. 46.

[119] Politische Archiv des Auswärtigen Amtes (Политический архив Министерства иностранных дел ФРГ, Бонн). Rußland 61. Bd. 121. Bl. 294–294 Rückseite.

Однако следует отметить, что в Германии в силу различных причин к остзейцам относились с традиционным недоверием и нередко подозревали в шпионаже в пользу Российской империи. Широко же распространенное в период Первой мировой войны в российском обществе мнение о якобы исключительно прогерманских настроениях и антигосударственной деятельности прибалтийских немцев, носило огульный характер. Это мнение возникло под непосредственным влиянием условий военного времени, вызвавших рост шовинистических настроений, и не соответствовало действительности. Несмотря на предвзятое и откровенно неблагожелательное к себе отношение, прибалтийские немцы в целом до конца оставались лояльными к Российской империи.

Первая мировая война вынудила правительство возобновить начатую в период революции 1905–1907 г. подготовку реформ для Прибалтики и усилила их антинемецкую направленность. В условиях военного времени свою задачу правительство видело в том, чтобы ликвидировать привилегии прибалтийско-немецкого дворянства и административные особенности Прибалтики[120].

Осуществить эти планы правительство намеревалось, реформировав прибалтийско-немецкие дворянские организации, которые оно традиционно считало основным оплотом сепаратизма и оппозиции своей политике, по образцу дворянских обществ внутренних губерний России. Предполагалось подчинить деятельность сословных организаций остзейского дворянства правительственному контролю, а также лишить их руководящей роли в местном управлении.

Не доверяя прибалтийско-немецкому дворянству, правительство с помощью этой меры стремилось усилить влияние центральной власти в Прибалтийских губерниях. Однако подготовленный к концу 1915 г. «Проект положения о дворянстве Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний», распространявший общероссийское законодательство о дворянских организациях на Прибалтийские губернии, так и не поступил

[120] Подробно о подготовке правительственных реформ для Прибалтийских губерний в период Первой мировой войны см.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 239–257.

на рассмотрение законодательных органов, и реформа осталась нереализованной[121].

Антидворянской направленностью также отличался проект реформы сельского евангелическо-лютеранского прихода, окончательную редакцию которого Департамент духовных дел иностранных исповеданий установил в июне 1916 г.

Одна из основных целей этой реформы состояла в том, чтобы ликвидировать все привилегии остзейского дворянства «в деле устройства и управления» лютеранской церкви. По мысли разрабатывавшего ее Департамента духовных дел иностранных исповеданий, реформа должна была освободить прихожан от «отрицательного национального влияния» остзейцев, но вместе с тем гарантировать дальнейшее участие консервативного прибалтийско-немецкого дворянства в церковных делах. Ему предназначалась роль противовеса эстонцам и латышам с их «узконационалистическими и революционными» настроениями[122].

Помимо сельского прихода, предполагалось реформировать городские и смешанные (с городским и сельским населением) приходы, а также реорганизовать высшие административные органы евангелическо – лютеранской церкви. Основная задача намеченного преобразования высших учреждений лютеранской церкви состояла в «дегерманизации» духовной жизни лютеран Российской империи, в том, чтобы освободить ее от влияния немцев вообще и прибалтийского дворянства в частности. Однако разработку этих реформ прервала Февральская революция 1917 г.[123]

В результатевсе реформаторские намерения правительства ограничились лишь отменой в порядке чрезвычайного законодательства 25.10.1916 т. н. мызной полиции и 10.07.1916 особых привилегий владельцев дворянских вотчин, к числу которых относились право охоты и рыбной ловли, право открывать фабри-

---

[121] Подробно о реформе дворянских обществ Прибалтийских губерний см.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 239–240.

[122] Там же. С. 247.

[123] Там же. С. 251–252.

ки и учреждать ярмарки на территории такой вотчины и некоторые др. права[124].

В то же время другие, более радикальные преобразования остались нереализованными. Так, правительство не смогло завершить подготовку реформы сельского лютеранского прихода и законопроекта об обязательном выкупе в Прибалтике при посредничестве казны всех непроданных к тому времени крестьянских и отрезных земель, разработку земской реформы оно отложило до окончания войны.

В период с 1914 по февраль 1917 г. правительственную политику в Прибалтийских губерниях определяла Первая мировая война. Она вновь выдвинула прибалтийско-немецкий вопрос в центр внимания правительства, радикализовала его взгляд на задачи преобразований в Прибалтике и придала им ярко выраженный антинемецкий характер.

Следует отметить, что антинемецкая направленность правительственных реформ определялась в целом не столько «борьбой с германизмом», сколько интересами безопасности государства. Правительство полагало, что усиление роли центральной власти в Прибалтике в условиях, когда лояльность остзейцев оказалась под сомнением, станет гарантией этой безопасности.

Однако правительство так и не решилось провести намеченные реформы прежде всего потому, что они изменяли традиционное соотношение политических сил в Прибалтийских губерниях в нежелательную для него сторону. Эти преобразования лишали прибалтийско-немецкое дворянство руководящей роли в крае, но вместе с тем позволяли эстонцам и латышам укрепить свои политические позиции.

Правительство же не было в этом заинтересовано, поскольку видело в усилении политического влияния эстонского и латышского населения потенциальную угрозу сепаратизма. Это полностью противоречило цели реформ, которые были призваны укрепить позиции правительства в Прибалтике и, таким образом, не допустить развития там сепаратистских тенденций и обеспечить единство государства.

---

[124] См.: Свод гражданских узаконений губерний прибалтийских. Продолжение 1912 года. СПб., [1912]. Ст. 883, 892. С. 21–22; *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика. С. 240–245.

Первая мировая война серьезно осложнила разработку реформ для Прибалтийских губерний. Условия военного времени и оккупация части Прибалтики Германией фактически свели к нулю возможность их эффективно реализовать и по большому счету лишили смысла дальнейшую подготовку этих преобразований. Она затянулась и в итоге была прервана Февральской революцией 1917 года.

Вместе с тем Первая мировая война и последовавший распад Российской империи стали переломным моментом в судьбе прибалтийских немцев, который обозначил начало конца их традиционного привилегированного положения в Прибалтике.

Андреева Наталья Сергеевна,
д. и. н., Фонд им. Д. С. Лихачева (Россия)

Бенджамин Конрад

Русский язык в латвийском парламенте, 1918–1934 гг.

I

Во время обращения на русском языке к Сейму Латвии 6 марта 1934 года Сергей Трофимов был прерван криком: "*Runājiet Latviski!*" («Говорите по-латышски!»), исходящим от неизвестного парламентария из задних рядов ассамблеи. Трофимов быстро отреагировал, заявив по-латышски: "*Nākošajā gadā!*" («В следующем году!»), что заставило неизвестного продолжить, ссылаясь на запланированные выборы в Сейм пятого созыва в октябре 1934 года (которые в дальнейшем не состоялись по причине государственного переворота Улманиса 15 мая 1934 года): "*Varbūt tad vairs nebūsit!*" («Возможно, тогда Вас здесь больше не будет!») Трофимов вновь быстро нашелся с ответом, заявив: "*Varbūt Jūs nebūsit; es noteikti zinu, ka Jūs nebūsit.*" («Но, возможно, Вас здесь больше не будет. Я уверен, что Вас здесь больше не будет»), и затем продолжил свою речь на русском[125].

Эта небольшая перепалка показывает, какой видели Латвию националистически настроенные латыши: подобно большинству новых стран Восточной Европы после Первой мировой войны, она, выражаясь термином Роджерса Брубейкера, представлялась им «национализирующимся государством»[126]. Для недавно созданных парламентов в Восточной Европе эта точка зрения, безусловно, включала монолингвизм. Существовало лишь три основных исключения: в первую очередь Финляндия, где на тот момент использовались два официальных языка, финский и шведский; затем Латвия с латышским в ка-

[125] См. Latvijas Republikas IV Saeimas. VIII sesija. Rīga, 1934. 425. lpp.

[126] См. Brubaker, Rogers: Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge 1996. Brubaker, Rogers: Ethnicity without Groups. Cambridge (Massachusetts) 2006.

честве официального языка и русским и немецким в качестве дополнительных (1918–1934) и, наконец, Чехословакия, где официальными языками считались чешский и словацкий, а немецкий, венгерский, польский, украинский и русский были дополнительными (1920–1938)[127]. Это делало пражский парламент в межвоенный период самым западным парламентом, в котором говорили по-русски.

Описывая ситуацию в Чехословакии, необходимо отметить, что процедуры в парламенте Праги были весьма формализованы. Каждый депутат должен был принести присягу на одном из семи языков. Выбирая определенный язык, депутат одновременно выбирал язык, на котором он будет обращаться к Национальной ассамблее. Русский вариант присяги гласил: «Обещаю, что верный буду Республике Чехословацкой и что буду соблюдать законы и мандат свой исполнять по наилучшом ведению и совести»[128]. Это не похоже на безупречный русский язык, но, видимо, чиновники в Праге считали иначе. В Чехословакии русский язык был не так важен из-за трех факторов. Во-первых, вплоть до первых выборов в Карпатской Руси в 1924 году никто из депутатов не выбирал русский язык, и в дальнейшем число членов Парламента, выбравших русский язык, достигало максимум пяти из трехсот. Таким образом, русский язык, равно как украинский и польский, присутствовал лишь символически. В целом, в период с 1924 по 1938 годы было произнесено всего 68 речей на русском (таблица 1)[129].

Во-вторых, из-за того, что в Чехословакии отсутствовало эндемическое русскоязычное население, русский использовался только русскоговорящими депутатами в качестве стандартного языка в противовес украинскому, также считавшемуся стандартным

---

[127] По Чехословакии см. Парламентскую процедуру в Jednací řád Sněmovny poslanecké (15 апреля 1920), в: Sbírka zákonů a nařízení státu československého LXI (1920), S. 753. Официально чешский и словацкий были провозглашены ветвями «чехословацкого» языка. Кроме того, в том же документе украинский язык назывался «малорусским» (*maloruský*).

[128] Впервые использовано на I Ассамблее Республики Чехословакия, 258-я сессия (8 апреля 1924 г.).

[129] Все указанные данные основаны на всестороннем исследовании всех парламентских отчетов автором. URL: www.psp.cz.

языком русинского диалекта. Это противостояние иллюстрируется тем фактом, что два парламентария сменили язык: Николай Седоряк, бывший членом парламента с 1924 по 1931 год, сначала использовал русский, но после 1925 года начал использовать украинский. Иван Куртяк, напротив, использовал украинский язык на Ассамблее с 1924 по 1930 год, но затем перешел на русский вплоть до своей смерти 2 января 1933 года. В-третьих, русский язык не являлся традиционной *lingua franca*[130] в бывшей Австро-Венгрии. Таким образом, в качестве *lingua franca* среди депутатов национальных меньшинств в Чехословакии в основном использовался немецкий, а также частично венгерский.

II

В отличие от Чехословакии, в латвийском парламенте не существовало присяги. Более того, ни один закон и даже парламентская процедура не обязывали использовать определенный язык в парламенте. Использование латышского в качестве "*valsts valoda*" (государственного языка) и использование бывших официальных языков, русского и немецкого, было основано на неписаном соглашении между членами первого назначенного парламента в 1918 году, Народного Совета (*Latvijas Tautas Padome*). Использование русского и немецкого языков было разрешено с целью повышения признания вновь образованного латышского государства как среди новых членов парламента, так и самих национальных меньшинств. Это также являлось очевидной данью тому факту, что почти никто из депутатов – представителей меньшинств не был способен разговаривать по-латышски. До 1920 года каждый член Народного Совета имел право запросить перевод на русский язык в случаях, когда политические вопросы ставились на обсуждение в парламенте неожиданно, что означало, что у депутатов – представителей национальных меньшинств отсутствовала возможность перевода печатных документов с латышского[131]. Латышский же оставался языком,

[130] Здесь и далее: язык, используемый как средство межэтнического общения в определенной сфере деятельности. – *Прим. ред.*

[131] См. Latvijas Tautas Padomes kārtibas rullis (23 августа 1919 г.) // Likumu un valdības rīkojumu krājums. № 138 (1919). 149. lpp.

использующимся всеми членами парламентского руководства и всеми представителями комитетов во время обсуждения проектов законов на пленарных заседаниях.

Не все знали об этих соглашениях. 8 февраля 1929 года, выступая в роли представителя комитета финансов, обычно говорящий по-русски социал-демократ Владимир Пигулевский, заявивший о своей национальности как "*baltkrievs*" (белорус), подготовил свой доклад на русском. После слов «многоуважаемые депутаты» на русском, он был прерван криками с требованием использовать латышский язык. Пигулевский неуверенно заявил: "*Latviski jārunā? Atvainojiet, to es nezināju!*" («Говорить по-латышски? Извините, я этого не знал!»). Затем президент Сейма Паулс Калниньш попросил его продолжить на латышском. Последующая спонтанная речь на латышском показывает хорошее знание Пигулевским языка[132].

Когда речь идет о русских депутатах в Латвии, необходимо изучать парламентские отчеты. Помимо даты рождения, информации о школьном образовании и профессии, каждый депутат указывал свою национальность (*tautība*). Таким образом, легко проследить точное число русских депутатов (таблица 2). Подобно немцам и евреям, русские были лучше представлены в назначенном Народном Совете, чем в большинстве из пяти выборных латышских парламентов. Наибольшее количество русских парламентариев составляло шесть человек. Некоторые исследователи также считают русским депутатом православного архиепископа Яниса Поммерса, но, несмотря на его тесную связь с проблемами русского меньшинства, Поммерс указал "*latvietis*" (латыш) в качестве своей национальности и всегда обращался к парламенту на латышском. Таким образом, считать его русским в данном случае было бы неправильно[133].

Учитывая, что по данным официальной переписи 1930 года 10,7% населения Латвии составляли русские, парламентское представительство, насчитывавшее лишь шесть депутатов из ста, было сравнительно низким. Тот факт, что немцы, которые

---

[132] См. Latvijas Republikas III Saeimas stenogramu satura rādītājs. II sesija. Rīga 1929. 31. lpp.; Latvijas Republikas III Saeimas stenogramas. II sesija. Rīga, 1929. 239. lpp.

[133] По Поммерсу см. Latvijas Republikas II. Saeimas stenogramu satura rādītājs. I sesija. Rīga, 1925. 26. lpp.

официально составляли лишь 3,7% от общей численности населения Латвии в 1930 году[134], также по большей части были представлены шестью депутатами, доказывает, что избирательное право Латвии в целом нельзя было назвать несправедливым. С одной стороны, низкая явка русских избирателей по сравнению с чрезвычайно высокой явкой среди немцев, частично определяла небольшое количество русских депутатов. С другой стороны, разнообразие мелких русских партий, состоявших как из коммунистов, так и из социал-демократов, аграриев, православных и староверов, также сыграло свою роль – в то время как все немецкие партии Латвии всегда объединялись в Балтийский немецкий блок[135]. Именно поэтому объединенной русской парламентской фракции никогда не существовало, тогда как почти все время в период с 1918 по 1934 годы немецкая фракция объединяла всех немецких депутатов.

Русские депутаты в парламенте почти всегда говорили на русском языке. Из 581 случаев возможности выбора языка они использовали латышский язык только 17 раз[136]. Впервые это произошло 13 июля 1919 года во время самой первой речи русского депутата, когда Александр Бочагов зачитывал подготовленную ранее декларацию лояльности русского меньшинства Республике Латвия[137]. Бочагов вновь использовал латышский лишь один раз – в 1922 году. С 1928 по 1934 годы представитель аграрной партии Иван Корнильев постоянно использовал латышский язык. Все остальные русские депутаты всегда использовали русский язык (таблицы 2 и 3).

Подобно тому, как русские постоянно использовали русский язык, немцы предсказуемо использовали немецкий. Однако более интересна ситуация с депутатами от других национальных меньшинств. Единственный белорус – член парламента, уже упоминавшийся Пигулевский, использовал русский язык лишь за одним

---

[134] См. по данным переписи: *Lamey B.* Die Minderheiten in Lettland. Riga, Berlin, 1931, S. 10.

[135] По русским партиям на выборах в Латвии 1920–1931 гг. см. официальные многотомные выборные отчеты, к примеру Latvijas Republikas Saeimas vēlēšanas 1925. gadā / Ed. M. Skujenieks. Rīga, 1926. 21. – 24. lpp.

[136] Все указанные цифры подсчитаны автором по данным парламентских отчетов.

[137] См. Latwijas Tautas padome. Riga, 1920. 97. – 98. lpp.

исключением за три года своего парламентского членства с 1928 по 1931 год. Литовские парламентарии, представленные только в 1919-м и, возможно, в 1920 году в Народном Совете, никогда не говорили ни слова по-русски. Использование языка поляками, в основном представленными одним, либо двумя депутатами, разделилось: русский немного перевешивает латышский (таблица 3).

Использование языка среди евреев – наибольшей группы парламентариев без своего родного языка – было наиболее интересным. Здесь важно отметить, что тот факт, что евреи не имели своего собственного языка в парламенте Латвии, не был признаком неуважения: в 1918 году члены Народного Совета просили своих еврейских коллег указать язык, на котором они будут говорить, но еврейские депутаты так и не смогли договориться, выбирая между ивритом или идишем[138].

В целом, евреи в основном использовали латышский язык (60%), затем русский (25.5%) и, наконец, немецкий (14.5%). Если внимательно посмотреть на изменение ситуации с течением времени, то можно заметить, что в первых двух парламентах Латвии, Народном Совете и Учредительном собрании (1918–1922) русский язык по частоте использования еврейскими депутатами превосходил латышский и немецкий. В период с 1922 по 1928 годы их основной язык поменялся с русского на латышский (таблица 3). В течение этого времени еврейские парламентарии также широко использовали латышский язык, выступая в качестве представителей комитетов. В последних двух парламентах Латвии использование русского языка среди еврейских депутатов стало редким исключением. Использование латышского языка значительно возросло, но из-за нарастания националистических настроений в Латвии, евреи все реже становились представителями комитетов. Использование немецкого языка среди евреев оставалось на стабильно низком уровне.

Национальные меньшинства в Латвии также входили в состав правительств Латвии в течение двух периодов (первый с 1918 по 1921 год и второй с 1928 по 1931 год). Будучи министрами или заместителями министров, они испытывали те же проблемы общения. Очень интересное решение было предложено немцем Робертом Эрхардтом, который был министром финансов с 1919

[138] Ibid. 61. – 62. lpp.

по 1920 год от немецкой фракции: в своем первом выступлении он обратился к Народному Совету на русском языке[139]. У Эрхардта была возможность говорить на немецком, но так как он видел себя в первую очередь не столько представителем немцев, сколько представителем всей латышской Республики, то он хотел подать пример. В силу недостаточного знания языка говорить полатышски Эрхардт не мог, но он очень хорошо владел русским, поскольку с 1907 по 1912 год являлся депутатом Третьей Государственной думы в Санкт-Петербурге и членом фракции «Союз 17 октября». Именно это стало причиной выбора им русского языка в качестве нейтральной *linguafranca*[140].

В дальнейшем латышские политики требовали обязательного знания латышского языка от кандидатов на государственные должности. Этими знаниями обладали как русские, так и немецкие и польские парламентарии. В начале 1928 года Леонтий Шполянский, член партии местных русских чиновников, был назначен заместителем министра сельского хозяйства под руководством премьер-министра Петериса Юрашевскиса. Таким образом, Шполянский стал первым русским в составе латышского правительства. После двух лет пребывания в должности, в 1930 году он был замещен Степаном Кирилловым. В 1931 году за Кирилловым последовал Сергей Трофимов. Он пробыл в должности до 4 декабря 1931 года[141].

Русские члены парламента также дважды входили в состав парламентского руководства. С 1925 по 1928 год – Мелетий Каллистратов, избранный 73 голосами из 100 возможных, и с 1931 по 1934 год – Тимофей Павловский, избранный 54 голосами из 100 возможных, работали помощниками секретаря Парламента[142]. Присутствие Каллистратова, Шполянского, Кириллова, Тро-

---

[139] Ibid. 255. lpp.

[140] По биографии Эрхардта и его взглядам см.: Государственная Дума Российской Империи. Москва 2008. С. 716–717; *Wachtsmuth W.* Von deutscher Arbeit in Lettland. Vol. 3. Köln 1953. S. 102; *Garleff M.* Deutschbaltische Politik zwischen den Weltkriegen. Bonn-Bad Godesberg, 1976. S. 28.

[141] См. *Lamey B.* Die Minderheiten in Lettland. Riga, Berlin 1931, S. 18–19.

[142] По выборам Каллистратова см. Latvijas Republikas II. Saeimas stenogramas. I. sesija. Rīga 1925. 8. lpp. По выборам Павловского см.: Latvijas Republikas IV Saeimas stenogramas. I un ārkātējā sesija. Rīga 1931. 17. lpp.

фимова и Павловского в составе парламентского руководства либо правительства, которое в целом длилось с 1925 года до государственного переворота Улманиса 15 мая 1934 года, явно показывает интеграцию русских в политической системе Латвии.

С другой стороны, необходимо отметить, что в 1931 году Леонид Ершов, Шполянский и Корнильев безуспешно выдвигались на должности в парламентском руководстве. Безусловно, попытка Ершова, русскоговорящего коммуниста, занять должность президента Сейма, была лишь символичным шагом, обреченным на провал с самого начала, что и показали полученные 8 голосов из 100 возможных. Но попытки Шполянского и Корнильева занять должность помощника секретаря парламента (чего впоследствии добился Павловский) были серьезными, хотя либерал правого крыла Янис Бреикшс, член партии *Demokrātiskais centrs* (Демократический центр), заявлял, что Шполянский был не способен разговаривать по-латышски[143]. Однако данный факт не считался проблемой, когда задолго до этого, в 1928 году, тот же Демократический центр под руководством премьер-министра Петериса Юрашевскиса сформировал коалицию inter alia с партией местных русских чиновников Шполянского.

Помимо неясной ситуации, связанной со знанием латышского, существуют два явных симптома дезинтеграции среди русских членов парламента. Первый относится к уже упоминавшемуся использованию латышского языка представителями комитетов во время обсуждения проектов законов на пленарных заседаниях. С 1923 года до государственного переворота Улманиса в 1934 году немецкие (480 выступлений), польские (295) и еврейские (163) депутаты участвовали в законодательной деятельности. Среди русских, напротив, только Бочагов выступал семь раз, и то – в качестве представителя комитета в течение 1923 и 1924 годов.

Вторым симптомом безразличия является растущее число пропущенных выступлений на русском языке, зафиксированное в парламентских отчетах начиная с 1926 года. Как говорилось ранее, в парламенте Латвии не существовало почти никакого языкового регулирования. Одно-единственное правило парламентской процедуры, принятое в 1923 году, гласило, что

[143] Ibid. 6. – 17. lpp.

выступления на русском и немецком языках не должны были стенографироваться. Вместо этого ораторы должны были предоставлять тексты своих выступлений администрации Сейма, где они переводились на латышский, а затем печатались с указанием языка оригинала либо "*runā krieviski*" («говорит по-русски»), либо "*runā vāciski*" («говорит по-немецки»)[144]. Немецкие депутаты предоставляли свои выступления с частотой 89–97%, в то время как у русских депутатов этот процент был значительно ниже. В результате только 15–27% выступлений на русском языке были переведены на латышский (таблица 4). Последствия такого поведения привели к тому, что изучение деятельности русских политиков в Сейме после 1926 года представляется сложной задачей, так как у нас отсутствует прямой доступ к содержанию их речей.

III

Тот факт, что политическая система Латвии допускала использование русского и немецкого в качестве дополнительных парламентских языков, облегчило ей получение признания среди всех национальных меньшинств. По сравнению, например, с Польшей, это привело к их гораздо большей вовлеченности во многих политических областях. В первые годы существования страны русский язык во многих отношениях являлся *lingua franca* среди депутатов меньшинств и в общении между латышскими и нелатышскими членами парламента.

С течением времени русский язык частично утратил свой статус. Первая причина этого заключалась в том, что парламентарии русскоязычного меньшинства еврейской и частично польской национальности в качестве официального языка стали использовать латышский. Это решение привело к более высокой вовлеченности обеих национальностей, особенно поляков, в работу парламентских комитетов. Немцы отреагировали на вызов новой политической системы схожим образом: начиная с 1922 года каждый немецкий парламентарий был обязан сво-

[144] Saeimas kārtības rullis // Likumu un Ministŗu kabineta noteikumu krājums. 1923. № 34. 38. lpp. Данное правило лишь закрепляло общепринятую процедуру с 1918 года.

бодно говорить по-латышски. Это позволило немцам занимать любые официальные должности в рамках политической системы Латвии, и даже пост премьер-министра, который был предложен лидеру немецкой фракции Паулю Шиманну в 1927 году[145]. Существовало лишь одно отличие между немцами с одной стороны и евреями и поляками с другой: немцы продолжали говорить в парламенте по-немецки, несмотря на то, что они могли также говорить по-латышски.

Большинство русских депутатов не могли похвастаться подобной вовлеченностью в работу парламента. Они отправляли депутатов в парламентское руководство и правительство, но отказывались брать ответственность за всю Республику Латвия, работая в качестве представителей комитетов, и, как правило, не были заинтересованы в том, чтобы их выступления печатались в отчетах.

С другой стороны, пассивность русских депутатов в государственных делах не может объясняться лишь отсутствием интереса. Из-за сильной сплоченности немецких депутатов внутригерманские политические дискуссии в стенах Сейма были крайне редки. Однако, если использовать материалы газет для заполнения лакун в официальных отчетах, становится ясно, что среди русских парламентариев шли интенсивные дебаты. Полемика, в которой участвовали депутаты практически всех платформ – от коммунистической до ортодоксальной и староверской, – вынуждала шесть ее русских участников обращаться к Сейму 267 раз в период с 1931 по 1934 годы. За тот же период шесть немецких депутатов выступали перед Сеймом всего 115 раз, включая 22 выступления в качестве представителей комитетов.

Наконец, одно последнее замечание с целью обозначить функционирование латышской системы в перспективе. Языковой вопрос существовал в различных новых, либо расширившихся странах-победительницах после Первой мировой войны, особенно, если определенное государство было сильно национализирующимся. В Литве, Польше или Румынии депутаты – представители национальных меньшинств пытались добиться права говорить на своих языках, но не добились како-

[145] Libausche Zeitung. 1927. 28–31 dec.

го-либо долгосрочного успеха[146]. В данном контексте становится очевидно, что латышский пример постоянства прежних официальных языков в качестве дополнительных в целом оказался весьма удачным.

Таблица 1.

Выступления парламентариев на русском языке в Чехословакии

Имя[I]	**1924–1925**	**1925–1929**	**1929–1935**	**1935–1938**
Броды, Андрей	—	—	15[II]	13
Фенцик, Штефан	—	—	—	3
Гагатко, Андрей	4	3	—	—
Каминский, Йозеф	1	—	—	—
Коссей, Павел	—	—	—	6
Кугель, Хаим	—	—	—	4
Куртяк, Иван[III]	—	—	12	—
Прокоп, Кирил	—	0[IV]	0	—
Шчерецкий, Васил	—	—	5	—
Седоряк, Николай[V]	1	—	—	—
Жидовский, Петер	—	—	—	1
Всего	**6**	**3**	**32**	**27**

[I] Все стили написания имен как в отчетах.

[II] Присяга дана 10 февраля 1933 года в качестве преемника Куртяка, умершего 2 января 1933 года.

[III] Куртяк был парламентарием с 1924 по 1933 год. В 1924 и 1925 годах он давал присягу на украинском языке и, таким образом, использовал украинский до 1930 года. В 1930 году он дал присягу на русском языке и, таким образом, использовал русский в дальнейшем.

[IV] Присяга дана 22 октября 1928 года в качестве преемника Гагатко, который подал в отставку.

[V] Седоряк был парламентарием с 1924 по 1931 г. В 1924 году он дал присягу на русском языке и, таким образом, использовал русский. В 1925 и 1929 гг. он давал присягу на украинском языке и, таким образом, использовал украинский до 1931 года.

[146] В литовском Сейме использование языков меньшинств было возможно с 1920 по 1922 год, см.: *Sirutavičius V.* “Ko vauž lietuvių kalbosteises”, arbadarkartą apie “murzintojų” bylą (antisemitizmas ir joraiška lietuvos viešajamegyvenime 1922–1924 m.) // Lietuvos istorijos metraštis 2010. id. 2. L. 51–76. Спасибо Арунасу Гражулису за этот совет.

Таблица 2.

Выступления парламентариев русской национальности в Латвии

Имя	1919–20	1920–22	1922–25	1925–28	1928–31	1931–34
Бочагов, Александр	9[VI]	8[VII]	30[VIII]	—	—	—
Елисеев, Григорий	—	—	—	—	1	—
Ершов, Леонид	—	—	—	—	65	65[IX]
Формаков, Владимир	0	—	—	—	—	—
Юпатов, Иван	—	—	—	12	—	—
Каллистратов, Мелетий	—	—	13	57	42	69
Кириллов, Степан	—	—	—	—	1	—
Корецкий, Петр	—	—	30	—	—	—
Корнильев, Иван	—	—	—	—	4[X]	12[XI]
Македонский, Александр	0	—	—	—	—	—
Мельников, Павел	—	0	—	—	—	—
Павлов, Федор	1	0	—	—	—	—
Павловский, Тимофей	—	—	—	—	—	17
Пресняков, Владимир	2	7	—	—	—	—
Сиротин, Александр	0	—	—	—	—	—
Шполянский, Леонтий	—	—	—	12	20	54
Тихоницкий, Эльпидифор	—	—	—	7	—	—
Трофимов, Сергей	—	—	—	—	—	50
Всего	**12**	**15**	**73**	**88**	**133**	**267**

[VI] Включая одну речь, зачитанную на латышском языке.

[VII] Включая одно выступление на латышском языке.

[VIII] Включая семь выступлений на латышском языке в качестве докладчика от комитета.

[IX] Исключен из парламента 22 ноября 1933 года по причине запрета рабоче-крестьянской фракции.

[X] Включая три выступления на латышском языке.

[XI] Все выступления на латышском языке.

Таблица 3.

Использование русского языка среди депутатов всех национальных меньшинств в Латвии в качестве представителей комитетов без выступлений

Депутаты	1918–20	1920–22	1922–25	1925–28	1928–31	1931–34
Белорусы	—	—	—	—	13 из 14 (93%)	—
Немцы	0 из 58 (0%)	0 из 110 (0%)	0 из 144 (0%)	0 из 102 (0%)	0 из 142 (0%)	0 из 93 (0%)
Евреи	30 из 35 (86%)	18 из 37 (49%)	25 из 68 (37%)	22 из 101 (22%)	4 из 75 (5%)	1 из 76 (1%)
Литовцы	0 из 0	—	—	—	—	—
Поляки	0 из 0	—	15 из 17 (88%)	1 из 12 (8%)	2 из 5 (40%)	17 из 27 (63%)
Русские	11 из 12 (92%)	14 из 15 (93%)	66 из 66 (100%)	88 из 88 (100%)	130 из 133 (98%)	255 из 267 (96%)

ТАБЛИЦА 4.

Выступления в Сейме Латвии на русском или немецком языках, предоставленные на перевод, 1925–34

Депутаты	**II. Сейм 1925–28**	**III. Сейм 1928–31**	**IV. Сейм 1931–34**
Немцы (с немецкого)	92 из 98 (94%)	120 из 135 (89%)	86 из 89 (97%)
Русские (с русского)	23 из 88 (26%)	19 из 130 (15%)	68 из 255 (27%)

.....

Конрад Беньямин,
историк (Германия)

Людмила Воробьева

Положение русских в Эстонии в межвоенный период (1920–1940 гг.)

Национальная политика Эстонии периода первой независимости не была единой и последовательной. Она выступала в двух взаимоисключающих вариантах, которые совпадали с этапами политического развития страны.

На первом этапе (1920–1934 гг.) Эстония представляла собой парламентскую республику, жившую по законам демократического государства. Эти законы распространялись и на национальные меньшинства (русских, немцев, шведов). На втором этапе (1934–1940 гг.) в результате военного переворота в Эстонии был установлен авторитарный режим Пятса/Лайдонера, который очень скоро оказался в фарватере политики нацистской Германии и при строительстве эстонской нации пошел по пути этнонационализма.

Этнонационализм исходит из этнического понимания нации. Если национальное государство в современном миропорядке является одновременно и правовым, т. е. защищает интересы всех своих граждан и реализует интегрирующую роль национализма, то государство, построенное по сильно преувеличенному этноцентристскому принципу, обслуживает интересы так называемой титульной нации, создавая правовые проблемы для развития национальных меньшинств. Причем наиболее жестокие формы принимает этнонационализм малых народов, в особенности тех, которые прежде не имели своей государственности и сами были меньшинством. Нельзя забывать, что этнонационализм принес Европе ужасные беды: войны, этнические чистки, принудительное переселение народов.

Теперь сравним, как жилось русским в парламентской республике и при авторитарном режиме.

В 1920 году в Эстонии проживало 91 тысяч русских, что составляло около 8% населения республики. В подавляющем боль-

шинстве это были крестьяне, оказавшиеся в Эстонской Республике не по своей воле, а в результате присоединения к Эстонии по Тартускому мирному договору 1920 года Причудья, Принаровья и Печорского края. Эти территории получили название приграничных земель Эстонии. Примерно 20 тысяч от общего числа русских составляли беженцы и бывшие военнослужащие Северо-Западной армии генерала Юденича, ликвидация которой эстонскими властями было одним из основных условий большевиков при заключении Тартуского мирного договора.

Положение русских и других меньшинств регулировалось Конституцией Эстонской Республики 1920 года, которая гарантировала меньшинствам сохранение языковой, религиозной и культурной идентичности. Так, государственным языком были признаны эстонский, русский и немецкий. При предоставлении гражданства использовалось понятие «эстонское происхождение», введенное в примечании к статье IV Тартуского мирного договора. Под это понятие подпадали представители других народов, приписанные к общинам и сословным учреждениям на территории, составившей Эстонию по Тартускому мирному договору. Таким образом, действовал принцип территории, то есть все лица, проживавшие в Эстонии в границах, установленных Тартуским мирным договором, имели право на получение эстонского гражданства независимо от национальности. Этот принцип не распространялся на беженцев и военнослужащих армии Юденича, которые считались эмигрантами.

В конфессиональном составе Эстонии кроме 78% лютеран было и 19% православных (русских и эстонцев). Представители русской общины вместе с православными эстонцами входили в независимую от Московского патриархата Эстонскую апостольскую православную церковь. В ее составе русские получили известную автономию: в 1924 году была создана Нарвская епархия, объединявшая только русские приходы. В Эстонии действовало два православных монастыря: мужской – в Печорах и женский – в Пюхтицах. В межвоенный период они играли важную роль в духовной жизни русских.

В начале 1920-х гг. при эстонском правительстве была учреждена должность национального секретаря. По его инициативе был создан Союз русских просветительских и благотворительных организаций Эстонии. В этом союзе было объединено 50 ор-

ганизаций различного профиля, большинство которых существовали еще до революции. Наряду с просвещением крестьян и представителей городского населения ими решалась важная задача: сбережение родной культуры и родного языка, а через них – сохранение русской национальной идентичности и национального самосознания. Именно Союз русских просветительных и благотворительных обществ Эстонии первым выступил с инициативой проведения Дней русской культуры, и с его легкой руки Дни русской культуры стали национальным праздником русских во всех странах, где имеются русские диаспоры.

В 1925 году был принят закон о культурной автономии национальных меньшинств.

Получение образования на русском языке обеспечивалось начальными школами (их было 104), семью гимназиями, системой подготовки учителей для русских школ, учреждением Русских высших политехнических курсов, а также частичным использованием русского языка в преподавательском процессе Тартуского университета.

Несмотря на особые права меньшинств, в конце 1920-х гг. Эстонию покинуло большое количество русских эмигрантов. Однако благодаря довольно высокой рождаемости число русских в Эстонии оставалось стабильным, несмотря на постоянный отток и в последующие годы.

Исход русских из демократической Эстонии свидетельствует о том, что их положение было тяжелым. Бедствовали крестьяне, страдавшие от малоземелья, крайнюю нужду испытывал и городской образованный слой. Всем русским интеллигентам, в особенности гуманитариям, было чрезвычайно трудно устроиться по специальности, не говоря о работе в госучреждениях, куда доступ лиц с русскими фамилиями был закрыт. Чтобы выжить, многим русским со средним и высшим образованием приходилось работать на лесоповале, торфяных разработках, на добыче и переработке сланца. Сравнительно легче было инженерам и техникам. Следует сказать, что русские приняли самое деятельное участие в создании сланцедобывающей и сланцеперерабатывающей промышленности Эстонии, причем не только в качестве рабочих, но и как инженеры и изобретатели. Они стали первопроходцами в сланцедобыче, переработке и химии сланцевых смол. Например, проф. П. М. Шелоумов и инженер

М. С. Кулжинский явились авторами новой конструкции тунельных печей, которая дала возможность получать из сланца масло. Однако вклад русских в формирование ведущей отрасли эстонской экономики, к сожалению, сейчас забыт.

Забыто и влияние русских на формирование эстонской национальной культуры. Например, концертмейстер Большого театра С. И. Мамонтов способствовал становлению эстонской оперы, балетная студия Е. В. Литвиновой в Таллине сыграла важную роль в развитии эстонского национального балета. Русские художники, например Андрей Егоров, вошли в историю эстонского изобразительного искусства. Следует сказать и о том, что в Эстонии постоянно или временно проживало и работало по меньшей мере три десятка русских литераторов, среди них поэт Игорь Северянин.

Все они переживали горькие времена не только с точки зрения личной судьбы, но также в психологическом и культурно-цивилизационном плане. Ведь с прекращением существования Российской империи балтийский берег, завоеванный Петром Великим, стал для них чужбиной. Русские не могли принять агрессивный национализм эстонцев, антирусские настроения среди большинства членов парламента ЭР и в правительстве, тем более что эти настроения определяли содержание прессы и формировали этнопсихологию граждан независимой Эстонии. Русские стали свидетелями уничтожения православных часовен, сноса памятника Петру Великому. Им пришлось вместе с православными эстонцами и при поддержке международной общественности противодействовать попыткам снести Александро-Невский собор или перестроить его в Пантеон эстонской самостоятельности.

И все же, несмотря на поход против русских национальных и православных святынь, политика эстонских властей в отношении русской диаспоры ориентировалась, по крайней мере формально, на демократические представления о правах национальных меньшинств. Эстонские власти не чинили препятствий для культурной, просветительной и благотворительной деятельности русских, поскольку считали, что это отвлечет их от активного участия в политической жизни страны. Действительно, политическая активность русских в Эстонии была невысокой. Хотя закон о гражданстве 1922 года позволял русским

формировать относительно широкий круг избирателей (не менее 40 тыс. человек), многие из них отдавали предпочтение влиятельным эстонским партиям. Хотя русские и были объединены в политические организации (Русский национальный союз, Русская крестьянская партия, Русская социалистическая партия), однако основной акцент в своей работе эти партии делали на специфические русские вопросы (образование, социальные и культурные проблемы).

Ситуация резко изменилась после государственного переворота 1934 года. Конституционные гарантии для национальных меньшинств стали приходить в противоречие с курсом на строительство эстонской нации, взятым новоиспеченными эстонскими вождями Пятсом и Лайдонером. Формирование эстонской нации происходило в ходе кампаний эстонизации. Они охватывали все сферы жизни эстонского общества и, помимо эстонизации национальности, государственного языка, имен, фамилий, географических названий, пропагандировали повышение рождаемости, популяризировали эстонский государственный флаг, ставили на службу обеспечения единства нации историческое мифотворчество, художественную литературу и т. д.

Для создателей эстонской нации принципиальное значение имело определение эстонской национальности. В октябре 1934 г. законом о принадлежности к нации было введено понятие «эстонской национальности». Теперь эстонцами автоматически считались лишь те, кто сами либо их отцы и деды по отцовской линии были приписаны к общинам (волостям) с эстонским населением[147], то есть речь шла только о прямых потомках эстонцев по мужской линии. В основном это были крестьяне, к которым в конце XIX в. принадлежало абсолютное большинство эстонцев. Таким образом, произошел отход от территориального принци-

[147] Таким образом, закон о принадлежности к нации не распространялся на волости с преобладанием шведского населения (Ригульди, Вормси, Рухну и Пакри), волости с преобладанием русского населения (Козеская, Нарвская, Скарятинская, Васкнарвская, Казепяская, Причудская, Изборская, Кулейская, Лавровская, Печорская, Ротовская и Сенская). Немецкое национальное меньшинство было равномерно распределено по всей стране, а евреи проживали преимущественно в крупных городах.

па определения нации к этническому, от принципа территории к принципу крови. Это способствовало зарождению и развитию этнонационализма в идеологии и политической практике эстонского государства.

В октябре 1934 г. появился закон о языке, за которым последовал ряд постановлений. В результате были расширены сферы использования эстонского языка (бухгалтерское делопроизводство на коммерческих предприятиях, публичные объявления, субтитры к фильмам, этикетки и ярлыки товаров, официальные бланки предприятий, внутригосударственные почтовые отправления и т. д.) при одновременном вымывании из официального оборота языков национальных меньшинств, то есть немецкого, русского, шведского. Это вело к двуязычию среди национальных меньшинств.

Эстонизация имен и фамилий открывала путь к изменению национальности и добровольной ассимиляции. Часть представителей немецкого и русского меньшинства этой возможностью воспользовались. Так, Юрий Кузнецов стал Юри Ярветом (мы его помним по роли короля Лира в фильме Г. Козинцева), Павел Кудрявцев стал Паулем Кардой (впоследствии крупный физик, член-корреспондент АН ЭССР, Алексей Долгошев стал Алексисом Раннитом – поэт и литературовед), художник Константин Щербаков стал Константином Сювало и т. д.

Это был вынужденный шаг. Он диктовался стремлением улучшить условия для профессиональной карьеры, сохранить или повысить свой социальный статус, обеспечить себе доступ в сферу государственного управления, ибо русские, которые настаивали на своей национальной идентичности, автоматически попадали в неравное положение по сравнению с эстонцами. Необходимо обратить внимание и на то, что в 1938 году более 10 тысяч русских не сумели получить гражданство из-за слабого знания эстонского языка.

Эстонские историки, характеризуя межвоенный период, отмечают, что с выездом русских эмигрантов, не принявших национальную политику Эстонии, с переходом оставшихся русских на двуязычие, а также по мере, как они утверждают, «общей стабилизации эстонского государства», психологическая напряженность в отношениях между русской и эстонской общинами сменилась общей толерантностью.

Русские источники дают другую картину. Конституция 1937 года существенно ограничила культурные автономии, введя их в рамки местных самоуправлений. Однако наиболее чувствительной для русских стала эстонизация сферы образования. Власти заявили, что в 1920-е гг. школ с русским языком обучения на всех уровнях образования оказалось намного больше, чем это требовалось для проживавших в Эстонии русских. Поэтому они подлежат сокращению. К концу 1930-х гг. число гимназий было уменьшено до трех (две государственные – в Таллине и Нарве и одна частная – в Таллине). Прекратилась подготовка учителей для русских начальных школ. Русские высшие политехнические курсы были преобразованы в Частный политехнический институт. В Тартуском университете было прекращено даже частичное чтение лекций на русском языке.

Печальные итоги эстонизации для русского населения были подведены в феврале 1939 года председателями двух крупнейших русских объединений – Союза русских просветительных и благотворительных обществ и Русского национального союза. В обращении к президенту ЭР они говорили о тяжелом экономическом положении русского крестьянства в Эстонии, которые страдают от безземелья. В обращении выражалось также несогласие с национальной политикой властей, направленной на насильственную эстонизацию русского меньшинства, в особенности русских окраин. Отмечалось, что заведующими русских школ назначаются эстонцы, что изучение в них русского языка сокращается за счет дополнительных часов эстонского языка. Констатировалось, что эстонизация затронула и волостные самоуправления на русских окраинах республики, куда назначаются только эстонцы. Кроме того, проводится полунасильственная замена русских фамилий эстонскими. Все это, как отмечалось в обращении, вызывает усиление национальной розни, приводит к отчуждению русских от эстонских властей, плодит озлобление, вызывает массовое бегство русской молодежи в Советский Союз и влечет за собой ряд других резко отрицательных последствий, которые не могут не сказаться негативно на будущей судьбе Эстонской Республики.

«Успехи» эстонизации вызвали неприятие и ряда эстонских писателей. Они были обеспокоены тем, что большинство эстонской учащейся молодежи доведено до нулевых знаний русского

языка и литературы. По этому поводу Г. Суйтс[148] писал: «*С приведением к нулю значения блестящих русских мастеров слова могут соглашаться лишь руководители идиотов, а не истинные стражи культуры*».

Подводя итоги, можно сказать, что в 1991 году опыт Эстонии давал так называемым правопреемникам возможность выбора, основывающегося на демократических представлениях о правах меньшинств или же попирающего эти права. К сожалению, эстонские политические силы второго периода независимости предпочли следовать в фарватере идеологии и практики радикального этнонационализма, который культивировался профашистским режимом Пятса. Поэтому предостережения, которые высказали представители русской общины эстонскому президенту, актуальны и для сегодняшнего дня. А именно: политика этнонационализма, обслуживающая интересы титульной нации и дискриминирующая другие народы, не может не сказаться негативно на будущей судьбе Эстонии, в какие бы союзы она ни входила.

Воробьева Любовь Михайловна,
д. п. н., к. и. н., Российский институт стратегических исследований (Россия)

[148] Густав Суйтс – эстонский поэт и литературовед, профессор Тартуского университета, создатель литературной группы «Ноор Ээсти» («Молодая Эстония»).

Олеся Орленко

Политика Латвии по отношению к национальным меньшинствам по документам французских дипломатов Ж. Трипье и Ж. Ганеваля (1930-е годы)

В декабре 1931 года представителем Франции в Латвии был назначен выходец из семьи высоких государственных служащих, дипломат с 20-летним стажем работы Жан Трипье. Можно сказать, что именно этот момент продемонстрировал изменение в политике Французской Республики по отношению к странам Прибалтики. Будучи страной-победительницей в Первой мировой войне, она имела свое собственное видение стабильной Европы, в которой каждой геополитической составляющей отводилась своя роль. Распад Российской империи и последовавшие за этим геополитические последствия, в том числе тот факт, что независимые страны Прибалтики стали политической реальностью, были восприняты политиками Западной Европы как нарушение баланса сил в европейском регионе. Поэтому европейские государства, чье влияние в европейском регионе позволяло им рассматривать себя в качестве ключевого действующего лица, имели свое видение проблемы и свои способы ее решения. Так, премьер-министр Франции Жорж Клемансо гарантией безопасности Европы считал распространение влияния своей страны, с помощью которого будут использованы различные возможности для сдерживания двух главных в его понимании опасностей: Германии и революционных сил советской России. Довольно долгий период существования независимых Прибалтийских государств Франция видела в них буферную зону, предназначенную для сдерживания «большевистской угрозы» с Востока. В Латвии, Эстонии и Литве на смену должности комиссаров Французской Республики были открыты представительства Франции (министерства), имевшие статус посольств, а также был введен институт единого для трех стран военного атташата. По мере из-

менения политической ситуации в Западной Европе концепция французской политики в отношении восточноевропейских территорий менялась[149].

Видя в Восточном пакте возможность помешать распространению в Прибалтике немецкого влияния, Франция стала активно содействовать идее Балтийской Антанты, в которую помимо трех стран Прибалтики входила бы и Польша. Министр иностранных дел Франции дал дипломатам, работавшим в этих странах, распоряжение всячески способствовать этом процессу[150].

В 1930 году должность представителя Франции в Латвии занял Жан Трипье, направленный туда после службы в посольстве Франции в Варшаве в качестве советника[151]. Он занимал эту должность до 1939 года, после чего был направлен послом Французской Республики в Люксембург. Это назначение было, по сути, следующей ступенью в карьерной лестнице Трипье. Оно стало возможным потому, что французский МИД высоко оценил его опыт работы в стране, находившейся в зоне прямых интересов Германии. Именно Жан Трипье оказался свидетелем восхождения Карлиса Улманиса в политическом пространстве Латвии, видел события государственного переворота 15–16 мая 1934 года и наблюдал за эволюцией нового режима. Переписка дипломатического представительства Франции в Риге с МИД Франции представляет большой интерес для исследователей прежде всего тем, что позволяет увидеть оценку внутренней обстановки в стране с точки зрения представителей иного цивилизационного пространства. Франция как страна с имперским прошлым, еще не до конца отошедшим в прошлое на тот момент, с вековой республиканской демократической традицией управления, даже, в конце концов, говорившая на языке другой языко-

---

[149] См.: Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris: Dalloz, 1962; L'administration française des Affaires étrangères: histoire et principes. Paris: Outrey A. PUF, 1954; *Дюллен С.* Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. Москва, 2009. С. 101–109.

[150] *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция: Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М.: РОСПЭН, 2012. С. 132–133.

[151] Annuaire diplomatique et consulaire de la République Française pour 1927. Nouvelle série, Paris : Impr. Nationale/Berger-Levrault, 1927, T. 39.

вой группы сильно отличалась от Латвии. Поэтому во внимание Трипье попадали те аспекты, которые могли остаться незамеченными его современниками и коллегами из самой Латвии или из стран, имевших с ней тесные исторические и культурные связи. Та часть этих документов, которые появились с 1 января 1930 года по весну 1940 года дошла до нас весьма фрагментарно. Ввиду стремительного наступления германских войск на Францию в мае 1940 года, французский МИД приказал уничтожить целый массив документов, в том числе и относящиеся к представительствам республики в странах Прибалтики[152]. Особенно сильно пострадали от этого те из них, которые были созданы в 1937–1939 гг. Однако и оставшиеся документы служат нам хорошим источником, позволяющим понять некоторые аспекты социально-политической жизни Латвии.

Период государственного переворота Улманиса интересен так же, как и любое время перемен, когда противоречия в общественно-политической жизнистановятся наиболее очевидными. Жана Трипье интересовали новая риторика нового режима, сопровождавшие ее действия властей и реакция народа на весь этот процесс. В письмах в МИД Франции он говорит о политической ситуации в Латвии (изменения в государственном аппарате, политика в отношении оппонентов), о социальных изменениях, частично об экономике. Большое внимание французский посланник уделял националистическому аспекту выступлений и решений Улманиса, особенно в первые месяцы после инициированных Улманисом государственных изменений. Он увидел в этом один из признаков влияния нацистской Германии на майские события 1934 года. Трипье заинтересовался разницей между позиционированием политических задач переворота (воспрепятствовать приходу к власти ультраправых сил) тем, против кого в действительности оказались направлены основные политические репрессии, а также схожестью лозунга переворота – «Латвия для латышей» – с идеологическими установками стран с фашистским режимом[153].

---

[152] См. подробнее: *Буле В.* Возобновление франко-советских отношений в период 1934–1940 гг. На основе неизданных ранее документов // Клио. – № 3 (54). СПб., 2011. С. 120–127.

[153] *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция... С. 103–106.

Политика режима Улманиса по отношению к национальным меньшинствам, видимо, была для Трипье еще одним элементом мозаики, по которой он делал выводы о более масштабных намерениях нового главы государства. Подобная логика объясняется специфическим пониманием нации в подавляющем большинстве стран Европы. Практически всеми под словом «нация», или как ее иногда называли «раса», имелось в виду некое объединение людей, непременно ставившее перед собой на осознанном или бессознательном уровне политические задачи. Очевидно, что в таком же контексте были сформированы представления и Трипье, и Улманиса. Это служило причиной и аргументацией создания национальных государств, как мы это видели на примере периода после Первой мировой войны. Или же приводило к другой тенденции - рассматривать факт осознания себя как нации и, говоря словами Муссолини, борьбы за свою идентичность и место в мире как один из ключевых моментов в развитии народа[154]. Последствием данной позиции часто является замыкание нации на себе, враждебное отношение к другим национальностям как к несущим угрозу для ее идентичности, рост национализма. В рамках второй тенденции действовал Улманис, когда использовал уже существующий в правительстве и обществе националистический дискурс и возвел его в крайнюю степень: обещание выхода из тяжелого кризиса путем латышизации страны, а также объявление культурной и языковой самобытности других народов, населявших страну, угрозой для латышской нации. Идея об опасности (более или менее серьезной, но все-таки существовавшей), которую представляли для латышей представители других национальностей Латвии, перешла и в историографическое пространство, в том числе и в работы французских историков[155].

Тема положения национальных меньшинств в улманисовской Латвии неоднократно поднималась в публичном пространстве (интернет-публикации, СМИ), затрагивалась в работах не-

---

[154] *Bras (le) H.* Le sol et le sang. Paris, 1994. P. 31–32; *Weil P.* Qu'est-ce qu'un Français? Histoire de la nationalité française depuis la Révolution. Paris, 2005.

[155] См., например, *Pourchier-Plasseraud S.* Les arts de la nation: Construction nationale & arts visuels en Lettonie, 1905–1934. Rennes: Presse universitaire de Rennes, 2013. P. 213; *Plasseraud Y.* Les pays baltes. Paris, 1990.

которых исследователей, посвященных истории русских или евреев в Латвии в разные исторические периоды[156]. В данной статье мы представим общий взгляд на национальную политику Улманиса, как ее видели Жан Трипье и военный атташе Франции в трех странах Прибалтики Ж. Ганеваль, также имевший статус дипломатического представителя. Пусть это анализ не всегда является подробный и детальным, зато он позволяет расширить наше представление как об общих с Европой, так и об особенных чертах интеграционного процесса в Латвии 1930-х гг.

Итак, общее для того времени отношение к нации как к некоему организму, наделенному политическим сознанием, приводило к подозрительности в их адрес государства и людей как к потенциальным или реальным носителям иностранных интересов. Взгляд французского представительства в Риге на репрессивную политику власти в адрес национальных меньшинств можно условно разделить на две группы: отношение государства к проявлению национальных особенностей той или иной группы и его реакция на политическую деятельность, которая в глазах властей была характерна для людей определенной национальной принадлежности, хотя в эту группу могли попадать представители других народов. К первой группе главным образом относились поляки и, в меньшей степени, немцы (главная их черта для французского посланника – ориентированность на Германию как государство). Ко второй – евреи, которых подозревали в симпатиях к советской России.

Так называемые «балтийские немцы» была одной из самых хорошо организованных и активных национальных диаспор Латвии. Многовековые взаимоотношения латышей и немцев носили довольно сложный характер, но факт их колоссального влияния на Латвию неоспорим. Рост популярности в Германии национал-социалистов, вступление Гитлера на пост рейхсканц

---

[156] См., например, работы Т. Фейгманэ «Русские в политической жизни Латвии (1918–1940)» и «Русское население Латвии (1920–1940): развитие образования», опубликованный на интернет-ресурсе «Русские Латвии» (http://www.russkije.lv/ru/pub/, просмотрено 04.08.2015); *Stranga A.* Ebreji un diktatūras Baltijā. 1926–1940. Rīga, 2002; *Kangeris K.* Latviešu ub ebreju attiecības Trešā reiha skatijumā. 1933. – 1939. gads // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sēj.). Rīga, 2003. и др.

лера означал успех популярности основных установок лидеров НСДАП, одной из которых было расширение жизненного пространства на Восток. При этом соотечественники за рубежом согласно их плану также получали привилегированное положение в мире нового порядка. В центре внимания Трипье оказалась деятельность различных немецких национальных объединений и, в свете вышеизложенного, их зарубежные контакты. В Латвии немцы активно присутствовали в экономической жизни страны, занимались юриспруденцией и культурой. В одном из своих писем в МИД, составленном чуть больше чем через месяц после государственного переворота Улманиса 15 мая 1934 года, французский министр изложил свой взгляд на восприятие Германии и латышских немцев в стране: «Можно сказать, что отношения Латвии и Германии строятся по-прежнему по схеме "бывший вассал и бывшие сеньор". Во всяком случае примерно так это видится латышам. [...] Короче говоря, латыши не совсем уверены в том, что обладающие хорошей памятью немцы забыли их прежнюю колонию, которая была в Средние века частью их страны и которая должна была к ним вернуться по Брестскому миру». В том же письме он говорил о мнении определенной части латвийского общества о роли Германии на политику в их регионе со ссылкой на газету Крестьянского союза «Brīvā Zeme», которая «...первой высказала надежду на то, что Германия "скажет решающее слово" в вопросах, интересующих все народы Прибалтики»[157], что свидетельствовало об своего рода смирении, осознанной или нет, перед политической зависимостью Латвии. Сами немецкие объединения держали тесную связь с Германией, в том числе и с гитлеровским режимом, способствуя созданию его позитивного образа в Латвии. С 16 по 25 мая 1934 года группа журналистов посетила Германию. Трипье пишет о них как о латвийских журналистах. Однако газета немецкой диаспоры в Риге «Rigasche Rundschau» опубликовало отчетное интервью о поездке, взятое у главы группы господина Сескиса. Подчеркнув особым образом, что журналисты не встречались ни с представителями новой власти, ни со спецслужбами, газета процитировала его впечатления: «Вер-

[157] Письмо Трипье министру иностранных дел Барту от 20 июня 1934 года. Archivesdiplomatiques (AD), ZEurope, Lettonie, 52, p. 144–144 v.

нувшись к себе домой, мы считаем своим долгом рассказать об истинном положении дела в Германии, как мы это увидели. Еще раз говорю, что это мирная и трудолюбивая страна»[158]. Так называемые балтийские немцы Латвии праздновали 30 января, поднимая тосты во славу рейха, а на мероприятии присутствовал посол Германии[159].

Как уже отмечалось выше, эти и многие другие факты оценивались французским посланником в Риге как свидетельства расширения влияния Германии на Прибалтийский регион, в частности, на Латвию. Насколько Трипье считал правомерной реакцию в данной ситуации государства (обобщать политическую деятельность членов общественных организаций с политикой рейха и делать на этом основании выводы о позиции всех немцев, живущих в стране), сказать сложно. Но, например, 1 ноября 1933 года он писал о том, что немцы, представленные в Сейме, хотя и не хотят отказываться от германских денег, но все же не спешат лоббировать про немецкую политику, что французский посланник объяснял, как неприятием ими гитлеровского режима, так и представлением о Латвии как о своей родине[160]. В уже упоминавшимся письме Трипье в МИД от 20 июня 1934 года он писал о лояльности немцев власти в Латвии: «Более того, в самой этой [немецкой. – *Прим. автора*] прессе при каждой возможности говорилось о том, что прекращение парламентского режима было огромным благом для страны. Мои знакомые балтийские немцы, с которыми я встречался после переворота, все высказываются в таком же духе, причем с моей точки зрения

---

[158] Письмо Трипье иностранных дел Барту от 5 июня 1934 года. Archives diplomatiques (AD), Z Europe, Lettonie, 52, p. 143 v.

[159] Трипье отмечает реакцию на этот «инцидент» парламентской комиссии по бюджету, которая заявила, что на проведение банкета немецким жителям Латвии нужно было просить разрешение, так как деньги на аренду зала шли не от ассоциации Reichsdeutschen а, видимо, из государственной казны. Archives diplomatiques (AD), Z Europe, Lettonie, 52, p. 130–130 v.

[160] Перед лицом диктатуры. Государственный переворот 15 мая 1934 г. и установление режима Улманиса в Латвии. Москва – Париж: AEHREE, 2014. С. 414 / Face à la dictature. Le coup d'État du 15 mai 1934 et l'instauration du régime d'Ulmanis en Lettonie. Moscou – Paris: AEHRE. P. 414.

искренне: даже для самих себя они предпочитают минимум свободы в обмен на удовольствие быть ведомыми одним лидером, независимо от того, выбирали они его или нет»[161]. Газета «Rigasche Rundchau» 19 мая 1934 года писала о готовности оказать содействие новому режиму, но при условии получения от Улманиса гарантий сохранения национальной самобытности немцев (по словам редактора газеты, развиваться «не только в своих, но и в наших интересах»). Это утверждение Трипье был склонен интерпретировать как следствие общего подъема национализма после переворота Улманиса[162].

Репрессии улманисовского режима против немцев носили, главным образом, экономический характер, но также касались и интеллектуальной сферы путем закрытия школ, образование в которых велось на немецком языке. Так, французский посланник сообщал о законе, принятом Сеймом 11 февраля 1935 года, о деятельности адвокатов, который был, по его словам, направлен на то, чтобы максимально воспрепятствовать представителям национальных меньшинств быть членами Коллегии адвокатов. Одну из целей, ради которой создавался закон, он формулирует как устранение «...неугодных системе представителей меньшинств», а также проведение чистки в рядах «...латышей, представителей левых политических группировок (социалисты и коммунисты)...». Учитывая то, что, по информации Трипье, из 417 членов Коллегии адвокатов Латвии 218 были представителями национальных меньшинств (92 еврея и 92 немец), этот закон в значительной степени затрагивал представителей нетитульных наций, впрочем, как и инакомыслящих в политических взглядах[163]. Ликвидация 31 декабря 1935 года немецких объединений в Латвии (гильдий или «шильд») и конфискации их имущества государством вызвала массу недовольства со стороны немцев. Как докладывал в своем аналитическом рапорте Министерству войны военный атташе в Прибалтике Ж. Ганеваль, «22 января после своей поездки в Берлин посол рейха в Латвии фон Шак встретился с латвийским фюрером Улманисом и за-

[161] Archives diplomatiques (AD), Z Europe, Lettonie, 52, p. 145 v.

[162] Перед лицом диктатуры... С. 102 / Face à la dictature... P. 102.

[163] Перед лицом диктатуры... С. 298 / Face à la dictature... P. 298.

явил ему, что рассматривает латвийский закон от 31 декабря как акт, направленный, главным образом, против этнических меньшинств Латвии»[164]. Трипье считал, что власти нацелены были не только получить экономическую выгоду от приобретения собственности ликвидированных гильдий, но и завладеть их архивами, в которых содержались отчеты о политической ситуации в стране и информация о латвийских политиках и дипломатах. Видимо, эта мера не осталась незамеченной в Риге, так как Торговая палата Латвии вынуждена была выпустить брошюру, в которой, по словам посланника, помимо информации о приказе от 31 декабря 1935 года, были «...некоторые исторические статьи, объясняющие рижанам противостояние немцев и латвийцев, угнетение первыми последних, уловки, применявшиеся немцами для получения некоторой собственности (например, здания Большой Гильдии), а также для того, чтобы помешать русским властям уравнять немецких и латышских жителей Риги»[165]. Таким образом Трипье обращает внимание на попытку государства воззвать к межнациональной вражде, оправдывая ее существование некими историческими причинами с целью получить одобрение со стороны народа своим действиям. Видимо, ни уровень одобрения, ни уровень вражды на тот момент (документ составлен 26 февраля 1936 года) не показались власти достаточными.

Из писем французских дипломатов становится явным рост среди латвийских правительственных кругов, особенно при режиме Улманиса, идей о том, что немцы являются важнейшем дестабилизирующем фактором в Латвии. Курс, взятый «Вадонисом» Улманисом на «возрождение» и укрепление страны, был настолько связан с культивированием идеи латышской нации, единения вокруг лидера, ростом националистических чувств, что это позволило некоторым исследователям говорить о фашистской модели развития Латвии этого периода[166]. Вместе с тем представители других национальностей, проживавших в стране на протяжении многих веков, ис-

---

[164] Там же. С. 376.

[165] Там же. С. 385.

[166] *Kuck J.* A Case Study of the Transnational Fascism Model // The Journal of Comparative Fascist Studies, 2013. P. 183-204; *Симиндей В. В.* Внешняя политика Латвии 1934–1940: Источниковедческие лакуны в историографии // Клио. СПб., № 3 С. 115–118.

ключались из нового общества, а не интегрировались в него. Судя по всему, подобные настроения были характерны и для соседней Эстонии. Так, представитель Бельгии в странах Прибалтики в письмах в МИД отмечал, что в Эстонии положительно восприняли идею об отъезде немцев, так как это сделает общество более гомогенным и, следовательно, по мнению эстонцев, более стабильным[167]. Важность для французских дипломатов национального вопроса в Прибалтике в целом, а политики по отношению к балтийским немцам в частности, видна на том примере, что военный атташе Франции Ж. Ганеваль по несколько раз в день отбивал телеграммы в Париж, лично следя за отправками кораблей с немцами во время переселением их в рейх в 1939 году[168].

Значительный процент населения межвоенной Латвии составляли поляки, особенно на территории Латгалии. Объектом особого внимания представителя Франции в Риге они стали в начале 30-х гг., непосредственно до прихода к власти Улманиса. Накануне выборов в Сейм, летом 1931 года, министр внутренних дел принял решение распустить две польские организации Латвии: Союз поляков Латвии и Польское общество католической молодежи[169]. Поводом послужила информация о том, что члены этих организаций пропагандируют среди поляков Латгалии идею присоединения данной территории к Польше. Также были закрыты школы, через которые, по мнению латвийских властей, осуществлялась польская пропаганда, а дело передали в суд города Двинска (в результате рассмотрения решение министра было подтверждено)[170]. Будучи сведущим в делах, связанных с Польшей, Трипье следил за развитием дела. И, несмотря на то, что, видимо, для него наличие польских интересов в Латгалии являлось чем-то очевидным, объективность этого процесса вызывала у него сомнения: «Короче говоря, дорогой коллега (Андрэ Тардье, министр иностранных дел Франции), все, что можно подумать

---

[167] *Grosbois Th.* Spaak et les Etats baltes, 1939–1991. Books on Demand. Paris. 2014. P. 41.

[168] Archives du ministere de la Défense. GR 7 N 2768. Etats Baltes. AM Riga. 1924–1940.

[169] Archives diplomatiques. Affaires politiques 1914–1944. Z-Europe. Lettonie. 58. Письма Ж. Трипье в МИД Франции. Л. 15, 39.

[170] Там же. Письмо Ж. Трипье в МИД Франции от 8 декабря 1931 года. Л. 58.

вследствие незнания и под влиянием страстей, было принято во внимания этим судом»[171].

Дальнейшие тенденции политики Латвии по отношению к полякам носили противоречивый характер. С одной стороны, Карлис Улманис и «Крестьянский союз» пользовались поддержкой значительной части польского населения страны, проживавших, главным образом, в Латгалии. Ж. Ганеваль в отчете министру войны Франции 19 мая 1934 года написал: «Польша, уже долгое время бесцеремонно вмешивавшаяся в латвийские дела, использовала все свое влияние на Крестьянский союз, чтобы тот осуществил "путч". Теперь она собирается пожинать плоды. Возможно, она столкнется с определенными трудностями. Ведь нет гарантий того, что одной партией, опьяненной победой, будет управлять легче, чем несколькими, из которых по крайней мере одна (латгальцы) полностью ей предана. Однако данная партия исчерпала кредит доверия. Католическая, так или иначе подозрительная, – ей суждено играть роль бедного родственника в реформированной Латвии»[172]. Поэтому сразу после переворота власть с одной стороны пыталась оказать внимание интересам представителям этого национального меньшинства. Так министром народного благосостояния (Трипье называет его министром социального страхования) и одним из троих заместителей Улманиса стал В. Рубульс – председатель Польско-литовского общества. По словам французского посланника, пресса окрестила его «апостолом латвийской цивилизации в Латгалии», что он связывает напрямую со звучавшими ранее обвинениями в попытке полонизации провинции[173]. Трипье пишет о визите Улманиса в Латгалию как об успешном мероприятии: новый глава правительства произносил речи об объединении всей страны, обещал не оказывать давление на национальные языки и понравился всем жителям этой провинции, а также других посещенных им регионов страны[174]. В этом письме косвенно присутствует удивление французско-

[171] Там же. Письмо Ж. Трипье в МИД Франции от 27 февраля 1932 года. Л. 74–74 (об).

[172] Перед лицом диктатуры… С. 55 / Face à la dictature… P. 55.

[173] Там же. С. 116.

[174] Там же. С. 230.

го представителя подобной реакцией, так сам он ранее предполагал в Латгалии возможность сопротивления новой власти именно по причине языковых и культурных особенностей региона, отличного от большинства населения страны[175]. Видимо, удивление связано с речью, произнесенной Улманисом в июне 1934 года, в которой говорилось о планах правительства в том числе по поводу латышского языка: «Правительство только что одобрило закон, который по-настоящему делает латвийский язык официальным государственным языком, а на других языках, помимо латвийского, можно будет разговаривать в исключительных случаях»[176]. По закону о государственном языке на территориях, где национальные меньшинства составляли больше половины населения, использование национального языка наряду с латышским допускалось. Но дальнейшие события с уже упоминавшимся законом об адвокатах, наряду с сообщениями об урезании субсидирования польских школ, говорят о том, что опасения военного атташе Ж. Ганеваля были оправданы. Новый закон о государственном языке от 5 января 1935 года носил более жесткий характер и имел целью внедрить латышский язык, по словам Трипье, на уровень личной жизни семей[177].

Политика Латвии по отношению к евреям также заслуживает особого внимания. Существует мнение некоторых специалистов о том, что правящие круги Латвии, особенно после переворота Улманиса, не были склонны к антисемитизму в принятии внутриполитических решений. Так, в книге «История Латвии, XX век», авторами которого являются такие известные латвийские историки, как А. Зунда, И. Фелдманис, А. Странга и др., пишется о режиме в стране после переворота следующее: «И хотя правительство не культивировало национальную вражду и антисемитизм, на практике все же преобладал преувеличенный латышский национализм, попытки элиминировать влияние меньшинств»[178]. Сведения, полученные из переписки французских дипломатов, несколько корректируют эту картину.

---

[175] Там же. С. 76.

[176] Перед лицом диктатуры… С. 178 / Face à la dictature… P. 178.

[177] Там же. С. 264.

[178] История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 171.

Сразу же после переворота 15 мая 1934 года Ж. Ганеваль отметил в своем отчете: «Более или менее явные меры против евреев, для удовлетворения общественного мнения, становящегося с каждым днем все более антисемитским»[179]. В том же документе он говорит о мерах, предпринятых против евреев «для удовлетворения общественного мнения». В письме от 17 мая 1934 года Ж. Трипье пишет о закрытии почти всех еврейских печатных изданий, наряду с 2/3 немецких и 80% русских газет[180]. По его мнению, латвийское правительство напрямую связывало деятельность еврейских организаций с коммунистическими: «...наблюдая суровость мер, предпринятых новым режимом против еврейской прессы [...] и аресты евреев-"экстремистов", можно предположить, что латвийский национализм обернется против них (евреев. – *Прим. автора*)».[181] Абзацем ниже в этом же документе от 23 мая 1934 года Трипье цитирует слова В. Мунтерса, сказанные им в личной беседе с французским посланником: «Из всех меньшинств самым опасным для нас являются евреи, так как все остальные – немцы, поляки, русские, – как и мы, имеют страну и землю». Как отмечает Трипье, Мунтерс является доверенным лицом Улманиса и оказывает на него влияние[182].

Как в случае с немецким и польским национальными меньшинствами, французские дипломаты не пишут прямо об интегрированности еврейского меньшинства в латвийскую культуру. Однако в письме от 10 января 1935 года Ж. Трипье писал о том, что почти вся немецкая и еврейская молодежь знают латышский язык[183]. Писал он это в документе, в котором говорил про новый закон «О государственном языке» от января 1925 года, выражая этими словами, пусть не напрямую, свое отношение к целесообразности принятия этой меры. Также он замечал эволюцию настроений среди латышской молодежи, все больше сочувствующей ультрарадикальной организации «Перконкрустс», члены которой стали для них своеобразным символом борцов за идею.

---

[179] Перед лицом диктатуры... С. 52 / Face à ladictature... P. 52.

[180] Там же. С. 74.

[181] Там же. С. 127.

[182] Там же. С. 127, 236.

[183] Там же. С. 264.

Ссылаясь на надежный источник, Трипье говорит о тайном членстве в рядах этой организации сына министра образования Латвии[184]. Поведение правительства в период празднования годовщины событий переворота – визиты в школы, присутствие на футбольных матчах – французский дипломат в этом же письме объясняет желанием «позаигрывать с молодежью», «...которая не пылала теплыми чувствами по отношению к евреям».

В 1930-е годы Латвия представляла собой государство, выбравшее националистическую альтернативу развития. Политика Латвии в области национальных меньшинств является одной из иллюстраций такой эволюции. Националистические настроения, несомненно существовавшие в стране до майского переворота 1934 года, стали своеобразным орудием в руках новой власти, завоевывавшей себе популярность в том числе и на подобной риторике. Политика по отношению к представителям немецкого, польского, еврейского меньшинств строилась на дез интеграционных принципах: маркировка этих меньшинств как чуждых, упор на враждебный характер их сосуществования с латышским народом, попытка их латышизации, которая приводила к еще большему взаимному отторжению[185]. Все эти факторы могут внести свой вклад в анализ истории Латвии и стран Прибалтики как межвоенного периода, так и последующих годов.

Орленко Олеся Евгеньевна,
фонд «Историческая память» (Россия)

[184] Письмо Ж. Трипье в МИД Франции от 18 июня 1935 года // Там же. С. 334.

[185] Например, письмо Ж. Трипье от сентября 1934 года, в котором он пишет о трудностях, с которыми представители национальных меньшинств принимались в молодежные организации, создаваемые новым режимом // Там же. С. 234.

Аарон Шнеер

«Они не нравятся, они нежелательны». Трансформация антисемитизма в межвоенной Латвии от традиционного к расовому

18 ноября 1918 года Народный Совет Латвии, несмотря на присутствие на части территории Латвии немецких оккупационных войск, провозгласил Латвийскую Республику. На неоккупированной немцами территории 4 декабря 1918 года была провозглашена Советская Латвия. При поддержке латышских стрелков и других частей Красной армии к 3 января 1919 года советская власть была установлена на большей части Латвии, включая Ригу. Евреи – мелкие торговцы и ремесленники – радостно встретили новую власть, однако быстро наступило разочарование. Латышские большевики в попытках построить социализм оказались еще более радикальными, чем российские. В Латвии большевики практически полностью ликвидировали частную собственность, национализировали всю землю, приступили к созданию совхозов, ущемляли права национальных меньшинств. Евреи и русские были изгнаны из различных учреждений. В официальной работе служащие были обязаны использовать только латышский язык[186]. Лишь под давлением московского руководства в марте 1919 года разрешили использовать латышский, русский и латгальский языки. Для проверки нацио нальной политики Советской Латвии в 1919 году в Ригу прибыла специальная комиссия, которая отметила, что «*в советские учреждения на работу принимали только латышей, евреи подвергались грубой дискриминации*»[187]. Поэтому евреи, пережившие в 1919 году репрессии советской власти, поддержали борьбу за создание не-

[186] Latvijas ebreji un padomju vara 1928–1953. Zinātnisks apcerējums / sast., zin. red. L.Dribins. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2009. 11. – 12. lpp.

[187] *Бобе М.* Евреи в Латвии. Рига, 2006. С. 156–157.

зависимой Латвии. Более 2140 евреев, среди которых – 50 офицеров, воевали в рядах Латвийской национальной армии[188].

Существовал ли в Латвийской Республике еврейский вопрос? Если искать ответ на страницах латвийской печати, программных документах различных латышских национальных организаций, изучать факты насилия в отношении евреев, особенно в 1920–1924 гг. и 1932–1934 гг., то необходимо подчеркнуть, что еврейская тема неоднократно возникала, вызывала интерес и острую дискуссию. Журналист Эрнест Бланк писал, что еврейские предприниматели сводят на нет результаты Освободительной войны. Латышам, сбросившим немецкое иго, грозит иго еврейских банкиров, предпринимателей, торговцев. Наиболее антисемитскую позицию занимали лидеры Христианского национального Союза. Они первые обратили внимание на нацистов в Германии и 12 июля 1922 года в газете «Tautības Balss» («Голос народа») опубликовали статью «Национальное движение в Германии» и издали серию брошюр, направленных против иудаизма[189].

Уже в первые годы после обретения независимости радикальные националисты выступили даже за создание однородного национального, то есть латышского государства. В 1921 году газета «Latvijas sargs» (Латвийский страж) писала: *«…мы должны строго отгородиться как от азиатской русской культуры…, так и от чванливой германской культуры…»*[190] Симптом времени проявился в 1923 году, когда дощечки с названиями улиц на трех языках, установленные во времена царизма, были заменены одноязычными латышскими[191].

В Латвии не было антиеврейских законов, однако антисемитизм проник во многие слои населения. В чем причины этого?

Латыши в XIX веке сформировались как бедный крестьянский народ. После войны за независимость резко выросло ла-

---

[188] *Jēkabsons Ē.* Aizmirstie karavīri – ebreji Latvijas armijā 1918. – 1940. gadā. Rīga: "Šamir", 2013; *Кесельс Б.* С «зелеными» в лесах и полях Латгалии. Рига, 1933. С. 35–37. (на идиш).

[189] *Дрибинс Л.* Проблема антисемитизма в Латвии во время парламентского строя (1920–1934) // Евреи в меняющемся мире. № IV. Рига, 2002. С. 287, 291.

[190] Голос. 1994. № 3, 1994. С. 23.

[191] Там же.

тышское население в городах. Например, в Риге в 1920 году латыши впервые за всю историю города составили более половины населения, а именно – 55%, почти 16% составляли немцы, и 13% евреи[192]. Началось активное развитие латышской городской буржуазии. У латышей не было капиталов для быстрого восстановления Латвии. До 1917 года ведущие позиции в экономике Латвии принадлежали немцам, которых латыши ненавидели[193], теперь решающую роль в экономике заняли евреи, немцы были отодвинуты на второе место, а латыши снова оказались в стороне. Евреи имели широкие экономические связи с Англией и Германией. Это и определило роль евреев в восстановлении хозяйства Латвии. Латышская пресса писала: «*Экономическая миссия немцев на нашей земле окончательно перешла к евреям*»[194]. Это не могло не вызвать у латышей переноса неприязни с немцев на евреев, их заменивших. В начале 1920-х гг. это привело к появлению и росту латышского бытового антисемитизма. 19 июля 1921 года газета «Brīvā Zeme» писала: «*Все лучшие места для купания в Юрмале заполнены жидами*». Журнал «Latvijas kareivis» («Солдат Латвии») опубликовал статью «Мы и они». В статье подчеркивалось: «*они не мы, они не только чужие, они не нравятся, они нежелательны, они создают новую Палестину в Юрмале, ими полны рижские бульвары*»[195].

27 июля 1921 года периодическое издание «Brīvā Zeme» опубликовало статью «Еврейский вопрос». «*Против евреев надо создать национальный фронт в составе не только всех латвийских политических партий, все национальные меньшинства должны объединиться, чтобы избавиться от еврейского влияния и засилья*»[196]. Не менее десяти газет развернули идеологический террор против евреев. Дело

---

[192] Латыши – 101,6 тыс. (54,9%). немцы – 29,2 тыс. (15,8%), евреи – 25,2 тыс. (13,6%), русские – 12,4 тыс. (6,7%), поляки – 8,0 тыс. (4,3%).

[193] Немецкие бароны фактически 700 лет владели Латвией и даже во время российского правления сохраняли все баронские привилегии.

[194] Latvijas ebreji un padomju vara 1928–1953. Zinātnisks apcerējums / sast., zin. red. L. Dribins. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2009. Евреи Латвии и советская власть 1928–1953. 14. lpp.

[195] *Stranga A.* Ebreji un diktatūras Baltijā (1926–1940) / Latvijas Universitātes Jūdaikas Studiju Centrs. Rīga, 2002. Lpp. 118.

[196] Ibid. Lpp. 117.

Kapehz schihdi ir Latwijas eenaidneeki?

Latwju Nazionalà Kluba
schihdu ecspaiba aptaroschanas sehzijas isdewums.
Rigâ, 1923. g

дошло до того, что премьер-министр Латвии Зигфрид Мееровиц, еврей по отцу, в декабре 1922 года писал: «*За некоторым исключением латышская пресса культивирует фашизм и битье евреев*»[197].

В 1922 году создается Латышский национальный клуб, объединявший несколько тысяч человек. В 1923 году он издал брошюру «Почему жиды – враги Латвии?»

При Латвийском национальном клубе была создана секция по борьбе с еврейским влиянием. О каком влиянии идет речь? Евреи составляли около 5% населения. Однако в 1933 г. евреям принадлежало 20,2% промышленных предприятий, 28,5% магазинов, 48,6% крупнейших торговых предприятий. В руках евреев находился экспорт лесоматериалов и нефти[198]. О роли евреев в экономике свидетельствует опубликованная в газете «Сегодня» статья: «Что означает еврейский новый год?» В ней

[197] *Волкович Б.* Сионистское движение в Латвии (1918–1940). Кн. 1. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2008. С. 108.

[198] Там же. С. 91.

сказано: «*Обычно ежедневный доход рижской таможни составляет 10–13 млн лат, но в течение двух дней еврейских праздников ежедневный доход падает до 3 млн лат*»[199]. В 1935 году евреи составляли 26–27% зажиточных граждан Латвии[200]. Однако причина в том, что латыши и в 1920-е и 1930-е гг. оставались крестьянской нацией. Две трети латышей работали в сельском хозяйстве. Латышский народ никогда ранее не сталкивался с евреями на политической и социальной почве. Всплеск антисемитизма в 1920-е гг. был вызван националистическими экстремистами, частью зарождающейся латышской буржуазии, чиновничества и интеллигенции, которые не были готовы к конкуренции в условиях демократии.

9 октября 1923 года в Елгавской газете «Latvis» были изложены идеи, которые появятся в немецкой прессе лишь в 1933 году. «*Латыши! Настало время выступить открыто, смело и активно против евреев-паразитов на теле нашего народа. Тот, кто переступит еврейский порог, является изменником своего народа! Латыш может покупать только у латыша! Крестьянин! Ничего не продавай еврею! Националисты всех стран! Объединяйтесь в экономическом бойкоте против евреев!*»[201]

Вероятно, не случайно во время войны Елгава стала первым латвийским городом, полностью «очищенным» от евреев.

Расстрелы евреев в Елгаве начались 30 июня 1941 года. Елгава – единственный город в Латвии, в котором у всех въездов в город были поставлены желтые дорожные знаки с надписью на двух языках, на немецком: «Mitau judenfrei» и латышском: «Mītava bez zīdiem»[202]. Вероятно, стоит обратить внимание и на то, что основным инициатором и исполнителем окончательно-

---

[199] Там же.

[200] Там же. С. 94.

[201] *Цейтлин Ш.* Документальная история евреев Риги. [Тель-Авив], 1989. С. 39–41.

[202] Уничтожение евреев в Латвии. Цикл Лекций. Шамир. Рига, 2007. С. 128–129; *Гущин В.* Команда Мартиньша Вагуланса. Из истории Холокоста в Елгаве. Доклад на международной конференции «Вторая мировая война и страны Балтии. 1939–1945 г.» // Dialogi. lv. 2006. 18 дек. URL: dialogi. lv (дата обращения: 21.05.2015); Из истории Холокоста в Елгаве. Доклад на Международной научной конференции «Итоги Второй мировой войны: жертвы, праведники,освободители и палачи». Рига. 14–15 марта 2010 г. Стенограмма. С. 24–25. URL: http://www. balticforum.

Латвийская карикатура 1931 года: «Деточка, разве ты не видишь, что это - черный ядовитый боровик, которым можно отравиться»

го решения еврейского вопроса в Елгаве был редактор местной газеты «Nacionālā Zemgale» Мартиньш Вагуланс, он же одновременно - руководитель местной латышской группы СД. Уровень антисемитизма в названной газете превосходил общелатвийскую газету «Tēvija». Это яркий пример того, как устное и печатное слово материализовалось в страшные преступления. Однако это произойдет через 18 лет, а пока вновь вернемся в 1920-е гг., подготовившие события лета 1941 года.

На активность антисемитской пропаганды особое влияние оказывала экономическая ситуация в Латвии. Так если 1924 году

org/files_uploads/files/2010_stenogramma_15. 03_kruglij_stol_2_full. pdf (дата обращения: 21.05.2015).

Немецкая карикатура 1938 года: «Как тяжело отличить поганый гриб от хорошего, так нелегко распознать мошенника и преступника в евреях»

было опубликовано 32 антисемитских статьи, то в 1925 году всего две[203]. В это время экономика стабилизировалась, тотчас антисемитская пропаганда пошла на убыль.

Знакомясь с антисемитской пропагандой 1930-х гг., возникает вопрос: кто у кого учился – латышские антисемиты у немецких, или немецкие у латышских?

Необходимо отметить, что антисемитизм в Латвии лишь вначале носил в первую очередь экономическо-социальный характер; позже стали появляться расовые мотивы. При этом не было политической подоплеки, обвинявшей латвийских евреев в симпатиях к коммунизму. Об этом свидетельствует то, что в 1920–1940 гг. ни один из местных евреев не был назван в качестве большевистского комиссара 1919 года, не упоминается участие евреев в красном терроре. Это важно отметить потому, что в антисемитской литературе и прессе Восточной и Центральной Европы подчеркивалось именно участие евреев в организации и управлении революционным движением, а также в коммунистическом

[203] *Волкович Б.* Сионистское движение в Латвии (1918–1940). С. 102.

терроре[204]. Наоборот, в латвийской прессе отмечалось, что евреи с восторгом встречали в Риге 22 мая 1919 года немецкую «Железную дивизию». Журнал «Tautas Vairogs» – «Народный щит» в сентябре 1933 года писал: «*По улицам шли немцы и евреи, поздравлявшие победителей, если какой-то жид указывал, кто коммунист, то немцы стреляли без жалости… Жиды только тем и занимаются, что указывают, выдают для расстрела*»[205].

В период мирового экономического кризиса в 1929 году антисемитизм среди латышского и немецкого населения, особенно под воздействием нацистов Германии, приобретает невиданный прежде массовый характер. Началась неофициальная дискриминация евреев в государственных учреждениях и армии.

В связи с этим Мордехай Дубин – депутат Латвийского Сейма (парламента) на заседании Сейма 28 октября 1930 года заявил: «*На государственную службу евреев, как и при царизме, не принимают*»[206].

Как следствие усиления антисемитских настроений в январе 1932 года в Латвии создается организация «Ugunskrusts» («Огненный крест»), вскоре закрытая властями, но возродившаяся в мае того же года под именем «Pērkonkrusts» («Громовой крест»). Именно «Перконкрустс» стал проводником расистского варианта антисемитизма в Латвии. «Перконкрустс» декларировал:

1. Подрыв экономических позиций евреев.
2. Освобождение латышской культуры от евреев.
3. Уменьшение физических резервов евреев.

Член «Перконкрустса» поэт Леон Брейкис писал: «*Нельзя допустить, что на нашей земле все тверже закрепляются потомки выродков из Малой Азии. <…> Поднимем штыки и уничтожим их! … проклятие этой земли – евреи*»[207]. Таким образом, оценивая идеологию «Перконкрустса», можно сделать вывод, *«что, по крайней мере – частично, идея уничтожения евреев родилась задолго до нацистской оккупации Латвии»*[208].

---

[204] Евреи Латвии и советская власть 1928–1953. С. 11.

[205] Там же, с. 13.

[206] *Stranga A.* No ienākšanas pirmsākumiem līdz holokaustam. 14. gadsimts – 1945. gads. Rīga: LU žurnāla “Latvijas Vēsture” fonds, 2008. 471. lpp.

[207] *Волкович Б.* Сионистское движение в Латвии (1918–1940). С. 102.

[208] *Stranga A.* EbrejiundiktatūrasBaltijā (1926–1940). 36. lpp.

Антисемитские настроения были сильны в студенческих корпорациях Lettonia, Selonija. В студенческом совете Латвийского университета число и влияние перконкрустовцев постоянно росло. Поступило даже предложение создать кафедру антисемитизма. Все эти факты имели место в парламентской Латвии. Именно в условиях демократии свобода, предоставленная антисемитским пропагандистам в 1920–1930 гг. в Латвии (впрочем, как и в Германии), позволила создать организованные антисемитские группировки и внедрила антисемитизм в сознание многих граждан, которые искали ответа на вопросы: кто виноват в экономических трудностях и что делать? Ответ на эти вопросы дали нацисты в Германии и перконкрустовцы в Латвии. В случае, когда их действия носили уголовный характер, их наказывали за последствия этих действий. Однако их право высказывать свои идеи в условиях демократии не ставилось под сомнение. Источник-возбудитель антисемитизма как в Латвии, так и в других странах Европы, не подвергался наказанию. Все же в Латвии по решению Рижского окружного суда от 30 января 1934 года «Перконкрустс» был запрещен.

После государственного переворота 15 мая 1934 года в Латвии был распущен парламент и запрещена деятельность всех политических партий и организаций. В июне того же года были арестованы все активисты «Перконкрустса». Его руководитель Гунар Цельминьш в 1937 году, после трех лет заключения, был выслан в Германию. Смешно, пародоксально и трагично то, что через четыре дня после вступления в Латвию Красной армии 21 июня 1940 года из тюрьмы освободили вместе со 150 коммунистами около 100 перконкурустовцев. Коммунистов выпустили из центральных ворот и встречали с цветами, перконкрустовцев – из других ворот, однако обо всех заявили, что освобождают противников фашистского режима Улманиса[209].

После переворота 1934 года в Латвии была запрещена свобода печати, поэтому были закрыты все антисемитские издания, открытая пропаганда антисемитизма почти прекратилась. Однако президент Улманис стремился уменьшить влияние евреев в экономике. Чтобы обеспечить конкурентоспособность латыш-

[209] *Maijs L.* "Pērkonkrusts" bez maskas, jeb P. fenomens un viņa mūsdienu apoloģēti (1932–1941–1944). Riga, 1998. 5. lpp.

ских предпринимателей, правительство ввело государственную монополию на хлеботорговлю, лишило еврейскую кооперацию государственной поддержки, ввело ограничение на получение евреями кредитов в госбанках, национализировало часть еврейских банков, промышленных и торговых предприятий. Оставшиеся еврейские предприятия платили более высокий налог, чем латышские. Однако это было вызвано лишь экономическими интересами, в данном случае нельзя говорить о политике государственного антисемитизма. Достаточно сказать, что в 1933–1940 гг. Латвия с населением менее 2 млн человек приняла около 5 тысяч еврейских беженцев из Германии, Австрии, Чехословакии, Польши. Большинство избрали Латвию в качестве транзитного пункта. Однако некоторые остались в Латвии. В марте 1940 года еще 551 беженец проживал в Риге[210].

Идея создания однородного национального государства была жива и во время правления Улманиса. Однако это было возможно лишь после ассимиляции национальных меньшинств. Евреи считались общиной, неспособной к ассимиляции, поэтому их необходимо изгнать из Латвии, проводя политику, способствующую отъезду евреев. Именно эту политику в мягкой форме проводил в жизнь Улманис. Поэтому он в 1934–1940 гг. поддерживал еврейскую эмиграцию в Палестину, открыто выражал поддержку в первую очередь сионистам-ревизионистам и школам с преподаванием на иврите. Он понимал: евреи, изучающие иврит, не собираются оставаться в Латвии. Улманис не поощрял антисемитизм, но во время его правления так и не удалось предотвратить его распространение. Как свидетельствует история, антисемитизм становится особенно активным и радикальным в годы драматических политических перемен. Латвия не была исключением. Однако в Латвии, в отличие от Германии, еврей до 1940 года не считался носителем коммунистической идеологии. Лишь после установления советской власти в Латвии в июне 1940 года латвийский антисемитизм включил в себя ранее чуждый для него элемент: обвинение евреев в коммунизме и поддержке советской власти. Еврей стал ассоциироваться с врагом, который оккупировал Латвию, принес репрессии и террор. Таким обра

[210] Österreichische Juden in Lettland. Flucht – Asyl – Internierung. Innsbruck – Wien – Bozen, 2010.

зом бытовой, социальный, религиозный, политический и расовый антисемитизм слились воедино. Однако в 1940 году в Латвии стали действовать новые законы. Советским законом антисемитизм и антисемитская пропаганда были запрещены и строго карались. Это привело к эффекту пружины. С началом военных действий на территории Латвии в 1941 году сжатая государством пружина антисемитизма распрямилась и особенно на оккупированных немцами землях СССР ударила по евреям. После немецкой оккупации в Латвии немедленно началась обработка местного населения в духе нацистской пропаганды. Инкорпорация Латвии в состав Советского Союза подавалась как часть плана по установлению еврейского господства над всем миром. Вступление в Латвию немецких войск трактовалось как освобождение от «жидобольшевистского ига». Описание «Baigais gads» – «страшного года» 1940–1941)[211] и особый акцент на темах кровавого террора и заговора против латышского народа, стали ключевыми моментами в системе пропаганды среди латышей в 1941–1945 гг. Уже в первых номерах газеты «Tēvija» («Отечество») – издание вышло в свет 1 июля 1941 года, в день, когда передовые части вермахта вошли в Ригу – было положено начало созданию коллективного образа еврея-врага, коммуниста-чекиста, виновного и ответственного за все, что происходило в Латвии за год советской власти[212]. Таким образом, евреи были представлены палачами латышского народа. И поэтому закономерным оказался вывод: «От этого врага необходимо очистить Латвию». С этой задачей в 1941–1942 гг. местные убийцы справились прекрасно.

В заключение вспомним слова Карла Ясперса, который после разгрома Германии говорил, что опыт истории учит: демократия ежедневно должна защищать своих граждан, их честь, права, достоинство. Формальная демократия – не умеющая, не желающая

---

[211] «Baigais gads». Необходимо отметить, что данное обозначение советского периода 1940–1941 годов впервые появляется в августе 1941 года для усиления эмоционального воздействия на аудиторию. Примечательно, что и в современной политической и научной литературе данное словосочетание является востребованным.

[212] *Зеллис К., Олехнович Д.* Карикатура в газете «Tēvija» 1941–1945 гг.: некоторые вопросы источниковедческой критики // Вестник Гуманитарного факультета Даугавписского университета / Отв. ред. Ф. Федоров. 2005. № 7. С. 78–95.

себя защищать – уступает место другой власти. Один из видов этой защиты – последовательная борьба против любых проявлений национальной нетерпимости, ксенофобии, антисемитизма, расизма, фашизма. Однако тут мы вступаем в сферу дискуссии о праве демократии защищать себя, о праве, порой вступающем в противоречие с лозунгами о свободе высказывания личности или организации, о праве публикации тех иных взглядов. Но это уже иная тема.

Шнеер Арон,
PhD, Мемориал Яд-Вашем (Израиль)

Игорь Прекуп

Филетизм в новейшей истории Православия в Эстонии: его специфика и почва

В качестве преамбулы – несколько слов о сущности филетизма как такового, затем перейдем к его эстонской версии[213]. Как экклезиологическая[214] ересь, представляющая собой националистическое искажение церковного сознания, филетизм был осужден Константинопольским Патриархатом на Поместном[215] Соборе, созванном в 1872 году по поводу неканоничного отделения Болгарской Церкви от Царьградского престола[216].

---

[213] В данной статье речь именно об эстонском филетизме как решающем факторе раскола в эстонском Православии.

[214] Экклезиология – область догматического богословия, наука о Церкви.

[215] Справедливости ради стоит упомянуть, что в работе Собора, который задумывался как Вселенский, принимали участие не только представители Константинопольского Патриархата, но и Патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, архиепископ Кипрский и представители Элладской Церкви.

[216] В соборном определении было сказано: «Мы отвергаем и осуждаем племенное деление, то есть племенные различия, народные распри и разногласия в Христовой Церкви, как противные евангельскому учению и священным законам блаженных отцов наших, на коих утверждена Святая Церковь и которые, украшая человеческое общество, ведут к Божественному благочестию. Приемлющих такое деление по племенам и дерзающих основывать на нем небывалые доселе племенные сборища, мы провозглашаем, согласно священным канонам, чуждыми Единой Кафолической и Апостольской Церкви и настоящими схизматиками» (Этнофилетизм // Древо. Открытая православная энциклопедия. URL: http://drevo-info.ru/articles/11313.html (дата обращения: 21.05.2015). Вся история болгарской схизмы очень непроста и неоднозначна, а репрессивные в отношении Болгарской Церкви соборные решения не получили общецерковной рецепции (Иерусалимский Патриарх Кирилл не подписал постановления и уехал, не дождавшись окончания Собора, Антиохийский Патриарх Иерофей подписал, однако, вернувшись домой, не нашел поддержки в своем Синоде), но само по себе *выявление и осуждение филетизма, не оспоренное ни в одной Поместной Церкви – несомненно, промыслительное событие в церковной жизни.*

Термины «филетизм» и тождественный ему по содержанию, наравне с ним употребляемый «этнофилетизм» происходят от греческих слов ἔθνος (народ) и φῦλή, которое переводится не только как «род, колено, племя», но и как **фила** – древнейшее подразделение греческого народа, административно-территориальное объединение, образовывавшееся из разных родов и колен (аналогично лат. tribus).

Следует отметить, что в раскрытии понятия национализма встречаются некоторые разночтения. Если, например, А. П. Лопухов сводит его к «попытке доказательства права одной нации господствовать над всеми остальными, эксплуатировать, завоевывать, уничтожать другие народы» и «решать все государственные, политические, социально-экономические и духовные проблемы исключительно с позиции преобладания мононационального фактора в ущерб „чужим" нациям»[217], а с точки зрения Андре Конт-Спонвиля – это «*возведение нации в абсолют, стремление подчинить ему все остальное – право, мораль, политику*»[218], то в представлении, например, певца русского «христианского национализма» И. А. Ильина, этот феномен коренится в «идее метафизического своеобразия человека», закономерно в своем развитии порождающей идею «метафизического своеобразия народа». Национализм, по его мнению, не что иное, как «инстинкт нацио нального самосохранения», «состояние верное и оправданное», которого не следует «стыдиться, гасить или глушить», но «*осмысливать его перед лицом Божиим, духовно обосновывать и облагораживать его проявления*»[219].

Русский национализм Иван Ильин видит не иначе как на почве христианства[220], но **не детерминированное национальными интересами и обычаями, христианство на на-**

---

[217] Словарь терминов и понятий по обществознанию. Автор-составитель А.М. Лопухов. 7-е изд. перераб. и доп. М., 2013. С. 239.

[218] *Конт-Спонвиль А.* Философский словарь / Пер. с фр. Е. В. Головиной. М., 2012. С. 340.

[219] *Ильин И. А.* О русском национализме // Православие.ru. URL: http://www.pravoslavie.ru/put/2448. htm (дата обращения: 21. 05. 2015)

[220] См.: *Ильин И. А.* Основы христианской культуры. Глава 7. О христианском национализме // Ильин И. А. Основы христианской культуры. СПб.: Шпиль, 2004. С. 55–61 (представляет собой развитие статьи «О русском национализме»).

циональной почве, как порой интерпретируют нынче идею симфонии Церкви и государства некоторые доморощенные идеологи.

Аналогичные мысли о специфике русского национального самосознания мы находим в наследии митр. Антония (Храповицкого), утверждавшего, что «*существенное различие патриотизма русского... от патриотизма племен и государств западных, выросших на началах римского язычества, заключается в том, что для последних самосохранение и внешнее усиление государства или племени является конечным предметом их вожделений, высшею целью их деятельности. <...> Самосознание русское, народное – есть самосознание не расовое, не племенное, а вероисповедное, религиозное*»[221].

Будучи одним из проявлений инстинкта самосохранения, национализм изначально по самой своей природе пристрастен как этос, которому присуще предпочтение «своих», даже без (до поры, до времени) неприязни к «чужим». Пока он проявляется лишь в некой «*односторонности и неполноте, и человек сохраняет сознание обязанности любить чужую жизнь, уважать чужие интересы, проявлять осторожность, дабы и случайно не навредить „не своим", до тех пор все находится в пределах нравственно-допустимого*»[222], поэтому в мирской жизни национализм может быть в определенных рамках терпим, но в жизни церковной он *принципиально неприемлем* в силу своей чуждости, ***иноприродности*** христианству.

Чтобы понять антицерковную сущность филетизма, уместно вспомнить размышления прот. Александра Шмемана о природе церковного «единства сверху» и о его подмене «единством снизу»: «Нет... на человеческом языке слова («единство». – *И. П.*) более Божественного, но потому – в падении своем, „украденности" своей у Бога – и более дьявольского. И это так потому, что тут как первичный смысл, так и подмена, кража касаются не чего-то только связанного с жизнью, а *самой жизни*, подлинной жизни в ее первосущности.

---

[221] *Антоний (Храповицкий), архиеп.* О национализме и патриотизме // Антоний (Храповицкий), архиеп. Полное собр. соч. в трех томах. СПб., 1911. Т. 2. С. 220, 221.

[222] *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. Основы этики // Лосский Н. О. Ценность и бытие: Бог и царство Божие как основа ценностей. Харьков: Фолио; Москва: АСТ, 2000. С. 302.

<...> Вера есть причастие *единству свыше* и в нем – „иного жития, вечного, начало“... Даром же, присутствием, исполнением этого *единства свыше*, и потому – веры, в „мире сем“ является Церковь. <...> Она всецело *инородна* по отношению к нему... Но потому именно тут, именно в постижении инородности Церкви по отношению к „миру сему“, сущности ее как единства свыше, раскрывается нам подлинный смысл той подмены, о которой мы сказали выше, что в ней главный и самый страшный соблазн, отравляющий современное церковное сознание, подмены единства свыше – *единством снизу*»[223].

Филетизм – не что иное, как разновидность «единства снизу». Воплощаемый в расколе, он подлежит более строгому осуждению, чем «бытовой», но и последний опасно недооценивать, потому что любая, коллективно переживаемая, в силу «единения снизу», страсть – это воспаление в церковном теле. Пусть даже не острое и, по причине своей привычности, быть может, не доставляющее особого неудобства, но это состояние нездоровое. И если уж развивать аналогию с воспалением, стоит вспомнить, что в физическом организме оно ведет к ослаблению иммунитета со всеми вытекающими, порой катастрофичными, последствиями.

Историческая справка

Православие на эстонской земле в течение тысячелетия формировалось в лоне Русской Православной Церкви: еще в 1030 году русским князем Ярославом Мудрым был основан город Юрьев (Тарту), где были построены православные храмы. Православная традиция утверждалась одновременно с католичеством, пока в XIII веке не была насильственно прервана экспансией крестоносцев. Впрочем, в Тарту православные держались до 1472 года, когда были замучены приходской пастырь святой Исидор Юрьевский с 72 прихожанами, а бежавший оттуда в Псков священник Иоанн Шестник (в монашестве – Иона) основал Псково-Печерский монастырь, преподобный игумен которого Корнилий проповедовал Православие не только эстонцам, жившим

[223] *Шмеман А., прот.* Евхаристия. Таинство Царства. М.: Паломник, 1992. С. 180–183.

в окрестностях монастыря, но доходил до Нарвы, основал приходы в Нейгаузене (ныне – Вастселийна) и в других местах[224].

Возрождение Православия приходится не на XVIII век, как того можно было бы ожидать (вследствие Ништадтского мирного договора) от православной державы, а на середину XIX века, и происходит не с подачи Государя и Святейшего Синода, а поначалу даже *вопреки им* в результате спонтанного движения к Православию в среде самих эстонцев, латышей и шведов.

С самого начала Православие в Остзейском крае[225] выступало как опора угнетаемого баронами коренного населения. Быть может, многих именно открытость православных архипастырей и пастырей к нуждам и скорбям простого народа и привлекла, потому что это отношение свидетельствовало о живой вере, о жизни во Христе, об Истине, освобождающей внутренне и позволяющей почувствовать себя полноценной личностью, а не второсортным «мужичьем». И настолько убедительно было это свидетельство, что при всех жесточайших гонениях, которые испытали на себе обратившиеся в Православие крестьяне, даже зимой сгоняемые семьями со своих земель помещиками, при том, что царское правительство, заигрывая с баронами, долгое время зачастую предавало своих новообретенных собратьев по вере (что давало повод к издевательствам со стороны помещиков и «благоразумных» ренегатов над их «ошибочным выбором»), большинство все равно остались верны Матери-Церкви.

---

[224] Достойно внимания, что деятельность русских миссионеров оставила неизгладимый след в эстонском языке. Это касается, в частности, слов, именующих основные средства проповеди: **rist** – крест и **raamat** – книга (от славянского слова «грамота»). Эстонский глагол **ristima** – крестить тем самым, что происходит от слова **rist**, указывает на укорененность в сознании средневековых эстов просвещения с Востока, потому что именно в русском языке таинство рождения в жизнь вечную обозначается словом, устанавливающим связь как с Крестом Христовым, так и с крестом, который каждый христианин несет по жизни. Во многих европейских языках это таинство обозначается словами, происходящими от древнегреческого **βαπτίζω** (ваптизо) – буквально: погружаю, а немецкое **taufen** – крестить – происходит от **tauchen** – нырять, опускать в воду.

[225] Рижская епархия в 1836 году учреждается вначале как викариатство Псковской епархии; самостоятельная епархия – с 1850 г. До присоединения к ней в 1865 году территории Эстляндской губернии включала только часть Остзейского края – территорию Лифляндской и Курляндской губерний.

Достойно внимания также, что Рижской духовной семинарии было суждено сыграть роль кузницы кадров не только для Церкви, но и для эстонского и латышского народов, ибо она «была первым доступным для местного населения среднеучебным заведением, выпускавшим культурно-национальных, интеллигентных работников из латышского и эстонского крестьянства»[226]. Некоторые выпускники семинарии поступали в высшие учебные заведения. Именно из нее вышли такие значимые для Эстонии личности, как первый ее президент Константин Пятс, первый министр иностранных дел Эстонии Яан Поска, мэр Таллина Антон Уэссон, первый профессор эстонского языка Тартуского университета и основатель издательства «Eesti Kirjandus» Яан Йыгевер и многие другие.

Каноническое оформление эстонского Православия начинается в конце 1917 года, когда во главе Ревельского викариатства[227], а временно и во главе всей Рижской епархии ставится первый епископ-эстонец – священномученик Платон (Кульбуш), благодаря самоотверженной любви и заботе которого православная церковная жизнь в Эстонии расцвела в самых неблагоприятных условиях. Однако в начале 1919 года красные комиссары Кулль, Рятсепп и Оттер перед отступлением из Тарту расстреляли его[228].

После изгнания красных (в основном, благодаря Северо-Западной Армии) в Эстонии мало-помалу начинает налаживаться гражданская жизнь, а вот в церковной наступает кризис. События, происходившие в православной среде Эстонии в 1919–1920 гг., подробно описаны С. Г. Исаковым в статье «К истории конфликта в православной церкви Эстонии (Попытка высылки русских православных священнослужителей из страны в 1920 г.)»[229]. Название говорит само за себя.

---

[226] *Сахаров С. П.* Рижские православные архипастыри за сто лет (1836–1936). Даугавпилс, 1937. С. 22.

[227] Впервые Ревельское викариатство было учреждено в 1817 году в составе Санкт-Петербургской епархии, затем в 1866 году – в Рижской епархии (после присоединения к ней в 1865 году территории Эстляндской губернии).

[228] Причислен к лику святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 2000 году.

[229] См.: *Исаков С.Г.* К истории конфликта в православной церкви Эстонии. Попытка высылки русских православных священнослужителей из страны в 1920 г.//

Обзор этой статьи заслуживает отдельного доклада, но отметим лишь несколько моментов: 1) Рижский епархиальный совет, которому сщмч. Платон завещал руководство паствой на случай, если он окажется лишен возможности управлять ею, был произвольно преобразован своей эстонской частью во Временный совет Эстонской епархии (Eesti Piiskopkonna Ajutine Nõukogu), предоставив латышам организовать свой; 2) созванный 18.03.1919 «Собор Апостольско-Православных приходов Эстонии» носил откровенно сегрегационный характер в отношении русских собратьев (которых на территории Эстонии в период Гражданской войны за счет белоэмигрантов стало намного больше), а в его решениях хватало плохо прикрытых недоброжелательных высказываний, сопровождавших провозглашение курса на получение автокефалии; 3) поскольку русское духовенство не вписалось в общий дух времени, продемонстрировав несогласие с тем, как осуществляется церковная жизнь в Эстонии, предприняло попытки самоорганизоваться и занять верную каноническую позицию, отношение к нему со стороны членов Епархиального совета ухудшилось настолько, что 07.06.1920 они за подписью Пауля Сеппа подали министру внутренних дел донос на русских священнослужителей (в первую очередь на эмигрантов) с требованием арестовать и выслать их в Советскую Россию, прекрасно понимая, чем это им грозит; 4) на основании чего два министра – внутренних дел и военный – подписали постановление, запустившее репрессивный процесс, и вскоре депортации в Россию подлежали уже сорок священнослужителей (выслать удалось мало кого, но, что примечательно, государство смягчилось раньше, чем члены Совета, надеявшиеся избавиться от смутьянов руками государственных чиновников); 5) если на мартовском Соборе 1919 г. русских просто игнорировали, то на сентябрьском 1920 г. понемногу стал вырисовываться диалог между эстонской и русской частями эстонского Православия.

Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. [Т.] IX. Вильнюс: Русские творческие ресурсы Балтии; Изд-во Вильнюсского ун-та, 2005. С. 134–162. См. также: Докладная записка ревельского благочинного А.П. Аристова министру исповеданий Северо-западного правительства (1919 г.) / Публ. и коммент. С.Г. Исакова // Там же. С. 163–174.

Такова драматичная страница церковной истории, и, что примечательно, эти события разворачивались параллельно учреждению Московским Патриархатом автономии Эстонской Православной церкви и рукоположению для нее правящего архиерея.

В 1920 году Святейший Патриарх Всероссийский Тихон предоставил автономию новорожденной Эстонской Православной церкви, из среды которой был избран протоиерей Александр Паулус, в конце того же года рукоположенный во епископа и возведенный на кафедру архиепископа Ревельского (с принесением соответствующей присяги на верность Московскому Патриарху и всей иерархии Русской Православной Церкви).

Новообразованное эстонское государство хотело видеть в независимой республике такие же независимые (то есть зависимые исключительно от него) религиозные структуры, и оказывало в этом направлении политическое давление на Эстонскую Православную Церковь. Атеистические гонения и церковная смута в СССР послужили поводом к тому, чтобы в 1923 году архиепископ Александр обратился за *автокефалией* к Патриарху Константинопольскому Мелетию (Метаксакису), который, однако, не дал просимой автокефалии, но лишь предоставил «Эстонской православной митрополии» соответствующим Томосом *автономию* в своей юрисдикции, оправдывая в тексте этого документа свой антиканоничный шаг (принятие без отпускной грамоты от Матери-Церкви) исключительными обстоятельствами, временно затрудняющими сообщение дочерней Церкви с Патриархом Московским.

«Эстонская православная митрополия», официально именовавшая себя «Эстонской Апостольско-Православной Церковью» (далее – ЭАПЦ), была разделена не на три (как предписывалось Томосом), а на две епархии – Таллинскую и Нарвскую. При этом деление было проведено не по территориальному признаку (согласно церковным нормам), а по национальному критерию: Таллинская епархия состояла в основном из эстонских и смешанных приходов (туда же входил Пюхтицкий монастырь, непосредственно подчинявшийся митрополиту), а Нарвская – в основном из русских общин.

Когда в 1940 году Эстония была присоединена к Советскому Союзу, митрополит Александр, опросив духовенство, предпри-

нял попытки воссоединения с Русской Православной Церковью, и в 1941 году, после повторного обращения к митрополиту Сергию (Страгородскому) с просьбой «покрыть любовью невольный грех отпадения»[230], наша Церковь воссоединилась с Московским Патриархатом.

С началом войны митрополит Александр вновь нарушил присягу, уведя в раскол подчиненную ему Таллинскую епархию, тогда как Нарвская, возглавлявшаяся еп. Павлом (Дмитровским), осталась верна Матери-Церкви.

В 1944 году митр. Александр и 22 священнослужителя ЭАПЦ эмигрировали, а Таллинская епархия в 1945 году, по объединении с Нарвской, составили единую Эстонскую епархию, которая, спустя полвека, в 1991 году, после восстановления государственной независимости, была зарегистрирована как Православная Церковь в Эстонии.

11.08.1992 возглавляемый Святейшим Патриархом Алексием II Синод Русской Православной Церкви предоставил Православной Церкви Эстонии «самостоятельность в делах церковно-административных, церковно-хозяйственных, церковно-просветительных и церковно-гражданских»[231]. Таким образом, была фактически восстановлена автономия, предоставленная Эстонской Церкви свт. Тихоном в 1920 г. А 26.04.1993 Святейший Патриарх Алексий и Священный Синод издали томос, в котором окончательно подтвердили восстановление дарованной святителем Тихоном автономии[232]. Этот документ 29.04.1993 г. был вручен в Пюхтицком Успенском женском монастыре на Соборе Эстонской Православной Церкви Патриархом Алексием своему преемнику по Таллинской кафедре еп. Корнилию (Якобсу)[233], по сей день возглавляющему Эстонскую Православную Церковь Московского Патриархата. О восстановлении автономного статуса и готовящейся к регистрации новой

---

[230] Протокол заседания Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви от 17 января 1941 г. ЭИА. Ф. 1655. Оп. 3. Д. 422. Л. 12–12 об.

[231] Постановления Священного Синода // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1992. № 10. Официальная хроника. С. III.

[232] Томос Алексия II, Патриарха Московского и всея Руси, епископу Таллинскому и всея Эстонии Корнилию // *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси.* Православие в Эстонии. М.: Правосл. энциклопедия, 1999. С. 576–578.

[233] С 2000 г. – митрополит.

редакции Устава ЭАПЦ 1935 года МВД ЭР было незамедлительно после Собора извещено.

Однако небольшая группа священнослужителей и мирян к этому моменту уже усердно работала в другом направлении. Согласно их позиции, *Эстонская епархия – это марионеточная структура Русской Православной Церкви, прервавшей на территории Эстонии уставную деятельность Эстонской Апостольско-Православной Церкви, деятельность которой продолжилась за рубежом*, аналогом же «правительства в изгнании» был Зарубежный Синод ЭАПЦ, сформированный в 1948 г. в Стокгольме. Восстановление автономного статуса при этом увязывалось с обязательным выходом из состава Московского Патриархата.

Параллельно Пюхтицкому Собору эта группировка организовала 28–29 апреля в Таллинском Преображенском храме свое альтернативное собрание, состоявшее из нескольких клириков и не имевших представительских полномочий от приходов мирян, но зато руководимое председателем зарубежного Синода ЭАПЦ прот. Николаем Суурсеетом (в детстве Пономаревым) и почтенное присутствием референта Службы по делам вероисповеданий при МВД М.-А. Хельяс.

Спустя несколько месяцев, 11.08.1993, МВД Эстонии, руководствуясь политическими мотивами, зарегистрировало под историческим наименованием «Эстонская Апостольско-Православная Церковь» структуру, поначалу состоявшую из двух приходов, представленных Стокгольмским «Синодом». Эту малую отколовшуюся часть государственные чиновники признали в качестве законной правопреемницы со всеми юридическими и имущественными последствиями такого решения, а наша Церковь восемь лет оставалась без государственной регистрации в состоянии глубокого поражения в правах и была зарегистрирована только в 2002 году после долгих и трудных переговоров.

Не вдаваясь в подробности, в заключение исторической справки отметим, что на сегодняшний день приходы ЭПЦ МП, за редким исключением, – арендаторы своих же храмов, но теперь уже не по вине государства, а из-за условий, на которых от них в пользу государства отказалась ЭАПЦ, игнорируя Цюрихские договоренности 1996 г., согласно которым одним из взаимных обязательств при восстановлении молитвенно-

го общения между Московским и Константинопольским патриархатами являлось гражданское равноправие их структур в Эстонии.

Специфика филетизма церковной структуры Константинопольского Патриархата в Эстонии

Как это ни парадоксально, корни эстонского филетизма уходят в ту самую эпоху, когда Российское государство впервые стало последовательно заботиться о народах Остзейского края – в эпоху Александра III, с именем которого в эстонской историографии прочно ассоциируется так называемая политика «русификации», которая, как правило, преподносится как попытка насильственной ассимиляции эстонцев, из-за «введения русского языка в качестве языка преподавания, хотя с точки зрения правительства целью этой меры (так же, как и переселения русских колонистов) было укрепление в Прибалтике „начал русской государственности", а не превращение местных народов в русских»[234].

В 1880 г. в школах Остзейского края вводятся российские школьные законы, а в 1885 году император издает указ, согласно которому все школы переподчиняются Министерству народного просвещения и программы начинают приводиться в соответствие с общими требованиями. Обучение в школах стало русскоязычным, преподавание на эстонском языке допускалось только в течение первых двух лет обучения[235]. Далее на родном языке продолжали преподавать только эстонский язык, Закон Божий и церковное пение[236].

Реформы были направлены против «особого порядка» в этом заповеднике феодализма, управлявшемся немецкими барона-

---

[234] *Андреева Н С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: http://www.dissercat.com/content/pribaltiiskie-nemtsy-i-rossiiskaya-pravitelstvennaya-politika-v-nachale-20-veka#ixzz3IiG9j3SL (дата обращения: 21.05.2015).

[235] См.: Эстония: Энциклопедический справочник. Таллин: АО Издательство Эстонской энциклопедии, 2008. С. 447.

[236] *Andersen L.* eesti kooli ajalugu. Algusest kuni 1940. aastani. Tallinn: Avita, 1995. L. 137. В православных школах и Закон Божий тоже стали преподавать на русском языке.

ми, которые называли себя подданными Русского государя, но не Российского государства, с которым не желали «смешиваться»[237]. Однако, как пишет Н. Андреева, «...намеченные цели не были достигнуты, а результаты избранной линии имели эффект обратный ожидавшемуся: они способствовали росту антирусских настроений среди остзейцев, эстонского и латышского населения»[238].

Можно по-разному относиться к государственной политике так называемой русификации, можно спорить об ее концептуальной основе, о достоинствах и недостатках, о целях и средствах, о благих намерениях ее идеологов и головотяпстве отдельных исполнителей, но в том, что касается *церковной* политики, как это ни странно для синодального периода, мы наблюдаем *самостоятельный, независимый от веяний времени курс*.

Кто бы что ни утверждал, но инструментом ассимиляции Православие в Остзейском крае не было никогда. Наоборот, еще в 1865 году ректор Санкт-Петербургской духовной академии еп. Выборгский Иоанн (Соколов), ревизовавший Рижскую духовную семинарию, рекомендовал обстоятельно изучать в ней историю латышей и эстов, чтобы «через приходских священников развивать в них национальное сознание», а «не изучившим местных языков не давать права на священство»[239].

Этот, казалось бы, парадоксальный курс на «развитие нацио нального сознания» латышей и эстонцев через приобщение к Православию, в котором «ни эллина, ни иудея», и на религиозное просвещение с погружением в богослужебную жизнь *на родном языке* оставался неизменным.

---

[237] Согласно Ю. Самарину остзейцы говорили: «Да, мы подданные русского императора, но с Россиею мы не хотим смешиваться». По словам И. Аксакова, они так излагали царю свою концепцию: «Нам... нет дела до русской нации; мы знаем только Вас, Государя вообще. – Мы не русской нации «хотим» служить; мы своему Государю хотим быть верными. – Но так как наш Государь есть в то же время и Российский император, – то, служа Вам верой и правдой, мы служим и России» (*Сергеев С.* «Императорские мамелюки» // Агентство Политических Новостей. URL: http://www.apn.ru/publications/article23320.htm (дата обращения: 21.05.2015).

[238] *Андреева Н.С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале 20 века...

[239] *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Православие в Эстонии. М.: Православная энциклопедия, 1999. С. 350.

Никакой русификации через присоединение эстонцев к Православию и дальнейшее их воцерковление не происходило, и никакого искусственного побуждения к перемене вероисповедания в перспективе политических или материальных бонусов не было, как и прежде, с той лишь разницей, что Ревельскому губернатору князю С. В. Шаховскому в этот исторический период легче было защищать православных эстонцев (например, добиваться отчуждения участков земли под храмы и школы). Может, и было бы логично предположить искусственность и обусловленность царской политикой в 80-е гг. XIX в. третьей волны обращений эстонцев в Православие, но только при условии полного незнакомства с документами той эпохи. В частности, большую ценность представляет переписка Ревельского губернатора кн. С. В. Шаховского с еп. Рижским Донатом и обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым[240], из которой следует, что губернатор Эстляндии поначалу с недоверием отнесся к обращению эстонцев в Православие, усмотрев в этом с их стороны корыстный интерес, и выражал обер-прокурору недовольство деятельностью правящего архиерея. Однако, убедившись вскоре в искренности и естественности этого стремления, он стал усердно ему покровительствовать.

Этот якобы «великорусский шовинист» годами добивался открытия самостоятельной епархии, которая возглавлялась бы архиереем-эстонцем. Но, как следует из его письма обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву от 18.02.1887, из рижского епархиального управления ему отвечали, что «представители православного духовенства эстонского происхождения относятся враждебно и с недоверием к своим сослуживцам русского происхождения и что поэтому назначение эстонца на должность епископа, хотя бы и не самостоятельного, а только викария Рижской кафедры, приведет не к объединению и примирению племенной розни, а, напротив, к образованию среди местного духовенства крепко сплоченной эстонской партии, которая будет деятельно стремиться к угнетению своих русских собратий»[241] (примерно то же самое ответил ему и К. П. Победоносцев). В контексте данной темы это важное свидетельство о непростых отно-

[240] См.: Из архива князя С. В. Шаховского. СПб., 1909. Т. 3. С. 3–14.

[241] Там же. С. 49.

шениях среди православного духовенства Остзейского края еще в александровскую эпоху. Однако наличие проблемы в церковной среде не говорит о причине там же.

Исходя из того, что нам известно об истории Православия в Остзейском крае, можно с уверенностью утверждать, что филетизм в эстонском Православии, недвусмысленно заявивший о себе уже в революционный период, не имел почвы в церковной жизни, но представлял собой, как выразился однажды Святейший Патриарх Алексий II, «инерцию мирского сознания». Национализм, прежде культивировавшийся среди эстонцев против своих господ-немцев, сформировал почву для болезненного реагирования на любое *навязывание* господской воли. Александровские реформы, демонстрируя приоритет имперской власти, непроизвольно переключили эстонский националистический негатив с антинемецкого на антирусский, потому что отмена преподавания школьных предметов на родном языке, совпавшая с эпохой интенсивного формирования эстонского национального самосознания, больно ударила по национальному чувству.

И наконец, чтобы понять объективные основания эстонского филетизма, мы не должны забывать и драматические события сороковых, когда в Эстонию пришла советская власть со всеми вытекающими из этого последствиями: часть населения успела эмигрировать из страны (в 1944 году Эстонию покинуло 70–80 тыс. человек)[242], а из оставшихся многие были депортированы в Сибирь, заключены в концлагеря или расстреляны (только с 14 по 16 июня 1941 года было репрессировано свыше 9 000[243], а, например, с 25 по 29 марта 1949 года, в рамках операции «Прибой», – 20 723 человека)[244].

Поскольку эти репрессии стали возможны только вследствие инкорпорации Эстонии Советским Союзом, а его высшие носители власти были русскоговорящими, в эстонском массовом сознании все русское стало отождествляться с советским и ассоциироваться с национальной катастрофой, что рикошетом ударило

---

[242] См.: Eesti Vabariik 90. Sündmused ja arengud. Tallinn: Eesti Entsüklopee diakirjastus, 2008. L. 167.

[243] Ibid. L. 151. Следует, однако, отметить, что довоенные репрессии в первую очередь коснулись русской белой эмиграции.

[244] Ibid. L. 186.

и по представлению о Православии как «русской вере». Стоило в 1991 году измениться политическим условиям, и мы получили рецидив раскола, концептуальная специфика которого несводима к этнической розни.

Вспомним, как раскольники назвали свое вышеупомянутое альтернативное мероприятие от 28–29.04.1993: «Собрание членов приходов Апостольско-Православной Церкви граждан Эстонской Республики» (Eesti Vabariigi kodanike Apostliku Õigeusu Kiriku koguduste liikmete koosolek) – наименование, очень точно отражающее *филетическое искажение церковного сознания* в этой группировке: **церковь граждан**. Тут необходимо некоторое пояснение.

В начале 1990-х гг. все общество Эстонии было очень остро и болезненно разделено на граждан и «иностранцев»[245]: т.е., ***независимо от национальности***, на *правопреемных граждан* (чьи предки были гражданами Эстонии эпохи Первой Республики) и «всех прочих», которым на определенных условиях предоставлялась возможность стать натурализованными гражданами. По этому шаблону раскольники в союзе с единомысленными государственными чиновниками, общественными деятелями, журналистами и др. пытались выстроить и церковную жизнь: *есть, мол, в ЭАПЦ правопреемные члены, чьи предки состояли в ней до 1940 года, а есть «прочие человецы»* (Лк. 18; 11), *которые «понаехали» после присоединения Эстонии к СССР*. Вышеупомянутое альтернативное собрание провозглашало курс на устроение церковной жизни именно по этим чуждым народу Божию критериям.

И, что особенно прискорбно, этот филетический принцип нашел поддержку у Константинопольского Патриарха Варфоломея, если судить по следующему отрывку из его письма от 03.09.1995, котором он указывает Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию, что названная им «незначительной» группа раскольников «...состоит из потомков и законных выразителей когда-то большинства православных в Эстонии. Национально православные – эстонцы, которые затем после 45 лет советской оккупации дошли до того, что стали меньшинством на их родине в сравнении с православными в ней русскими. <...> Мы знаем, что большое количество русских происходит из массовых водворений их в Эстонию в годы советской оккупации. <...> Это

[245] Закон об иностранцах был принят 08. 07. 1993 и вступил в силу 12. 07. 1993.

объясняет решение сокрушительного большинства голосов за пребывание объединенной с Российским Патриархатом. Однако считаете справедливым, чтобы это решение связывало печально уменьшившуюся в советский период группу эстонских православных? Считаете справедливым, чтобы принимались решения для них в их стране большинством какого-либо другого народа, который массово обосновался там во время иностранной оккупации?»[246]

Святейший Патриарх Алексий, однако, предлагал исходить не из количества людей, состоящих в той или иной группировке, а из мотивов, которыми они руководствуются.

Ценность земного патриотизма Церковью никогда и нисколько не принижалась, но ключевым принципом устроения ее жизни было понимание, что «во Христе – ни эллина, ни иудея» и все мы – граждане небесного отечества. В теории же и практике наших оппонентов отечество небесное подменялось отечеством земным.

Что основой раскола был специфический филетизм, несводимый к националистическим настроениям, хотя и опирающийся на них, – это очевидно уже из национального состава авангарда раскольников и количественного разделения среди клириков эстонской национальности, половина которых, из рукоположенных до 1994 г., осталась в составе Московского Патриархата; что же до авангарда раскола, то обратим внимание, какие приходы, кем и в каком порядке регистрировались через зарубежный «Синод»:

1. Злополучное 11.08.1993: регистрация ЭАПЦ и двух приходов члена Епархиального Совета прот. Эммануила Кирсса: св. ап. Иакова в Удувере и Преображенского в Таллине.
2. 01.09.1993 старейший клирик прот. Валентин Савин за спиной у прихожан регистрирует Валгаский приход во имя сщмч. Исидора Юрьевского.
3. 07.09.1993 прот. Э. Кирсс регистрирует окормляемый им приход св. Иоанна Предтечи в Велизе.

---

[246] Письмо Патриарха Константинопольского Варфоломея Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II от 3 сентября 1995 г. Архив Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Константинопольская Православная Церковь. Переписка с Патриархом. 1995. Ч. 3. Л. 99.

4. В тот же день, опять же за спиной у прихожан, благочинный Тартуского округа, член Епархиального Совета прот. Симеон Кружков регистрирует окормляемый им Тартуский Успенский приход.
5. Прот. Э. Кирсс 15.09.1993 регистрирует еще один свой приход – Рождества Богородицы в Эммасте на о. Хийумаа.

Итак, за август – сентябрь в каноническом беззаконии соревновались *три священника, двое из которых – русские*.

Октябрь 1993 г.:

1. Свящ. Иоанн Кесккюла регистрирует 05.10.1993 три своих прихода в Ряпина, Выыпсу и Мехикоорма.
2. 11.10.1993 З. Андреева (точнее Siina Andrejev (на эстонский манер, не склоняя фамилию)), староста Хаапсалуского прихода во имя св. Марии Магдалины и Александра Невского, регистрирует приход св. равноап. Марии Магдалины за спиной настоятеля свящ. Ювеналия (Мярта) Каарма и против воли большинства прихожан.
3. Прот. В. Савин 27.10.1993 добавляет к прежним Петропавловский приход в Вяндра.

Январь – февраль 1994 г.:

1. 18.01.1994 – «Синодом» регистрируются два прихода, окормляемые свящ. Ардалионом Кесккюла: Никольский на о. Кихну и Вознесенский в Синди.
2. В тот же день в процесс «восстановления ЭАПЦ» включается свящ. Владимир фон Беренс (по отцу Самсонов), регистрируя Вознесенский приход в Ангерья и Троицкий в Лелле.
3. В феврале к ним присоединяется прот. Ермил Аллик и регистрирует два своих прихода, параллельно с ним региструют приходы свящ. В. Беренс (Вознесенский в Аруссааре) и прот. В. Савин (Покровский в Карула).

Все остальные приходы, пребывающие ныне в лоне церковной структуры Константинопольского Патриархата в Эстонии, были зарегистрированы уже только после них и с большим отрывом. Как с прискорбной очевидностью следует из вышеизложенного, русские священники, которые вступили на путь раскола, в иные моменты даже лидировали в гонке беззаконной регистрации.

Причина столь подробного перечисления в том, что апологеты раскола пытаются представить дело так, словно единство с Московским Патриархатом (по филетическим же соображениям) сохранили только русские да несколько сомнительных в своем национальном самосознании эстонцев.

Из вышеизложенного видно, что все намного сложнее, и филетизм, расколовший эстонское Православие в начале 1990-х, – не этнический, а, по аналогии с типологизацией национализма, *гражданский*.

Прекуп Игорь,
историк (Эстония)

Сергей Крук

Культурная политика прибалтийских советских республик на примере строительства памятников Ленину

Строительство памятников Ленину на центральных площадях прибалтийских городов считается доказательством целенаправленной политической индоктринации, осуществляемой Центральным комитетом КПСС. Искусствовед Гундега Цеберс утверждает, что в латышском искусстве лениниана была основана с первых дней советской власти.

«Строительство памятников Ленину как главное воплощение коммунистической идеологии на территории Латвии Центральный комитет Коммунистической партии Латвии организовывал с 1944 года. Искусство должно было стать средством переделки массового сознания, отражателем побед режима. Строительство памятников превратилось в работу по политическому просвещению... Система заказов была определена серией постановлений и распоряжений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, адресованных высшим органам партийного и правительственного руководства республик и отраслевым министерствам в порядке их подчиненности. В документах того времени можно обнаружить указания о порядке исполнения заказов, финансовых источниках, организации конкурсов, механизмах надзора и контроля. Решением правительства был определен порядок приемки и открытия памятников»[247].

Вильнюсский искусствовед Раса Антанавичюте полагает, что памятники «*демонстрировали место Литвы в иерархии советской системы, отображали идеологические устремления и переписывали литовскую историю*»[248]. Из-за столь важной полити-

---

[247] *Cēbere G.* Lenin in Latvia. Riga: Raktuve, 2007. Аналогичного мнения придерживается и *Chaupova R.* Politisku faktoru un administratīvu lēmumu loma tēlniecībā // Māksla un politiskie konteksti. Rīga: Neputns, 2006.

[248] *Antanavičiūtė R.* Stalinis penkmetis: Vilniaus viešųjų erdvių įprasminimo darbai 1947–1952 m. // Menotyra. 2009. № 16 (3–4). L. 166.

ческой нагрузки проектирование монументов в сталинскую эпоху доверялось только российским, а не местным скульпторам.

Документы не подтверждают этих утверждений. В архивах нет «серии» постановлений и распоряжений, приказывающих министерствам и местным органам власти сооружать монументы. Как раз наоборот – союзное руководство неоднократно требовало сократить затраты на памятники и дважды объявляло мораторий на их строительство. Именно благодаря неэффективности надзора в пятидесятых годах в Латвии было установлено полсотни скульптур вождя – больше, чем в Литве и Эстонии вместе взятых, где жесткий контроль со стороны республиканского руководства позволил избежать их массового появления. Статистика вызывает сомнения в существовании централизованного диктата и единообразии практик общественно-политической жизни в советских республиках. Концепция Антанавичюте тщательно продуманной символической советизации не выдерживает проверки рижским опытом, где за все 1950-е годы был возведен только один идеологический монумент, расположенный к тому же на узком пятачке бульвара, т. е. не приспособленный для проведения массовых мероприятий.

ТАБЛИЦА 4.

Памятники Ленину в советской Прибалтике, 1947–1990

		Эстония	Латвия	Литва
1947–1966*	бетонные и гипсовые	14	60	16
	гранитные, бронзовые, медные	2	5	1
	заменено бетонных и гипсовых	3	0	0
1967–1990**	гранитные, бронзовые, медные	2	14	4
	заменено бетонных и гипсовых	4	20	5
	проектируемые	0	13	3

* Без учета скульптур, установленных на закрытых территориях промышленных предприятий, пионерских лагерей, военных городков.

** Без учета скульптур, установленных на закрытых территориях пионерских лагерей и военных городков.

Против литовского искусствоведа говорит и то, что в течение довоенного периода советской власти в Прибалтике памятники не устанавливались. Автор интернет-страницы «Памятники Ленину» культуролог Дмитрий Кудинов собрал немало фотографий скульптур, свергнутых с пьедесталов нацистами в оккупированной Белоруссии и на Украине, но аналогичных фотодокументов из Прибалтики нет[249]. Послевоенная жизнь тоже не была отмечена обширной программой сооружения монументов. Директивы правительства требовали от городских и районных властей устанавливать только недорогие цементные памятные знаки на братских кладбищах советских воинов, но никак не монументы вождям революции. На протяжении сорока лет Совет Министров СССР и ЦК КПСС шесть раз меняли отношение к сооружению памятников:

1946–1955 – массовая установка тиражированных гипсовых и бетонных скульптур, острая конкуренция между художниками периферии и центра;

1956–1961 – расширение прав республиканских союзов художников, запрет на сооружение памятников из недолговечных материалов;

1962–1965 – мораторий на строительство памятников;

1966–1982 – делегирование республикам права выдачи решений на строительство памятников, при централизованном контроле памятников Ленину;

1983–1985 – мораторий на строительство памятников;

1986–1990 – децентрализация выдачи решений на строительство памятников, удовлетворение экономических интересов художников.

Борьба за республиканские рынки, 1946–1955

Из трех столиц наиболее ответственно к монументальной пропаганде подошел Таллин. В 1947 году в центре города открыли памятник советским воинам, а к десятилетию советской власти – памятники Сталину, Ленину, М. И. Калинину, первому председателю Совнаркома республики Й. Лауристину, а чуть позже и ре-

[249] «Памятники Ленину». URL: http://www. leninstatues.ru/ (дата обращения: 21. 05. 2015).

волюционеру В. Кингисеппу. Вильнюсцы день советской власти отметили открытием монумента Сталину на привокзальной площади. Через несколько месяцев в городе появилась скульптура военачальника И. Д. Черняховского, а в 1952-м – памятник Ленину.

В Риге дела с монументальной пропагандой обстояли совсем плохо. Проектирование арки Победы бюро ЦК КП(б) Латвии запретило в 1948 году из-за постоянно растущей сметы расходов[250] (монумент солдатам Советской армии был сооружен только в 1985-м). Церемония открытия памятника Ленину, приуроченная к юбилейным торжествам июля 1950-го, была поставлена под угрозу срыва самими кураторами идеологии. Крупные скульптурные проекты проходили экспертизу в Москве, но из-за проволочек Комитету по делам искусств потребовалось два месяца, чтобы завизировать протокол Художественно-экспертного совета, утвердившего эскиз ленинградского скульптора В. И. Ингала. Потом на протяжении целого месяца почему-то не могли заключить с ним договор. К работе Ингал приступил в декабре 1949 года, когда до сдачи объекта оставалось лишь восемь месяцев (производственная норма – двадцать). Проект монумента Сталину для Риги разрабатывался пять лет, пока в 1956 году незаметно не исчез из отчетов. А памятник С. М. Кирову вообще вызвал небывалый скандал – горисполком по собственной инициативе перевел в бронзу гипсовый бюст, предназначенный для экспозиции в помещении. Работа была исполнена небрежно, и после критики именитых художников ЦК потребовал демонтировать халтурный бюст.

Все упомянутые столичные памятники были сделаны из бронзы, но более активно устанавливались бетонные. Первые скульптуры Ленина и Сталина появились в Прибалтике в 1947 году благодаря инициативе ВЦСПС, обеспечивавшего под-

[250] Латвийский Государственный архив (LVA). Ф. ПА-101. Оп. 11. Д. 24. Л. 165–167. Постановление «О серьезных недостатках в работе Управления по делам архитектуры и Союза советских архитекторов Латвии» любопытно тем, что на фоне борьбы с формализмом в литературе и музыке, латвийская компартия нашла признаки вредного течения и в архитектуре. Судя по контексту документа, единственной целью обвинений в формализме было подчеркнуть серьезность финансовых злоупотреблений в проектировании и строительстве.

ведомственные санатории копиями произведений изобразительного искусства для украшения интерьера и экстерьера зданий. Руководители промышленных предприятий и местных органов власти приобретали бетонные и гипсовые скульптуры, тиражированные фабриками Калуги, Киева, Ленинграда, Львова, Одессы и Харькова, заключали договоры с местными предприимчивыми ваятелями. Эстонцы успешно избавились от эстетически непритязательных конкурентов, жестко следя за установкой памятников, а литовцы – отдав предпочтение образам своих революционеров и деятелей культуры. В Латвии безнадзорное распространение гипса и бетона явилось причиной массового увлечения скульпторов пластической ленинианой в 1970-х под предлогом замены обветшавших Лениных на уникальную пластику.

Республики по-разному толковали союзное законодательство, отличалась и практика контроля за исполнением директив. Постановление Совета Министров СССР № 1136 «О проектировании и сооружении бюстов дважды Героев Советского Союза, памятников и монументов» от 29 мая 1946 года определило порядок деятельности в этой сфере. Третий пункт запрещал строительство без утверждения проектов Комитетом по делам искусств при союзном Совмине. В 1949 году Тартуский горисполком без согласования соорудил бетонную копию памятника Ленину. Эстонское правительство информировало Комитет по делам искусств о нарушении закона, требуя замены бетонной скульптуры на бронзовую. Комитет, однако, разъяснил, что постановление относится только к «важным» уникальным монументам в долговечном материале, а тиражированные бетонные и гипсовые скульптуры могут устанавливаться без ограничений, поскольку по своим физическим свойствам имеют ограниченный срок эксплуатации[251]. Хотя Москва советовала Таллину не торопиться с перестройкой тартуского монумента, он все же был заменен в январе 1951 года.

Для защиты внутреннего рынка 10 декабря 1949 года эстонское правительство приняло свое постановление «О порядке сооружения памятников», недвусмысленно запрещающее проведение каких-либо работ без разрешения Совета Министров

[251] Эстонский Государственный архив (ERA). Ф. R-1205, Оп. 2, Д. 564. Л. 46.

ЭССР[252]. Тем не менее на местах запрет игнорировался. В 1951 году город Валга приобрел на Калужской фабрике скульптуры Ленина и Сталина. Об открытии памятников, приуроченном ко дню провозглашения советской власти, было объявлено в республиканской партийной газете. После отповеди Таллина Валге пришлось отказаться от своих планов. Годом позже Управление шоссейных дорог приобрело шесть бетонных образов вождей и множество декоративных скульптур Харьковской фабрики для установки перед зданиями управления и на главных дорогах. В этом случае ведомственный вес Ушосдора оказался более значимым и Управлению по делам искусств пришлось смириться с нарушением эстонских порядков. Кохтла-Ярве – это пример следования букве закона. Городской исполнительный комитет проинформировал республиканские власти о намерении соорудить временный памятник Ленина, обещав заменить его на бронзовый в «ближайшее время». Это и было сделано в 1960 году.

Эстонцы рачительно использовали материальные ресурсы. Готовясь к юбилею советской власти, правительство заказало у двух бригад скульпторов гипсовые фигуры Ленина и Сталина в полный рост. Именно эту скульптуру Ленина экспертная комиссия рекомендовала в качестве модели бронзового памятника для Тарту – взамен только что установленного бетонного. В это же время Кохтла-Ярве запросил разрешение соорудить монумент Сталину, и комиссия тут же предложила использовать выставочную гипсовую статую как модель для бронзовой[253].

---

[252] ERA. Ф. R-1205. Оп. 2. Д. 564. Л. 66–67.

[253] Работа, правда, застопорилась. Московские эксперты потребовали заменить галифе и сапоги на брюки и туфли. Переделка модели требовала немало времени, тогда как город не хотел ждать. В результате была приобретена работа российского скульптора А. П. Кибальникова, а скульптуру эстонского производства передали в Пярну. Срыв производственных графиков обычное явление в советской экономике и монументальная пропаганда, несмотря на свою политическую значимость, не исключение. Скульптуру Сталина доставили в Кохтла-Ярве 22 октября 1951 года, но затянулось строительство новой площади. Место для установки пьедестала и памятника было подготовлено к концу декабря, открыт монумент был в день Советской Эстонии 21 июля 1952 года.

Взяв сооружение памятников под свой контроль, эстонские власти составили список новых проектов. Энн Росс, Арсений и Сигне Мельдер изваяли памятник Ленину. В 1953 году его установили в Йыхви, но копию, предусмотренную для Хаапсалу, так и не отлили. Альберт Эскель работал над скульптурой Сталина для Вильянди (копии планировалось соорудить в Куресааре и Раквере), а Фридрих Лехт ваял Ленина для Нарвы. Эти проекты также не были осуществлены. Нарва в 1957 году получила бронзового Ленина другого скульптора – Олава Мянни.

Литовцы не оказывали такого почтения вождям. Бетонные скульптуры были установлены только в скверах крупных городов: Клайпеда, Каунас, Шяуляй, Паневежис, Алитус; несколько фигур украшали санатории ВЦСПС в Друскининкае и Бирштонасе.

В Латвии скульптуры Ленина множились на протяжении пятидесятых годов. Заказчики – горисполкомы и промышленные предприятия – отнюдь не разделяли забот Академии художеств и не придавали образу вождей сакрального значения. Вот некоторые примеры. Директор рижского Дома науки и техники, заказавший бюст Сталина, проигнорировал замечания экспертов об анатомических искажениях и несоответствии канону изображения: «Скульптура вполне пригодна для оформления зала, а других целей Дом науки и техники перед собой не ставит»[254]. В Плявиняс памятник был поставлен только потому, что до конца года не были освоены лимиты на капитальный ремонт дорог и мостов; на излишек средств пришлось купить статую. В документах Добельского горсовета о бюсте Ленина говорится только в приложении постановления в разделе «Другие работы по благоустройству» – в третьем пункте после приобретения ассенизационной машины и строительства котельной[255].

Почему же художники, работавшие на комбинате «Максла» Художественного фонда Латвии, потакали невзыскательным вкусам руководителей советских учреждений? Причин тому

[254] Центр документации памятников Государственной инспекции по охране памятников культуры. Д.: «Материалы о памятниках Ленину и Сталину». Л. 4.

[255] Елгавский Зональный государственный архив (JZVA). Ф. 263. Оп. 1. Д. 231. Л. 26 об.

несколько. Учреждения старались экономить на украшении интерьеров и экстерьеров зданий предметами искусства. Комбинату было выгодно ставить производство на поток, то есть производить копии картин и скульптур, чтобы конкурировать с демпинговыми ценами множества артелей художников[256]. Один из лучших латышских скульпторов Карлис Земдега требовал увеличить бюджеты на строительство памятников с тем, чтобы Ленин и Сталин изображались в достойном материале – бронзе и граните. Но Художественный фонд не прислушивался к мнению именитых членов Союза художников, которых, согласно уставу, должен был обеспечивать работой. Дело в том, что латвийский Худфонд подчинялся Художественному фонду СССР, заинтересованному в получении большей прибыли. Комбинат «Максла» охотнее предоставлял заказы скульпторам без высшего образования, которые отсутствие таланта и удостоверения Союза художников компенсировали коммерческой хваткой и умением находить клиентов.

Делами изобразительного искусства в СССР ведал Организационный комитет Союза советских художников, назначенный политбюро ЦК ВКП(б) в 1939 году для подготовки учредительного съезда[257]. Руководил Оргкомитетом Александр Герасимов, занимавший еще несколько ключевых постов в номенклатуре изобразительного искусства. С 1939 года он председательствовал в Художественном совете Комитета по делам искусств, а в 1947-м возглавил Академию художеств СССР. Герасимовский Оргкомитет взял под контроль финансовые потоки, распределение дорогостоящих контрактов и закупку произведений искусства. Договоры на исполнение крупных проектов заключались только с узким кругом авторов[258]. В июле 1948 года Агитпроп ЦК КПСС предложил наконец-то созвать учредительный съезд. Тут же в «Комсомольской правде» началась кампания критики Орг-

---

[256] В фильме «Операция “Ы” и другие приключения Шурика» показан такой делец, торгующий на рынке глиняными котами и картинами-ковриками, «сохраняющими стены от сырости, вас – от ревматизма».

[257] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1011. Л. 16.

[258] Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 299–319; *Зезина М.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960 годах. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 91-96.

комитета и изобразительного искусства вообще – художников упрекали и в формализме, и в натурализме. Внезапная смерть Андрея Жданова, курировавшего сферу культуры, спасла Герасимова от более серьезных разоблачений в коррупции и «потворствовании» пресловутому формализму. Оргкомитет даже укрепил свои позиции: в 1949 году более-менее прозрачная система госзаказов была отменена. Художники на периферии не только лишились доступа к госбюджету, но даже ставки их гонораров были урезаны наполовину по сравнению с тем, что получали москвичи и ленинградцы.

Большие перспективы для художников, 1956–1961

Перемены в изобразительном искусстве начались в 1956 году с постановления Совета Министров СССР № 1317 «О мерах помощи Союзу советских художников», в котором предусматривались ежегодные субсидии в размере 35 млн руб. на оплату заказов и закупку произведений искусства для музеев, выставок и учреждений[259]. В 1957-м прошел первый съезд Союза советских художников. Худфонды были напрямую переподчинены республиканским союзам, которые наконец-то получили доступ к прибыли от коммерческой деятельности. Латвийское Министерство культуры составило внушительный список будущих памятников, но его опротестовало Министерство финансов.

«Появился такой размах, на осуществление которого потребуются десятки миллионов рублей… Количество памятников, очередность их сооружения и их стоимость Министерством культуры не определяется и зависит от предприимчивости того или иного работника, проявившего инициативу в постановке вопроса о необходимости сооружения памятника, и от проектировщика, который по своим соображениям определит сметную стоимость памятника»[260].

Секретарь ЦК КП Латвии Я. Э. Калнберзиньш, рассматривая отчет Минфина на бюро, подчеркнул приоритет экономики над идеологией:

---

[259] LVA. Ф. 270. Оп. 2. Д. 2549. Л. 97–98.

[260] Там же. Оп. 3. Д. 251. Л. 105–107.

«Тут надо смелее свои порядки наводить и пусть на нас жалуются, зубы надо показать. Скоро художники будут половину Советской Латвии покупать, строят дачи, дома строят, машины покупают, и все готовятся на частную жизнь. Это неправильная, нездоровая тенденция. И ЦК должен этот вопрос рассмотреть»[261].

Под «своими порядками» Калнберзиньш подразумевал необходимость снижения ставки прибыли, начисляемой на продукцию изобразительного искусства по союзным нормативам, когда-то пролоббированным, очевидно, герасимовским Оргкомитетом. Но постановление «О наведении порядка в деле сооружения памятников» от 13 октября 1959 года все-таки оказалось беззубым.

Здесь следует упомянуть аналогичный документ Совета Министров Литовской ССР «О нарушениях порядка сооружения памятников, монументов и скульптур» от 6 июня, жестко отреагировавший на самодеятельность трех горисполкомов. Ретава приобрела во Львове бетонную скульптуру Ленина за 34 600 руб., которую оказалось невозможным установить «из-за низкой художественной ценности». Швенченеляй по указанию районного исполкома, но без согласия Совмина заказал бюст для городского сквера, хотя эксперты посчитали, что там было бы лучше установить декоративную скульптуру. Горисполком Паланги оказался еще более расточительным – без санкции правительства город-курорт приобрел бронзовую копию скульптуры корифея ленинианы Евгения Вучетича (памятник был установлен спустя 18 лет). За нарушение ранее установленного порядка председатели исполкомов получили выговор. Второй пункт ясно предупреждал: «*Установить, что за соблюдение порядка сооружения памятников, монументов, скульптур личную ответственность несут председатели городских и районных исполнительных комитетов*»[262]. В латышском документе, в свою очередь, не упоминались конкретные нарушения и не был определен круг ответственных лиц и степень их ответственности. Рига избегала возможной полемики с Москвой и не хотела конфликтовать с подведомственными учреждениями.

---

[261] LVA. Ф. ПА-101. Оп. 22. Д. 58. Л. 131.

[262] Литовский Центральный государственный архив (LCVA). Ф. R-754. Оп. 1. Д. 492. Л. 470–471.

Москва тем временем посылала художникам новые обнадеживающие сигналы. Успехи народного хозяйства позволили Совету Министров СССР увеличить с 1961 года ассигнования на нужды культуры более чем в два раза – до 80 млн рублей. Деньги предполагалось использовать для заказа и приобретения произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Республиканские министерства культуры получили больше коммерческих прав: отныне они «*непосредственно осуществляют заказы на создание произведений изобразительного искусства, производят покупку произведений изобразительного искусства для пополнения фондов музеев, картинных галерей, выставок, а также ведут проектирование памятников*»[263]. Латвийское Министерство культуры без согласования с ЦК предложило всем городским и районным исполкомам представить свои соображения о перспективном плане сооружения памятников. В ЦК стали поступать просьбы разрешить строительство различных памятников. Но преамбула постановления «О проектировании и сооружении памятников в республике на 1961 год», принятого от 1 ноября 1960 года, свидетельствует, что бюро ЦК КП Латвии заботила экономика, а не идеологическое воспитание:

«*Известно, что памятники и монументы, посвященные революционным событиям и событиям в годы Великой Отечественной войны в Латвии, имеют большое политическое и воспитательное значение, но неправильно ставить вопрос о сооружении памятников в ближайшее время в каждом городе и районе республики, так как сооружение памятников требует больших государственных средств*»[264].

Постановляющая часть документа все же состояла из обтекаемых формулировок:

«*Обязать горкомы и райкомы партии, городские и районные исполкомы Советов депутатов трудящихся, Министерство культуры Латвийской ССР (т. Калпинь*[265]*) более серьезно подходить*

---

[263] Постановление № 649 «О мерах по упорядочению реализации произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства» от 22 июня 1960 г.// LVA. Ф. 270. Оп. 3. Д. 348. Л. 157–157 об.

[264] LVA. Ф. ПА-101. Оп. 23. Д. 50. Л. 26–27.

[265] Министр культуры Волдемарс Калпиньш.

к вопросам сооружения памятников и монументов, тщательно рассматривать в отдельности целесообразность и необходимость сооружения памятников или монументов в том или ином городе, районе»[266].

Через полгода в постановлении «О наведении порядка по реставрации, сооружению и сохранению памятников культуры и архитектуры в республике» бюро перешло на более резкий тон:

«*Работники Государственного комитета Совета Министров Латвийской ССР по делам строительства и архитектуры, Министерства культуры республики нередко попадают под влияние архитекторов и скульпторов, которые при проектировании и реставрации памятников культуры и архитектуры, руководствуясь личными корыстными целями, навязывают дорогие и сложные проекты. Некоторые городские и районные комитеты партии и исполкомы депутатов трудящихся не учитывают целесообразность и материальные возможности сооружения памятников и монументов, необоснованно просят на их строительство большие средства*»[267].

Осуждению подверглись и памятники Ленину. «Вряд ли надо в каждом районе памятник Ленину строить», – усомнился первый секретарь ЦК А. Я. Пельше[268]. В результате по местным бюджетам правительство урезало затраты на сооружение памятников в текущем году с 248 до 98 тыс. рублей.

В конце концов, и союзное правительство признало проблемы народного хозяйства. После пяти лет благоприятной для работников искусств финансовой политики бюджет был секвестрирован постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 905 от 29 сентября 1961 года. Москва монополизировала выдачу разрешений на сооружение памятников, а республикам было предложено пересмотреть ранее выданные, «имея в виду сокращение их количества»[269]. В Латвии список из 45 проектов был сокращен до пяти, а чуть позже до трех.

---

[266] LVA. Ф. ПА-101. Оп. 23. Д. 50. Л. 26–27.

[267] Там же. Оп. 24. Д. 46. Л. 8–9.

[268] Там же. Оп. 24. Д. 59. Л. 34.

[269] LVA. Ф. 270. Оп. 3. Д. 732. Л. 82–82 об.

Три республики – три ленинианы, 1966–1990

В июне 1966 года постановлением № 481 «О порядке проектирования и сооружения памятников и монументов» ЦК КПСС и Совет Министров СССР отменили запрет на строительство памятников, выдачу разрешений делегировав республиканскому руководству. Москва сохранила за собой право согласовывать сооружение памятников и монументов, «имеющих общегосударственный характер, особо важных по теме и требующих значительных материальных затрат»[270]. Как и прежде, государство не выделяло специального финансирования – памятники должны сооружаться за счет дополнительных доходов и сумм превышения доходов над расходами республиканских бюджетов, «с соблюдением при этом строгой экономии в расходовании средств».

В следующем году Совмин СССР установил дополнительный бюрократический барьер, потребовав, чтобы все скульптурные изображения Ленина рассматривались Художественно-экспертным советом по монументальной скульптуре при Министерстве культуры СССР. Латышские искусствоведы интерпретируют строгий контроль над изображением как заботу о сакральности образа вождя, но в этом случае преследовалась вполне рациональная цель – отбить у заказчиков охоту на строительство памятников. Так, в отмененном латвийском плане на 1961–1965 год было перечислено 14 памятников советским воинам и два Ленину, а в 1966–1970 году разрешений было выдано 19 и 24 соответственно. «*Каждый латвийский город стремится украсить свою лучшую площадь уникальным памятником Ленину. Над монументами работают лучшие скульпторы Риги*», – 27 июня 1969 года писала «Правда». О прохладном отношении официальной Москвы к латышским инициативам свидетельствует тот факт, что московские эксперты проигнорировали четыре приглашения осмотреть в Риге гипсовые модели восьми фигурных скульптур и 11 бюстов, открытие которых планировалось приурочить к столетию вождя в апреле 1970 года. Без соответствующей визы экспертов ленинградский завод «Монументскульптура» не принимал модели к отливке в бронзе, что могло сорвать проведение юбилейных торжеств.

[270] Там же. Д. 2697. Л. 360.

Эксперты приехали в Ригу только после пятого приглашения в сентябре 1969 года.

Откуда такой интерес латышей к Ленину? Вероятно, наученные горьким опытом 1961 года, скульпторы решили переключиться на беспроигрышную тематику – представителям органов власти будет трудно отказаться от памятника Ильичу, поскольку такой шаг мог интерпретироваться как политическая близорукость или даже нелояльность. На помощь скульпторам пришли архитекторы, популяризировавшие новую концепцию ленинианы – подчинение центральных площадей районных центров задачам политических ритуалов. Размеры площадей не только позволяли, но и требовали пропорционального увеличения размеров скульптур. Кроме того, стремясь не допустить на латвийский рынок представителей иных республик, латыши выдвигали особые требования к художественному решению образа. Все это удорожало сметы проектирования и строительства. Замена бетонных скульптур даже стала показателем политической благонадежности. В конце 1960-х эксперты осмотрели ряд бетонных фигур, рекомендовав заменить их на гранитные или бронзовые. Вентспилсский райком партии в заявке на сооружение нового памятника цитировал заключение экспертов Минкульта: из-за ежегодной покраски гипсовой фигуры бронзовой краской «образ Ленина потерял определенность контуров и пропорций, что искажает представление об образе вождя революции»[271]. Скульптуру в поселке Броцены комиссия рекомендовала заменить, поскольку «ее художественное решение не отвечает современным требованиям»[272]. Эксперты настаивали на том, чтобы образ вождя был представлен достойно и на высоком художественом уровне. Министерство культуры рекомендовало Совмину обязать горисполкомы заменить старые статуи, изменить их расположение относительно других элементов городской архитектуры, реставрировать пьедесталы, обустроить окружающее пространство, подчинив его требованиям политических ритуалов[273].

---

[271] LVA. Ф. ПА-101. Оп. 33. Д. 47. Л. 45.

[272] Там же. Д. 52. Л. 314.

[273] LVA. Ф. 270. Оп. 3. Д. 4227. Л. 131.

Инициатива художников получила неожиданную политическую поддержку. В ночь на 18 июля 1969 года коммунальщики Екабпилса сняли бетонную статую с постамента для реставрации. Некий рядовой коммунист незамедлительно отправил гневное письмо генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу.

«...К памятнику Владимира Ильича Ленина приходили комсомольцы, пионеры, клялись в верности к Вождю. В. И. Ленину возлагали венки и живые цветы, на площади были скамейки, сюда приходили бабушки с маленькими внуками и внучками. Мамы со своими детьми приносили цветы. Бабушки и мамы рассказывали своим внукам о Великом вожде Ленине, а теперь нет его, не только дети в ужасе спрашивают своих мам и бабушек, куда же делся дедушка Ленин и никто не может ответить. Народ в ужасе и стар и млад, кто любит Советскую власть, это только на руку профашистским элементам. Они радуются, что вождей пролетариата постепенно убирают, сперва сняли и расторгали ночью Сталина, такая же участь пришла и Ленину. Писать я дальше не могу, сил не хватает, в горле пересыхает. Нужно это дело приостановить... И второе – выслать авторитетного коммуниста. Я бы сказал хорошего чекиста. Приехать немедленно на место. Убедиться на факте, собрать митинг и поговорить с народом и народом осудить этих антисоветских горе-руководителей города. Я лично, во всяком случае, обвиняю ЦК Латвии за их халатное руководство, передоверие, сами не убедились на факте, можно ли это сделать такой политический ляпсус убрать со сцены Вождя Пролетариата, да еще в тот момент, когда собираемся праздновать 100-летие В.И. Ленину. Этот поступок местных властей ненавидят, это на руку буржуазии. Скоро затрубит БИБИСИ, скажет рушится Советская власть в Латвии. Памятник Ленина сняли, это ужасно»[274].

Москва проигнорировала жалобу, переслав безграмотное письмо в Ригу, где оно встревожило бюро ЦК КПЛ. В отличие от уже упомянутых постановлений, новое оказалось куда более жестким и конкретным. Руководители Екабпилсского района получили строгий партийный выговор с занесением в учетную карточку, а Совмину дано указание немедленно профинанси-

[274] LVA. Ф. ПА-101. Оп. 33. Д. 53. Л. 15–16. Орфография и пунктуация оригинала.

ровать строительство нового памятника[275] – это был единственный памятник, заказаный ЦК и оплаченный из госбюджета. В выигрыше оказалось Министерство культуры, которому во избежание инцидентов было предписано контролировать реставрацию бетонных статуй.

Эстонская лениниана не получила дальнейшего развития, чему способствовало и законадательство. Союзное постановление 1966 года здесь было адаптировано с рациональным уточнением: Министерство культуры само может утверждать проекты стоимостью до 15 тыс. руб., а более дорогие требовалось согласовывать в Совмине и ЦК. В 1968 году Комиссия монументально-декоративного искусства фактически разубедила горисполкомы Раквере и Силламяэ в необходимости строительства памятников, ссылаясь на то, что пространственное решение площадей не соответствует эстетическим требованиям[276]. Перестройка площади потребовала бы крупных капиталовложений.

В отличие от латышей эстонцы избежали конфликта ведомственных интересов. В 1971 году Комиссия монументально-декоративного искусства была переведена из подчинения Министерству культуры в центральное ведомство Совмина. В Латвии же аналогичная комиссия работала под эгидой Министерства культуры, которое помогало лоббировать дорогостоящие проекты. Например, в результате творческих поисков скульптора Юриса Мауриньша смета памятника для города Талсы выросла с 169 до 413 тыс. руб.[277] Министерство настоятельно рекомендовало рай исполкому принять новое художественное решение образа, подчеркивая, что этот памятник Ленину станет самым красивым из когда-либо созданных в Латвии. К ленинскому юбилею скульп торы приурочили выставку, для которой изваяли семь бюстов.

---

[275] LVA. Ф. ПА-101. Оп. 33. Д. 40. Л. 5–6.

[276] ERA. Ф. R-1797. Оп. 1. Д. 797. Л. 17.

[277] За бронзовую скульптуру высотой 10,5 метра в Юрмале Мауриньш получил гонорар 24 000 руб. Янис Зариньш, пять лет работая над вентспилсским памятником, добился увеличения гонорара с 12 до 20 тыс. руб. при балансовой стоимости скульптуры 100 тыс. В 1957 году самые высокие доходы среди работников художественного комбината «Максла» были у Айварса Калейса, изваявшего четыре памятника Ленину, – 60 876 руб. Коммерчески наиболее успешный копировщик портретов Калве заработал 47 453 руб. (LVA. Ф. 230, Оп. 1. Д. l. Л. 84).

Работу Парслы Залкалне критики оценили очень сдержанно, поэтому ей самой пришлось позаботиться о реализации. При посредничестве министерства бюст удалось продать поселку Седа для замены бетонной статуи, простоявшей там уже 15 лет. Сумма сделки составила «всего лишь» 2700 рублей.

Почти половина членов латвийской Комиссии монументально-декоративного искусства сами активно занимались монументалистикой; скульпторы младшего поколения жаловались на засилье старой школы, представители которой крайне неохотно делились заказами на доходные образы вождя. В Латвии нарушался и перспективный план строительства памятников: разработка новых проектов могла начаться в любое время. Производство было настолько перегружено, что главный подрядчик – художественный комбинат «Максла» – не справлялся с заказами и просил правительство прекратить выдачу разрешений на новые памятники. В дни юбилейных торжеств в Латвии были открыты семь памятников Ленину, работа над остальными двенадцатью растянулась еще на добрый десяток лет, а некоторые и вовсе остались недоделанными.

Эстония тоже собиралась встретить столетие Ленина открытием нового памятника в Таллине. ЦК и Совмин приняли соответствующее постановление в конце 1966 года. Первый конкурс успехом не увенчался, хотя договор и подписали с лауреатом второй премии скульптором Матти Вариком. Работа продвигалась медленно и без удовлетворительного результата. В январе 1969 года эксперты констатировали: «работа остановилась, так как несмотря на многолетнюю работу авторы не смогли представить приемлемое решение памятника»[278]. Окончательный эскиз был утвержден в апреле 1972 года. Но, очевидно, постмодернисткий образ однорукого Ленина опережал эстетические запросы эпохи. Таллин успешно избавился от памятника, подарив его финскому городу-побратиму Котка, где он и находится с 1979 года. Чуть позже копию установили в Пярну, заменив ею бетонную скульптуру.

В Литовской ССР было сооружено чуть больше памятников, при одном-единственном нарушении порядка утверждения проектов, на что исполнителям тут же строго указал Совмин.

[278] ERA. Ф. R-1797. Оп. 1. Д. 835. Л. 15.

К ленинскому юбилею бетонные скульптуры были заменены в Каунасе и Шяуляе. Рачительно к делу подошли клайпедчане – в 1976 году они установили в городе копию памятника, который десятью годами ранее Гедиминас Йокубонис изваял для Москвы. Константинас Богданас довел до монументальных пропорций свою станковую скульптуру «Ленин и Капсукас в Поронино». Памятник поставили на территории университета в Вильнюсе. Судя по заявкам, поданным в ЦК КП Литвы, идеологическими соображениями руководствовался только горисполком Друскининкая, которому потребовалось придать «идейно-политическую значимость» проектируемой центральной площади[279].

Латышские архитекторы посчитали, что проектирование таких площадей откроет доступ к новым дорогостоящим заказам. В конце 1981 года Союз архитекторов Латвии посвятил очередной пленум вопросам идеологического и воспитательного значения архитектуры и монументального искусства. Профессор архитектуры Иварс Страутманис, автор нескольких монументов, так сформулировал новую концепцию: «*идейно наиболее значимым монументам следует предоставить самое удобное с пространственной точки зрения кульминационное место в структуре города*»[280]. Резолюция конференции говорит о стремлении архитекторов перестроить города под идеологические нужды:

«*Решающее значение принадлежит архитектурному преобразованию центров наших городов, которые функционально и композиционно связаны со строительством важнейшего монумента – памятника В. И. Ленину. Таким образом город обретет и центральный идейный акцент пространственной системы, и одновременно укрепит и усовершенствует его общую композиционную структуру*»[281].

Председатель Союза архитекторов Гунарс Асарис предложил Совмину убедить районные и городские исполкомы в необходимости замены оставшихся бетонных памятников «на идейно и художественно высококачественные произведения монумен-

---

[279] Литовский Особый архив (LYA). Ф. 1771. Оп. 254. Д. 27. Л. 44.

[280] *Strautmanis I.* Par arhitektūras un mākslas mērķtiecīgu dialogu // Literatūra un Māksla. 2003. 14 jan.

[281] LVA. Ф. 273. Оп. 1. Д. 206. Л. 36–37.

тального искусства, которые, учитывая конкретную градостроительную ситуацию, с честью раскрывают образ В. И. Ленина»[282]. Асарис насчитал 18 бетонных статуй и 13 бюстов, требующих незамедлительной замены.

От ненужных трат районные и городские бюджеты спасла Москва. 12 апреля 1983 года ЦК КПСС и Совмин СССР во второй раз запретили сооружать новые памятники и продолжать сооружение начатых. Постановление подчеркивало, что памятники возводятся без особой надобности, в то время как многие граждане живут в бараках и подвальных помещениях[283]. Несмотря на это, латышские художники проявили настойчивость и добились разрешения в порядке исключения продолжать работу над восемью памятниками Ленину и девятью воинскими мемориалами общей стоимостью полтора миллиона рублей[284].

Новые возможности художникам предоставила перестройка. В постановлении от 21 августа 1986 ЦК КПСС и Совет Министров СССР вновь децентрализовали выдачу разрешений и предусмотрели меры финансового стимулирования работников искусств. Последние два памятника Ленину в Латвии были открыты в апреле и мае 1989, а в апреле следующего начался их постепенный демонтаж.

Прибалтийская эстетизация идеологии

Сегодня искусствоведы крайне отрицательно оценивают латышскую лениниану. Скайдрите Циелава в монографии об изобразительном искусстве советской Латвии уделила этим памятникам всего восемь строк. Академическая история искусства XX века вообще не говорит о значении образа Ленина для развития латышской пластики, а сами памятники характеризуются как однообразные[285]. С такими выводами нельзя согласиться. Во-первых, стиль был далек от гомогенности. На литовскую пласти-

[282] LVA. Ф. 270. Оп. 3. Д. 10158. Л. 10–11.

[283] Там же. Д. 9819. Л. 334–335.

[284] Там же. Д. 10001. Л. 158.

[285] *Bremša L., Pujāte I., Bruģis D., Brasliņa A., Pelše S.* Latvijas mākslas vēsture. Rīga: Pētergailis, 2003; *Cielava S.* Latvijas tēlotāja māksla pēc II pasaules kara. Rīga: LR Izglītības ministrija, 1994.

ку повлияло барокко и традиция деревянной скульптуры. Гедиминас Йокубонис и Наполеонас Петрулис показали обычного Ленина «среди нас», сняв в его с пьедестала в прямом и переносном смысле. В эстонских бюстах особенно проработывалась пластика лица; эти Ленины интровертны, они не обращаются к зрителю. Латышская лениниана – это так называемый суровый стиль. Скупая обработка каменной глыбы – следствие пристрастия основоположника местной скульптурной школы Теодора Залькалнса к древнеегипетскому искусству. В Латвии строились действительно огромные Ленины, чья монументальность подчеркивалась открытым пространством площади. В образе вождя или оратора Ленин решителен, динамичен и строг. Во-вторых, латыши внесли большой вклад в развитие языка пространственного искусства. В отличие от своих коллег где бы то ни было в мире, советские монументалисты имели в своем распоряжении большие финансовые ресурсы, позволявшие работать с внушительными массами гранита и металла. Благодаря оригинальным инженерным решениям скульпторы легко изменяли пропорции опоры и нагрузки, обогащая диапазон интерпретаций образа. В-третьих, нельзя говорить о единой политике в области культуры, навязанной республикам Москвой. Вильнюс, Рига и Таллин по-разному интерпретировали союзные постановления, защищали свой рынок и не всегда одинаково решали похожие внутренние проблемы. Если латышские директивы многословны и неоднозначны, то эстонские и литовские конкретны. В Эстонии особое внимание уделялось исполнению закона: создавались действенные надзорные институты и системно предотвращались конфликты интересов. Кроме того, вводя запреты, законы стимулировали искомое поведение, например, мотивировали вместо монументов ваять недорогие бюсты.

Прибалтийские исследователи советской культуры имеют обыкновение преувеличивать способность знака создавать единообразную реальность и детерминировать поведение социальных акторов. Изучением отношений знака и власти занимается социальная семиотика, но интерпретация советского опыта в этой парадигме страдает из-за серьезной эпистемиологической ошибки. Из трех уровней семиотического анализа используются только два: семантика (отношения знаков к отображаемому) и синтаксис (формальные отношения между зна-

ками). Причем материалом анализа становится другой анализ – газетные статьи, теоретическая литература партийных идеологов и абстрактные рассуждения культурологов, игнорирующие непосредственную жизнь знаков в обществе. Советское общество аксиоматически трактуется как гомогенное, и поэтому горизонты контекстуальных интерпретаций современников не изучаются, а широкие обобщения делаются на основе опыта одной республики. Избежать этого позволяет прагматический уровень семиотики, интересующийся отношениями знаков к интерпретаторам.

Предназначение памятников осуществлять суггестивную индоктринацию выводится из ленинского плана монументальной пропаганды 1918 года, хотя Ленин и не наделял наружную скульптуру такой функцией. По воспоминаниям народного комиссара просвещения РСФСР А. В. Луначарского, Ленин предполагал размещать на стенах или специальных сооружениях надписи, информирующие о главных принципах марксизма, оценивающие исторические события. Второй вид визуальной коммуникации – это собственно памятники: бюсты, фигуры в рост, барельефы, – изображающие лиц, внесших вклад в теорию социализма, науку или искусство. Открытие таких памятников или юбилейные торжества у их подножия должны способствовать передаче информации в устной форме. Таким образом, основоположник монументальной пропаганды предполагал, что она будет рационально информировать и напоминать, но не обусловливать эмоциональные реакции зрителей. По этой причине до конца 1950-х гг. политические скульптуры изготавливались конвейерным способом, и авторы уделяли мало внимания эстетическому качеству тиражной пластики. Противодействие этой практике со стороны прибалтов внесло лепту в визуальную эстетизацию отношений власти.

Но еще более важна реакция Луначарского на высказанную Лениным идею:

«*По правде сказать, я страшно заинтересовался этим введением Владимира Ильича. Во-первых, действительно вопрос о социалистическом заказе художникам остро меня интересовал. Средств для этого не было, и мои обещания художникам о том, как много они выиграют,*

перейдя от службы частного рынка на службу государства, естественно, повисли в воздухе»[286].

Изначально монументальная пропаганда была задумана как биржа труда для художников, способствующая принятию ими и распространению новой идеологии. Это объясняет перипетии скульптурной ленинианы, в которой столкнулись интересы различных групп: московский Оргкомитет и периферия, академически образованные и самодеятельные художники, разные творческие школы, идеологи и хозяйственники, публика с утонченным и массовым вкусом. Распределение госзаказов служило инструментом урегулирования отношений между этими группами. Архивы свидетельствуют об отсутствии продуманного и последовательно претворяемого в жизнь плана монументальной пропаганды, в то время как папки изобилуют примерами жесткой конкуренции внутри сообщества художников, хозяйственных конфликтов между художниками и властью, а также межведомственной неразберихи. Для обоснования своих материальных и профессиональных интересов скульпторы и архитекторы творчески развивали эстетическую базу советской власти, что, строго говоря, не было целью ленинского плана монументальной пропаганды.

Крук Сергей,
PhD, Рижский университет им. П. Страдиньша (Латвия)

[286] *Луначарский А.* Воспоминания и впечатления. М.: Советская Россия, 1968. С. 198.

РАЗДЕЛ III

Дипломатическая история

Михаил Мельтюхов

Прибалтийский плацдарм в геополитических расчетах великих держав в 1910-х – 1940-х гг.

Прибалтика, включающая сегодня Эстонию, Латвию и Литву, является важным стратегическим плацдармом в Восточной Европе. Удобное расположение региона на пересечении речных и морских торговых путей делали его объектом притязаний многих государств на протяжении веков. Собственное социально-политическое развитие Прибалтики было не слишком быстрым, что в XIII в. способствовало завоеванию ее большей части немецкими и датскими крестоносцами. Для этих территорий начался так называемый Орденский период истории (XIII–XVI вв.). Вместе с тем крестоносная агрессия стимулировала формирование Литовского государства, которое на некоторое время сумело стать влиятельной силой в Восточной Европе, но с конца XIV в. попало под влияние Польши. Для Литвы начался Польский период ее истории (XIV–XVIII вв.). Для Новгородской и Псковской русских земель все эти политические изменения означали не только периодические пограничные войны, но и ограничения деятельности купцов на традиционных водных торговых путях. В дальнейшем с этими же проблемами столкнулось и созданное Русское централизованное государство, которое в середине XVI в. попыталось решить их путем завоевания земель Ливонского ордена. Однако Ливонская война была проиграна, и территорию Ордена поделили между собой Швеция и Речь Посполитая. Затем в результате войн между ними большая часть бывших владений Ордена оказалась под властью шведского короля. Для этих территорий начался Шведский период истории (XVII–XVIII вв.). В результате победы в Северной войне Россия присоединила территории Эстляндии и Лифляндии, закрепив за собой широкий выход на Балтику. Для этого региона начался Российский период истории (XVIII–XX вв.). За-

тем в конце XVIII в. в состав Российской империи вошли и территории Курляндии и Литвы.

В дальнейшем Прибалтика стала важным каналом внешней торговли России с Европой, а в конце XIX – начале XX в. оказалась одним из бурно развивающихся индустриальных районов Российской империи. Оборотной стороной этих процессов стало довольно заметное распространение в регионе социал-демократических идей и рост национального самосознания эстонцев, латышей и литовцев. В условиях обострения отношений между великими державами Европы Прибалтика оказалась одной из целей «Восточной политики» Германии, которая рассчитывала использовать в своих интересах немецкое остзейское дворянство этих губерний Российской империи. В годы Первой мировой войны Прибалтика к югу от реки Западная Двина (Даугава) оказалась оккупированной Германией.

Февральская революция 1917 года в Петрограде взорвала относительную стабильность в Российской империи. В условиях революционного хаоса в Прибалтике оживилась пропаганда создания автономных, а затем и независимых от России национальных государств. Понятно, что националисты все более склонялись к государственной независимости, а социалисты предлагали решать национальный вопрос путем создания федерации независимых социалистических республик. Для националистов, являвшихся в основном выходцами из зажиточных слоев, стремление к созданию независимого государства было также своеобразной формой недопущения ненавистной им социальной революции.

Октябрьская революция и создание Советского государства были поддержаны подавляющим большинством прибалтийского населения, но вызвали животную ненависть местных националистов, которые активизировали поиски иностранных покровителей своим сепаратистским идеям. При этом следует отметить, что первой государственностью в Эстонии и Латвии были именно автономные советские республики, созданные на основе реализации провозглашенного «Декларацией прав народов России» права наций на самоопределение и уничтоженные в результате германской оккупации всего региона в феврале – марте 1918 года. Местные националисты с радостью приветствовали оккупантов, надеясь с их помощью укрепить свою власть.

Однако немцы быстро дали понять, что никакие самозваные правительства местных «варваров» им не нужны. Добившись от Советской России отказа сначала от Литвы и Курляндии, а затем от Лифляндии и Эстляндии, Германия собиралась создать на этих территориях новое германское государство, в модернизированном виде воссоздав государство Ливонского ордена. Определенным исключением являлась Литва, где предполагалось усадить на престол германскую династию. Однако поражение Германии в Первой мировой войне не позволило реализовать эти замыслы.

Отказ Германии по Компьенскому перемирию от Брест-Литовского мирного договора и аннулирование этого договора Советским правительством в ноябре 1918 года возвратили международно-правовую ситуацию в Прибалтике к состоянию 1914 года Понятно, что Красная армия двинулась на запад, освобождая от германской оккупации территории Российской Советской республики. При этом Москва открыто заявляла о готовности признать местные советские национальные правительства. Вполне естественно, что вновь активизировавшиеся националистические группировки бросились искать себе покровителей среди держав Антанты, занимавших явно антисоветскую позицию. Не имея возможности послать в Прибалтику какие-либо сухопутные войска, Антанта потребовала от Германии задержать отвод ее войск с оккупированных российских территорий. Правда, оказалось, что немецкие солдаты отнюдь не склонны воевать, а стремятся домой. В этих условиях Красная армия довольно быстро освободила большую часть Прибалтики, где одновременно происходило воссоздание Эстонской и Латвийской, а также создание Литовской советских республик, независимость которых была в декабре 1918 года признана РСФСР.

Не имея возможности опереться на местное население, симпатизировавшее социалистическим идеям, прибалтийские националисты сумели добиться помощи от держав Антанты, которые выделили военное снаряжение, продовольствие и кредиты для борьбы с «красной заразой». При этом основной боевой силой в регионе стали немецкие добровольческие формирования из наемников и остзейских немцев. Так же удалось привлечь в Прибалтику наемников из скандинавских стран и Финляндии. Все это вместе взятое, наряду с господством на море английского флота, позволило интервентам переломить ситуацию на фронте.

Для держав Антанты прибалтийский регион был важен в силу его стратегического расположения, позволяющего отрезать Советскую Россию от Балтийского моря, затруднив ей связи с Европой. Естественно, что прибывшая в Прибалтику в конце марта – начале апреля 1919 г. американская военная миссия во главе с подполковником У. Грином отметила, что эта территория является «*барьером против большевизма, буферными государствами между Россией и Германией, военным и торговым ключом к русскому тылу. Поэтому Прибалтийские государства и Литва представляют собой стратегическую территорию, необходимую для того, чтобы остановить натиск большевизма на Запад и начать активный агрессивный поход для разгрома большевизма и восстановления России*»[287]. Соответственно, 2 июля английский представитель на Парижской мирной конференции заявил, что «*поскольку балтийские порты необходимы для любого мероприятия, которое Запад мог бы предпринять против Москвы, необходимо, чтобы в этих государствах были бы стабильные правительства*»[288].

В итоге 23 июля комиссия по делам Прибалтики на Парижской мирной конференции поставила перед этим регионом задачу быть защитным валом между большевизмом и германским Drangnach Osten, для чего было необходимо тесное сотрудничество этих новых государств друг с другом и с Антантой[289]. Фактически Англия и Франция возродили восходившую к XVIII в. политику «восточного барьера», направленную на максимально возможное недопущение России в Европу. В итоге удалось изгнать из Прибалтики Красную армию и позволить местным марионеточным правительствам удержаться у власти. Причем формально эти «правительства» продолжали оставаться самозваными и никем не признанными, однако они постоянно заверяли своих западных покровителей, что «Балтика станет опорой

---

[287] *Варславан А. Я.* Политика английского империализма в отношении буржуазной Латвии (1920–1923). Рига, 1966. С. 11–12.

[288] Там же. С. 21–22.

[289] *Почс К. Я.* Позиция буржуазной Латвии в вопросе о польско-балтийском союзе (1920–1925 гг.) (Историографический очерк) // Вопросы историографии Латвийской ССР. Ученые записки Латвийского государственного университета. Т. 82. Исторические науки. Вып. 5. Рига, 1967. С. 59.

и крепостью цивилизации во имя прогресса человечества»[290]. 19 ноября 1919 года английская газета «Дейли геральд» вполне справедливо писала: «*Мы держим в руках прибалтийские провинции, Польшу и Финляндию. Все эти государства – банкроты. Все они ожидают от нас кредитов, субсидий, признания и экономической и дипломатической поддержки <...> Их независимость – понятие условное. Ни одно из этих государств не может сделать что-либо без нашего согласия. Прибалтийские провинции очень хорошо понимают, что наша заинтересованность в их благополучии и независимости от России является следствием наших интересов на Балтийском море. Мы не были в состоянии господствовать на этом море в течение войны, и мы теперь решили приобрести там постоянную точку опоры и завладеть этим морем так же, как мы владеем Средиземным морем уже в продолжение целого столетия*»[291].

Успехам антисоветских сил в Прибалтике способствовало и то, что для Советской России этот регион не был первостепенным театром военных действий в ходе гражданской войны. Лишь наступление генерала Н. Н. Юденича на Петроград летом – осенью 1919 года привлекло серьезное внимание советского руководства. Однако к этому моменту, насколько можно судить, Москва была готова договориться с буржуазными прибалтийскими правительствами, лишь бы прекратить военные операции на северо-западе страны. Учитывая нежелание держав Антанты, и прежде всего Англии, продолжать интервенцию в Россию, Эстония, Латвия и Литва стали также подумывать о договоренности с РСФСР. Это позволило бы им получить признание своей независимости с ее стороны, что в любом случае было для них необходимым первым шагом на пути международного признания.

С осени 1919 года военные действия в Прибалтике велись на фоне вялотекущих советско-эстонских и советско-латвийских переговоров. Правда, лишь изменение позиции Антанты

---

[290] *Штейнберг В. А.* Джентльмены в Латвии (1917–1920): Тайное и явное в политике Запада. Рига, 1983. С. 65.

[291] *Миллер В. О.* Создание Советской государственности в Латвии. Рига, 1967. С. 316–317; *Сиполс В. Я.* Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919–1940. Рига, 1968. С. 62; *Штейнберг В. А.* Латвия во внешнеполитическом противоборстве Советской России и держав Запада, 1917–1920. Рига, 1979. С. 164.

в отношении событий в Советской России в январе 1920 года подвигло Эстонию 2 февраля на заключение мирного договора с РСФСР. При этом эстонская сторона гарантировала недопущение продолжения боевых действий Северо-Западной армией генерала Юденича. Фактически речь шла о советско-эстонском соглашении, направленном против русского Белого движения, которое крайне неодобрительно относилось к идее создания независимых государств в Прибалтике. Естественно, эстонское руководство прекрасно понимало, что только большевики готовы признать независимость Эстонии. Будучи заинтересованной в прекращении войны, Москва пошла на передачу Эстонии исконно русских областей в Печорах, Изборске и на правобережье реки Наровы. Наряду со щедрыми финансовыми выплатами, это стало, по сути, платой за лояльность Эстонии в вопросе об армии Юденича, военнослужащие которой на собственном опыте испытали всю силу русофобии местных властей.

Схожим образом 11 августа было достигнуто соглашение между РСФСР и Латвией, которая также получила не только территорию Латгалии, но и русский Пыталовский район. Договор был подписан на фоне польской кампании 1920 года, что позволило существенно обезопасить северный фланг советского Западного фронта. В советско-литовских отношениях большое значение имел польско-литовский конфликт, что объективно делало Каунас и Москву союзниками против Варшавы. Правда, Литва так и не решилась на открытое вмешательство в советско-польскую войну, хотя и получила по подписанному 12 июля мирному договору с РСФСР ряд белорусских территорий. Поражение Красной армии под Варшавой и ее новое отступление на восток осенью 1920 года привело к тому, что Литва вновь потеряла Вильно, и в территориальном вопросе советско-литовский мирный договор остался лишь на бумаге. Однако обострение отношений Польши с Германией, Литвой и Советской Россией привело к складыванию неформального антипольского блока, который был существенным фактором международных отношений в Восточной Европе до начала 1930-х гг.

Несмотря на признание своей независимости со стороны РСФСР, Эстония, Латвия и Литва стали частью антисоветского «санитарного кордона», что было связано с их ориентацией на Англию и Францию. Таллин, Рига и Каунас прекрасно понимали,

что без поддержки держав Антанты они не смогли бы сохранить буржуазную государственность, и активно подчеркивали свою антисоветскую позицию. Со своей стороны, Лондон и Париж были заинтересованы в ограничении стратегических возможностей Советской России и в 1921–1922 гг. юридически признали страны Прибалтики, поскольку они занимали выгодное стратегическое положение, которое делало этот регион «военным и экономическим ключом к внутренним районам России»[292], и имели развитые порты, где в случае необходимости могли бы базироваться военно-морские флоты держав Антанты. Однако попытки западных покровителей стран Прибалтики создать региональный военно-политический союз с участием Польши и Финляндии не удались из-за противоречий между всеми этими странами. В результате в 1920-е гг. их антисоветское сотрудничество было неформальным, хотя и вполне реальным.

Весь межвоенный период правящие круги стран Прибалтики опасались советской пропаганды идей социальной справедливости и всячески преследовали местное коммунистическое подполье, видя в нем прямую угрозу своему господству. Однако социальная нестабильность в Эстонии, Латвии и Литве была связана прежде всего с характерными для них негативными экономическими тенденциями. Лишившись российского сырья и рынка сбыта своей промышленной продукции, страны Прибалтики были вынуждены пойти по пути аграризации экономики, поскольку реально присутствовать на европейском рынке они могли только в роли поставщиков сельскохозяйственной продукции. Фактически для Латвии и Эстонии речь шла о деиндустриализации, что стало первым примером в истории Европы, порождая соответствующие социальные проблемы. В свою очередь, это усиливало восприимчивость населения стран Прибалтики к советской социальной пропаганде и подталкивало их правительства к установлению диктаторских режимов и безудержной пропаганде национализма.

Во внешней политике страны Прибалтики в той или иной степени пытались позиционировать себя как передовую линию обороны западной цивилизации против «красного варварского Востока», надеясь на поддержку Англии и Франции. Однако если

[292] *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 111.

в первой половине 1920-х гг. Лондон и Париж проявляли определенное внимание к Прибалтике, то к началу 1930-х гг. их интерес заметно снизился, а к середине 1930-х гг. Эстония, Латвия и Литва все нагляднее убеждались в том, что на какую-либо конкретную помощь Англии и Франции рассчитывать не приходится. Позиция западных держав объяснялась тем, что, прикрываясь политой «умиротворения», они стремились использовать нацистскую Германию в качестве главной ударной силы против Советского Союза. Естественно, это требовало устранения в Восточной Европе любых препятствий для германского «Drang nach Osten». Кроме того, продавая свою сырьевую продукцию преимущественно в Англию и покупая промышленные товары преимущественно в Германии, страны Прибалтики стали для Лондона дополнительным каналом финансирования германской экономики. Естественно, все это подталкивало Эстонию, Латвию и Литву к переориентации на Германию.

В 1920-е гг. Германия занимала в отношении Прибалтики довольно сдержанную позицию, которая в основном сводилась к поддержке немецкого национального меньшинства и расширению экономических контактов. Складывание нацистского режима в Германии способствовало активизации политики в отношении Прибалтики. Позиционируя себя в роли главного центра европейских антикоммунистических сил, Берлин предлагал странам Прибалтики сближение именно на этой основе. Однако для Таллина, Риги и особенно Каунаса серьезным сдерживающим фактором служил вопрос о поддержке Берлином немецких нацменьшинств. Именно этот вопрос, осложненный проблемой Мемельской (Клайпедской) области, стал поводом для серьезного обострения германо-литовских отношений в середине 1930-х гг. Однако в итоге Каунасу, учитывая позицию Англии, Франции и Италии, пришлось пойти на уступки Берлину. Попытки Таллина и Риги в середине 1930-х гг. добиться заключения договоров о ненападении с Германией не нашли поддержки в Берлине, что не мешало ему, используя антисоветские настроения правящих кругов Эстонии, постепенно расширять сотрудничество с ней в военной и разведывательной областях. События Чехословацкого кризиса 1938 г. свидетельствовали о резком возрастании влияния Германии в Восточной Европе. Становилось все более очевидно, что Англия и Франция не заинтересованы в защите

восточноевропейского статус-кво. В этой ситуации Таллин, Рига и Каунас стали склоняться к постепенному сближению с Берлином. Весной 1939 г. Германия добилась пересмотра территориальных установлений Версальского мира в отношении Мемеля, а затем подписала со своими прибалтийскими соседями договоры о ненападении.

Для Советского Союза утрата стратегических рубежей в Прибалтике превратила ее в средоточие жизненно важных интересов. При этом определяющее значение для советской политики в регионе имели англо-советские и франко-советские отношения. Если в 1920-х гг. Москва с помощью Берлина могла блокировать или хотя бы уравновесить польское влияние в Прибалтике, то усиление англо-французского влияния ограничить было невозможно. Именно поэтому договоры о ненападении с Финляндией, странами Прибалтики и Польшей были так важны для СССР. Однако, не имея возможности проводить самостоятельную внешнюю политику, страны Прибалтики опасались вызвать гнев своих западных покровителей и в течение всех 1920-х гг. отказывались от каких-либо реальных договоренностей с Москвой. Единственным исключением стал подписанный в 1926 г. советско-литовский договор о ненападении, имевший явный антипольский оттенок. Будучи заинтересованным в продолжении польско-литовского территориального спора, препятствовавшего созданию единого военно-политического блока стран региона, Советский Союз различными способами поддерживал позицию Литвы, с которой не имел общей границы.

В 1920-е гг. совокупный военный потенциал стран Прибалтики и Польши был вполне сопоставим с военным потенциалом СССР, что, естественно, вызывало серьезные опасения в Москве относительно возможностей новой интервенции, плацдармом для которой могли бы стать территории Латвии и Эстонии. Поэтому советское руководство внимательно следило за политикой и военными мерами своих северо-западных соседей. Особенно беспокоила Советский Союз возможность прямого военного присутствия какой-либо из великих европейских держав, флоты которых ежегодно совершали плавания по Балтийскому морю с заходами в порты стран Прибалтики. При этом, конечно же, Прибалтика не была главным объектом советской внешней политики, направленной на нормализацию отношений прежде

всего с великими державами Европы. В результате начавшегося «потепления» советско-французских отношений СССР удалось в 1932 году заключить двусторонние договоры о ненападении со своими северо-западными и западными соседями (в том числе с Эстонией и Латвией).

Рассматривая Прибалтику как стратегически важный регион на своих северо-западных границах и учитывая начавшееся охлаждение советско-германских отношений, советское руководство осенью 1933 года предложило Польше договориться о взаимном обеспечении безопасности этого региона. Однако взявшая курс на нормализацию своих отношений с Берлином Варшава отказалась от этого предложения. Тогда в апреле 1934 года СССР предложил Германии договориться о сохранении статус-кво в Прибалтике, но Берлин также отказался от этого предложения. В итоге к середине 1930-х гг. ситуация вокруг Прибалтики существенно изменилась в связи с политическим сближением между Германией и Польшей, заинтересованных в обеспечении своего влияния в регионе. Понятно, что Москва опасалась подобного развития событий и внимательно отслеживала перипетии польско-германских отношений, пытаясь противодействовать тенденции, направленной на возникновение прямого германо-польского союза.

Наряду с переговорами с Францией о создании Восточного пакта, Советский Союз активизировал свою политику в Прибалтике, надеясь привлечь страны региона к созданию системы «коллективной безопасности». Со своей стороны, страны Прибалтики, не исключавшие своего участия в будущей международной системе «коллективной безопасности», созданной на основе решений Лиги Наций, внимательно отслеживали изменения в политике Англии и Франции. Убедившись, что Лондон идет на серьезные уступки Берлину, а советско-французские переговоры не привели к созданию Восточного пакта, Эстония, Латвия и Литва заняли выжидательную позицию. Единственным шагом, на который пошли страны Прибалтики, стало создание Балтийской Антанты, поддержанное Москвой, ставшей ярой сторонницей предложенной Парижем политики «коллективной безопасности». Во второй половине 1930-х гг. Москва попыталась расширить военные контакты со странами Прибалтики, однако все ограничилось взаимными официальными визитами воен-

ных делегаций и стажировкой нескольких литовских офицеров в частях Красной армии. В этих условиях СССР продолжал оказывать Литве определенную экономическую поддержку.

Начало политического кризиса 1939 года в Европе активизировало внешнюю политику всех великих держав и резко расширило возможности внешнеполитического маневрирования Советского Союза. Учитывая внешнеполитическую позицию стран Прибалтики, СССР был заинтересован в недопущении использования этого региона Германией и рассматривал Эстонию и Латвию как зону своих национальных интересов. Поэтому в ходе англо-франко-советских переговоров весны – лета 1939 года Москва упорно настаивала на том, чтобы договаривающиеся стороны дали тройственные гарантии безопасности Эстонии, Латвии и Финляндии. При этом советская сторона не стремилась получить какие-либо односторонние привилегии в Прибалтике, а старалась добиться выработки механизма обеспечения тройственных гарантий странам региона. Продолжая действовать в рамках идеи «коллективной безопасности», советское руководство попыталось добиться заключения союза с Англией и Францией. Однако англо-франко-советские переговоры показали, что западные державы не готовы к равноправному партнерству с Москвой и реализовать политику «коллективной безопасности» не удалось. Определенную роль в срыве англо-франко-советских переговоров сыграла и позиция восточноевропейских соседей СССР, которые заявляли Англии и Франции о своей незаинтересованности в гарантии их независимости с участием советской стороны. Подобный ход переговоров наряду с угрозой англо-германского соглашения заставил Москву более внимательно отнестись к германским предложениям о нормализации двусторонних отношений.

Не добившись согласия Англии и Франции на свое предложение в отношении Прибалтики, СССР был вынужден поставить его в несколько модернизированном виде в ходе контактов с Германией. Использовав заинтересованность Берлина в нейтралитете Москвы в случае обострения кризиса в Европе, советскому руководству поначалу удалось добиться согласия Германии на признание Эстонии и Латвии сферой советских интересов. Затем уже в ходе начавшейся войны в Европе Советский Союз добился согласия Германии на передачу в со-

ветскую сферу интересов и практически всей Литвы. Однако передача Прибалтики в сферу интересов СССР вовсе не означала какого-либо изменения юридического статуса стран региона. В принципе, эта советско-германская договоренность имела очень опосредованное отношение к двусторонним отношениям Москвы с Таллином, Ригой и Каунасом. Советское руководство добилось всего лишь обязательства Германии не вмешиваться в эти двусторонние отношения, что, впрочем, не мешало Берлину поддерживать с Эстонией, Латвией и Литвой нормальные дипломатические и довольно тесные экономические отношения.

Подписанный 23 августа 1939 года советско-германский договор о ненападении стал большим успехом советской дипломатии, сумевшей добиться серьезных уступок со стороны Берлина. В итоге Советскому Союзу удалось на определенное время остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах. При этом следует подчеркнуть, что советско-германский договор о ненападении не был детонатором войны в Европе. Ведь вместо честного выполнения своих союзнических обязательств перед Варшавой, Англия и Франция продолжали добиваться соглашения с Германией, что фактически подтолкнуло ее к войне с Польшей.

Договоренности с Германией о разделе сфер интересов и вой на в Европе стали теми необходимыми условиями, при которых советское руководство могло достаточно свободно действовать в отношении Прибалтики[293]. Советский Союз приступил к расширению своего влияния в регионе с заключения договоров о взаимопомощи, пользуясь традиционной практикой военно-политического давления и посулов в зависимости от конкретной обстановки применительно к каждой прибалтийской стране. При этом следует подчеркнуть, что никаких действий со стороны СССР, которые можно было бы признать «оккупацией» Прибалтики, осенью 1939 года допущено не было. Действитель-

[293] Подробнее о событиях вокруг Прибалтики в 1939–1940 гг. см.: *Мельтюхов М. И.* Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М., 2014.

но, командование Красной армии предприняло подготовительные меры для операции по захвату Эстонии и Латвии, но дальше этого дело не пошло. В отношении же Литвы все военные меры советской стороны ограничились лишь сосредоточением войск у ее границ, причем эти войска даже не получили никаких боевых задач и начали рассредоточение еще до подписания советско-литовского договора о взаимопомощи. Таким образом, степень военно-политического давления была различной применительно к каждой стране.

Как верно отметил А. Г. Донгаров, «грубый нажим с использованием угрозы применения силы был характерен только для стадии принуждения партнеров к переговорам», тогда как сами договоры о взаимопомощи «стали результатом именно переговоров, а не ультиматума; в ходе их прибалтийским делегациям удалось отстоять целый ряд важных для них положений и принципов»[294]. Лишенные поддержки великих держав Европы, правительства Эстонии, Латвии и Литвы были вынуждены подписать договоры о взаимопомощи, которые расценивались ими как меньшее из зол. С 10 октября 1939 г. советско-германская договоренность по Прибалтике была подкреплена соответствующими советско-прибалтийскими договорами. В этих условиях руководящие круги государств Прибалтики старались не обострять отношения с СССР, надеясь в будущем избавиться от нежелательной советской опеки.

Строго придерживаясь своей позиции полного невмешательства во внутренние дела Эстонии, Латвии и Литвы, что объяснялось нежеланием обострять отношения с Англией и Францией и неясностью перспектив войны в Европе, советское руководство внимательно следило за ситуацией в Европе и Прибалтике. Германия решила организовать эвакуацию местных остзейских немцев из Прибалтики, что было положительно воспринято как

---

[294] *Донгаров А. Г.* СССР и Прибалтика (1939–1940 гг.). С. 51. К такому же выводу пришел и эстонский исследователь М. Ильмярв, отметивший, что в сентябре – октябре 1939 года советское правительство не предъявляло ультиматумов ни Эстонии, ни Латвии, ни Литве. Имели место лишь устные угрожающие намеки общего характера (*Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция: Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). Пер. с эст. М., 2012. С. 446).

правящими кругами, так и населением этих стран. Всего до конца 1939 года из Эстонии в Германию переселилось 13 352 немца, а из Латвии – 52 583 немца.

По мере выполнения советско-прибалтийских договоров о взаимопомощи перед сторонами возникали все новые проблемы, для решения которых с ноября 1939 года по май 1940 года неоднократно велись переговоры разного уровня и были заключены соглашения, конкретизирующие отдельные стороны взаимоотношений. Для контроля за реализацией условий договоров и разрешения спорных вопросов были созданы смешанные комиссии. С Эстонией и Латвией были заключены договоры о поставках советского вооружения, выполнение которых началось в феврале и мае 1940 года, и продолжались советско-литовские переговоры по этому вопросу. Постепенно советские войска обживались в прибалтийских гарнизонах и вели довольно масштабное строительство военной инфраструктуры.

Конечно, руководство Эстонии, Латвии и Литвы прекрасно понимало, что большинство простого населения их стран симпатизирует СССР. Не случайно были приняты различные меры, направленные на ограничение контактов местных жителей с советскими военнослужащими. Велась разведка советских гарнизонов, в чем были заинтересованы не только местные власти, но и спецслужбы Англии, Франции и Германии, а в Литве еще и местные польские подпольные организации. Вполне вероятно, что существовали определенные контакты между прибалтийскими разведками и разведками великих европейских держав, однако наверняка об этом известно только в отношении Германии. Естественно, что прибалтийские военные имели соответствующие оперативные разработки на случай обострения отношений с Советским Союзом. Однако представляется невероятным, чтобы Эстония, Латвия или Литва в одиночку или даже все вместе решились бы на военное выступление против СССР. Конечно, при этом существовала потенциальная угроза того, что эти страны могут стать плацдармом для антисоветских действий какой-либо великой державы. Недовольные навязанными Советским Союзом договорами, правящие круги стран Прибалтики делали ставку на Англию и Францию, надеясь после войны освободиться от советской опеки. В условиях разгрома Франции и ослабления влияния Англии в Европе в мае-июне 1940 года ру-

ководство Эстонии, Латвии и Литвы, учитывая вероятность советско-германской войны, стало склоняться к расширению тайных контактов с Германией, что было зафиксировано советской разведкой.

Советское руководство, готовясь к войне с Германией, стремилось окончательно укрепиться в стратегически важном регионе на границе Восточной Пруссии, устранить малейшую возможность антисоветских действий Прибалтийских стран, а заодно и расширить зону социализма, освободив трудящихся Прибалтики от капиталистического гнета. Если в период «странной войны» независимая Прибалтика вполне соответствовала советским намерениям, то победы Германии на Западе позволяли окончательно решить прибалтийскую проблему. Опасаясь скорого прекращения войны в Европе в связи с успехами вермахта, что, естественно, вело бы к утрате заинтересованности Германии в сохранении нормальных отношений с СССР, советское руководство решило активизировать свою политику в Прибалтике с целью создания глубоко эшелонированной системы безопасности северо-западного региона. При этом Москва так спешила, что даже не поставила в известность о своих намерениях Берлин, который узнал о развернувшихся событиях от своих дипломатов в Эстонии, Латвии и Литве, а затем и из советских газет. Таким образом, общая обстановка в Европе и собственные цели советского руководства диктовали необходимость присоединения Прибалтики к Советскому Союзу. Для вмешательства во внутренние дела Прибалтийских стран были нужны предлоги, в качестве которых использовались «похищения» красноармейцев в Литве и вопрос о Балтийской Антанте.

Развернув в первой половине июня 1940 года соответствующие военные группировки у границ Эстонии, Латвии и Литвы, советское руководство потребовало от Каунаса, Риги и Таллина изменить состав местных правительств и разрешить ввести дополнительные контингенты Красной армии на их территорию. Убедившись, что никакой поддержки со стороны Германии они не получат, Литва, а затем Эстония и Латвия согласились с этими советскими требованиями. Соответственно, помимо дипломатических договоренностей, между СССР и странами Прибалтики были подписаны соглашения между военными командованиями сторон о местах размещения дополнительных контингентов

советских войск. Именно в эти районы советские войска и проследовали. При этом следует подчеркнуть, что страны Прибалтики не стали объектами «агрессии» или «оккупации» со стороны Советского Союза.

Безусловно, ввод дополнительных контингентов Красной армии в страны Прибалтики оказал прежде всего моральное воздействие на местные общества, блокировав активность антисоветских элементов и, наоборот, стимулировав просоветскую активность. Общие настроения местного населения и грамотно проведенная пропагандистская кампания под лозунгом социальных перемен обеспечили сторонникам просоветской ориентации победу на проведенных 14–15 июля выборах в законодательные органы Эстонии, Латвии и Литвы; 21 июля в Прибалтике была восстановлена советская власть, за этим последовало обращение к Советскому Союзу с просьбой о принятии новых советских республик в его состав. Соответственно 3–6 августа Верховный Совет СССР принял решение о вхождении Эстонской, Латвийской и Литовской ССР в состав Советского Союза.

Естественно, что противники социально-политических перемен в Прибалтике довольно быстро нашли общий язык с германской разведкой и стали базой антисоветского подполья в регионе. Это в итоге привело к массовой операции НКВД и НКГБ СССР по аресту и выселению антисоветских и социально опасных элементов в июне 1941 года, что позволило нанести серьезный удар по националистическому подполью. Вместе с тем стремление властей Советских республик Прибалтики сохранить эту операцию в тайне было использовано сохранившимся антисоветским подпольем для распространения различных слухов, оживлявших ряд антисоветских стереотипов 1920-х – 1930-х гг. среди местного населения.

Реакция Англии на события 1940 г. в Прибалтике свелась к молчаливому признанию де-факто произошедших изменений. Однако Лондон блокировал денежные счета Эстонии, Латвии и Литвы в английских банках и задержал, а затем конфисковал 39 прибалтийских кораблей в портах Британской империи. При этом внутренние оценки ситуации в Прибалтике английским руководством оставались вполне трезвыми. Так, в изданном еще 16 июля 1940 года обзоре департамента политической разведки английского министерства иностранных дел № 41 отмечалось,

что произошедшие в Прибалтике выборы гарантировали, что выбранные кандидаты будут следовать советским намерениям: «*Мирная абсорбция (поглощение) стала значительным успехом для советской дипломатии, а Германии, благодаря ее занятости другими делами, ничего другого не оставалось, как быть заинтересованным свидетелем*»[295]. 16 ноября на заседании правительства У. Черчилль заявил: «*Бесспорно, для Советского Союза было бы вполне разумным воспользоваться нынешним положением дел, которое очень благоприятно для него, для того, чтобы возвратить те территории, которые Россия потеряла в результате последней войны, в начале которой она была союзницей Франции и Англии. Это относится не только к балтийским территориям, но и к Финляндии. Это соответствует и нашим интересам, если бы Советский Союз усилился на Балтике и таким путем ограничил риск германского доминирования в этом районе*»[296]. США также блокировали денежные счета стран Прибалтики и заявили о непризнании произошедших политических перемен. По мнению Лондона и Вашингтона, блокированные счета должны были стать компенсацией их гражданам, чья собственность в Прибалтике была национализирована.

Реакция Германии была более дифференцированной. С одной стороны, Берлин в одностороннем порядке ликвидировал литовскую зону «свободного порта» в Мемеле и отклонил советские требования о правах на нее Литовской ССР. Также германские власти задержали 14 эстонских и латвийских судов, которые так и не были возвращены советской стороне. С другой стороны, в ходе советско-германских переговоров удалось договориться по ряду проблем, связанных с вхождением Прибалтики в состав Советского Союза. В итоге 10 января 1941 г. были подписаны следующие соглашения:

а) об урегулировании взаимных имущественных претензий относительно Прибалтики, согласно которому СССР обязался выплатить Германии 150 млн марок в течение

---

[295] *Чубарьян А.О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008. С. 275.

[296] *Мальков В. Л.* Прибалтийский узел. 1939–1940 гг. По материалам американских архивов // Россия XXI. 2006. № 3. С. 143; *Мальков В. Л.* Россия и США в XX веке. Очерки истории международных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009. С. 242.

двух лет равными частями поквартальными траншами по 18 750 тыс. марок, выплата которых началась 15 мая;

б) о переселении германских граждан и лиц немецкой национальности из Эстонской, Латвийской и Литовской ССР, а литовских граждан и лиц литовской, русской и белорусской национальности в Литовскую ССР. В итоге со 2 февраля по 23 марта 1941 г. из Литовской ССР переселилось 50 129 человек, а в Литовскую ССР прибыло 20 695 человек (6167 из Мемельской области, а 14 528 из Сувалкского округа). Кроме того, с 11 февраля по 7 апреля 1941 г. в Германию из Эстонской ССР выехало 7101 человек, а из Латвийской ССР – 10 954 человека;

в) о советско-германской границе от р. Игорка до Балтийского моря, который подтверждал передачу Мемеля Германии и ее отказ от каких-либо новых притязаний на территорию Литовской ССР. Данному договору предшествовала договоренность о том, что СССР в течение двух лет выплатит Германии 31,5 млн марок в качестве компенсации за ее отказ от оставшегося в сфере интересов Берлина юго-западного «кусочка» Литвы. При этом 1/8 суммы покрывалась поставками цветных металлов в течение 3 месяцев, а 7/8 суммы вычитались из германских платежей СССР. Однако, несмотря на постоянные напоминания советской стороны, Германия вплоть до 22 июня 1941 г. не ратифицировала договор о границе в Прибалтике и всячески затрудняла процесс ее демаркации.

Таким образом, проблема Прибалтийского плацдарма, возникшая в результате гражданской войны в России, весь межвоенный период была одной из важных составляющих внешней политики Советского Союза, направленной на обеспечение безопасности страны. В стратегическом плане особенностью Прибалтийского плацдарма является его неравноценность для Российского государства и его потенциальных противников из западных великих держав. Обладание этим плацдармом дает западным державам исключительные возможности для вторжения в центральные районы России. Тогда как контроль над этим регионом со стороны России необходим прежде всего для обеспечения безопасности страны, но не давал ей возможности создать серьезную угрозу западным державам, за исключением восточно-прусской провинции Германии. Понятно, что интересы национальной безопасности СССР требовали, чтобы Прибалтий-

ский плацдарм не мог использоваться враждебно настроенными державами. В зависимости от своих возможностей и общего развития международных отношений советское руководство пыталось решить эту проблему. Однако только в 1940 году Прибалтика вошла в состав Советского Союза.

В советской политике нейтрализации Прибалтийского плацдарма в межвоенный период можно выделить три этапа. В 1920–1932 гг. главными потенциальными противниками, которые могли использовать этот плацдарм, были Англия и Франция. Для минимизации подобной опасности Советский Союз, с одной стороны, проводил политику сближения с Германией и Литвой, что позволило блокировать создание единого блока стран Прибалтики и Польши, которые ориентировались на Лондон и Париж, а с другой стороны – старался нормализовать отношения с Англией и Францией. В 1933–1939 гг. произошло обострение германо-советских отношений, а сближение Германии и Польши создавало угрозу использования ими Прибалтийского плацдарма для войны с СССР. В этой ситуации советское руководство старалось использовать концепцию «коллективной безопасности» как для сближения с Англией и Францией, так и для расширения влияния в Восточной Европе, позиционируя себя как защитника политического статус-кво. В Прибалтике англо-французское влияние, характерное для 1920-х – начала 1930-х гг., все более ограничивалось ростом влияния Германии, а к концу 1930-х гг. основными соперниками в борьбе за влияние в регионе оказались Берлин и Москва. В условиях начавшейся в Европе в сентябре 1939 года Второй мировой войны советская политика нейтрализации Прибалтийского плацдарма вступила в третий этап (1939–1940 гг.), в ходе которого Советскому Союзу удалось постепенно вернуть контроль над стратегически важным регионом на своих северо-западных границах, усилить позиции на Балтийском море и создать плацдарм против Восточной Пруссии.

Мельтюхов Михаил Иванович,
д. и. н., Всероссийский институт документоведения и архивного дела (Россия)

Андрей Петренко

Реакция в Швеции на государственный переворот в Эстонии 12 марта 1934 года

В 2 часа дня 12 марта 1934 года по приказу Константина Пятса и Йохана Лайдонера центр Таллина заняли две роты кадет и политическая полиция. Они окружили штаб-квартиру праворадикального союза ветеранов гражданской войны («вапсов», от эстонского названия ветеранов освободительной войны), и арестовали руководителей союза. Затем было на полгода введено военное положение на всей территории страны. Генерал Лайдонер был назначен верховным главнокомандующим сил обороны. Демонстрации были запрещены, ряд газет был закрыт. На неопределенный срок были отложены выборы главы государства и парламента.

После этого в Эстонии стала вводиться система мер по расширению антидемократических порядков. Это был спокойный и размеренный процесс, повсеместный, широкий, тщательный и неодномоментный. На его темпы влияли и внутриполитические факторы – такие, как попытка контрпереворота вапсов в 1935 году, и внешнеполитические. Предпосылками столь резких действий двух создателей эстонского государства и демократии стало охватившее правящие круги Эстонии общее ощущение непрочности и неэффективности государственного строя в обстановке нараставшего с 1927 года экономического кризиса и резко осложнившейся обстановки в регионе Балтики вследствие прихода к власти Гитлера.

Уже в июне 1933 года военный атташе советского полпредства в Эстонии Мазалов сообщил в Москву о беседе с подполковником Рихардом Маасингом, который, среди прочего, изложил ему свой взгляд на положение в Эстонии: «*Парламентаризм в Эстонии уже отжил свой век. <…> На смену ему должна прийти какая-то другая, более крепкая государственная форма, которая отвечала бы современному моменту в Европе и раз и навсегда покончила бы с пережитками*

послевоенных парламентских форм правления. В наших условиях лучше фашизм, чем разжиженный, слюнявый демократизм»[297].

Для характеристики установившегося в республике государственного строя использовался широкий набор терминов. В СССР, как и у социал-демократов региона того времени, его называли фашистским. Эстонский историк Рейго Розенталь называет его «одним из самых мягких авторитарных режимов».

В целом наименования политических систем, установившихся в 1920-е – 1930-е годы как в Эстонии, так и в других Прибалтийских государствах, менялись не один раз в зависимости от авторов. Кроме термина «диктатура», который широко использовали левые партии (в том числе шведские социал-демократы), можно обнаружить «авторитарную демократию», «авторитарные режимы», «национальные авторитарные режимы», «мягкие диктатуры», «полудиктатуры», «диктатуры более авторитарные, чем тоталитарные» и, наконец, все-таки «авторитарные диктатуры».

Однако, пишет шведский историк Ульф Ларссон, шведские социал-демократы обходились без этой софистики, никто не занимался словесной эквилибристикой понятиями демократии и диктатуры. Сам он системы, установившиеся в трех Прибалтийских республиках в 1920-е – 1930-е годы после государственных переворотов, называет диктатурами[298].

Шведские дипломатические представительства – миссии – в своих докладах в министерство иностранных дел использовали это же обозначение. Посланник в Таллине барон Андерс Коскюль называл обоих – и Пятса, и Лайдонера – диктаторами[299].

Современные эстонские историки оценивают режим Пятса как ликвидацию демократии, отсутствие парламентской демо-

---

[297] Запись беседы Мазалова с подполковником Маасингом (25 и 30 июня 1933 г.). АВП РФ. Ф. 9. 1933. Оп. 8. П. 67. Д. 61. Л. 37. Рихард Маасинг – подполковник, начальник разведывательного отдела штаба сил обороны Эстонии. Один из инициаторов прогитлеровского курса. В 1939 году помощник начальника генерального штаба. Агент немецкой военной разведки. В 1939 году бежал.

[298] *Larsson U.* Svensk Socialdemokrati och Baltikum under Mellankrigstiden. Stockholm, 1996. S. 46.

[299] Utrikesdepartementet HP1, Band 457, A. Koskull – R. Sandler 5 May 1934. Цит. в: *Larsson U.* Op. cit. S. 45.

кратии, утрату демократии[300]. Общее название правлению Пятса, установившееся в памяти эстонского народа, дал Вильям Томингас, вапс, эмигрант, современник и участник этих событий. Он назвал его «эпохой безмолвия».

Представляет исторический интерес оценка тех лет, дававшаяся в Германии. 24 февраля 1936 года, по случаю 18-летия провозглашения независимости Эстонской Республики, в германских газетах был помещен ряд статей. В них, в частности, пересмотр конституции Эстонии рассматривался как попытка создать демократическо-авторитарное правительство, «*которое, конечно, является более близким национал-социалистской Германии, чем остальные Прибалтийские страны, где парламентские партии играют еще известную роль*»[301].

Со своей стороны, назначенный 25 августа 1934 года министром внутренних дел Карл Эйнбунд, выступая в сентябре, без околичностей назвал правительство страны «авторитарным», опирающимся только на власть и на авторитет и ставящим перед собой задачу вывести страну из глубокого кризиса, куда ее завел неуравновешенный парламент[302].

1. Основы шведских подходов к отношениям с Эстонией

Связи Швеции и Эстонии, как соседних стран Балтийского моря, имеют многовековую историю. В состав шведского королевства земли, населенные эстонцами, были включены по итогам Ливонской войны – сначала северная часть нынешней Эстонии с островами, а затем и южная часть. По Ништадтскому миру 1721 года Швеция признала потерю Эстляндии и Лифляндии, произошедшую в 1710 году. Определенное количество шведов осталось в качестве постоянного населения Эстонии. Во времена шведского владения было введено школьное образование, учрежден

---

[300] *Валге Я.* Содействовала ли Москва госперевороту в Эстонии 1934 г.? // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 92.

[301] Дело «Вопросы информации» референтуры по Эстонии. АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 20. П. 27. Д. 4. 1935–1936. Л. 2.

[302] Письмо Антипова Б.С. Стомонякову (письмо не датировано; отправлено до 10. 9. 1934). АВПРФ. Ф. 0154. Оп. 27. П. 38. Д. 3. Л. 103.

Тартуский университет, открыта учительская семинария, издавались книги на эстонском языке. Таким образом, к 30-м годам XX века имелась существенная основа для развития культурных связей, поддержания взаимовыгодных культурных отношений.

Именно в те годы установилась линия шведской политики в отношении всех трех стран Прибалтики: эти страны малы, слабы, неустойчивы; их внутриполитическое положение шаткое, велики перспективы желания Германии и России вернуть утраченные позиции на Балтике. Именно исходя из этих рассуждений, в Швеции на долгие годы приняли решение воздерживаться от установления прочных и обязывающих межгосударственных отношений с этими странами, то есть от любого политического и военного союза с ними. Так, в мае 1920 года министры скандинавской тройки на конференции в Кристиании приняли решение держаться в стороне от конференции лимитрофов[303].

Была признана независимость этих стран, установлены дипломатические отношения. После распада Российской империи Швеция признала независимость Эстонии де-юре после заключения мирного договора с РСФСР, 4 февраля 1921 года.

Консульское представительство в Ревеле Швеция имела с начала XIX века. Шведская миссия в Таллине была открыта в 1921 году. Но поскольку она была аккредитована также в Латвии, через полгода миссия переехала в Ригу. Происходил обмен визитами и другие протокольные мероприятия. Так, в сентябре 1928 года титульный глава государства Яан Тыниссон посетил Швецию, король Густав в июне 1929 года прибыл в Таллин с ответным визитом. Карл, принц Шведский и герцог Вестергетландский, 29 апреля 1926 года был награжден орденом Эстляндского Красного Креста I класса. Успешно развивались торговые отношения. Эта установившаяся атмосфера взаимной симпатии помогла многим эстонцам найти приют в Швеции в ходе Второй мировой войны, и теперь они составляют в Швеции заметную и влиятельную общину.

30 января 1933 года в Германии пришел к власти Гитлер, и сразу же возникло ощущение первого за 15 лет после окончания Первой мировой войны коренного изменения расстановки сил

[303] *Zetterberg S.* Viron historia. Suomalaisen Kirjallisu uden Seura. Helsinki, 2007. S. 543.

на Балтике. В Швеции первая озабоченность в связи с этими событиями отмечается уже с апреля 1933 года.

Это было лишь одним из факторов, которые социал-демократы должны были учитывать при проведении внешней политики. Ульф Ларссон следующим образом кратко комментирует феномен внешней политики шведских социал-демократов: «*Социал-демократы находились в правительстве большую часть 30-х годов. Рикард Сандлер*[304] *занял относительно позитивную позицию по отношению к Прибалтийским странам. И тем не менее он счел необходимым подчеркнуть в ходе своего визита в регион, состоявшегося в 1937 году, что "имеются все же принципиально иные подходы к государствам с иными системами правления, чем в Швеции"*. Он, пишет Ларссон, не уточнил, в чем состоит эта разница[305]. Осторожность и взвешенность внешней политики Швеции проявлялась и в том, что в стремлении к расширению коммерческих связей интерес к ним «не должен был вступать в столкновение с основными интересами» страны[306].

Отношения с тремя Прибалтийскими странами уступали по интенсивности связям с Финляндией. Но в любом случае сдержанность являлась абсолютным общим принципом, распространявшимся на отношения со всеми прибалтийскими соседями – никакие формы отношений со странами Балтийского моря не должны были «втянуть Швецию в силовое поле великих держав». На эту базовую позицию не могли повлиять ни известная личная склонность Сандлера к активизации связей самого различного рода с Прибалтийскими странами, ни вызывавшие широкую поддержку в массах призывы, поездки и лекции Карла Линдхагена, призывавшего шведов вспомнить, «что Балтийское море является шведским морем»[307].

---

[304] Рикард Йоханнес Сандлер (Sandler Johannes Rickard, 1884–1964), один из лидеров Социал-демократической рабочей партии Швеции (далее – СДРПШ), министр иностранных дел Швеции в сентябре 1932 – декабре 1939 года с перерывом в несколько месяцев в 1936 году.

[305] *Larsson U.* Op. cit. S. 74.

[306] Ibid.

[307] Карл Линдхаген (Carl Lindhagen, 1860-1946). Один из видных деятелей СДРПШ, бургомистр Стокгольма в 1903–1930 годах, вел активную кампанию за расширение сотрудничества стран Скандинавии и Прибалтики. Письмо Б. С. Стомонякова поверенному в делах Белько 7.7.34. АВП РФ. Ф. 9. Оп. 9. П. 79. Д. 139. Л. 96.

2. Реакция СДРПШ на переворот в Эстонии

Так совпало, что к моменту эстонского переворота социал-демократы находились у власти в Швеции уже в течение почти полутора лет – с осени 1932 года. С их приходом к руководству правительством наметилось значительное возрастание активности Швеции в Балтийском регионе именно вследствие личной заинтересованности в развитии этих отношений, проявленной Рикардом Сандлером[308].

Партия к тому времени уже приобрела значительный опыт в управлении страной, ее министры почти десять лет входили в разные правительства. Наблюдая, как в Европе одно за другим рушатся демократические правительства, социал-демократы Швеции как партия резко выступали против расползания по карте Европы диктаторских режимов, не упуская при этом возможности и антикоммунистических, антисоветских выпадов. На съезде СДРПШ в 1928 году Сандлер, вышедший на трибуну в качестве одного из основных руководителей партии, выступил со страстным осуждением любых нарушений демократии в Европе: «*Мы знаем, что социал-демократические идеи едва начали действовать в тех странах, они находятся под постоянной угрозой для свободы и жизни, но многие проявления террора прочно укрыты от нас за железным занавесом, отделяющим нас от связей с миром насилия. От обожженных солнцем Липарских островов до покрытых льдами Соловецких островов поднимается всеобщий обвинительный глас, который должен найти отклик повсюду, где чтут свободу и демократию, где выступают против зверских издевательств жестоких мучителей над борцами за свободу*»[309].

В духе социал-демократической солидарности СДРПШ следила за деятельностью своих однопартийцев в Эстонии. Эстонская партия была основана в 1907 году, с 1925 по 1934 год она называлась Социалистической рабочей партией Эстонии. В 1919 году она получила первое место на выборах в Учредительное собрание, на выборах 1920 года была третьей, в 1923 году – вто-

---

[308] *Carlgren W. M.* Sverige och Baltikum. Fran mellankrigstid till efterkrigsar. En oversikt. Stockholm, 1993. S. 32; *Carlgren W. M.* Varken – eller, Reflektioner kring Sveriges Alandpolitik 1938–1939. Uddevalla, 1977. S. 38.

[309] Partikongressens protokoll 1928. S. 477. Цит. по: *Larsson U.* Op. cit. S. 45

рой, а в 1926 году выиграла выборы, как и в 1929 году. Однако после этого ее роль в политической жизни резко пошла на спад: в 1932 году партия получила провальное третье место, а в 1934 году была запрещена после переворота. В связи с маневрированием социалистов Эстонии в период непосредственно перед переворотом, шведский социал-демократический историк напоминает о том, как шведы отслеживали оказывавшиеся не всегда выигрышными действия эстонских однопартийцев. В августе 1932 года газета эстонских социал-демократов «Рахва Сына» обвинила вапсов в подготовке государственного переворота в опоре на военных. После этого правительство объявило военное положение, ввело ограничения свободы слова и временно запретило организации вапсов. А заодно, сухо комментирует историк, и пару организаций социалистов: молодежный союз партии и ее спортивные клубы[310].

Отстраненность шведских социал-демократов от эстонских социалистов отметил Унт[311], рассказавший первому секретарю полпредства Я. Ю. Клявину 27 февраля 1934 года, что один из основных руководителей правых социалистов Ойнас «ездил к шведским социал-демократам за деньгами и ничего не получил»[312].

15 марта 1934 года руководящий орган СДРПШ – ее исполнительный комитет – обсуждал произошедший за три дня до этого переворот в Эстонии. Было зачитано кстати пришедшее письмо от СРПЭ, отправленное, правда, до переворота, 16 февраля. Его автор, председатель парламентской фракции Александр Ойнас[313], описывал политическое положение, высказывал не оправдавшиеся прогнозы проведения выборов президента в конце апреля и победы вапсов на выборах. В письме, пронизанном пессимизмом, говорилось, что в случае своей победы вапсы, ко-

---

[310] *Larsson U.* Op. cit. s. 50.

[311] Максим Унт (MaximUnt,1898–1941), левый социалист, депутат Государственного собрания.

[312] Дневник Я. Ю. Клявина. 7. III. 1934. АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 27. П. 38. Д. 8. Л. 22. Клявин был с 1932 по 1937 г. первым секретарем и временным поверенным в делах в полпредстве в Таллине.

[313] Александр Ойнас (Alexander Oinas, 1887–1942). Один из руководителей социалистической партии Эстонии. Министр путей сообщения (1931–1932).

торых Ойнас назвал фашистами, тут же установят в Эстонии режим, дружественный Германии и развяжут войну против СССР.

Однако в письме Социалистической партии Эстонии не содержалось изложения позиции в поддержку на выборах собственного кандидата в президенты, в качестве которого номинально выступал Аугуст Рей[314]. Не информировали эстонцы своих шведских однопартийцев и о сложном положении в партии, которая за несколько месяцев до этого поддержала создание правительства, возглавляемого Пятсом. Она потерпела поражение на муниципальных выборах, после чего прибегла к маневрированию и согласилась на необходимость принятия активных мер против возможной победы вапсов на предстоящих выборах. После этого на съезде социалистической партии произошел раскол, из нее ушла левая фракция во главе с Ниголем Андрезеном[315]. Посланник Швеции в Эстонии Коскюль информировал МИД Швеции о том, что «Рахва Сына» (газета «Слово Народа») поддержала меры правительства[316]. Все это лишь было выражением того, что на заседании Государственного собрания 16 марта фракция социалистов приняла государственный переворот.

Исполком СДРПШ принял на своем заседании 15 марта 1934 года решение оказать эстонской социалистической партии целевую материальную помощь в размере семи тысяч крон – на участие в выборах главы государства. Шведы предусмотрительно поставили условие: помощь оказывается только в том случае, если выборы будут проведены[317].

Когда в октябре 1934 года Пятс распустил парламент – Государственное собрание – социал-демократическая пресса Швеции на это отреагировала очень остро[318].

---

[314] Аугуст Рей (August Rei, 1886–1963). Лидер Социалистической партии Эстонии. Министр иностранных дел (1932–1933). Заместитель министра иностранных дел (1936-1937), посланник Эстонии в СССР (1938–1940).

[315] Ниголь Андрезен (Nigol Andresen,1899-1985), глава фракции левых социалистов, в 1928–1934 гг. председатель Эстонского социалистического молодежного союза. Депутат парламента в 1932-1937 гг.

[316] Телеграмма миссии Швеции в Таллине № 68 от 17 марта 1934 г.

[317] Verkstallande Utskott 15 mars 1934. Цит. в: *Larsson U.* Op. cit. S. 53

[318] *Liljedahl R.* Upsala och Estland. Nagra minnen fran omstortningen i Ostersioomradet efter Hitlerrevolutionen 1933 // Svio Estonica. Vol. XVfoljd 6.

Первоначально центральный орган партии – газета «Социал-демократ» – поместил сообщение о государственном перевороте в Таллине на месте для новостной информации, но воздержался от каких-либо собственных комментариев. Для извещения о перевороте был избран заголовок: «Предотвращен путч эстонских нацистов. Готовилось вооруженное восстание...» Избрав такие формулировки, редакция полностью последовала версии переворота, озвученной Пятсом.

Через шесть дней после переворота, 18 марта, в газете «Социал-демократ» была напечатана передовая статья, автор которой занял снисходительную позицию в отношении событий, хотя и отметил, что Пятс и Лайдонер «имеют в своем распоряжении фактическую диктатуру». В этом же тоне он выражал надежду на то, что правящий Эстонией дуэт станет твердо придерживаться демократических принципов: «*Было бы, однако, оскорблением по отношению к обоим этим людям, которые в свое время участвовали в создании свободной Эстонии, подозревать их хотя бы на мгновение в том, что они могут желать последовать по стопам "разрушителя народа» Дольфуса"*[319].

Но уже 21 марта в статье, присланной из Таллина, возникли вопросы относительно будущего. Отмечалось также, что эстонские социал-демократы приняли происшедшее, посчитав его меньшим из двух зол, то есть меньшим злом, чем предполагавшийся путч вапсов. В общем, резюмирует историк Ульф Ларссон, «очевидно, что шведские социал-демократы заняли весьма осторожную позицию, вероятно из-за того, что, в свою очередь, их партийные друзья в Эстонии не реагировали» на переворот[320].

Так выглядела первоначальная реакция руководства СДРПШ – ее Исполкома. Что касается правительства, то инфор-

---

Lund,1960. S. 149. Цит. в: *Ильмярв М.* Эстония и Швеция в межвоенный период (1919–1940). С. 164 URL: amberbridge.org. > Arkhan/07.pdf (дата обращения: 21.05.2015); Письмо А. М. Устинова Б. С. Стомонякову 28. III. 1934. АВПРФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 112. Д. 111. Л. 24.

[319] *Larsson U.* Op. cit. S. 53. По приказу канцлера Австрийской Республики Энгельберта Дольфуса (1892–1934) 12 февраля 1934 года был открыт артиллерийский огонь по восставшим с оружием в руках в Вене анархистам и социалистам. При этом погибло не менее тысячи человек.

[320] *Larsson U.* Op. cit. S. 53.

мация, которую оно получало из своей миссии в Таллине, основывалась исключительно на сведениях, распространявшихся Пятсом и другими руководителями переворота.

В телеграмме от 14 марта[321] Коскюль информировал Сандлера о хронике переворота. Перечень событий он не сопровождал какими-либо выводами, рекомендациями или анализом. Но в то же время привел цитату из немецкоязычной газеты «Ревальше цайтунг» о том, что «авторитарная власть от Государственного собрания перешла в руки главы правительства и верховного главнокомандующего силами обороны». 17 марта Коскюль писал в министерство иностранных дел: «О том, как будут развиваться события, когда будет отменено чрезвычайное положение, – об этом сейчас невозможно что-либо сказать»[322].

Процесс выработки позиции Швеции по отношению к событиям в Эстонии затягивался, в нем принимали участие и правительственные персоны, и функционеры СДРПШ, включая лидеров профсоюзов. Осенью 1934 года в поездку в Прибалтику отправился Каспар Ларссон, глава отдела шведских профсоюзов по связям с прессой[323]. В отчете о его поездке не было новой информации помимо той, что уже была известна из шведских газет. В Латвию он в конечном итоге не поехал, а про Эстонию сообщил, что социалистическая партия запрещена, но деятельность профсоюзов по-прежнему разрешена. Каспарссон имел на руках сумму в 4630 шведских крон; ее он передал в комитет помощи, которым руководили два эстонских социал-демократа. Эти деньги собрали Центральное объединение профсоюзов Швеции и Международный союз транспортных рабочих[324]. Свои впечатления от пребывания в Эстонии Каспарссон подытожил в заявлении о том, что в Эстонии по-прежнему диктатура. Но его позиция, изложенная в газете «Социал-демократ», была довольно выжидательной: будущее, писал

---

[321] Телеграмма № 66, отправлена 14 марта, зарегистрирована в МИД Швеции 17 марта. Utrikesdepartementet, HP 1, Band 456, A. Koskull – R. Sandler 14 mars 1934.

[322] Телеграмма № 68, зарегистрирована в МИД Швеции 20 марта. Utrikesdepartementet, HP 1, Band 456, A. Koskull – R. Sandler 17 mars 1934.

[323] Рагнар Каспарссон (Ragnar Casparsson, 1952–1960). Деятель профсоюзов Швеции. В 1952–1960 гг. был губернатором провинции Вестманланд.

[324] *Casparsson R.* Landduvalsignade. Stockholm, 1962. S. 220 ff. Цит. в: *Larsson U.* Op. cit. S. 54.

он, может показать, «была ли тактика социалистической партии правильной», и, кроме того, были ли серьезны Пятс и Лайдонер, делая свои заявления о парламентаризме в стране.

Находившаяся «на другом берегу» Балтики, как говорят шведы, то есть в Стокгольме, эстонская дипломатическая миссия, казалось, не выступала с собственными комментариями о высказываниях шведских социал-демократов. Но был случай, когда она направила письмо Ивану Паули[325], приложив вырезку со статьей из газеты одной из эстонских партий. Эстонская миссия просила МИД Швеции передать эту статью, поскольку она сочла комментарии газеты «Социал-демократ» основанными на «искаженном восприятии политического положения в Эстонии»[326].

В последующие годы продолжались контакты социал-демократов двух стран, оказывалась материальная помощь. Но с лета 1935 года шведским социал-демократам стали очевидны признаки разногласий в рядах эстонских социалистов. В конце года ЭСРП была запрещена, при этом еще ранее она раскололась, так как часть руководства подвергла критике тех лидеров (Рей и Ойнас), которые пошли на принятие переворота.

Левый социалист Ниголь Андрезен рассказал в октябре 1934 года Я. Ю. Клявину, что эстонская социалистическая партия из-за своей поддержки правящего режима «не на хорошем счету во 2-м Интернационале», что «такого же мнения о ней социалистические партии Латвии и Швеции»[327]. Поэтому Рей прилагает огромные усилия, чтобы оправдаться в глазах социал-демократов.

Действительно, в январе 1935 г. Рей специально ездил в Стокгольм, чтобы убедить шведскую правящую партию, что в Эстонии имеется не диктатура, а демократическая республика. Он говорил очень убедительно, будучи после запрещения возглавляемой им партии назначен заместителем министра иностранных дел. Но так и не смог заставить слушавших его депутатов парламента и министра Сальгрена изменить свое мнение[328].

---

[325] Внешнеполитический обозреватель газеты «Социал-демократ».

[326] *Larsson U.* Op. cit. S. 54.

[327] Докладная Я. Ю. Клявина А. М. Устинову 31. 10. 1934. АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 27. П. 39. Д. 8. Л. 39, 39 об.

[328] Доклад Хамана из Стокгольма от 28. 01. 1935 // ЭГА. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 75. С. 1. Цит. по: *Ильмярв М.* Ук. соч. С. 165.

Слушавшим Рея шведским социал-демократам поступало все больше информации о практических шагах режима по уничтожению профсоюзных свобод. Декреты главы государства все более ограничивали деятельность рабочих организаций. Стачки были фактически запрещены законами 1935 и 1937 годов о трудовых конфликтах. Вышедший в апреле 1938 года закон об обществах, работающих по найму и союзах этих обществ еще более ограничил деятельность профсоюзов, отдав их под надзор полиции и министра внутренних дел.

Скандинавы с их вековыми традициями широко развитого местного самоуправления не могли равнодушно воспринимать поступавшие сообщения о том, что законами 1937 года о волостях и 1938 года о городских самоуправлениях сводятся до минимума права местных представительных самоуправлений. Впредь головы в крупных городах и старшины в уездах не выбирались. Их назначал президент.

Шведы для оценки перспектив ведения дел с режимом Пятса должны были принимать во внимание оценки прочности его внутриполитических позиций. Для них не могли составлять непреодолимой тайны тенденции, о которых доносил один секретный агент эстонской полиции: *«…Общий рост дороговизны жизни, особенно повышение квартирной платы, весьма отрицательно повлиял на население, которое видит за всем этим чрезмерное накопление капитала в руках одной группы граждан… В результате возникших слухов (о дальнейшем росте дороговизны и падении курса кроны. – Прим. ред.) возросло враждебное отношение населения к нынешнему правительству. Часто можно слышать высказывания о том, что у нас – диктаторское государство, которое защищает лишь интересы земледельцев и капиталистов, а трудящийся народ оставлен на произвол судьбы и ему даже запрещено бороться за свое существование»*[329].

3. К обстановке в регионе

Со времени гражданской войны, сопровождавшейся английской военной интервенцией в Эстонии, часть прибалтийских и скандинавских политиков ориентировалась не только на ан-

[329] ЦГАОР ЭССР. Ф. 949. Оп. 1. Д. 34. Л. 171. Цит. по: Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. Часть II (1920–1940 гг.). Таллин,1963. С. 306.

глийский рынок, но и на Англию, как великую дружественную державу, заинтересованную в недопущении возвращения Германии в стратегически важный Балтийский регион.

Резкое усиление нестабильности в регионе с появлением на международной арене не скрывавшей реваншистских и агрессивных устремлений гитлеровской Германии привело прибалтов и скандинавов к необходимости учитывать эту новую реальность. Поехавший в Лондон в октябре 1933 года министр иностранных дел Эстонии Пийп[330] никаких обещаний поддержки в случае агрессии Германии от представителей английского правительства, с которыми он беседовал, не получил. Не было ему дано и каких-либо гарантий безопасности Эстонии[331].

Англичане были последовательны в своей политике. В марте 1935 года министр иностранных дел Англии Джон Саймон вместе с лордом-хранителем Малой печати Энтони Иденом провели переговоры с Гитлером. Они согласились на увеличение его флота. В ходе этих бесед Гитлер и сообщил англичанам о намерении захватить Прибалтийские государства и учредить свое господство над этими «варварскими народами»[332]. Англичане уехали и не стали сообщать прибалтам о состоявшемся разговоре[333].

На эти тенденции неоднократно обращал внимание эстонского правительства посланник в Берлине Карл Меннинг[334], сразу же распознавший опасность гитлеровского режима для Эстонии[335].

Сообщения Меннинга дополняли картину грубого экономического и политического нажима, прикрывавшегося жестами доброжелательности, экономических уступок, обещаниями защиты от СССР. Гитлеровская «дипломатия» широко использовала местную

---

[330] Антс Пийп (Ants Piip,1884–1942), в 1933 г. министр иностранных дел в правительстве Тыниссона.

[331] *Arumae H.* At the Crossroads. The Foreign Policy of the Republic of Estonia in 1933–1939. Tallinn, 1983. P. 102.

[332] Ibid.

[333] *Talvar H.* The Foreign Policy of Estonia, 1920–1939. Tallinn, 1982. P. 98.

[334] Карл Меннинг (Karl Menning, 1874–1941), театральный режиссер. С 1918 года был дипломатом.

[335] *Arumae H.* Op. cit. P. 15.

агентуру – прибалтийских немцев и местные фашиствующие элементы. Сразу же после прихода Гитлера к власти Константином Пятсом была отправлена миссия в Берлин. Его брат Вольдемар Пятс и экономист Лео Сепп[336], тесно связанный с финансовыми кругами прибалтийских немцев, проживавших в Эстонии, должны были провести конфиденциальные переговоры с Альфредом Розенбергом – прибалтийским немцем, родившимся в Ревеле. Детали этих переговоров остаются неизвестными, как и достигнутые договоренности. Однако сам визит вскоре был упомянут в нацистской прессе, где было в связи с ним сказано, что в задачу Германии входит «осуществлять идеологическое влияние на (жизненном) пространстве, открытом в прошлом германскими крестьянами, горожанами, рыцарями и священниками...»[337]

Прибалты, как представляется, не ожидали, что в ходе своих традиционных многоходовых комбинаций Лондон пойдет на решение договориться с Гитлером «по-хорошему» – на компромисс за счет сдачи своих позиций в Балтийском море, попытки канализировать устремления агрессора на восток, на Прибалтику и СССР. Этот предшествовавший Мюнхену шаг и был оформлен подписанием конвенции по военно-морскому флоту 18 июня 1935 года. Обретя карт-бланш на военно-морское перевооружение, Германия получила зеленый свет к доминированию в регионе.

Ход событий – маневрирование Англии, где правительство Макдональда проводило политику умиротворения, и открыто декларируемая и все возрастающая агрессивность Германии, подкреплявшаяся экономическим стимулированием – привел к изменению проанглийской ориентации режима Пятса.

Правительство Эстонии избегало любых шагов, которые могли бы быть направлены против Германии. В первую очередь это было проявление реальной боязни экономических санкций, которые могли быть крайне травматичными для Эстонии, то есть для ее торговой и агробуржуазии. К середине 1930-х годов происходило и все большее сближение правительства и армейского командования, органов разведки с Германией[338]. Про-

---

[336] Лео Сепп (Leo Sepp, 1892–?). Предприниматель, в 1930–1938 гг. директор ряда частных предприятий.

[337] *Arumae H.* Op. cit. P. 15.

[338] *Arumae H.* Op. cit. P. 103

исходила фактическая капитуляция перед гитлеровской Германией. Эстонский историк Хейно Арумяэ[339], констатируя это положение, объясняет курс Пятса усилением экономической и военной мощи Германии, снижением английского интереса к Прибалтике (проявившегося в весьма выгодных для Германии формах), сближением между Берлином и Лондоном, особенно заключением англо-германского морского соглашения, упрочением германо-эстонских связей, внутриполитическим развитием Эстонии и установлением диктаторского режима; наконец – прямым подкупом эстонских политических деятелей германским капиталом.

Подводя итоги, Арумяэ называет основные принципы внешней политики диктатуры К. Пятса «неправильными и бесперспективными» в условиях нависшей угрозы со стороны гитлеровской Германии[340].

В это время, отмечает другой эстонский историк Медияйнен, внешнеполитическая мысль работала не только над двусторонними отношениями: «*Начиная с 1933 года вопрос о создании регионального союза Прибалтийских государств вновь встал на повестку дня. Вновь начинают предлагаться различные комбинации государств, могущих войти в такой союз. Общественное мнение в Эстонии особенно симпатизировало идее сближения между Прибалтийскими и Скандинавскими странами*»[341]. Постоянно перебирая варианты, правящие круги Эстонии предпочтение отдавали не многосторонним действиям – они разуверились в Лиге Наций и не поддержали усилия СССР по выстраиванию системы коллективной безопасности в Европе. Они склонялись к поискам договоренностей на двусторонней основе. В этом направлении устанавливались и развивались связи, доходившие до весьма доверительных и прочных в ряде областей и с Финляндией и, в особенности, с Германией.

---

[339] *Арумяэ Х.* Антинародная внешняя политика буржуазного правительства Эстонии в 1918–1939 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Таллин, 1987. С. 35.

[340] Там же. С. 41.

[341] *Медияйнен Э. В.* Отношения Эстонии с Латвией и Литвой в 1926–1934 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тарту, 1990. С. 12.

4. Вопрос об отношениях между Прибалтийскими и Скандинавскими странами в дипломатической переписке НКИД с полпредствами в Швеции и Эстонии в 1934–1935 годах

Рассматривая Прибалтийские страны как важных для СССР западных соседей, руководство НКИД, и в первую очередь курировавший прибалтийское направление заместитель наркома Б. С. Стомоняков[342], достаточно пристально следило за развитием обстановки в регионе, проявляя при этом очевидную по прошествии времени ясность взгляда. Еще 25 сентября 1933 года Стомоняков писал поверенному в делах в Таллине: «*Внутриполитическое развитие в Эстонии за последние месяцы чрезвычайно осложнилось <…> Вопреки ожиданиям, Эстония может раньше других Прибалтийских государств осуществить у себя фашистский режим*»[343].

С весны 1933 года в НКИД все большую тревогу вызывало развитие обстановки в прилегающем к нашим границам регионе Прибалтики. Эти страны совершенно очевидно могли стать первоочередными объектами германской экспансии. Начались консультации Литвинова с влиятельной страной балтийского региона – Польшей на тему совместного противостояния возможным действиям по подрыву независимого существования стран Прибалтики и Финляндии.

27 ноября 1933 года Стомоняков отмечал в письме С. И. Бродовскому[344]: в регионе развивается процесс «переоценки всех ценностей и проверки того, что прежде всегда считалось непреложным». Он обращал внимание на «неприятную «тенденцию» роста влияния Германии вследствие поворота к ней Крестьянского союза в Латвии и аграриев в Эстонии, заинтересованных жизненно в германском рынке»[345]. А уже через месяц он писал

---

[342] Борис Спиридонович Стомоняков (1884–1940), заместитель наркома иностранных дел (1934–1938).

[343] Письмо Б. С. Стомонякова поверенному в делах в Таллине Антипову. 25. 9.. 1933. АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 26. П. 37. Д. 2. Л. 56.

[344] Стефан Иоахимович Бродовский (1880–1937), в НКИД с 1921 года, полпред в Латвии (10.10.1933–25.10.1937).

[345] АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 28. П. 60. Д. 2. Л. 138.

тому же адресату: «*Во внешней политике Прибалтийских государств <…> происходят новые процессы, сдвиги и поиски новых путей <…> В настоящее время ни в чем нельзя быть уверенным…*»[346] И советские, и прибалтийские дипломаты отмечали все возрастающую активность Германии, которая опиралась в регионе на внешнеторговые позиции, на влиятельное лобби в виде массы организаций немецкого населения в странах Прибалтики. С середины января 1934 года возобновился приостановившийся было процесс нормализации польско-германских отношений[347]. Во всех трех Прибалтийских странах и в Финляндии усиливалось влияние радикальных и прогерманских группировок.

Начало 1934 года не внесло изменений в оценки обстановки в регионе. 25 января 1934 года Стомоняков в письме поверенному в делах в Таллине А. И. Антипову[348] опять пишет о «тревожной атмосфере» в Эстонии и Прибалтике[349]. Прошли перевороты в Эстонии и Латвии, и вот 5 июня 1934 года Стомоняков резюмирует в письме поверенному в делах в Финляндии: «*Фашизация всех окраинных государств рассматривается нами как весьма отрицательное явление, облегчающее нападение на СССР, когда наступит подходящая для интервенции конъюнктура*»[350].

В течение 1934 года НКИД предпринимал активные усилия к тому, чтобы установить фактическую обоснованность своих предположений о собирании антисоветского политического и военного блока Прибалтийских стран, который опирался бы на Швецию и Финляндию. К концу года работа по сбору надежной информации выявила нежелание Швеции связывать себя политическими, а тем более военными обязательствами в отношении каких-либо своих соседей по Балтийскому морю. После этого предметом выяснения стал вопрос о том, не создает ли подобный блок Финляндия с опорой на скандинавские страны.

---

[346] Письмо Б. С. Стомонякова С. И. Бродовскому 27. 12. 1933. АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 28. П. 60. Д. 2. Л. 151.

[347] XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934, стр. 13.

[348] Первый секретарь полпредства в Эстонии.

[349] АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 27. П. 38. Д. 2. Л. 10–11.

[350] Документы внешней политики СССР. Том XVII. М., 1971. С. 374. Далее – ДВП.

Один из первых запросов информации последовал в письме Стомонякова от 20 декабря 1933 года, где заместитель наркома дал указание полпреду в Швеции А. М. Коллонтай информировать Москву о скандинавско-прибалтийских связях. Поскольку это указание выполнено не было, Стомоняков 7 января 1934 года напомнил об этом, и тут же поставил конкретный вопрос: каковы цели предстоящего визита в Швецию с заездом в Гельсингфорс министра иностранных дел Латвии Салнайса?[351] Выявилась встревоженность НКИД проявлениями стремления Финляндии (в роли «старшего брата») «организовать под своим руководством финляндско-эстонско-латвийский блок…». К тому времени, по мнению НКИД, «установился тесный политический контакт между Финляндией, Эстонией и Латвией». Считалось, что начался процесс образования блока этих трех республик. Итак, заключал Стомоняков, «нас интересует по-прежнему установить, имеются ли серьезные стремления в Швеции к сближению с Финляндией, а также с Эстонией и Латвией»[352].

В конце 1933 – начале 1934 года НКИД так же пристально следил за резко возросшей активностью Великобритании в регионе, прорабатывавшей возможности создания региональной группы стран Балтийского моря под своей эгидой. Видный военно-морской деятель, ставший потом дипломатом, Ф. Ф. Раскольников сообщал в Москву, что 14 апреля 1933 года Пухк[353] «подтвердил, что Польша и Франция поддерживают идею прибалтийского союза. Он добавил, что дальше всех в этом направлении идет Англия, которая стремится не только к созданию единого таможенного тарифа и единой монетной системы Эстонии, Латвии и Литвы, но и к созданию единой армии этих государств»[354].

---

[351] Волдемарс Салнайс (Salnais Voldemars, 1886–1948). Министр иностранных дел Латвии (1933–1934).

[352] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Коллонтай. 7. 1. 34. АВП РФ. Ф. 9. 7Оп. П. 79. Д. 139. Л. 2.

[353] Иоаким Пухк (Ioakim Puhk, 1888-1942). С 1925 по1940 г. председатель Торгово-промышленной палаты Эстонии. Был близок к Пятсу.

[354] Дневник полпреда СССР в Эстонии Ф.Ф. Раскольникова за 1933 год. (27.3–19.4). АВП РФ. Ф. 9. 1933. Оп. 8. П. 67. Д. 61. Л. 20. Федор Федорович Раскольников (1892–1939, настоящая фамилия Ильин). Полпред ССР в Эстонии с 6 марта 1930 г. по 16 августа 1933 г.

Однако в самой Эстонии не верили в перспективы такого союза. 9 января 1934 года Антипов сообщил Стомонякову: Салнайс ездил в Стокгольм по вопросам создания большого блока, инициатива которого принадлежит Англии. При этом «Эстония недостаточно проявляет свой интерес к новой намечающейся комбинации <...> Эстонцы видят в организации этого блока больше противоречий и трудностей, поэтому считают его менее реальным Б...Ю Пухк, Сельтер (министр хоз)[355], Рауд[356], Ойнас (соц., бывш. министр пут. сообщения)[357] скептически относятся к балтийско-скандинавскому блоку и считают его фантазией. Наоборот, в прибалтийский блок (Латвия, Эстония, Литва) они верят и считают этот союз более реальным»[358]. 16 января 1934 года Антипов узнал мнение обычно хорошо осведомленного поверенного в делах Чехословакии, который считал, что за визитом Салнайса в Стокгольм стоит лишь реклама, его желание «показать, что он, мол, тоже умеет проводить самостоятельную внешнюю политику»[359].

Литвинов поручил Коллонтай переговорить с Сандлером о визите латыша. При этом она должна была «указать на наши особые интересы в Прибалтике, как транзитных странах и охраняющих подступы к нам. Дать понять Швеции, что мы не относимся безразлично к возможным комбинациям в Прибалтике»[360].

В то же время в Стокгольме Александре Михайловне Коллонтай польский посланник Развадовский рассказал о словах шведского министра иностранных дел Сандлера, сказавшего, что в ходе этого визита он, Сандлер, конечно, попытается «найти с Салнайсом общий язык», а это «не так просто при существовании данного социал-демократического кабине-

---

[355] Карл Сельтер (Karl Selter. 1898-1953). Министр экономики Эстонии (1933-1938). Министр иностранных дел (1938-1939).

[356] Мярт Рауд (Mart Raud, 1878-1952). Инженер, директор государственного сланцевого предприятия.

[357] См. примечание 17.

[358] Письмо А. И. Антипова Б. С. Стомонякову 9.1.1934. АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 27. П. 38. Д. 3. Л. 6.

[359] Дневник А. И. Антипова. 24 января1934. АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 27. П. 39. Д. 9. Л. 19. А. И. Антипов - первый секретарь полпредства.

[360] ДВП. С. 64-65.

та в Швеции»[361]. Выполнявшему поручение узнать о визите Салнайса полпреду Б. Штейну[362] министр иностранных дел Финляндии Хаксель[363] ответил, что «Швеция тут ни при чем», и поездка Салнайса в Стокгольм «вызвана исключительно латвийско-шведскими отношениями»[364].

15 января Коллонтай так комментировала в письме к Стомонякову происходящее: «Сандлер едва ли пойдет на то, чтобы позволить Финляндии стать руководящим политическим центром, инспирирующим политику весьма кичливых шведов, свысока относящихся к Финляндии и ее “задорной” (по их выражению) политике». И, заключала Александра Михайловна, «сомнительно, что социал-демократический кабинет Швеции пойдет на такой «сговор»[365]:

«*В настоящий момент решающим для отказа Швеции может явиться как раз то, что в Прибалтийских странах, в особенности Финляндии, растет нацизм и усиливается влияние Германии, неприемлемое для социал-демократов. Таким образом, как по политическим, так и по экономическим мотивам нет у Швеции заинтересованности в подобном сближении, поскольку инициатором такой группировки стран является Германия. (Подчеркнуто в оригинале письма Коллонтай. – А. П.)*».

«*Другое дело*, – продолжает развивать версию английского влияния Коллонтай, – *если бы инспирация вхождения скандинавов в объединение прибалтов исходила бы от Англии. Сейчас “покровительство” Англии гарантирует известную безопасность и возможность сохранения нейтралитета в момент войны. Наоборот, вовлечение в какую-либо группировку (а особенно в блок с Финляндией) грозит возможностью для Швеции быть втянутой в военную авантюру, чего меньше всего желают шведы, так как они еще не забыли те блага, какие*

---

[361] Дневник полпреда А. М. Коллонтай. 15.1.34. АВП РФ. Ф. 09. 1934. Оп. 9. П. 79. Д. 140. Л. 2.

[362] Штейн Борис Ефимович (1892-1961. Полпред СССР в Финляндии (11.1.1933–25.11.1934).

[363] Хаксель Антти Вернер (Hackzell Antti Verner, 1885–1946). Министр иностранных дел Финляндии (1932–1936).

[364] Беседа Б. Е. Штейна с Хакселем 24 января 1934 г. ДВП. С. 68.

[365] Политписьмо А. М. Коллонтай Б. С. Стомонякову. 15.1.1934. АВП РФ. Ф. 05.1934 год. Оп. 14. П. 102. Д. 108. Л. 4.

попадали в их руки благодаря нейтральности во время мировой войны и сейчас способны лишь предвкушать наживу на войне, при которой они хотят оказаться мировыми поставщиками»[366].

Но и на этой стадии Коллонтай еще не убедила Стомонякова. Не располагая, вероятно, прямой информацией из тех кругов стран региона, где принимались решения, Стомоняков мог только выстраивать цепочки логических умозаключений. В данном случае он писал в Стокгольм: «*Швеция могла бы пойти на политическое сближение с Финляндией и Прибалтийскими государствами (выделено мной; Стомоняков в отличие от Коллонтай о прибалтийской тройке и Финляндии пишет раздельно – А. П.) с оговорками, которые гарантировали бы ее от <…> опасности (втягивания в войну. – А. П.)… Скандинавско-прибалтийское региональное соглашение было бы…инструментом влияния Англии в этой части Европы… Прибалты могли бы быть изъяты из-под влияния СССР и Польши, а это <…> было бы в интересах Англии*».

Англия, как мы видели, уже была в процессе подготовки к сдаче Германии региона именно в целях облегчить ей вековечный «дранг нах остен», отвернувшись и от Польши, и от прибалтов.

А пока что Стомоняков продолжал скрупулезно отслеживать в регионе и за его пределами следы и признаки деятельности по созданию мощного скандинаво-прибалтийского блока под эгидой Англии. Во все страны предполагаемой группировки был направлен циркулярный запрос – кроме Лондона, насколько мне известно[367].

И в Москву стала поступать разноречивая информация. Стомоняков принял 13 февраля 1934 года финляндского посланника Юрье-Коскинена[368]. В ходе беседы он задал ему вопрос: «Как относятся великие державы к стремлению образовать прибалтийский блок? <…> Я имею сведения, что Англия рекомендует вам и Эстонии тесное политическое и экономическое сотрудничество».

---

[366] Там же. Л. 3–5.

[367] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Коллонтай 27.1.1934. Ф. 05. 1934 год. Оп. 14. П. 102. Д. 108. Лл. 6-7. Запросы пошли в Стокгольм, Осло, Копенгаген, Таллин, Ригу, Ковно, Гельсингфорс.

[368] Аано Армас Сакари Юрье-Коскинен (1885–1951). Посланник Финляндии в СССР (1931–1940), министр иностранных дел (21. 3. 1931–15. 12. 1932).

Собеседник «после небольшой паузы колебания» ответил, как пишет Стомоняков: «Это верно»[369]. Тем не менее, и в июле 1934 года поверенный в делах в Швеции Белько, лояльно поддерживавший тезис Стомонякова об активизации шведской «восточной политики», указывал в стиле 1930-х годов, что «пока что мы <…> не имеем еще сколько-нибудь оформленных новых внешнеполитических комбинаций и соглашений», и мог подтверждать шведскую активизацию лишь упоминанием о торговле, призывах Линдхагена (в переписке его называли еще и Линдгагеном), рассказом о «теплом приеме литовской военной эскадрильи, а также о неконкретизируемых «далеко идущих намерениях». Подтверждений версии Стомонякова так и не появилось[370].

Со следующей почтой Стомоняков обратил 16 февраля 1934 года внимание Устинова на то, что «*со всех сторон продолжают поступать сведения, что в Прибалтике проводится большая работа по сближению прибалтов между собой, а также со скандинавскими странами, особенно со Швецией. Попросите у Сельямаа информации по этому вопросу. Попросите у Сельямаа информацию по этому вопросу и, в частности, о целях его предстоящей поездки в Ригу и Гельсингфорс. Постарайтесь <…> выяснить нынешнее состояние отношений Эстонии с великими державами, особенно с Германией. Своей оценки усилиям по сближению прибалтов между собой и со скандинавскими странами пока не давайте*»[371].

Когда визит состоялся, шведы неоднократно подчеркивали, что во время визита не обсуждались никакие двусторонние политические вопросы[372]. В информации по итогам визита полпред в Швеции проинформировала Стомонякова 3 февраля – сославшись осторожно, что информация получена «из частных источников» – что в переговорах речь шла главным образом об экономических вопросах, при этом «*всякого рода "зондировку" Латвии по вопросам, выходящим за рамки расширения связи Швеции и Латвии по линии хозяйствен-*

---

[369] ДВП. С. 145.

[370] Письмо Белько Б. С. Стомонякову 14.7.1934. АВП РФ. Ф. 05. 1934 год. Оп. 14. П. 102. Д. 108. Лл. 29–30.

[371] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Устинову 16.2.1934. АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 27. П. 38. Д. 2. Л. 16.

[372] Доклад Аккеля из Стокгольма от 17.12.1933; 03. 01. 1934 // Эстонский государственный архив. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 64. С. 1–2. Цит. по: *Ильмярв М.* Ук. соч. С. 159–194.

ной, шведпра (так в стиле сокращений 30-х годов в переписке называли шведское правительство. – А. П.) будто бы умело отводило»[373].

20 февраля Коллонтай информировала НКИД, что «*Салнайс приезжал сюда с широкими намерениями в надежде склонить шведпра на сотрудничество и сближение с прибалтами. Салнайс сам подчеркнул до приезда еще сюда политический характер своего визита, что весьма кисло было принято шведпра. Гессен*[374] *уверяет, что, по достоверным сведениям, переговоры Салнайса со шведпра о его сближении на почве общей политики потерпели поражение. Разговоры кончились чисто практическими текущими торговыми вопросами*»[375].

Наконец, Коллонтай вышла на самого высокопоставленного собеседника – бывшего премьер-министра Бу Эстена Ундена[376] – и «навела его», по ее словам, «*на разговор об отношениях между прибалтами и Швецией. Унден рассказал <…> что эстонцы и латвийцы весьма недовольны пассивным торговым балансом со Швецией и хлопочут главным образом об его повышении, но Швеция мало экономически заинтересована в этих странах, так как едва ли у них достаточная платежеспособность для расширения шведского рынка на Прибалтику.*

В смысле политическом Унден считает, что между Швецией и Прибалтийскими странами имеются расхождения по линии политической ориентировки ввиду того, что в Прибалтийских странах, особенно в Латвии и Эстонии, растет связь с Германией. В то время как в Швеции, по мнению Ундена, широкая общественность все четче настраивается против гитлеровского режима»[377]. В первую очередь имелись в виду социал-демократы и другие левые силы.

В связи с вопросом о борьбе антифашистских и прогитлеровски настроенных кругов в Швеции характерны неоднократно проходящие в информации полпредства в Эстонии сообщения о прогерманских настроениях шведского посланника в Таллине барона Андерса Коскюля. 15 февраля 1934 года швед в беседе

---

[373] АВП РФ. Ф. 9. Оп. 9. П. 79. Д. 139. Л. 19.

[374] Французский посланник.

[375] Дневник А. М. Коллонтай с конца января до середины февраля 1934 г. 20.2.1934. АВП РФ. Ф. 09. 1934. Оп. 9. П. 79. Д. 140. Л. 5.

[376] Бу Эстен Унден (Bo Osten Unden , 1886–1974) премьер-министр Швеции (6–11 октября 1946 года), министр иностранных дел (1923–1926,1945–1962).

[377] Дневник А. М. Коллонтай с конца января до середины февраля 1934 г. 20.2.1934. АВП РФ. Ф. 09. 1934. 0п. 9. П. 79. Д. 140. Л. 6.

с Устиновым «с неудовольствием говорил о вражде эстонцев к немцам и всему немецкому»[378]. 25 сентября в Клубе ста «резко выступил против Франции в защиту Германии один только Коскюль (по саарскому вопросу)»[379].

И в марте 1935 года Устинов опять записывает: «На обеде у Коскюля констатировалась беспомощность великих держав, которые допустили усиление Германии (один только хозяин дома защищал Германию)»[380].

Не составив по-прежнему окончательного мнения, Стомоняков писал 5 марта 1934 года полпреду в Таллине Устинову[381]: «Можно считать несомненным, что латыши и эстонцы стремятся к вовлечению в Прибалтийский блок не только Литвы, но также Финляндии и даже Швеции…» При этом Стомоняков реально оценивал бесперспективность этих усилий, считая, что «левые круги в Финляндии боятся связывать судьбу своей страны с судьбой неустойчивых государств… Еще большее сопротивление эта идея встречает, конечно, в Швеции»[382].

В составленных 25 марта предложениях к тексту письма в Таллин Отдел Прибалтийских стран (исполнитель Кониц) обращал внимание на активизацию Англии и Польши в попытках организации некоего регионального блока: приезд в Ревель английского посланника в Риге и его переговоры с Пятсом и Сельямаа[383] отдел ставил в связь со столь же внезапной поездкой Сельямаа и Ларетея[384] в Гельсингфорс и визитом Салнайса в Швецию,

---

[378] Дневник полпреда СССР в Эстонии А. М. Устинова. 19.2.1934. АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 27. П. 38. Д. 7. Л. 1.

[379] Дневник полпреда СССР в Эстонии А. М. Устинова. 27.9.1934. АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 27. П. 38. Д. 7. Л. 74.

[380] Дневник полпреда СССР в Эстонии А. М. Устинова (март 1935). 25.III.1935. АВП РФ. Ф. 65. Оп. 15. П. 112. Д. 112. Л. 58.

[381] Алексей Михайлович Устинов (1879-1937). Полпред СССР в Эстонии (27. 01. 1934–26.09. 1937).

[382] АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 27. П. 38. Д. 2. Лл. 26–27.

[383] Юлиус Фридрих Сельямаа (Julius Seljamaa, 1883–1936). Министр иностранных дел Эстонии (октябрь 1933 – июнь 1936). Посланник в СССР (1928–1933г.)

[384] Хейнрих Ларетей (Heinrich Laretei, 1892–1973). Директор политического департамента МИД Эстонии (1931–1939), заместитель министра иностранных дел (1934-1936), посланник Эстонии в СССР (1926–1928).

куда в то же время ездил и министр иностранных дел Финляндии. К тому же шведский министр иностранных дел собирался посетить Финляндию и Эстонию. А непосредственно перед этим шведский посланник в Варшаве срочно выезжал в Стокгольм – после того, как имел аудиенцию у Пилсудского. Вот из всех этих перемещений и визитов отдел Прибалтийских стран делал вывод о том, что «Англия <…> старается упрочить свое влияние в Прибалтике непосредственно, а также через посредство скандинавских стран, которых Англия пытается связать общим пактом с Балтийскими странами». В этом же направлении действовала Польша[385]. Характерно при этом, что о каких-либо конкретных деловых подробностях этих визитов и встреч отдел ничего не сообщает.

В продолжение кампании поисков информации 8 марта Штейн, которого принимал Хаксель, спрашивал у него: «Какие общие проблемы были предметом стокгольмских дискуссий и, в частности, обсуждался ли вопрос о сближении Прибалтийских стран, в котором приняли бы участие как Швеция, так и Финляндия».

На столь прямо поставленный вопрос Хаксель ответил: *«…Этой темы мы касались лишь вскользь, не останавливаясь на ней… Сближение Прибалтийских стран между собою и их сближение с Швецией (а равно с нами) <…> не может ни в коем случае накладывать каких бы то ни было политических обязательств на Швецию (а равно и на нас). Ни в коем случае ни Швеция, ни Финляндия не примут на себя никаких связывающих обязательств ни союзного, ни блокового, ни какого бы то ни было другого характера»*[386]. Эта столь четко заявленная позиция не помешала через несколько лет определенным контактам Финляндии с Латвией, и особенно с Эстонией, о налаживании негласного военного и разведывательного сотрудничества.

В марте 1934 г. у НКИД ясности по этому вопросу все еще не было. Поэтому 7 марта Стомоняков писал Коллонтай: «*Несмотря на продолжающие поступать из Швеции (но ведь не только из Швеции! – А. П.) сообщения об отрицательном отношении шведов к установлению постоянного политического сотрудничества с Прибалтийскими государствами, нам приходится по-прежнему уделять*

[385] АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 27. П. 38. д. 2. л. 29.

[386] ДВП. С. 172–173.

внимание этой проблеме». Он объяснил причины сохранявшейся неопределенности: «*Выступления прибалтийских министров в пользу привлечения Швеции к сотрудничеству с Прибалтийскими государствами, продолжающиеся взаимные визиты министров иностранных дел Прибалтики и Швеции и внимание, уделяемое шведским официозом новым предложениям Линдхагена – все это показывает, что вопрос о прибалтийско-скандинавском региональном соглашении или, на первых порах, сотрудничестве без договора, продолжает быть предметом обсуждения*[387].

Коллонтай не стала возражать куратору. В ответе, отправленном практически мгновенно (14 марта), она согласилась, что «несмотря на всяческие утверждения шведов об их отрицательном отношении к политическому сближению со странами Прибалтики, работа в этом направлении ведется, и попытки втягивания Швеции в прибалтийскую группировку, конечно, имеются.» и т. д. Даже «можно себе представить сейчас осуществление идеи сближения скандинавских стран с Финляндией с последующим решением вопроса о прибалтах».

Но далее Коллонтай этот сценарий сама же фактически и опровергает. Она повторяла: для шведов приоритет приоритетов в делах с соседями – это усиление товарообмена. Все. Все прочее – нет. «*Всякий раз, когда прибалтийские соседи <…> лезут к шведам с предложением о вхождении в политическую группировку, кабинет Пер Альбина Ханссона*[388] *окатывает их холодной водой…*» Коллонтай еще и еще раз пишет своему осторожному руководству: «*Шведпра подчеркнуто “гордится” тем, что ни в какие политические группировки Прибалтийские страны их втянуть не могут… они “умеют дать им отпор (слова, сказанные мне минсоц Меллером”*[389].

«*Все мои зондации среди дипломатов касательно политики Швеции по линии прибалтов приводили к общему выводу, что со страной, за которой стоит Германия – шведы ни в коем случае (подчеркнуто мной. – А. П.) не пойдут*». И полпред приводит оценку, данную шведам турецким

---

[387] Письмо Б. С. Стомонякова полпреду А. М. Коллонтай 7.3.34. АВП РФ. Ф. 9. Оп. 39. П. 79. Д. 139. Л. 21.

[388] Пер Альбин Ханссон (Per Albin Hansson, 1885–1946). Премьер-министр Швеции (1932–1946), председатель СДРПШ (1925–1946).

[389] Меллер Густав (Moller Gustav, 1884–1970). Министр социального обеспечения Швеции (1924–1926, 1932–1936, 1936–1938, 1939–1951).

посланником Рагиб-Раиф-беем: «*Они люди реальной политики. Что может дать Швеции прибалтийский блок, кроме тех осложнений – военных авантюр – которых шведы больше всего опасаются*»[390].

Но вот ближе к концу марта 1934 г. в центре стало накапливаться все больше информации, побуждавшей склоняться к мнению о том, что реальные предпосылки к тесным и далеко идущим скандинавско-прибалтийским связям – отсутствуют. 23 марта Устинов информировал заместителя наркома (источником его сведений была беседа Антипова с Иоахимом Пухком), что трое прибалтов хотели бы привлечь Швецию к конференции по торговле и промышленности. Он сообщал о тенденции – то есть о стремлении прибалтов (оказывавшемся односторонним и без взаимности) к сближению со Швецией через укрепление экономических связей. И, писал он, «на данном этапе маловероятно блокирование (т. е вовлечение в блок. – *А. П*) Швеции, живущей несколько обособленными от отдельных прибалтов интересами». К тому же «сама Эстония опасается всяких комбинаций, втягивающих ее в большую политику»[391].

Наконец, 27 марта Стомоняков в письме к Коллонтай все же признал, что «Швеция на данном этапе уклоняется от принятия на себя каких бы то ни было обязательств политического порядка в отношении Прибалтийских государств и Польши»[392]. Но тем не менее «отслеживание» поручил продолжать «с неослабным вниманием». Коллонтай сразу же, 3 апреля, доложила: «По вопросу о скандинавско-прибалтийских отношениях сейчас ничего нового сообщить не могу»[393].

Представляется, что точку в этой работе поставил Литвинов, указавший Коллонтай 14 октября 1934 г. на смену приоритетов. Нарком, получив письмо Коллонтай от 1 октября 1934г., отметил красным карандашом ее слова: «*Скандинавия перестает быть ней-*

---

[390] Письмо А. М. Коллонтай Б. С. Стомонякову 14.3.34. АВП РФ. Ф. 9. Оп. 9. П. 79. Д. 139. Лл. 28–32.

[391] Письмо А. М. Устинова Б. С. Стомонякову 28.3.34. АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 12. Д. 111. Л. 20.

[392] Письмо Б. С. Стомонякова А. М. Коллонтай 27.3.1934. АВП РФ. Ф. 09. Оп. 9. П. 79. Д. 139. Л 39.

[393] Письмо А. М. Коллонтай Б. С. Стомонякову 3.4.1934 г. АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 18. П. 117. Д. 322. Л. 40.

тральным фактором на арене международных отношений»[394] и написал ей: «*Усиленная политическая активность Швеции началась <…> с того момента, когда она стала проявлять особый интерес к Прибалтике…*» И далее: «*Наше внимание должно быть обращено не в эту сторону и даже не на усиление влияния Англии в Швеции, а, главным образом, на блок Скандинавии с Финляндией…*» Указания завершаются формулировкой об «элементах агрессии и враждебности к СССР в политике Финляндии»[395]. В развитие этих положений Стомоняков писал в Таллин 10 ноября 1934 года: «*Сближение Финляндии с другими Прибалтийскими странами при резко враждебном отношении к нам Финляндии, весьма нежелательно для нас. Особенно нежелательно было бы присоединение Финляндии к прибалтийской Антанте – Эстонии, Латвии и Литвы. В этом случае Финляндия оказывала бы влияние и служила бы антисоветским звеном между скандинавской и прибалтийской Антантами. Прошу уделить этому вопросу особое внимание и осветить его на основании эстонских материалов*»[396].

Таким образом, активные действия по установлению фактической основы версии о формировании политического и военного блока трех Прибалтийских стран с опорой на Финляндию и Швецию, проводившиеся полпредствами СССР в регионе по директиве НКИД с конца 1933 года по конец 1934 года, не привели к подтверждению этого предположения. Причины этого полпредами усматривались исключительно в нежелании Швеции связывать себя рискованными обязательствами ради неясных для ее руководства целей.

5. Осложнение обстановки в Балтийском регионе для внешней политики Швеции

Резкое осложнение обстановки в регионе Балтийского моря возникло сразу же с приходом Гитлера к власти. Для Швеции, не надеявшейся больше на поддержку Англии, как отмечал видный шведский историк Вильгельм Карлгрен, появилось отныне огра-

---

[394] Письмо А. М. Коллонтай М. М. Литвинову 1.10.34. АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 18. П. 117. Д. 322. Л. 97.

[395] Письмо М. М. Литвинова А. М. Коллонтай 14.10.1934. АВП РФ. Ф. 05. 1934 год. Оп. 14. П. 102. Д. 108. Л. 50.

[396] Письмо Б.С. Стомонякова А.М. Устинову 10 ноября 1934 г. АВП РФ. Ф. 0154. Оп.27. П.38. Д. 2. Л. 84.

ничение: не предпринимать никаких активных действий к югу от Финского залива; там возникла некая, как он пишет, «политическая граница». Швеция своими действиями к югу от этой линии «не должна была вызывать подозрения в том, что она имеет какие-либо интересы помимо коммерческих и культурных…»

В то же время к северу от этой «границы» Швеция могла попрежнему развивать широкий круг связей с остальными двумя скандинавскими королевствами, стремясь каким-то образом подвигнуть СССР к тому, чтобы он не возражал против полноценного включения Финляндии в данное скандинавское сотрудничество[397].

Карлгрен не раскрывает подробности выработки этого решения, но практические действия правительства страны в осуществлении своих внешнеполитических шагов подтверждают данный курс.

В этой связи показательно заявление Сандлера 21 июля 1934 года по поводу Восточного Локарно. Сам пакт он охарактеризовал как «фактор стабилизации восточной и центральной Европы». И тут же сделал оговорку: «*Швеция, как страна, принадлежащая к стабильному району севера, не имеет особых оснований примыкать к подобному пакту*»[398].

На опасности осложнений, которые могут возникнуть в близлежащем к Швеции регионе из-за усиления деятельности великих держав, особое внимание обратила еще в 1930 году комиссия риксдага по обороне, весьма важная в системе государственных структур страны. В докладе комиссии, принятом на заключительном этапе ее работы в ноябре 1934 года, секретарь кабинета министров Карл Хамильтон (бывший посланник в Гельсингфорсе) подчеркнул, что постоянно меняющиеся предложения о международных пактах свидетельствуют о «*неустойчивой и непрозрачной ситуации в регионе Балтийского моря <…> Началась новая гонка вооружений, и вооруженные конфликты между ведущими мировыми державами по всей вероятности затронут регион Балтийского моря*»[399]. Эти соображения повлияли также на сформулированные через полгода заключения комиссии. При этом никакого

---

[397] *CarlgrenW. M.* Sverigeoch Baltikum. S. 32.

[398] Письмо А. М. Коллонтай Б. С. Стомонякову 2.8. 34.АВП РФ. Ф. 9. Оп. 9. П. 79. Д. 139. Л. 111.

[399] *Carlgren W. M.* Sverige och Baltikum. S. 33.

внимания вероятному шведскому вмешательству в Прибалтийских странах уделено не было.

В 1934–1935 годах многочисленные предложения о многосторонних пактах и германо-британское соглашение о флоте выдвинуло регион Балтийского моря на передний край мировой политики, пишет Карлгрен. Но, отмечает он, в то же время не происходило никакого особого усиления активности и интереса Швеции к трем странам Прибалтики. Дипломатическая переписка не давала никакой информации о развитии событий. Характерно, что когда летом 1935 года произошла замена на посту посланника в Риге и Пер Биргер Йоханссон сменил Патрика Рейтерсвэрда, новый посланник не привез с собой никаких конкретных указаний о новых направлениях работы миссии. Встреча министров иностранных дел Прибалтийских стран в Стокгольме с Сандлером была посвящена, согласно протокольным записям, обсуждению конкретных вопросов торговли. Никаких «поползновений к политике», никаких вопросов ни с одной стороны не возникло, даже если, по мнению Сандлера, затрагивались важные вопросы политики.

В этом же ключе был выдержан состоявшийся в мае 1935 года официальный визит эстонского министра иностранных дел в Стокгольм. Шведское правительство беседы с ним, как и с его коллегами из остальных двух Прибалтийских стран, вело почти исключительно об общем политическом положении в регионе; вопросов двусторонних политических отношений он избегал[400]. Характерны в этой связи и неоднократные переносы сроков визитов шведского министра иностранных дел в Прибалтийские страны. Визиты должны были состояться в 1934 году. Из-за переворотов их отложили. Назначенные затем на октябрь 1935 года, они и тогда были перенесены еще раз[401].

Нарастание военной опасности все более отвлекало внимание руководства страны от стремления к развитию отношений с Прибалтикой. Несмотря на благоприятную, казалось бы, обста-

---

[400] Записи Сандлера о визите эстонского министра; не датированы, но сделаны не ранее 22 мая 1935 г. Беседа с посланником СССР в Стокгольме мадам Коллонтай 15 июня 1935 г., в которой Сандлер опровергал все слухи о политической активности Швеции в Прибалтике // Utrikesdepartementet HP 20 c. Цит. по: *Carlgren W. M.* Sverigeoch Baltikum. S. 1.

[401] Ibid.

новку для активизации шведско-прибалтийских отношений, внешнеполитический процесс принял такие формы вследствие личных склонностей Сандлера, проявлявшего гораздо больше стремления к развитию политических контактов с Прибалтикой, чем его предшественники, и несмотря на то, что именно он хотел наладить какого-то рода связи между группой северных стран и Прибалтийскими странами[402].

6. Внешняя политика Швеции в отношении Прибалтийских стран после путча 1934 года в Эстонии

Значительное осложнение внешнеполитических позиций стран Прибалтики, парадоксально сочетавшееся во времени с их выходом из последствий экономического кризиса, было обозначено изменениями в общеевропейской расстановке сил. Возникновение агрессивной Германии с ее открыто заявленными политическими и территориальными амбициями произошло на фоне ослабления заинтересованности Англии и Франции в делах Балтийского региона.

Иоаким Пухк уже 2 ноября 1933 года на беседе с дипломатом полпредства в Эстонии А. И. Антиповым высказал то мнение, что «*сейчас Прибалтийскими странами другие (помимо Германии. – А. П.) западные государства мало интересуются. Интерес в первые годы самостоятельности был больше, а сейчас занимаются собственными делами*»[403]. В этом выразилось ощущение опасного одиночества.

В обстановке неопределенности, установившейся в Европе в целом и в Балтийском регионе в частности после прихода Гитлера к власти, линия Швеции в отношении стран Прибалтики являлась продолжением курса, выработанного и соблюдавшегося ранее. Так в ходе дискуссии по военно-политическим вопросам в риксдаге лидер социал-демократов Бу Эстен Унден, бывший до 1926 года министром иностранных дел, заявил в 1930 году, что обязательства защищать Эстонию и Латвию от России были бы политическим курсом, не отвечающим интересам Швеции[404].

---

[402] *Larsson U.* Op. cit. S. 38.

[403] АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 26. П. 37. Д. 5. Л. 213.

[404] *Tingsten H.* The Debate on the Foreign Policy of Sweden, 1918–1939. London - New York–Toronto. 1949. P. 152.

Состояние шведско-эстонских отношений сразу же после переворота Устинов со слов шведского поверенного в делах Коскюля охарактеризовал так: «*Политическое сотрудничество сводится к периодическому малообязывающему обмену мнениями по вопросам международной политики и обмену визитами*»[405].

18-20 мая 1934 года должен был состояться первый визит в Таллин шведского министра иностранных дел по приглашению эстонской стороны[406]. Визит был увязан с приездом Сандлера в Ригу. Но 15 мая шведский поверенный в делах сообщил, что визит не состоится (поскольку в Латвии «правительственный кризис»)[407]. В преддверии несостоявшегося эпизода дипломатической хроники Коллонтай дала развернутую оценку шведского курса в регионе в целом и в отношениях с прибалтами в том числе.

Как темпераментно сообщала она в Москву, «*конечно, цель имеет и более глубокие задачи. Настроения у кабинета в смысле сближения с прибалтами значительно возросли за эту зиму <…> Любопытно, что идею сближения Швеции с прибалтами социал-демократический кабинет обосновывает "страхом перед фашистской Германией" и необходимостью малых стран объединиться против агрессивных замыслов фашистов…*

Шведские социал-демократы объясняют стремление прибалтов искать сближения со Швецией как способ обеспечить себе союзника в борьбе с Германией. Это объяснение дает кабинету возможность находить у рабочих поддержку курса своей прибалтийской политики. Официальная вывеска этого курса: сближение в целях совместного отпора гитлеровцам и в борьбе с собственным национальным фашизмом…»

Однако также «*существуют совсем иные течения, исходящие от правых буржуазных групп, но способствующие с другой точки зрения тому же курсу политики. Правая шведская буржуазия ищет блока с теми социальными силами в Прибалтике, которые опираются*

---

[405] А. М. Устинов Б. С. Стомонякову 28.3.1934. АВП РФ. Ф. 9. 1934 год. Оп. 9. П. 80. Д. 144. Л. 87.

[406] Дневник полпреда СССР в Эстонии т. Устинова (с 19.IV по 4.V.1934 г.) АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 27. П. 38. Д. 3. Л. 20.

[407] Дневник полпреда СССР в Эстонии А. М. Устинова (май 1934 г.). 28.5.1934. Ф. 0154. Оп. 27. П. 38. Д. 7. Л. 35.

на Розенберга и поддерживают политику восстановления "традиционной дружбы" с Германией <…> Современная прибалтийская политика кабинета находит полную поддержку правых партий и газет…»

Коллонтай при этом передала и расходящееся с ее выводами мнение английского посланника, сказавшего ей, что шведы «на политический блок с прибалтами никогда не пойдут, шведы слишком большие реалисты».

«Весьма осторожную политику шведского кабинета в вопросе прибалтийского сближения» полпред объясняла «очевидным влиянием своей проанглийской ориентации».

Так или иначе, написала Коллонтай в заключение, но «есть ряд симптомов, что сближение между Швецией и прибалтами принимает более конкретные формы». Однако, тут же ставит она понятные рамки, «пока по линии усиления торговых и культурных связей»[408].

28 мая 1934 года Сельямаа принял Устинова и в ходе беседы заметил, что «*с визитом шведского МИД в Латвию может произойти некоторое осложнение. Может случиться, что Сандлер сочтет неудобным поехать в страну, где расправляются с его товарищами по партии. Вряд ли он в таком случае приедет и ко мне с визитом, так как в Латвии его визит ответный, а я еще не был у Сандлера с визитом в Швеции. Заодно он мог бы заехать и в Эстонию, но приезд его сюда помимо Латвии означал бы антилатвийскую демонстрацию*»[409]. В отчете на заседании Государственного собрания в октябре 1934 г. Сельямаа об отношениях со скандинавскими странами, особенно со Швецией, мог сообщить лишь в виде прогноза, что их углубление в экономической и культурной областях будет обеим сторонам на пользу. То есть – что он на это надеется[410].

Наконец, визит эстонского министра иностранных дел в Швецию состоялся. Он произошел 15 мая 1935 года. О содержании того визита Коллонтай смогла сообщить в Москву, что, по словам эстонского дипломата, цели поездки министра заклю-

---

[408] Письмо А. М. Коллонтай Б. С. Стомонякову 15.5.34. АВП РФ. Ф. 9. Оп. 9. П. 79. Д. 139. Лл. 81–84.

[409] Дневник полпреда СССР в Эстонии (май 1934 г.). 28.5.34. АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 27. П. 38. Д. 27. Л. 24.

[410] Письмо А. М. Устинова М. М. Литвинову 17.10.1934. АВП РФ. Ф. 0154. Оп. 27. П. 38. Д. 3. Л. 115.

чаются в том, чтобы «поднять широкой шведской общественности интерес к Эстонии, развивать туризм, поднять эстонский экспорт». Но, отмечала Коллонтай, с первого дня дело пошло по-иному. «*Шведское правительство придает приезду Сельямаа подчеркнутый характер официального визита, что шведы делают обычно с большой осторожностью*»[411]. Действительно, визит был деловым, и его реальное значение, конечно, не ограничивалось состоявшимся подписанием двусторонней конвенции о воздушном сообщении (благо самолеты между Таллином и Стокгольмом уже год как совершали регулярные рейсы). Стомоняков информировал Коллонтай, что содержанием визита были переговоры министров иностранных дел о способах придания действенного характера Уставу Лиги Наций. Договорились об ответном визите Сандлера в Стокгольм.

Таким образом, можно считать, что, организуя визит Сельямаа в мае 1935 года на демонстративно высоком официальном уровне (включая прием у короля), Швеция подводила черту под возможным влиянием авторитарного переворота в Эстонии на двусторонние отношения. Были предприняты в этой связи усилия по сглаживанию реакции общественного мнения в стране на авторитарный характер режима Пятса. Оформлением этого этапа стало заявление Сельямаа на приеме печати в Стокгольме. Он сказал, что «*Эстония идет к демократическому возрождению. Эти слова были подхвачены шведскими газетами, увидевшими в них признак того, что режим диктатуры в Эстонии каким-то образом оказался близок к видоизменениям в сторону демократических свобод*»[412].

Сельямаа открыто дал понять, что все-таки ожидал от визита более весомых результатов. В беседе с Устиновым он сказал, что Швеция держится в стороне от европейской политики, относясь к ней «платонически» или «по-спортивному», ее интересуют только скандинавские проблемы[413]. Выступая же в официальном качестве, он счел необходимым подчеркнуть важность состо-

---

[411] Письмо А. М. Коллонтай Н. Н. Крестинскому 16.5.1935. АВП РФ. Ф. 05. 1935. Оп. 15. П. 112. Д. 112. Лл. 48, 49.

[412] Письмо А. М. Коллонтай Б. С. Стомонякову 3.6.1935. АВП РФ. Ф. 05. 1935. Оп. 15. П. 112. Д. 112. Л. 58.

[413] Дневник полпреда СССР в Эстонии (май 1935 г.). 24.V.1935. АВП РФ. Ф. 65. Оп. 15. П. 112. Д. 112. Л. 88.

явшегося визита как символической вехи, включив 14 октября 1935 года упоминание о нем в свою речь о работе сессии Лиги Наций[414].

В последующие годы связи двух стран не выходили за рамки экономических и культурных отношений. Так, военное руководство Эстонии не рассчитывало на помощь скандинавских стран. В ноябре 1935 года английский военный атташе подполковник Годефрей рассказал, что уже упоминавшийся ранее начальник II отдела штаба сил обороны Эстонии Рихард Маасинг заявил ему, что Эстония в случае нападения Советского Союза может рассчитывать на поддержку Финляндии, что Германии важно перекрыть советскому Балтийскому флоту выход из Финского залива. Но Эстонии нечего ждать от пацифистски настроенных Дании, Норвегии, Швеции и от флиртующей с Советским Союзом Литвы[415]. В этом же ключе посол Германии в Таллине Ганс Фровейн в 1938 году сообщал в свое ведомство в Берлине, что в связи с визитом Сандлера в Эстонию ему говорили «о нежелании Эстонии играть роль бедного родственника Швеции»[416].

Рассмотренный корпус документов Архива внешней политики Российской Федерации за 1933-1935 годы дает определенное представление о том, как в 1934 и последующие годы шло активное обсуждение идеи активизации политических связей между Скандинавскими странами – и здесь все взоры обращались к наиболее влиятельной в регионе Швеции – и тремя Прибалтийскими странами.

Проведенное изучение материалов Архива внешней политики РФ с привлечением ряда архивных материалов Швеции, за предоставление которых автор благодарит А. А. Комарова и других уважаемых коллег, позволяет сделать вывод о том, что реакция правительства Швеции на переворот в Эстонии вырабатывалась не сразу, отличалась осторожностью и учитывала все усложнявшуюся обстановку в регионе. Интересы следова-

---

[414] Письмо А. М. Устинова Б. С. Стомонякову 19.X.1935. АВП РФ. Ф. 65. Оп. 15. П. 112. Д. 112. Л. 129.

[415] Доклад Годефрея из Таллина 25.11.1935 // United Kingdom Naval Archive. Foreign Office. 371/2036. Цит. в: Ильмъярв, op. cit., с. 164.

[416] Доклад Г. Фровейна из Таллина 8.10.1938 // Politisches Archiv des Auswarigen, Gesandtschaft Reval. Цит. по: Ильмъярв, op. cit., с. 163.

ния доктринам правящей социал-демократической партии – декларированная защита демократических норм и свобод – были соблюдены в той мере, в которой они не вступали в конфликт с базовыми установками осторожного курса шведской внешней политики. В ходе занявших полтора года контактов это уяснило и эстонское руководство.

Ориентация на сотрудничество с северными странами очевидным образом отвечала интересам Прибалтийских стран, пишет Карлгрен, не распространяясь на тему о том, почему этого не произошло в рассматриваемый период[417]. Но, как сказал Бу Эстен Унден еще в 1925 году, эта ориентация «не означала никакой политической реальности»[418]. Политика Швеции оставалась неизменной.

Петренко Андрей Иванович,
к. и. н. (Россия)

[417] *Carlgren W. M.* Sverige och Baltikum. S. 38.

[418] Ibid.

Тьерри Гросбуа

Бельгийские дипломаты в изгнании и страны Балтии в 1940–1945 гг

Бельгийская историография до сих пор не демонстрировала никакого интереса к отношениям Бельгии со странами Балтии в период между 1920 и 1960 годами. На настоящий момент их лишь вскользь упоминают в контексте отношений с Советским Союзом, которые уже подробно описаны для данного периода[419]. Таким образом, эта глава – первое исследование бельгийско-балтийских отношений, основанное на обширных и значительных данных неопубликованных архивов. Можно также отметить, что в опубликованных томах бельгийских дипломатических документов за 1939–1945 гг. не содержится материалов, относящихся к балтийскому вопросу[420]. В мемуарах бельгийцев, игравших важную роль в международной политике страны в то время, можно найти крайне мало прямых упоминаний о странах Балтии.

История бельгийских дипломатических отношений базируется, прежде всего, на изучении дипломатических отчетов бельгийских посольств и консульств в Риге, Таллине, Хельсинки и Стокгольме. Посланники Бельгии в странах Балтии, вынужденные бежать после событий 1940–1941 года в Хельсинки и Стокгольм, были непосредственными свидетелями событий, влиявших на страны Балтии, и регулярно сообщали о них бельгийскому правительству в изгнании в Лондоне. Это продолжалось вплоть до сентября 1944 года. Посольства Бельгии в Вашингтоне, Лондоне и Москве также собирали информацию о ситуации в странах Балтии, но в меньшем объеме.

Начиная с 1920 года в ведении Министерства иностранных дел Бельгии находилось посольство в Риге, Латвия и консульство

---

[419] Potemkinse dorpen: Belgen in Rusland. Anvers, 1994.

[420] *Vissher Ch. De, Vanlangenhove F.* Documents diplomatiques belges, 1920–1940. La politique de sécurité extériqure. Brussels, 1966; Documents diplomatiques belges 1941–1960 : De l'indépendance à l'interdépendance. Brussels, 1998–2009.

в Таллине, Эстония. Посольство было аккредитовано при правительствах Латвии, Эстонии и Литвы. Как показывают бельгийские дипломатические документы, в дипломатическом плане страна была ближе к Латвии и Эстонии. Дипломатическое признание Бельгией Литвы было отложено из-за территориальных разногласий страны с Польшей из-за Виленского края.

Более того, традиционная сдержанность бельгийских дипломатов вновь проявила себя, особенно начиная с 1936 года, в случае литовских территориальных конфликтов с двумя ее соседями – Польшей (Виленский край) и Германией (порт Мемель, ныне – Клайпеда). После того, как Гитлер денонсировал Локарнские договоры в марте 1936 года, Бельгия объявила о возврате к бытовавшей до Первой мировой войны традиции строгого нейтралитета – что означало, что впредь она не будет участвовать в дипломатическом решении конфликтов между основными европейскими державами. Данная политика действовала вплоть до нападения на страну Германии 10 мая 1940 года. Ею же можно объяснить и пассивность бельгийской дипломатии в отношении событий в Прибалтике[421].

С 1927 года резиденция барона Флоран де Сели-Фансона, представлявшего Бельгию во всех трех странах Прибалтики, находилась в посольстве в Риге. В конце августа 1940 года, сразу после советской аннексии стран Балтии, он отбыл в посольство Бельгии в Стокгольме, где и умер в августе 1941 года.

Бельгийское консульство в Таллине возглавлял Мишель Никез, бельгийский предприниматель, который до 1914 работал в России. В период с 1920 по 1940 год Никез был почетным консулом Бельгии в Ревеле (Таллинне) и регулярно высылал критические и документально подкрепленные отчеты в Брюссель, в которых описывалось развитие внутренней политической и экономической ситуации в странах балтийского региона и в СССР. Он хорошо знал русский язык и поддерживал связь с бывшими чиновниками Российской империи – противниками большевиков и с осевшими в Прибалтике белогвардейцами. В июле 1940 года, после присоединения страны Советским Со-

[421] *Kieft D. O.,* Belgium's Return to Neutrality: An Essay in the Frustration of Small Power Diplomacy. London, 1972.

юзом, он бежал в Финляндию, а затем в Швецию. Он вышел в отставку в 1945 году и умер в 1951 году.

Во время Второй мировой войны два других бельгийских посольства – в Хельсинки и Стокгольме – сыграли важную роль как наблюдательные посты Бельгии за ситуацией в регионе. Посольство в Хельсинки возглавлял Жорж Стадлер, инженер по образованию, начавший свою дипломатическую карьеру в 1901 году. В 1932 году он был послом Бельгии в Мехико, а в январе 1937 года был переведен в Хельсинки.

Помимо Москвы, самым важным дипломатическим представительством в регионе, по мнению высших дипломатических чиновников Бельгии, было посольство в Стокгольме. Это объяснялось тесными взаимоотношениями между бельгийской и шведской монархиями. Принцесса Астрид, жена кронпринца Леопольда, в 1934 стала королевой и приобрела популярность у народа, но в 1935 году она погибла в автокатастрофе. С января 1936 года посланцем в Стокгольме был герцог Реджинальд де Круа, знатный бельгийский аристократ. Он начал дипломатическую карьеру в 1917 году и занимал должности в Лондоне и Вашингтоне. Его карьера завершилась на должности бельгийского посланника в Ватикане с декабря 1945 года по март 1949 года. Умер де Круа в 1961 году.

Посты в посольствах Скандинавии и странах Балтии до 1939 года считались относительно спокойными и малозначительными. В период с 1939 года по 1941 год ситуация кардинально изменилась – бельгийские дипломаты, назначаемые в эти страны, имели дело с важнейшими вопросами и все более опасным окружением.

Развитие позиции нейтралитета Бельгии в 1939 году

Политические и экономические отношения между Бельгией и тремя странами Прибалтики в период между Первой и Второй мировыми войнами нельзя назвать близкими. Нестабильность внешнеполитического курса Бельгии в 1939 году объясняется тем, что за этот год сменилось сразу несколько министров иностранных дел: социалиста Поля-Анри Спаака, занимавшего этот пост с 1936 года, сменил вначале либерал Поль-Эмиль Жансон (с конца января по начало февраля 1939 года), потом – социалист Эжен Судан (с февраля по март 1939 года), а его, в свою очередь, –

католик Юбер Пьерло (с апреля по август 1939 года). В этой ситуации в Бельгии обращали мало внимания на происходившее в странах Балтии. 3 сентября 1939 года, сразу после начала новой войны в Европе, Спаак вернулся на этот пост, который занимал до июня 1949 года. Таким образом, он играл ключевую роль в отношениях Бельгии со странами Прибалтики на протяжении целого десятилетия.

Тем не менее с дипломатической точки зрения сравнение политики нейтралитета, которой придерживались Балтийские государства, с той, которую практиковали Бельгия, Нидерланды и Люксембург, объясняет интерес бельгийских дипломатов к Скандинавии и Прибалтике. Это сравнение особенно полезно для понимания позиции Бельгии, особенно в Лиге Наций. Посол Бельгии в Риге Флоран де Сели-Фансон с интересом отмечал активизацию сотрудничества между Прибалтийскими странами, особенно на проходившей 1-3 февраля 1939 года встрече министров иностранных дел трех стран в Каунасе[422]. По причине экономического кризиса начала 1930-х гг. торговые отношения между странами Балтии были напряженными, однако все более отчетливые внешние угрозы подтолкнули их к более тесному политическому сотрудничеству.

Первым тревожным знаком, который отметили бельгийские дипломаты в регионе, стали претензии Германии на литовский порт Мемель[423]. Мюнхенские соглашения от сентября 1938 года вызвали сильное беспокойство в Прибалтике, особенно в Литве, ситуацию вокруг Мемеля сравнивали со сложившейся в Судетской области. Немцы в Мемеле, и особенно их лидер, доктор Эрнст Нойман, открыто призывали к насилию против литовского правительства и выражали свое восхищение нацистской Германией. В начале 1939 года большинство отчетов Ф. де Сели-Фансона касалось угроз Берлина относительно Мемеля. Сели-Фансон утверждал, что правительство Литвы твердо намерено

[422] F. de Selys-Fanson to P.-E. Janson, 6 February 1939 // Archives du ministère belge des Affaires étrangères (Bruxelles), Archives of the Belgian Ministry of Foreign Affairs (ABMFA). No. 11072.

[423] Клайпеда, литовское название порта Мемель, никогда не использовалось бельгийскими дипломатами.

решить конфликт с Германией мирным путем. СССР в отчетах не упоминался.

23 марта 1939 года Литва была вынуждена под давлением нацистов подписать договор о передаче Мемельской области Германии. Особенно эмоционально в прибалтийских столицах восприняли угрозы военной интервенции, озвученные немецким министром иностранных дел фон Риббентропом[424]. Немецкий ультиматум относительно Мемеля привел к формированию коалиционного правительства в Литве[425].

После подписания Мюнхенских соглашений и передачи Мемеля нацистам правительства Прибалтийских государств надеялись на соблюдение их нейтралитета, который поддерживался почти единообразными законами во всех трех странах[426]. Ф. де Сели-Фансон выслал в Брюссель французский перевод выступления министра иностранных дел Латвии Вильхельма Мюнтерса на ежегодном съезде Трудовой палаты 2 апреля 1939 года, а также отметил, что речь содержит «много очень хороших идей, полезных для любой маленькой страны». Бельгийский дипломат подчеркнул, что латвийский министр назвал «примерными» нейтралитет Бельгии и Швейцарии, двух небольших государств, которые пользовались международным признанием и в то же время проводили независимую политику[427].

Мишель Никез отмечал, что власти Эстонии гораздо больше боялись нацистской Германии, чем Советского Союза, – настолько, что разослали по редакциям газет указания описывать активность стран Оси в более сдержанных тонах, чтобы не возмущать Берлин. Однако бельгийский консул заметил, что население Эстонии в силу естественных причин (конец частной собственности крестьян, превращение страны в социалистическую республику и, возможно, депортации недовольных в Сибирь) больше опасалось агрессии со стороны СССР, а не Германии. Никез считал, что Сталин не хотел вмешиваться в европейский конфликт, так как

[424] F. de Selys-Fanson to Soudan, 24 March 1939 // ABMFA. No. 11072.

[425] F. de Selys-Fanson to Soudan, 29 March 1939 // Ibid.

[426] F. de Selys-Fanson to Soudan, 5 April 1939 // Ibid.

[427] F. de Selys-Fanson to Soudan, 6 March 1939 // Ibid.

не желал связывать судьбу СССР с демократическими странами. Он уже предупреждал Брюссель, что в случае войны в Европе СССР сохранит нейтралитет[428].

В мае 1939 года между Литвой и Польшей, оказавшимися перед лицом одной и той же угрозы, наметилось сближение в области дипломатического и военного сотрудничества. Визит начальника Генерального штаба Литвы генерала Стасиса Раштикиса в Варшаву в мае 1939 года был воспринят как шаг к нормализации польско-литовских отношений в плане противостояния внешним угрозам. Кроме того, латвийское и эстонское правительства выразили свое удовлетворение по поводу радиообращения Гитлера от 18 апреля, в котором он предложил заключить двусторонние договоры о ненападении между рейхом, Скандинавскими странами, Латвией и Эстонией. Они надеялись сохранить мир в своем регионе[429]. Однако посол Бельгии в Варшаве считал, что Гитлер своими предложениями хотел лишь подчинить себе страны Балтии в экономическом и политическом плане, изолируя Польшу от соседей[430].

В начале мая 1939 года советские дипломаты уведомили бельгийского поверенного в делах в Москве Г. Хейндрикса, что СССР не останется в стороне в случае, если Германия покусится на независимость Эстонии и Латвии. В самих этих странах советское предложение помощи было воспринято с опасением, так как уступки, сделанные ими нацистам с целью избежать их вторжения, могли быть потом использованы Москвой как предлог для прямой интервенции[431].

В конце мая 1939 года в Москве хорошо понимали, что переговоры между Британией, Францией и СССР о военном сотрудничестве зашли в тупик – в первую очередь потому, что две западные державы не желали давать гарантии территориальной целостности странам Прибалтики[432]. В свою очередь, лидеры Латвии и Эстонии объявили о строгом нейтралитете и уваже-

---

[428] M. Nicaise to Soudan, 24 April 1939 // Ibid.

[429] G. Heyndrickx to H. Pierlot, 6 May 1939 // Ibid.

[430] Телеграмма от Paternotte H. Pierlot, 10 May 1939 // Ibid.

[431] G. Heyndrickx to H. Pierlot, 4 May 1939 // Ibid.

[432] Телеграмма посольства Бельгии в Москве H. Pierlot, 31 May 1939 // Ibid.

нии к государственному суверенитету, заявляя также, что не желают гарантий независимости от великих держав. Когда Вячеслав Молотов, новый нарком иностранных дел, выступая перед Верховным Советом 31 мая, предложил распространить гарантии Англии, Франции и СССР на страны Прибалтики, последние отреагировали болезненно. Латвия, Литва и Эстония опасались, что эти гарантии Советского Союза, могут положить начало советскому вмешательству в их внутреннюю политику. Этот страх, выраженный, в частности, в речи латвийского министра иностранных дел Вильхельмса Мюнтерса, стал также темой обмена мнениями между Фернаном Ванлангенхове, генеральным секретарем бельгийского министерства иностранных дел, и А. Ф. Авелингом, советником британского посольства[433], состоявшегося 30 мая 1939 года в Брюсселе.

В СССР, в свою очередь, опасались роста влияния нацистов в Прибалтике и хотели заручиться поддержкой Франции и Британии на случай вторжения Германии в страны региона, даже если их правительства не попросят о помощи. Однако Англия и Франция не считали нужным вмешиваться до тех пор, пока эти страны сами не позаботятся о своей безопасности[434]. Кроме того, представители трех держав не проводили консультации с официальными кругами Прибалтийских государств, поскольку знали, что в случае официального предложения подобных гарантий они будут немедленно отвергнуты. Как заявил министр иностранных дел Латвии Мюнтерс в разговоре с представителем Бельгии, страны Балтии не считали, что подобные же гарантии, данные Бельгии, могут считаться применимым в их случае прецедентом.

Неудача прошедших в марте - августе 1939 года переговоров между Англией, Францией и СССР вызвала неодобрение Эстонии, так как эстонцы были твердо намерены отстаивать свои независимость и свободу. Единственным сдерживающим фактором пред лицом советской экспансии была Германия[435].

---

[433] *Vissher Ch. De, Vanlangenhove F.* Documents diplomatiques belges, 1920–1940. La politique de sécurité extériqure. Brussels, 1966. V. 5. P. 193.

[434] P. Le Tellier to H. Pierlot, 2 June 1939 // ABMFA. No. 11072.

[435] F. de Selys-Fanson to H. Pierlot, 6 July 1939 // Ibid.

7 июня 1939 года в Берлине министр иностранных дел Латвии Мюнтерс и министр иностранных дел Эстонии Карл Сельтер подписали договоры о ненападении с нацистской Германией. В то же время правительства Финляндии, Эстонии и Латвии уведомили Британию и Францию об их нежелании получать гарантии, о которых было принято решение на переговорах Британии, Франции и СССР[436]. Подписанные между Латвией, Эстонией и Германией договоры жестко критиковались во французской прессе, британская же отнеслась к ним с большим пониманием.

8 июня 1939 года бельгийский консул в Таллине Мишель Никез направил в Брюссель объемный отчет, в котором рассказал об обеспокоенности эстонских политических и административных кругов, которые уже готовились к военному вторжению Советского Союза. Бельгийский консул считал, что эстонская армия, при всей своей организованности и хорошем руководстве, не сможет противостоять вторжению по причине отсутствия современного вооружения, особенно танков и самолетов. Также консул утверждал, что для захвата территории Эстонии уже была организована дивизия, состоящая из эстонцев, проживающих на территории СССР.

В начале июля 1939 года эстонский министр иностранных дел Эстонии Карл Сельтер на встрече с бельгийским представителем в Таллине заявил, что Эстония, с одной стороны, очень надеется на Невилла Чемберлена, но, с другой стороны, не доверяет британским политикам, поддерживающим идею о военном вторжении (совместные гарантии Англии, Франции и Советов), таких, как Дафф Купер, Энтони Иден и Уинстон Черчилль. Эстонские дипломаты видели, насколько мало СССР заботится о будущем Прибалтийских стран. Эстонцы подозревали, что Советский Союз не хочет сближения с западными демократиями. При этом они уважали желание Британии не прибегать к интервенции против воли Балтийских стран. Таким образом, политика умиротворения, которую проводил Чемберлен, получила поддержку со стороны дипломатических кругов Эстонии[437].

---

[436] E. de Cartierto H. Pierlot, 8 June 1939 // Ibid.

[437] Разговор Сельтера, Опика и Ф. де Сели-Фансона. F. de Selys-Fanson to H. Pierlot, 3 July 1939 // Там же.

Пакт о ненападении Германии и СССР августа 1939 года и его последствия

Объявление о подписании пакта Молотова - Риббентропа и его публикация 24 августа 1939 года вызвали всеобщее удивление в Скандинавии и Прибалтике. В Швеции эта новость породила возмущение, так как пакт приближал развязывание войны в Европе, в том числе в Скандинавии[438]. В официальных кругах Риги и Таллина пакт был воспринят как направленный против Польши. Мало того, власти Прибалтийских стран после консультаций с бельгийским временным поверенным Ф. Колоном посчитали, что договор о ненападении между СССР и Германией поможет сохранить нейтралитет Балтийских государств - по крайней мере, на ближайшее время. Прибалтийские правительства верили, что СССР тянет время, так как его армия была еще не готова вступить в войну. Кроме того, столкнувшись с прогнозами на долговременную и кровопролитную войну, советское правительство предпочло занять выжидательную позицию, рассчитывая после войны стать «арбитром в восточноевропейских делах» путем навязывания своих условий соседям после ее окончания[439].

Ф. Колон полагал, что пактом о ненападении СССР не дал Германии исполнить свои планы относительно Прибалтики, отдав ей за это Польшу. Эстонские дипломаты не соглашались с подобной точкой зрения, поскольку считали, что независимость и безопасность Прибалтийских государств были экономически выгодны Рейху[440]. В конце августа 1939 года латвийский министр иностранных дел Мюнтерс не скрывал от Ф. Колона, что власти Латвии чувствовали себя в большей безопасности, чем Бельгия, чей нейтралитет, скорее всего, будет нарушен в случае начала вооруженного конфликта. Договор о ненападении, подписанный 7 июня 1939 года с Германией, казался Вельхельмсу Мюнтерсу достаточной гарантией нейтралитета Эстонии и Латвии в будущем конфликте[441]. На этом этапе латвийские и эстонские власти по-прежнему

---

[438] R. van Nitsen to H. Pierlot, 25 August 1939 // ABMFA. No. 11083.

[439] F. Collon to H. Pierlot, 24 August 1939 // ABMFA. No, 11072.

[440] F. Collon to H. Pierlot, 26 August 1939 // Ibid.

[441] F. Collon to H. Pierlot, 30 August 1939 // Ibid.

верили Германии и, по всей видимости, не знали о секретном советско-германском протоколе, который первой статьей объявлял Финляндию, Эстонию и Латвию сферой влияния СССР[442].

1 сентября 1939 года, сразу после начала боевых действий между Германией и Польшей, все три страны Прибалтики опубликовали официальные заявления о своем нейтралитете. Литва отказалась атаковать Польшу в обмен на возврат Виленского края, как им предлагал фон Риббентроп. Поддержание нейтралитета казалось балтийским правительствам единственным возможным дипломатическим способом избежать и немецких, и советских территориальных притязаний. 2 сентября четыре государства Скандинавии (Дания, Финляндия, Норвегия и Швеция) в совместном заявлении объявили о своем нейтралитете[443]. 3 сентября свой нейтралитет также публично подтвердила и Бельгия.

Успешный немецкий блицкриг в Польше и занятие советскими войсками Восточной Польши позволили СССР сохранить доминирующее положение в Прибалтике. Иностранные дипломаты, находившиеся в Прибалтийских странах, были шокированы советским вторжением в Польшу. Занятие Красной армией Восточной Польши сильно обеспокоило общественное мнение в Прибалтийских государствах, поскольку теперь их территория была фактически окружена советскими войсками. Тем не менее власти продолжали публиковать успокаивающие заявления[444]. Однако к середине сентября 1939 года СССР усилил как политическое, так и военное давление на страны Балтии.

24–28 сентября 1939 года в Москве состоялись переговоры о новом торговом соглашении и договоре взаимопомощи между Эстонией и СССР. В результате Эстония разрешила размещать советские сухопутные, военно-воздушные и военно-морские базы на своей территории. Под давлением нацистской Германии СССР не просил большего, и прибалты восприняли это с облегчением. Бельгийские дипломаты же немедленно посчитали такой шаг

[442] Секретный советско-немецкий протокол от 28 сентября 1939 года включал Литву в сферу влияния Советов, изменяя решение пакта Молотова – Риббентропа от 23 августа того же года.

[443] R. de Croy to H. Pierlot, 1 September 1939 // ABMFA. No. 11083.

[444] F. de Selys-Fanson to P. -H. Spaak, 25 September 1939 // ABMFA. No. 11072.

серьезным отступлением от эстонской политики нейтралитета[445]. 2-5 октября в Москве прошли схожие переговоры с Латвией, и та тоже разрешила СССР разместить военные базы на своей территории. Несмотря на то, что это было серьезной уступкой Сталину, население Латвии тоже сразу вздохнуло с облегчением. В разделе 5 договора о взаимопомощи между СССР и Латвией открыто говорится о сохранении суверенных прав стран-участников. Литва подписала аналогичный договор с СССР 10 октября.

К октябрю 1939 года Красная армия, согласно договору, заняла территории военных баз, основанных в странах Прибалтики. Власти этих стран продолжали публиковать умиротворяющие заявления, сообщая как местному населению, так и мировой общественности, что данная мера призвана защитить их политическую независимость путем нахождения равновесия между СССР и Германией[446].

Политическая ситуация в Литве

Когда Красная армия захватила Восточную Польшу, Советский Союз выполнил условие подписанного 10 октября 1939 года в Москве договора и вернул Литве Виленский край. По свидетельству Флорана де Сели-Фансона, в Каунасе возврат бывшей литовской столицы вызвал «небывалый энтузиазм». Вскоре Литва объявила, что намерена снова сделать Вильно столицей. По мнению бельгийского дипломата, население Литвы, ослепленное успехом, не отдавало себе отчет, на какие уступки Москве пошло их правительство[447].

Месяц спустя, в ноябре 1939 года, бельгийский посланник в Риге сообщил о сложностях, с которыми столкнулась Литва в ходе присоединения Виленского края. Захватив город, советские военные вывезли оборудование заводов в СССР, что внесло разлад в местную экономику. Мало того, нестабильность усиливало присутствие множества беженцев – поляков, украинцев и белорусов, которым

---

[445] F. de Selys-Fanson to P.-H. Spaak, 30 September 1939 // Ibid.

[446] Пресс-релизы новостного агентства Belga и информация агентств DNB, Havas и Reuters в Риге, Таллине и Каунасе, переданные Министерству иностранных дел Бельгии // Ibid.

[447] F. de Selys-Fanson to P.-H. Spaak, 12 October 1939 // Ibid.

в Польше грозила смерть, а также беглых польских заключенных. Помимо этого, трудности вызывала необходимость снабжать продовольствием местное население и предотвращать насилие в конфликтах между польским и еврейским сообществами. Добавляло сложностей и резкое увеличение населения и территории, что в конечном итоге привело к перестановкам в правительстве. 21 ноября премьер-министром стал лидер Националистической партии Антанас Меркис. По мнению бельгийского посланника, новое правительство было собранием специалистов, главной задачей которого было решение экономических проблем[448].

С тех пор бельгийских дипломатов из Таллина и Риги не пускали в Каунас и Вильно, поэтому они не могли должным образом освещать ситуацию в Литве. Растущее влияние СССР в Латвии и Эстонии усиливало беспокойство бельгийских дипломатов и тем самым отвлекало их внимание от Литвы.

Политическая ситуация в Эстонии и Латвии

Представитель Бельгии в Риге Флоран де Сели-Фансон с радостью воспринял формирование в октябре 1939 года нового правительства Эстонии под руководством профессора Юри Улуотса, которое было расширено за счет представителей оппозиции. Посол отмечал, что смена премьер-министра не привела к «повороту налево». Новое правительство было более легитимным. Оно объявило, что будет строить внешнюю политику страны, основываясь на принципах суверенитета, независимости и нейтралитета[449].

В начале 1939 года бельгийские власти проявили заинтересованность условиями участия представителей стран Прибалтики в Генеральной Ассамблее Лиги Наций, которая должна была состояться 11 декабря. В ответ на бельгийские запросы правительства всех трех стран ответили, что в Генеральной Ассамблее они будут представлены делегатами, которые выразят желание Прибалтики сохранить независимость. Флоран де Сели-Фансон, однако, считал, что представителям Латвии, Литвы и Эстонии будет поручено проявлять предельную осторожность, особенно в том, что касается советско-финской войны. И действительно, после

[448] F. de Selys-Fanson to P. -H. Spaak, 23 November 1939 // Ibid.

[449] F. de Selys-Fanson to P. -H. Spaak, 16 October 1939 // Ibid.

подписания договоров о взаимопомощи, прибалтийские дипломаты находились под пристальным наблюдением Москвы. Поэтому единственным их выбором было продолжать продвигать политику строгого нейтралитета[450].

Десятая конференция стран Балтийского соглашения в Таллине, на которую собрались министры иностранных дел Эстонии, Латвии и Литвы, завершилась 8 декабря 1939 года решением о продолжении политики мира и нейтралитета. Было решено отправить представителей на Генеральную Ассамблею Лиги Наций. Также конференция постановила усилить экономическую координацию между тремя странами, особенно в том, что касалось сырья и потребительских товаров. Из-за базировавшегося в Таллинском заливе советского военного флота и начавшейся советско-финской войны, конференция прошла в напряженной атмосфере. По словам бельгийского посланника, на встрече прежде всего обсуждались вопросы внешней торговли. Торговый оборот с Британией, ранее крупный, сократился до тревожно малых объемов. Германия пыталась увеличить свое присутствие на прибалтийских рынках, однако предпочитала расплачиваться за поставки не валютой, а промышленными товарами. В силу этого странам Прибалтики пришлось обращаться к СССР за основными сырьевыми товарами – такими, как нефть и уголь[451].

22 января 1940 года барон де Сели-Фансон побывал на приеме у министра иностранных дел Латвии Вильхельмса Мюнтерса, который не скрывал своего пессимизма относительно развития войны в Европе. Министр Мюнтерс казался удовлетворенным подписанием договора о взаимопомощи с СССР и отметил, что советские войска в Латвии ведут себя образцово. Власти Латвии старались свести контакты между красноармейцами и местными жителями к минимуму. Более обеспокоен Мюнтерс был по поводу последствий войны в Финляндии для стран Северной Европы, в том числе для Латвии. Он пожаловался, что цели союзников в войне слишком радикальны и не позволят заключить компромиссный мир, которому бы он отдал предпочтение. По словам министра, продолжение войны приведет к всеобщей катастрофе, которая поставит под угрозу всю Европу. Бельгия

[450] F. de Selys-Fanson to P.-H. Spaak, 8 December 1939 // Ibid.

[451] F. de Selys-Fanson to P.-H. Spaak, 10 December 1939 // Ibid.

и Нидерланды надеялись сохранить нейтралитет, однако существовала реальная опасность, что они все же будут втянуты в конфликт. Также министр пожаловался на французскую и английскую пропаганду, которая, по его словам, искажала реальное положение вещей в Прибалтике. Особенно он подчеркнул свою надежду на то, что Балтийским государствам удастся сохранить независимость[452].

23 февраля 1940 года в Таллине, в ходе встречи с эстонским министром иностранных дел Антсом Пиипом, бельгийский посланник отметил, что министр не жаловался на исполнение советским правительством своих обязательств по договору о взаимопомощи от 28 сентября 1939 года. Пиип критиковал зарубежную прессу, которая преувеличивала политические последствия данного договора и даже говорила о потере странами Прибалтики политической независимости. Эстонский министр уверил бельгийского дипломата, что политическая ситуация в его стране остается стабильной[453].

Заверения официальных лиц не соответствовали растущему беспокойству среди гражданского населения. В марте 1940 года Мишель Никез отметил, что с начала советско-финской войны среди эстонцев царит «сильнейшее беспокойство», которое, однако, не выражалось в открытом недовольстве. Эстонское население боялось, что страна попадет в двойную зависимость: в политическом отношении – от СССР, а в экономическом – от Германии.

В марте 1940 года консул Никез сообщил, что, к радости и удивлению местных жителей, расквартированные в Таллине советские солдаты и офицеры ведут себя очень достойно. Он отметил, что с момента размещения войск осенью 1939 года не поступало сообщений ни об одном конфликте советских или эстонских военных с местным населением[454]. Никез также писал, что эстонские власти старались не допускать контактов между Красной армией и жителями, чтобы предотвратить возможные эксцессы. Эстонским гражданским запрещалось разговаривать с красноармейцами, а романтические отношения между эстонскими жен-

[452] F. de Selys-Fanson to P.-H. Spaak, 23 January 1940 // Ibid.

[453] F. de Selys-Fanson to P.-H. Spaak, 27 February 1940 // Ibid..

[454] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 6 March 1940 // Ibid.

щинами и советскими солдатами были прямо запрещены указом властей[455].

14 марта 1940 года в Риге состоялась одиннадцатая конференция Балтийских государств, на которую собрались министры иностранных дел трех стран. Это встреча была подходящей возможностью еще раз заявить о намерении Прибалтики не участвовать в войне. В итоговом коммюнике конференции провозглашалась политика нейтралитета. Министры трех стран с удовлетворением отметили установление мира между Финляндией и СССР. По словам бельгийского посланника, министры говорили об исполнении Советским Союзом обязательств по договорам взаимопомощи, подписанным осенью 1939 года. Эстония, по причине своего географического положения, была вынуждена принять наибольшее количество советских военно-морских и военно-воздушных баз. В Балтишпорт (Палдиски) было проведено наиболее дорогостоящее строительство и оборудована «особенно сильная база». Эстонию сильнее двух других Прибалтийских стран затронула советско-финская война – с советских военно-воздушных баз в Эстонии наносились авиационные удары по Финляндии, поэтому эстонское правительство с облегчением отреагировало на окончание военных действий. Принимая во внимание намерения СССР относительно Финляндии, у стран Балтии были веские причины подписать договоры о взаимопомощи с Советским Союзом, так как они предотвратили советскую военную аннексию в Прибалтике. Однако балтийские министры жаловались, что СССР так и не заплатил прописанную в договоре арендную плату за военные базы[456].

В апреле 1940 года бельгийский консул Мишель Никез отметил, что из-за присутствия в стране советских войск среди населения Таллина возникла атмосфера подозрительности. Действия эстонских чиновников становились все более сложными, так как они хотели продолжать бороться с коммунистической пропагандой, но пытались при этом не допустить нападок на СССР. Консул Никез наблюдал усилившуюся активность эстонских, советских и нацистских разведывательных и контрразведывательных

[455] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 6 March 1940 // Ibid.

[456] F. de Selys-Fanson to P.-H. Spaak, 18 March 1940 // Ibid.

служб, которые все это время внимательно контролировали действия друг друга. По словам Никеза, неопределенность ситуации в стране вызвала атмосферу недоверия[457].

17 апреля 1940 года бельгийский посланник в Риге сообщил о речи, произнесенной эстонским министром иностранных дел Антсом Пиипом перед Национальным советом страны. Она явилась реакцией министра на заявление комиссара иностранных дел СССР Молотова, в котором тот высоко оценивал улучшение экономических и политических отношений между СССР и Эстонией после подписания договора о взаимопомощи в 1939 году. Министр Пиип воспользовался этой возможностью, чтобы вновь озвучить желание своей страны проводить политику нейтралитета и сохранить политическую, культурную и экономическую независимость. Он заявил, что должное исполнение советской стороной положений договора от 1939 года вселяет надежды. Также министр отметил желание Эстонии сохранить дипломатические отношения со сторонами, участвующими в европейском конфликте, который тяжким бременем лег на экономику страны, и призвал граждан в столь сложные времена не поддаваться панике[458].

Последние отчеты из Таллина и Риги пришли в Брюссель в апреле 1940 года. Затем сообщение между Брюсселем и бельгийскими представителями в Прибалтике было прервано. На рассвете 10 мая 1940 года германские войска напали на Бельгию, Нидерланды, Люксембург и Францию. Бельгийское правительство вынуждено было бежать во Францию, и не могло более поддерживать контакт со своими зарубежными представителями. Министр Поль-Анри Спаак много недель не отправлял бельгийским дипломатам никаких указаний. Правительство Бельгии в изгнании было сформировано в Лондоне лишь в октябре 1940 года. Таким образом, в период с мая по октябрь 1940 года бельгийское правительство было неспособно предпринимать каких-либо дипломатических действия и потому никак не отреагировало на советскую аннексию Прибалтийских стран летом 1940 года.

---

[457] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 10 April 1940 // Ibid.

[458] F. de Selys-Fanson to P.-H. Spaak, 26 April 1940 // Ibid.

Советская аннексия[459] Латвии и Эстонии в июне – августе 1940 года

16 июня 1940 года, под предлогом того, что Латвия в 1923 году подписала договор о военном сотрудничестве с Эстонией, СССР предъявил Латвии ультиматум, в котором требовал немедленной отставки правительства и объявил о готовящейся военной оккупации страны. Президент Карлис Ульманис[460] призвал граждан к спокойствию пред лицом аннексии страны советскими войсками. Однако в течение последующих недель политическая независимость Латвии была методично уничтожена изнутри и замещена оккупационными силами. Многих государственных чиновников сменили коммунисты. Выборы 14 и 15 июля положили конец политическим свободам – после них в стране был избран марионеточный коммунистический парламент. Заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР Андрей Вышинский лично наблюдал за процессом оккупации и 18 июля 1940 объявил с балкона советского посольства в Риге о создании Латвийской ССР. 21 июля новый советский парламент страны принял декларацию о вступлении в СССР. К концу июля крупные компании, в том числе иностранные, были национализированы и конфискованы без возмещения.

После советского ультиматума правительство Латвии в июне ушло в отставку. 19 июля 1940 года новое советское правительство сместило президента Карлиса Ульманиса. В июле 1940 года министр иностранных дел Латвии Вильхельмс Мюнтерс был арестован и вместе с женой и детьми депортирован в СССР. Этот арест особенно испугал оставшихся в Риге дипломатов.

23 июля 1940 года правительство США в очередной раз заявило свой протест против потери странами Прибалтики неза-

---

[459] Юридическая терминология в оценке автором событий в указанное время не совпадает с мнением редакционной коллегии. (*Прим. ред.*).

[460] Карлис Улманис установил авторитарный режим в 1934 году и провозгласил себя президентом республики в 1936 году. В 1940 году советские войска сместили его с должности и депортировали в СССР, где он умер в заключении в сентябре 1942 года.

висимости. На этот раз это было сделано в письме заместителя госсекретаря США Самнера Уэллса[461]. Бельгийское правительство в тот момент не могло никак на это отреагировать. Как сообщил в 1946 году в ответ на запрос из Брюсселя бельгийский посол в США, это заявление имело важное значение, так как осталось в силе и после 1945 года[462].

В середине августа 1940 года советское правительство через представителей в Москве оповестило посольства и консулаты иностранных государств в Риге, что им рекомендуется к концу месяца прекратить работу. СССР не желал оставлять в Латвии иностранных наблюдателей, которые могли бы рассказать миру о чинимых там репрессиях. После этого заявления большинство дипломатов спешно покинули страну[463].

Официальное уведомление об аннексии Советами Прибалтийских стран пришла в бельгийское посольство в Москве 16 августа 1940 года, а 17 августа посланник Бельгии Ж. Хейндрикс подтвердил ее получение. В это время бельгийское правительство в изгнании находилось во Франции и не могло ознакомиться с этим документом, так как правительственные архивы были уничтожены при наступлении нацистов на Пуатье; тогда же некоторые министры отбыли в Лондон. В дополнение к этому, архивы посольства Бельгии в Москве были сожжены в мае 1941 года после приостановки, по инициативе Молотова, бельгийско-советских отношений. Министерство иностранных дел Бельгии отыскало оригинал документа лишь в 1949 году. По этой причине бельгийское правительство в изгнании в то время не знало позиции СССР по данному вопросу и не могло сформировать официальной позиции по поводу аннексии Прибалтики в 1940 году. Таким образом, правительство, по всей видимости, повторило свою реакцию на аншлюс Австрии нацистской Германией и на Мюнхенское соглашение, по которому Судетская область отходила Германии, а Чехословакия переставала существовать, а имен-

[461] Заявление и. о. государственного секретаря С. Уэллса, 23 июля 1940 года // ABMFA. No. 18898

[462] R. Silvercruys to P.-H. Spaak, 18 February 1946 года // Ibid.

[463] Jean de Beausse, Diplomate en Lettonie 1938–1940. Parcay-sur-Vienne, 2011. P. 140.

но – оно просто отметило факт аннексии, не признавая при этом ее законности[464].

Перед советским вторжением в Латвию правительство страны передало все полномочия по представлению Латвии за рубежом латвийскому посланнику в Лондоне Чарльзу Зарину. Также ему были направлены золотой запас и другое государственное имущество. Зарин направил в министерство иностранных дел Великобритании формальный протест против советской агрессии, уничтожившей независимость его страны[465]. Меморандум оспаривал легитимность парламентских выборов июля 1940 года и называл включение Латвии в состав СССР неконституционным. Копия меморандума также была направлена в бельгийское посольство в Лондоне[466].

19 августа 1940 года советское правительство уведомило посольство Бельгии в Москве, что после аннексии стран Балтии посольства и консулаты Бельгии в этих странах должны прекратить работу[467]. 23 августа 1940 года посланник Бельгии в Риге Флоран де Сели-Фансон с семьей переехал в Стокгольм. Там его встретил герцог Реджинальд де Круа, бельгийский представитель в Швеции. Бельгийский консул в Таллине Мишель Никез нашел убежище в Финляндии, где его приняли в бельгийском посольстве в Хельсинки и где он с сентября 1940 года начал писать отчеты о происходящих событиях[468]. Никез уехал из Таллина 10 июля после предупреждения чиновника из посольства СССР о том, что его дипломатический иммунитет консула не будет приниматься в расчет и что его будут судить, как преступника, так как разведке СССР известны факты его антисоветской деятельности, в частности, в 1919 году в Архангельске и в 1920 в Мурманске. Никез был вынужден бежать, чтобы избежать неминуемого ареста

---

[464] E. Callebaut, служебная записка генеральному директору, 23 марта 1960; P.-H. Desneux to Holvoet, 4 марта 1960 // AMBFA, No. 18898

[465] E. De Cartier, служебная записка, 13 сентября 1940 г. // ABMFA. No. 15768.

[466] Меморандум посольства Латвии Министерству иностранных дел Великобритании, июль 1940 г. // ABMFA. No. 11072.

[467] Телеграмма из посольства Бельгии в Москве, 19 августа 1940 г. // ABMFA. No. 15768.

[468] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 20 September 1940. // ABMFA. No. 11574.

НКВД[469]. Перед отъездом Никез уничтожил архивы консульства Бельгии в Таллине, в которых содержалось множество важных и конфиденциальных сведений об СССР[470]. Поселившись в Хельсинки, Никез высылал бельгийскому правительству в изгнании в Лондоне отчеты, главным образом касающиеся ситуации внутри СССР и деятельности Коминтерна.

23 июня 1941 года финское правительство под давлением Германии уведомило дипломатических представителей нескольких европейских правительств в изгнании (Польши, Бельгии, Голландии и Норвегии) о том, что после нападения Германии на СССР Финляндия более не признает статус их дипломатических миссий в Хельсинки. Финляндия теперь собиралась напрямую сотрудничать со странами, оккупировавшими эти территории, то есть с Германией и СССР. Финские власти хотел подчеркнуть, что это не формальный разрыв дипломатических отношений, а просто отзыв дипломатических миссий, которые итак уже прекратили работу. По решению Поля-Анри Спаака, полномочия по иностранному представительству Бельгии были возложены на США, которые в то время сохраняли нейтралитет[471]. Сотрудники посольства Бельгии в Хельсинки, включая Ж. Стадлера, посланника в Финляндии, и консула Мишеля Никеза, 5 июля покинули Финляндию и 8 июля прибыли в Стокгольм[472]. Бельгийское правительство потеряло важный наблюдательный пост за советской и немецкой активностью на Балтийском море и в Скандинавии. Начиная с сентября 1941 года отчеты бельгийскому правительству о ситуации в Финляндии высылались из посольства Бельгии в Стокгольме.

В Хельсинки, а затем в Стокгольме, М. Никез продолжал внимательно следить за экономической, политической и военной ситуацией в странах Прибалтики. В Швеции он поддерживал тесные отношения с политическими беженцами из Прибалтики, многие из которых снабжали его информацией. Например, так было с социалистом Августом Реем, бывшим министром иностранных дел Эстонии и представителем Эстонии в Москве

[469] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 30 March 1940 // ABMFA. No. 11586.

[470] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 6 November 1940 // ABMFA. No. 11574.

[471] Van der Straeten-Ponthoz to P.-H. Spaak, 9 July 1941 // Ibid.

[472] G. Stadler to P.-H. Spaak, 10 July 1941 // Ibid.

в период с 1938 по 1940 г. Никез также опрашивал, кому удалось бежать в Финляндию и Швецию уже в ходе военных действий и позже, во время советской и немецкой оккупаций[473]. Он лично переводил советские документы на французский язык и отправлял их в Лондон. Материалы, добытые Никезом, были тем более ценны, так как министерство иностранных дел Бельгии, после немецкой оккупации страны перебравшееся в Лондон, в силу плохой административной организации, не располагало никакой документацией по странам этого региона[474]. Некоторые отчеты Никеза из посольства Бельгии передавались в министерство иностранных дел Бельгии в Лондоне, где их изучали с большим интересом[475]. Спаак также высылал копии важнейших, по его мнению, отчетов из Стокгольма в другие министерства бельгийского правительства в изгнании, включая министерство финансов и министерство обороны, возглавляемое К. Гуттом.

По инициативе Поля-Анри Спаака бельгийское правительство в Лондоне немедленно поддержало политику Уинстона Черчилля, которую тот озвучил в своей речи 22 июня 1941 года по радио BBC. Решение было принято, несмотря на то, что министры католической партии Юбера Пьерло и Альбера де Влеешаувер возражали против заключения союза с коммунистами. В августе 1941 года советско-бельгийские дипломатические отношения были восстановлены, хотя и были разорваны всего несколько недель назад по советской инициативе. Бельгия буквально в мгновение ока стала союзником СССР[476].

Немецкая оккупация стран Балтии (1941–1944)

Сразу после нападения нацистской Германии на СССР в июне 1941 года посольство Бельгии в Стокгольме стало важным информационным центром, собирающим новости из Германии, Финляндии, СССР, стран Балтии и даже из оккупированной Бель-

---

[473] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 20 September 1940 // ABMFA. No. 11574.

[474] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 20 September 1940 // ABMFA. No. 11574.

[475] E. de Cartier to de Romrée, 21 April 1942 // ABMFA. No. 15678.

[476] *Grosbois T.* La politique étrangère du gouvernement belge de Londres dans ses relations bilatérales avec les grandes puissances 1940–1944 // Le rôle et la place des petits pays en Europe au XXe siècle. Baden-Baden; Brussels, 2005. P. 289–291.

гии. Бельгийские дипломаты из информированных источников (французских, турецких и немецких политиков и предпринимателей, останавливающихся проездом в Стокгольме) получали достоверную информацию о событиях в странах – союзниках Германии: вишистской Франции, Венгрии, Болгарии и Румынии[477].

Представитель Бельгии в Швеции герцог Реджинальд де Круа имел большие связи в политических, дипломатических и военных кругах страны. Он несколько раз лично встречался с королем Швеции Густавом V. Некоторые из его связи среди военных, дипломатов и предпринимателей позволяли получать точную информацию об экономическом и политическом положении нацистской Германии, которая по-прежнему поддерживала тесные отношения с нейтральной Швецией. Также он собирал обширные данные об изменении политической, экономической и военной ситуации в Польше, Белоруссии[478] и Украине во время их оккупации Германией. Реджинальд де Круа в своих отчетах касался ситуации в Прибалтике лишь вскользь, оставив эту тему консулу Мишелю Никезу. Начиная с весны 1941 года де Круа поддерживал тесные связи с Александрой Коллонтай, советским послом в Стокгольме, обмениваясь с ней серьезными объемами информации. Коллонтай, умный и информированный дипломат, оказалась самым открытым для обмена информацией советским государственным деятелем.

В июне 1941 года, когда немецкие войска вторглись в Прибалтику, часть населения приветствовала их как освободителей от советского ига. Прибалты добровольно присоединялись к силам Вермахта и сражались на стороне нацистов, чтобы справиться с советской оккупацией, которая всегда враждебно воспринималась населением. Консул Никез из Стокгольма докладывал о развитии ситуации в Эстонии летом 1941 года. Он отмечал, что борьба нацисткой Германии и СССР носит прежде всего идеологический характер: нацистская и советская машины пропаганды пытались завоевать прибалтийское население. Никез подчеркивал, что причиной гражданской войны и общей неста-

[477] P.-H. Spaak to R. de Croy, 31 July 1941 // ABMFA. No. 11586.

[478] Бельгийские дипломаты никогда не использовали слово «Беларусь». На французском обычно применяли термин «Белоруссия» (Biélorussie) или «Белая Русь» (Russieblanche).

бильности в Эстонии был конфликт между немцами, русскими, пронемецкими и просоветскими эстонцами[479].

Немецкая оккупация Эстонии и Латвии в сентябре 1941 года позволила пролить свет на ужасы, учиненные в этих странах Советами, которые, по мнению Никеза, жестоко отомстили Балтийским государствам за то, что они пожелали обрести независимость от России после 1918 года. Он отмечал, что депортация тысяч эстонских семей в Сибирь фактически уничтожила интеллигенцию, которую считали «вредителями». Количество расстрелянных или депортированных по обвинению в «контрреволюционной деятельности» военных, чиновников и политиков, по оценкам консула, исчислялось сотнями. Никез добавлял, что «советизация» эстонской экономики проводилась крайне грубо: государственные ценности Эстонии вывезли в Москву, повально национализировали промышленные предприятия, транспортные и торговые компании, ликвидировали банки. Мало того, во время отступления советские войска уничтожили множество промышленных и портовых сооружений, а также отправили большую часть станков и оборудования в СССР. Однако Никез отмечает, что к сентябрю 1941 года стало понятно, что на смену «красному террору» в Эстонии пришел террор нацистский. Бывшие немецкие аристократы-землевладельцы, земли которых до войны были конфискованы по результатам эстонской земельной реформы, вероятно, пытались захватить власть на местах и проводили многочисленные акции возмездия. Немецкоговорящие эстонцы образовывали особые батальоны для борьбы с коммунистами. Бельгийский консул сообщал, что после установления немецкой оккупации нацисты не выполнили ни единого обещания из данных до нее, в частности обещание вернуть Эстонии независимость. Несмотря на это, нацистская пропаганда и пресса коллаборационистов всячески эксплуатировали тему страданий прибалтийских народов под игом большевиков, чтобы оправдать нападение Германии на СССР в июне 1941 года[480].

Однако страны Прибалтики, и в особенности Эстония, быстро поняли, что ошибались насчет нацистов, когда осенью 1941 года немецкая администрация (рейхскомиссариат Остланд)

[479] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 11 August 1941 // ABMFA. No. 11574.

[480] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 20 September 1941 // Ibid.

во главе с рейхсминистром Альфредом Розенбергом организовала в стране программу жестокой эксплуатации. В августе 1942 года Никез докладывал о растущем сочувствии эстонцев по отношению к финнам, так как те в то время находились в схожей ситуации. По данным информаторов консула из числа прибалтийских беженцев в Стокгольме, в Прибалтике теперь открыто ненавидели рейх за принудительную германизацию и насаждение идей нацизма. Немецкие власти не предоставили этим странам обещанную автономию и не восстановили их законодательство времен независимости, в особенности ту его часть, которая касалась частной собственности. Все эти действия сеяли недовольство среди населения. Оккупанты упразднили хождение национальных валют и советского рубля, введя вместо них ост-марку. Немецкий язык стал единственным административным языком и языком преподавания[481]. И в итоге странам Балтии грозила полная аннексия со стороны рейха. Число арестов политиков, националистов и интеллектуалов выросло, а молодых квалифицированных рабочих посылали «добровольцами» на принудительные работы в Германию, что подрывало местную промышленность. Пособники нацистов, набираемые, как правило, из немецкоговорящего меньшинства, пользовались большими привилегиями. В немецкой администрации восточных территорий процветала коррупция, настолько крупномасштабная, что порождала ненависть жителей завоеванных земель. Потери среди добровольческих сил на Восточном фронте были значительными, так как в 1942 и 1943 годах рейх использовал их в качестве пехотных подразделений. Оккупационная администрация министра Розенберга направляла многих русскоязычных чиновников и полицейских из стран Балтии в администрации оккупированных территорий СССР, Белоруссии и Украины. Все эти меры привели к резкому снижению уровня производства. Суровая реальность «нового нацистского порядка» вкупе с экономической эксплуатацией в пользу военных действий объясняет резкую смену настроений местного населения в отношении нацистов. В 1943 году Мишель Никез писал, что, по его мнению, тотальная эксплуатация в конечном итоге наносила ущерб не-

[481] В Российской империи до 1880 года немецкий язык был официальным государственным и деловым языком в Латвии.

мецкой военной промышленности, так как разрушала местную экономическую и административную инфраструктуру[482].

Качество информации, собранной Никезом, объясняет интерес, проявленный к нему со стороны бельгийского министерства иностранных дел, службы государственной безопасности Бельгии, а также Секретной разведывательной службы Великобритании, которая предложила главе службы государственной безопасности Бельгии Фернану Лепажу завербовать Никеза в разведку. В январе 1942 года консул начал контактировать с Лепажем, который сообщил дипломату коды для более быстрой передачи конфиденциальных телеграмм в Лондон. Далее Лепаж поручал ему, в частности, собирать информацию о нацистской Германии и оккупированной Бельгии[483]. С апреля 1942 года Никез отправлял свои отчеты отдельно от дипломатической почты напрямую Шарлю де Ромре, главе отдела по политическим делам бельгийского МИД в Лондоне. Также Никез направлял отдельные письма в службу госбезопасности Бельгии – в них содержалась информация, не относящаяся к иностранным делам[484]. В марте 1942 года, с согласия шведских властей, Поль-Анри Спаак официально включил Мишеля Никеза в состав посольства Бельгии в Стокгольме[485]. Шведские чиновники вручили Реджинальду де Круа документы о назначении Никеза на должность. 24 сентября 1942 год Спаак в благодарность за проделанную работу повысил Никеза до генерального консула[486].

В 1942 году шведские власти и пресса выражали большую обеспокоенность по поводу просоветской позиции некоторых британских государственных деятелей, особенно о заявлениях посла Великобритании в Москве сэра Стэффорда Криппса. Подобная позиция Великобритании могла привести к тому, что после войны СССР могла стать доминирующей державой

---

[482] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 20 December 1941, 1 August 1942, 3 December 1942 // ABMFA. No. 11574; M. Nicaise to P.-H. Spaak, 2 April 1943 // ABMFA. No. 12077bis.

[483] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 5 March 1942 // ABMFA. No. 11574; *Debruyne E.* La guerre secrete des espions belges 1940–1944. Brussels, 2008. P. 140–141.

[484] DeRomréetoH. Rolin (заместитель Государственного секретаря в Министерстве обороны), 21 March // ABMFA. No. 11574

[485] P.-H. Spaak to R. de Croy, 3 March 1942 // Ibid.

[486] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 21 May 1943 // Ibid.

на Балтийском море и в Финском заливе[487]. В противодействие решениям, принятым в Москве во время визита Энтони Идена, рейсхминистр оккупированных Восточных территорий Альфред Розенберг в марте 1942 года издал указ, восстанавливающий национальные и местные органы самоуправления во всех трех странах Балтии. Это было еще одной попыткой завоевать благосклонность местных жителей в рамках наступления на СССР в 1942 году, а также признанием этих земель географической территорией, не относящейся к зоне влияния Советов. Еще одной причиной этого была попытка смутить Британию и обвинить ее в чрезмерной готовности признать доминирующую роль СССР на Балтике в послевоенный период[488]. Когда в июне 1942 года был подписан договор о сотрудничестве между СССР и Британией, шведская пресса сразу восприняла его как посягательство на независимость малых стран Северной Европы. Союз между Англией и Советами в глазах шведов означал будущее присоединение Прибалтийских стран к СССР и изоляцию Финляндии[489].

Активность дипломатов Прибалтийских стран в изгнании

В сентябре 1940 года министерство иностранных дел Великобритании отказалось выполнить требование СССР немедленно закрыть посольства и консульства стран Балтии в Лондоне и депортировать их сотрудников в СССР. Таким образом, с тех пор официальными представителями Прибалтийских государств были послы в Лондоне.

Посол Бельгии в Лондоне Эмиль де Картье де Маршьен, крайне опытный и влиятельный дипломат, все это время поддерживал исключительно тесные связи с представителями стран Балтии, Брониусом Балутисом (Литва), Шарлем Зарином (Латвия) и Августом Тормой (Эстония). Эти дипломаты продолжали активно отстаивать «национальную независимость» своих стран

[487] R. de Croy to P.-H. Spaak, 12 March 1942 // Ibid.

[488] Резюме статьи, опубликованной в газете «Svenska Dagbladet» ее корреспондентом в Берлине, 20 марта 1942 года, отправлена Р. де Круа П.-А. Спааку 20 марта 1942 года // Ibid.

[489] R. de Croy to P.-H. Spaak, 15 June 1942 // Ibid.

и в годы войны. Разгневанный агрессией Советов и нацистов против Прибалтийских государств, де Картье в период с 1942 по 1945 год регулярно обращался к министру Спааку, пытаясь привлечь внимание к коренным переменам в жизни Прибалтики. Балутис и Зарин регулярно направляли де Картье, который также являлся дуайеном дипломатического корпуса в Лондоне, информацию о развитии событий в оккупированных Литве и Латвии. С 1941 по 1944 год, когда Прибалтика была оккупирована нацистской Германией, прибалтийские дипломаты в Лондоне отказывались признавать легитимность установленных нацистами правительств их стран. Они также направили протест по этому поводу в представительства стран союзников в Лондоне.

19 сентября 1941 года посланник Эстонии в Лондоне Август Торма представил Полю-Анри Спааку копию ноты, подписанной 15 апреля 1941 года Корделлом Халлом, согласно которой США подтверждала свое непризнание аннексии Эстонии СССР[490]. Это был единственный прямой визит эстонского дипломата к бельгийскому министру в Лондоне.

22 мая 1942 года литовский посланник в Лондоне Брониус Балутис отправил де Картье де Маршьен меморандум, в котором подчеркнул, насколько политическая, религиозная и культурная жизнь Литвы всегда была ближе Западной Европе, чем Восточной Европе или России. В частности, он упомянул об экономических отношениях своей страны с Британией до 1939 года. Он рассказал, что молодые литовцы часто уезжали учиться в швейцарские, французские, бельгийские и британские университеты. По словам дипломата, население Литвы пострадало как от советской, так и от нацистской агрессии, и не желает победы ни одной из двух сторон. Последняя надежда Литвы на защиту и свободу в послевоенной Европе – Британия и США. Балутис подчеркнул при этом, что Литва подписала Атлантическую хартию в августе 1941 года[491].

Подписание союза между Британией и СССР 26 мая 1942 года вызвало бурную дипломатическую реакцию прибалтийских дипломатов. В июле 1942 года Микелис Вальтерс, пред-

[490] Служебная записка от П.-А. Спаака, 19 сентября 1941 года // Ibid.

[491] Письмо Б. Балутиса, посла Литвы в Лондоне, Эмилю де Картье, послу Бельгии в Лондоне, 22 мая 1942 года // ABMFA. No. 15768

ставитель Латвии в Брюсселе до июля 1940 года, бежавший из Бельгии в Женеву, заявил о нелегитимности советской и нацистской оккупации Прибалтики и потому хотел возобновить дипломатическую деятельность при правительстве Бельгии в изгнании. Глава администрации министра Спаака Эдуард ле Гет обратился по этому поводу в британский МИД, чем поставил британцев в очень неловкое положение. Английские власти не хотели официально принимать Вальтерса в Лондоне как представителя Латвии при бельгийском правительстве в изгнании и таким образом провоцировать Советский Союз. Чтобы, по опасению Энтони Идена, не вызывать разлада в англо-советских отношениях, Поль-Анри Спаак попробовал отговорить латвийского дипломата, при этом для приезда тому требовалась виза от британского посольства в Берне. В качестве предлога Спаак использовал тот факт, что с июля 1940 года между Латвией и Бельгией практически «не существовало дипломатических отношений», а потому приезд Вальтерса как представителя Латвии в Бельгии нежелателен. В своем ответе Вальтерсу Спаак подчеркнул, что «бельгийское правительство глубоко соболезнует бедам латвийского народа». Спаак также напомнил, что Бельгия действует согласно Атлантической хартии от августа 1941 года[492].

Полномочный представитель Латвии в Лондоне Шарль Зарин в июле 1942 года выступил против мнения, озвученного британской прессой, что неспособность небольших стран защитить себя является фактором нестабильности в Европе. Данную идею продвигал редактор газеты «Таймс» Э. Г. Карр. Зарин же считал, что принципы, отстаиваемые союзными странами, должны применяться ко всем государствам, а крупные державы не должны контролировать всю Европу, так как подобное положение выгодно только СССР[493].

В начале 1942 года министерство иностранных дел Британии под давлением Советского Союза приняло решение исключить послов Эстонии, Литвы и Латвии из списка аккредитованных

[492] P.- H. Spaak to C. Huysmans, 22 August 1942, E. Le Ghait, note, 22 August 1942, P.-H. Spaak to M. Valters, 22 August 1942 // ABMFA. No. 12145.

[493] Ch. Zarine to E. de Cartier, 1 July 1942 // ABMFA. No. 15768.

при лондонском дипломатическом корпусе[494]. Несмотря на это, они сохранили свой дипломатический иммунитет и привилегии. В министерстве считали, что укрывшиеся в Лондоне послы не являются представителями действующей государственной структуры. Посол Латвии Шарль Зарин жаловался бельгийскому послу Эмилю де Картье на эту ситуацию и вручил ему копию ноты протеста, направленной в министерство иностранных дел Британии из латвийского посольства 18 сентября 1942 года. В частности, он подчеркнул, что 17 мая 1940 года легитимное правительство Латвии вручило своему послу в Лондоне особые полномочия, позволяющие ему выступать от имени Латвии за границей. Шарль Зарин не скрывал ненависти латвийцев к нацистам и коммунистам, вызванной учиненными обеими державами преступлениями. Он напомнил бельгийскому послу, что Сталин депортировал 35 тысяч представителей латвийской интеллектуальной и политической элиты (врачей, чиновников, юристов, судей), чтобы обессилить его страну. Также Зарин направил меморандум о преступлениях, совершенных нацистской Германией на территории оккупированной Латвии с лета 1941 года.

В январе 1943 года представитель Эстонии в Лондоне Август Торма пожаловался бельгийскому послу Эмилю де Картье, что дипломатическое положение его страны представляется весьма сложным из-за немецкой оккупации стран Прибалтики, которая в то время уже стояла под вопросом из-за серии военных побед Красной армии. Торма настаивал, что Эстония стремится к «свободе и независимости» вне немецкого или советского влияния. В свою очередь, Де Картье не скрывал обеспокоенности некоторых правительств в изгнании в Лондоне, в частности, Польши и Норвегии, относительно территориальных притязаний СССР. Бельгийский посол отметил, что у Советов в этом отношении большие амбиции[495]. В начале 1943 года единственным, что оставалось прибалтийским дипломатам в Лондоне, было утверждать, что их страны всегда были недружелюбно настроены по отношению к нацистской Германии. Этот аргумент делал нелегитимными советские притязания на страны Балтии. Представитель

[494] Они не были полностью исключены из списка – их имена фигурировали в особом приложении к списку дипломатов, равно как и имя посла Дании.

[495] E. de Cartier to P.-H. Spaak, 20 January 1943 // Ibid.

Литвы в Лондоне Брониус Балутис призвал к исполнению принципов Атлантической хартии и соблюдению международного права с тем, чтобы позволить Литве вновь обрести свободу и независимость[496].

Хорошие отношения, которые бельгийский посол де Картье поддерживал со своими прибалтийскими коллегами в Лондоне, при всей их непубличности вызвали неодобрение Советского Союза. Поэтому в октябре 1943 года Поль-Анри Спаак высказывал опасения, что присутствие представителя Эстонии Августа Тормы на организованном послом де Картье званом обеде и, в частности, освещение британской прессой этого присутствия, может быть неправильно воспринято в Кремле. Он считал, что необходимо направить бельгийскому послу в Москве официальное объяснение этого факта на случай, если власти СССР поднимут этот вопрос[497]. Идя против своих дружеских отношений с Тормой, де Картье был вынужден объяснить факт его присутствия на обеде в длинном конфиденциальном отчете, в котором он интерпретировал сообщения британской прессы[498].

Перспектива новой советской оккупации стран Балтии в 1943-1944 гг.

В январе 1943 года, незадолго до победы РККА под Сталинградом, бельгийский консул в Стокгольме Мишель Никез посчитал, что военные успехи СССР для Прибалтийских стран означают угрозу новой оккупации после отступления нацистов. Он предвидел победу советских войск на Восточном фронте и думал, что Советы вновь поставят британцев перед фактом оккупации стран Балтии и присоединения их к СССР[499].

Победы Красной армии укрепили дипломатические позиции Советского Союза в отношении стран Балтии. Опасения Никеза

---

[496] Письмо Б. Балутиса, посла Литвы в Лондоне, Эмилю де Картье, послу Бельгии в Лондоне, 1 февраля 1943 года, там же.

[497] Письмо П.-А. Спаака в посольство Бельгии в Москве, 20 октября 1943 года // ABMFA. No. 12077 bis.

[498] E. de Cartier to P. -H. Spaak, 20 October 1943, Fondation Paul-Henri Spaak // FPHS. Документы П.-А. Спаака. No. 2509-2510.

[499] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 25 January 1943 // ABMFA. No. 12077 bis.

подтвердились в марте 1943 года, когда он поговорил с советником посольства СССР в Стокгольме Ярцевым, а затем – с бывшим эстонским министром Августом Реем. Советский дипломат был уверен в решимости Сталина и СССР вернуть присоединенные в 1941 году республики в состав Союза. Встречаясь с советскими дипломатами в Стокгольме, Никез отметил, что они не считали нужным применение положений Атлантической хартии к Прибалтийским странам, в то время как принципы этого документа были единственной надеждой прибалтов вернуть себе независимость[500]. Август Рей, в свою очередь, считал, что существование Прибалтийских государства зависит от баланса сил англо-американской коалиции и СССР. Продвижение РККА беспокоило Латвию, хотя радиотрансляции из Москвы на эстонском языке постоянно сообщали, что Эстония и Латвия являются частью СССР и будут освобождены Красной Армией. Рей по-прежнему надеялся, что Англия и США поддержат страны Балтии, однако не мог не отметить их сдержанность в применении положений Атлантической хартии[501].

В марте 1943 года Поль-Анри Спаак отдельно отметил Мишеля Никеза за предоставление качественной информации о странах Балтии. Спаак ожидал, что Никез продолжит регулярно поставлять информацию о Прибалтике и соседних с ней странах[502]. В 1943 году Спаак несколько раз подчеркнул свой интерес к документам, приходящим из Стокгольма, в которых говорилось о внутренней политике Финляндии, Швеции и стран Балтии, так как эта политика влияла на общую политику союзников по отношению к странам Оси[503].

Часть информации, добытой Никезом, была получена в ходе приватных бесед, а также исследований балтийских ученых и политиков, бежавших в Швецию и Финляндию, когда немецкие власти начали репрессии на оккупированных территориях. Также он черпал сведения из рассказов латвийских и эстонских беженцев в Швеции и Финляндии. Среди них были банкиры, су-

---

[500] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 15 September 1943 // ABMFA. No. 11586.

[501] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 2 March 1943 // ABMFA. No. 11574.

[502] P.-H. Spaak to R. de Croy, 12 March 1943 // Ibid.

[503] P.-H. Spaak to R. de Croy, 17 November 1943 // Ibid.

довладельцы, моряки и священнослужители. Сведений о положении в Литве от непосредственных свидетелей было намного меньше, и большая часть информации об этой стране была получена из анализа шведских, финских, немецких и советских печатных изданий[504].

В отчетах Реджинальда де Круа говорится, что в 1943 году в Швеции стало нарастать беспокойство по поводу успехов советской армии и возможного распространения большевизма в случае победы СССР в войне. Немецкая оккупация Норвегии и Дании также вызывала определенные опасения. Однако события в Финляндии, кажется, отвлекли внимание шведов от ситуации в Прибалтике[505]. В Скандинавии с нетерпением ожидали итогов состоявшейся в октябре 1943 года Московской конференции с участием министров иностранных дел США, Великобритании и СССР. Однако она принесла только разочарование, так как в итоговом заявлении конференции ничего не говорилось о будущем Восточной Польши, стран Балтии и Финляндии. Шведская пресса выразила свое разочарование серией статей, в которых критиковались намерения СССР относительно этих территорий[506]. Также во время проведения Тегеранской конференции в ноябре 1943 года, на которой собрались Т. Рузвельт, И. Сталин и У. Черчилль, представители шведской прессы задавали вопросы о применении положений Атлантической хартии к Финляндии и странам Прибалтики, отмечая отсутствие упоминания об этом в финальном коммюнике[507].

В конце 1943 года Красная армия подошла к границам Прибалтийских государств, что вызвало беспокойство. В декабре 1943 года Мишель Никез отмечал, что нацисты пытаются призвать как можно больше новых солдат в Латвии и Эстонии, однако это не сможет остановить наступление РККА. Он докладывал, что немцы также пытаются уничтожить последних латвийских евреев «жестокими и бесчеловечными методами». Настроения латвийского населения разделилось между боязнью новой со-

---

[504] «La politique allemande en Lituanie», 6 March 1944 (Пресс-служба посольства в Стокгольме) // ABMFA. No. 11586.

[505] Ibid.

[506] R. de Croy to P.-H. Spaak, 5 November 1943 // Ibid.

[507] R. de Croy to P.-H. Spaak, 8 December 1943 // Ibid.

ветской оккупации и одновременно, особенно в рабочих кругах, ожиданием красноармейцев как освободителей. Мишель Никез подчеркивал значимость вооруженного сопротивления, организованного в лесах Прибалтики и Белоруссии. Хорошо вооруженные партизаны под командованием опытных командиров внушали страх немецким войскам. Однако эти партизанские группы делились на три типа: коммунисты, получающие советскую помощь, борцы за независимость националистического толка и дезертиры из частей коллаборационистов под немецким командованием[508]. Ознакомившись с пессимистическими отчетами Никеза, а также со свидетельствами других контактов эмигрантских групп в Лондоне, посол Эмиль де Картье не имел никаких иллюзий относительно ситуации в регионе. В своих отчетах он обращал внимание Поля-Анри Спаака на положение Прибалтики после новой оккупации (он не называл это «освобождением») советскими войсками Литвы, Латвии, Эстонии и Польши. Подобная ситуация была первым шагом на пути к «организации мира в Восточной Европе» под властью СССР[509].

В 1944 году в Лондоне Шарль Зарин озвучил страх населения Латвии по поводу приближения Красной армии к границам Прибалтики и перспективой новой оккупации. Он высказал опасения, что союзные страны могут неверно воспринять содействие части населения Латвии нацистам и по этой причине отказаться от защиты права страны на независимость в послевоенной Европе[510].

Начиная с весны 1944 года информация из первых рук о ситуации в Прибалтике стала приходить в Лондон редко. Это было связано главным образом с массовыми нацистскими арестами гражданского населения, в том числе священников (протестантских и православных), которые поддерживали контакты со Швецией и Финляндией[511]. Эти священнослужители были источником информации для прибалтийских беженцев и, соответственно, для Мишеля Никеза. Однако затем сообщение между

[508] R. de Croy to P.-H. Spaak, 5 November 1943 // Ibid.

[509] E. de Cartier to P.-H. Spaak, 1 January 1944 // Ibid.

[510] Ch. Zarine to E. de Cartier, 26 January 1944 // ABMFA. No. 12077 bis.

[511] E. de Cartier to P.-H. Spaak, 17 July 1944 // ABMFA. No. 11574, M. Nicaise to P.-H. Spaak, 5 June 1944 // ABMFA. No. 12077 bis.

двумя берегами Балтийского моря было практически полностью разорвано. Более того, весной 1944 года внимание посольства Бельгии в Стокгольме было приковано главным образом к советско-финскими переговорами о сепаратном мире. Начиная с лета 1944 года Никез добывал информацию прежде всего путем анализа немецкой и бельгийской прессы. Полученные таким образом отчеты он высылал службе госбезопасности и министерству иностранных дел Бельгии. Они содержали в себе анализ настроений населения нацистской Германии и оккупированной Бельгии. С освобождением Бельгии в сентябре 1944 года эта работа была остановлена, и Никез сконцентрировался на анализе шведской прессы. Бельгийская дипломатическая служба временно стала для него важнее, чем ситуация в Прибалтике, поэтому больше информации из первых рук получить не удалось[512].

По мнению бельгийских дипломатов, не было сомнения в том, что Финляндия из страха повторить судьбу стран Прибалтики, которые в это самое время освобождала Красная армия, примет решение подписать сепаратный мир с СССР. В конечном итоге 19 сентября 1944 года Финляндия и Советский Союз подписали перемирие, которое вызвало облегчение в скандинавских странах (в особенности – в Швеции), а также у англо-американских союзников. Если бы соглашение не было подписано, Финляндия, по мнению бельгийских дипломатов, потеряла бы независимость по тому же сценарию, что имел место в Прибалтике[513]. Во время подписания мира РККА прорвала немецкий фронт к югу от Риги.

Летом и осенью 1944 года Вермахт отступал под напором Красной армии, которая постепенно заняла Беларусь, Прибалтику, Польшу и подошла к Восточной Пруссии. В ноябре 1944 года бывший министр иностранных дел Эстонии Август Рей отправил Мишелю Никезу отчет о советских репрессиях в Эстонии, которые последовали после освобождения страны от немецкой оккупации. В отчете содержались сведения о массовых расстрелах коммунистами коллаборационистов и чиновников местных администраций. Рей пояснил, что многие эстонцы бежали от репрессий Красной армии на запад. Экс-министр выразил категорический протест против положения эстонского народа, которое

[512] P.H. Spaak to R. de Croy, 4 September 1944 // ABMFA. No. 11586.

[513] R. de Croy, P. H. Spaak, 20 November 1944 // ABMFA. No. 11586.

назвал «самоубийственным», несмотря на присоединение страны «ко всем соглашениям, которые должны были быть направлены на мир и сотрудничество в международной сфере», и отнятия у эстонцев «основных и неотъемлемых прав человека». Мишель Никез попытался донести до Брюсселя, что в сентябре 1944 года национальный комитет Эстонии в Таллине символически объявил о восстановлении суверенного государства Эстония и предпринял попытку выйти на контакт с посольством страны в Лондоне, однако такая ситуация продлилась всего несколько дней[514].

В 1944 и 1945 годах, по мере отступления нацистских войск, бельгийский посланник в Стокгольме де Круа стал свидетелем прибытия на судне новой волны беженцев из Прибалтики, у которых сразу после освобождения страны Красная армия конфисковала все имущество[515]. Швеция приняла беженцев, однако запретила им заниматься политической деятельностью.

В 1945 году Эмиль де Картье направил Полю-Анри Спааку прошение не допустить принудительной депортации граждан Прибалтийских стран в СССР, так как для них «это будет равносильно смертному приговору»[516]. Де Картье поддерживал контакт с прибалтийскими дипломатами, остававшимися в Лондоне в 1945 и 1946 годах, несмотря на аннексию их государств Советским Союзом. Они время от времени просили бельгийца передавать сообщения властям других стран, и тот не скрывал своего к ним сочувствия[517].

В 1945 году СССР восстановила статус стран Прибалтики как советских республик. Посольство Бельгии не получило указаний, как следует действовать в связи с этим, а потому воздержалось от занятия официальной позиции. Это позволило Бельгии сохранить прежний статус-кво в форме неофициального признания фактической аннексии[518].

Интересно отметить настроения населения оккупированной Бельгии. Аннексия Прибалтийских государств Советским Сою-

---

[514] M. Nicaise to P.-H. Spaak, 25 January 1944 // ABMFA. No. 12077bis.

[515] R. de Croy, P.-H. Spaak, 16 April 1945 // ABMFA. No. 11586.

[516] E. de Cartier to P.-H. Spaak, 20 August 1945 // Ibid.

[517] E. de Cartier to P.-H. Spaak, 9 February 1946 // ABMFA. No. 15768.

[518] Th. De Lichtervelde, note for the record, 10 August 1957 // ABMFA. No. 18898.

зом летом 1940 года на фоне поражения бельгийских войск и последовавшей оккупации страны немцами прошло незамеченным. Начиная с июня 1941 года, когда Германия напала на СССР, бельгийцы с большим участием следили за военными действиями на Восточном фронте; трансляции BBC позволяли им отслеживать ход войсковых операций на карте. Бельгийцам была хорошо знакома география Прибалтики, Украины и Белоруссии, где проходили бои. Они также понимали, что победа союзников зависит от успеха советских операций на Восточном фронте. Поль Струйе, юрист из Католической партии Бельгии, сотрудник разведывательной службы и один из организаторов сопротивления, внимательно следил за происходящим за границей и 16 июня 1940 года в своем дневнике с негодованием писал об ультиматуме, который СССР выдвинул Литве. Однако в октябре 1944 года он писал об освобождении Риги Красной армией[519]. Эти две записи отражают изменение общественного мнения бельгийцев по данному вопросу. В целом, ситуация в Прибалтике никогда не была актуальной темой для бельгийцев. Несмотря на это, в 1940 году бельгийские наблюдатели, такие, как Струйе, говорили о нарушении Советским Союзом территориальной целостности Литвы, а в 1944 году, при всей своей нелюбви к коммунизму, вынуждены были признать невероятные жертвы советского народа и Красной армии в войне. Советское участие в освобождении Европы объясняет международный авторитет, заработанный СССР в 1944-1945 годах, в том числе авторитет среди большинства бельгийцев. Все это исключило вопрос о статусе стран Балтии в послевоенной Европе из повестки дня.

Заключение

Большинство бельгийских дипломатов, занимавших в то время посты в Скандинавии и Прибалтике, уже работали на дипломатических должностях во время Первой мировой войны и сохранили в целом положительные воспоминания о дореволюционной Российской империи. В своих отчетах дипломаты выражали консервативные и антикоммунистические взгляды, не скрывая своих опасений по поводу последствий советской

[519] *Struye P.* Journal de Guerre 1940–1945. Brussels, 2014. P. 89, 522.

политики в отношении соседних с СССР стран в Прибалтике и Скандинавии.

Бельгийские дипломаты воспринимали Прибалтику и Скандинавию как единый регион и обсуждали ситуацию в Финляндии, Швеции и в трех Прибалтийских странах и их отношения с Германией и СССР в едином ключе. До 1939 года территории этих стран не казались важными с военной точки зрения, и в глазах Брюсселя представители Бельгии в регионе, за исключением Стокгольма и Москвы, считались малозначимыми с внешнеполитической точки зрения. Однако период с 1939 по 1944 год эти территории оказались в гуще боевых действий Второй мировой войны. Пакт Молотова - Риббентропа, нападение СССР и Германии на Польшу, советская аннексия Прибалтики, советско-финская война, нападение Германии на СССР и победа РККА под Сталинградом – все эти события привлекли внимание мировой общественности к данному региону.

В период с 1936 по 1940 год Бельгия вела независимую внешнюю политику, которая выражалась в строгом нейтралитете. В эти годы Бельгия вела себя так же, как другие небольшие государства, такие, как Нидерланды, Люксембург и страны Скандинавии (Дания, Норвегия и Швеция). Последние три в 1930 году образовали «группу Осло»[520]. Эта группа не включала в себя государства, напрямую граничащие с СССР, в частности, страны Прибалтики. Страны – участницы группы не хотели вмешиваться в пограничные конфликты между СССР и соседствующими с ним странами. До 1939 года прибалтийские дипломаты были особенно озабочены тем, чтобы подчеркнуть нейтралитет своей страны, а также позицию своих государств в Лиге Наций. Их позицию часто сравнивали с политикой Бельгии или даже Швейцарии. Нейтралитет Бельгии и политическая нестабильность в стране объясняют отсутствие реакции на аннексию Германией литовского порта Мемель в марте 1939 года. Когда после подписания Мюнхенских соглашений начало нарастать напряжение в Европе, бельгийские дипломаты казались все более растерянными по поводу умеренной политики стран Балтии в рамках предложенной Чемберленом политики умиротворения. В то вре-

[520] *Roon G. Van.* Small States in Years of Depression: The Oslo Alliance 1930-1940. Maastricht, 1989.

мя эта политика противоречила страхам населения перед СССР. Страны Прибалтики до конца настаивали на своей независимости и нейтралитете, тщетно пытаясь избежать как новой войны, так и экспансионистской политики СССР и Германии.

У правительств трех стран оставалось все меньше и меньше выбора в политической сфере по мере того, как Советский Союз и Германия выдвигали все новые требования. Бельгийские дипломаты отмечали, что гарантия независимости стран Балтии стала камнем преткновения в переговорах Англии, Франции и СССР в марте - августе 1939 года. Прибалтийские государства отвергли предложение трех держав о военной помощи ради своей независимости. Почти все бельгийские дипломаты считали это серьезнейшей ошибкой, поскольку сама Бельгия пользовалась взаимными гарантиями своих могущественных соседей. Пакт Молотова - Риббентропа от 23 августа 1939 года стал шоком для иностранных дипломатов, работающих в странах Балтии, так как пакт ослаблял Польшу и давал СССР возможность установить свой контроль на балтийском побережье. Бельгийские дипломаты оплакивали отсутствие солидарности между правительствами Прибалтийских стран и Финляндии осенью 1939 года, которое позволило СССР разместить свои военные базы в Прибалтике. Успокаивающие разглагольствования местных правительств, продолжавшиеся вплоть до аннексии 1940 года, все меньше и меньше успокаивали местное население и иностранных дипломатов. После событий октября 1939 года бельгийские дипломаты считали, что эти страны находятся под советским протекторатом.

Так же, как и остальные иностранные представительства, посольство Бельгии в Риге и консульство в Таллине под советским давлением были закрыты в июле и августе 1940 года. Бельгийские дипломаты укрылись в Хельсинки и Стокгольме и оттуда продолжали отправлять отчеты о ситуации в СССР и странах Балтии. Приостановление дипломатических отношений между Бельгией и Финляндией в июле 1941 года стало причиной закрытия посольства в Хельсинки. Таким образом, бельгийское посольство в Стокгольме до сентября 1944 года оставалось единственным пунктом наблюдения за событиями в Прибалтике и Скандинавии. В то время благодаря качественным отчетам о событиях в регионе консул Бельгии Мишель Никез стал зна-

менит и продвинулся по служебной лестнице. Балтийская проблема была близка ему, так как отражала всю жесткость советской внешней политики. Он собирал свидетельства очевидцев и отправлял полученную информацию министру Полю-Анри Спааку, информируя его о развитии событий в Эстонии и Латвии под советской, а затем – нацистской оккупацией (информацию о Литве добывать было сложнее).

В 1926 году в результате переворота в Литве установился авторитарный режим. В марте 1934 года авторитарный режим под руководством Константина Пятса установился в Эстонии, а в Латвии в мае 1934 года к власти пришло не менее авторитарное правительство во главе с Карлисом Ульманисом, который позже, в 1936 году, был избран президентом. Несмотря на это, бельгийские посланники в этих странах не отражали в своих докладах авторитарную природу прибалтийских режимов и придерживались нейтральной позиции в отношении ситуации в этих странах. Подобная сдержанность, несомненно, была связана с тем фактом, что прибалтийские режимы были по своей сути антикоммунистическими и постоянно оборонялись против советской пропаганды, которая пыталась дестабилизировать ситуацию в маленьких Балтийских государствах. Авторитарность правления во всех трех странах в 1930-е годы частично объясняет отсутствие дружеских отношений с Бельгией и отсутствием бельгийской реакции на события 1939 и 1940 годов. Бельгийские дипломаты отмечали, что, несмотря на более ранние заявления, страны Балтии и Финляндия не смогли сплотиться перед лицом советских угроз в сентябре 1939 года. Кроме того, у правительств союзных стран вызвали сомнения решение Прибалтийских стран присоединиться к нейтральному блоку после сентября 1939 года. Поскольку это происходило на фоне все возрастающего давления СССР и полного отсутствия военного сопротивления аннексии в августе 1940 года, особенно в сравнении с ожесточенным противостоянием Польши в сентябре 1939 года и бельгийской, голландской и французской армий немецкому наступлению в мае 1940 года, у правительств союзных стран естественно возникли сомнения в искренности государственных деятелей Прибалтийских государств. Тот факт, что правительства не отправились в эмиграцию в Лондон в 1939 и 1940 году, как сделали власти большинства европейских стран, попавших под удар

Германии, сработало против международных интересов стран Балтии, которые, таким образом, могли надеяться только на свои посольства в Лондоне и Вашингтоне. Европейские правительства в изгнании особенно подчеркивали свою непричастность к движениям сопротивления - таким, как «Свободная Франция», и к другим странам, власти которых не отправлялись в изгнание, таким, как Дания и страны Балтии. Отсутствие легитимного правительства в эмиграции послужило для Поля-Анри Спаака предлогом для того, чтобы не восстанавливать представительство стран Балтии при правительстве Бельгии в Лондоне в военное время, а затем, после окончания войны, и в Брюсселе.

В 1939 году правительственный кризис в Бельгии привел к ситуации, когда пост министра иностранных дел последовательно занимали четыре человека. Эта ситуация привела к тому, что бельгийская дипломатия, несмотря на растущее в регионе напряжение, невнимательно следила за развитием балтийской проблемы. Однако в конечном итоге наступил период стабильности, на протяжении которого, с 1939 по 1949 год, пост министра занимал Поль-Анри Спаак. Он сыграл решающую роль в принятии того политического курса по отношению к этим странам, который продержался до 1960-х годов. Очень важно объяснить долгое молчание Спаака по поводу бедственного положения Прибалтики в 1939-1948 гг. Эта выжидательная политика не была его личным решением. Лишь в январе 1948 года[521] министр упомянул страны Балтии в публичной речи, несмотря на качественные документы, которые приходили к нему с 1939 года от бельгийских дипломатов. Поль-Анри Спаак сочувствовал покоренным коммунистами, а затем нацистами прибалтам, с человеческой точки зрения, однако ему приходилось принимать во внимание политические реалии и небольшой вес Бельгии на международной арене по сравнению с великими державами.

---

[521] Поль-Анри Спаак впервые заговорил об экспансии СССР в страны Балтии в своей речи 25 января 1948 году в присутствии журналистов. Эта речь была ответом на заявление члена Палаты общин Эрнеста Бевина, высказавшегося в защиту западного союза Великобритании, Франции и стран Бенилюкса. Речь была опубликована в: Lapensée européen neetatl antiquede aul-Henri Spaak. Brussels, 1980.V.1. P. 113.

Советская аннексия стран Балтии в августе 1940 года не вызвала официального отклика Бельгии, так как само бельгийское правительство, эмигрировавшее во Францию, находилось в кризисе, связанном с оккупацией страны в мае-июне 1940 года. Спаак много недель не давал никаких указаний посольствам и возобновил работу министерства иностранных дел лишь в октябре 1940 года, когда правительство было эвакуировано в Лондон. Именно этими обстоятельствами объясняется отсутствие официальной реакции на советское объявление об аннексии стран Балтии, полученное бельгийскими дипломатами 16 августа 1940 года в Москве. Бельгия так никогда и не подтвердила его получение. Далее Бельгия просто de facto признала присоединение Прибалтики к СССР, но не ее легитимность. Этот принцип сохранялся и после 1945 года и даже усилился после начала холодной войны в 1948 году.

После заявления Уинстона Черчилля 22 июня 1941 года, в которой он говорил о британской поддержке Советского Союза после нападения Германии, бельгийское правительство в Лондоне, по настоянию министра Спаака, восстановило дипломатические отношения с СССР без объяснения причин разорванные несколькими неделями ранее советской стороной. С этого дня Бельгия не делала никаких официальных заявлений по прибалтийской проблеме. В период с 1942 по 1944 год бельгийское правительство в изгнании вело себя все более и более дружелюбно по отношению к Советскому Союзу, поддерживая преобладавший в то время дух «великого союза». Поль-Анри Спаак с радостью отреагировал на подписание союза между Великобританией и СССР 26 мая 1942 года. С тех пор Спаак переориентировал официальное отношение Бельгии к ситуации в Прибалтике на позицию Великобритании. Во второй части войны Спаак пытался наладить отношения с СССР, поэтому игнорировал многочисленные предупреждения бельгийских послов в Вашингтоне, Нью-Йорке (Ж. Тойнис), Лондоне (Э. де Картье), Стокгольме (Р. де Круа и М. Никез) об истинных намерениях советской политики. Несмотря на негативное отношение Спаака, Эмиль де Картье продолжал поддерживать тесные связи с представителями Прибалтики в Лондоне (Брониусом Балутисом, Шарлем Зарином и Августом Тормой). Без всякого сомнения, большинство бельгийских дипломатов сочувствовали судьбе стран Прибалтики, проводя психологиче-

ские параллели с событиями в странах Бенилюкса. По этой причине в отчетах дипломатических работников наблюдался явный разрыв между рекомендуемой МИД дружелюбной по отношении к СССР позицией и описаниями преступлений Советов на занятых прибалтийских территориях[522].

В ходе освобождения Западной Европы от нацистов положительный настрой общественного мнения по отношению к усилиям и самопожертвованию советских людей позволял не замечать советских преступлений в Прибалтике. Также на имидж стран Прибалтики отрицательно повлияло активное участие добровольцев-прибалтов в войне на стороне Германии. После освобождения Бельгии в сентябре 1944 года и вплоть до марта 1947 года коммунистическая партия входила в коалиционные правительства страны, что объясняет желание Поля-Анри Спаака продолжать дружеские отношения с СССР. По прибалтийской проблеме по-прежнему не делалось никаких официальных заявлений. В период с 1944 по 1947 год Спаак безуспешно пытался убедить СССР подписать договор о дружбе и сотрудничестве. Лишь начало холодной войны заставило его изменить политический курс. В 1948 году он впервые в речи упомянул о советской агрессии в Прибалтике в 1939-1940 годах. Чтобы оправдать отношение Бельгии к СССР, Спаак продолжал обращаться к балтийскому вопросу вплоть до 1969 года[523].

Гросбуа Тьерри,
PhD, Люксембургский университет (Бельгия)

[522] *Grosbois T.* Lapolitique étrangère. P. 294-306.

[523] В период с 1948 по 1969 г. Поль-Анри Спаак упоминал о судьбе стран Балтии в десяти речах.

Николай Кабанов

Дипломаты свергнутой диктатуры: казусы Карлиса Зариньша и Паулса Рейнхардса

В январе 2013 года, в ознаменование очередной годовщины признания Латвии де-юре, традиционно отмечаемой как праздник национальных дипломатов, в здании МИД открылся мемориальный кабинет Карлиса Зариньша (1879–1963).

Высшее образование уроженец волости Ипики Вольмарского уезда (ныне Руиенский край, на границе с Эстонией) получил в Петербурге, на Высших коммерческих курсах. Делал карьеру нотариуса на столичной бирже. Во время войны, как и многие, на патриотическом подъеме пошел в волонтеры: был членом президиума Петроградского комитета помощи латышским беженцам. Вошел в состав Временного латышского национального совета.

В сентябре 1918 года 39-летний Зариньш совершает достаточно опасное путешествие из большевистского Петрограда в оккупированную кайзеровскими войсками Ригу. Это попадание в десятку: его номинируют в Народный Совет, предпарламент, который 18 ноября и провозглашает в бывшем I Городском (русском) театре независимость Латвии. Первая должность Зариньша административная – секретарь Рижской городской управы. Но затем он занимается исключительно дипломатией, почти 45 лет.

В 1919 году Зариньш представляет Латвию на Парижской мирной конференции. Хотя никем еще не признанное государственное образование напрямую не было выгодополучателем Версаля, но деятельность латвийской дипломатической команды в кулуарах сходки великих держав имело важное значение для последующего признания де-юре. В апреле 1919 года Зариньш назначается представителем в Стокгольме, с октября он уже имеет статус советника-посланника. Впоследствии Зариньш специализируется на Северных странах – он является посланником (sūtnis) в Швеции, Финляндии, Дании, Норвегии, Эстонии. Его резиденции перемещаются в Хельсинки, а затем

в Таллин. С декабря 1931 года по март 1933 года он занимает высшую позицию в бытность Латвийской Республики – становится министром иностранных дел.

А 18 мая 1940 года, Зариньшу, уже 7 лет представляющему ЛР в Великобритании, кабинетом министров Карлиса Улманиса[524] был выдан секретный документ о чрезвычайных полномочиях:

«1. В случае, если в силу обстоятельств войны более не является возможным связаться с дипломатическими и консульскими представительствами Латвии в Западной Европе, присвоить чрезвычайные полномочия посланнику Латвии в Лондоне Карлису Зариньшу.

2. Время, когда полномочия вступают в силу, определяет министр иностранных дел, отдавая соответствующее распоряжение посланнику в Лондоне и указывая, какие миссии подчиняются чрезвычайным полномочиям.

3. Если в силу технических обстоятельств министру иностранных дел невозможно свое решение сообщить посланнику в Лондоне, то присвоенные последнему чрезвычайные полномочия вступают в силу автоматически.

Посланник в Лондоне об этом удостоверяется соответствующим телеграфным запросом министру и, не получив ответа в течение 24 часов, действует на основании чрезвычайных полномочий до того момента, пока вновь установится связь с министром иностранных дел.

4. Посланнику в Лондоне, Карлису Зариньшу, присваиваются чрезвычайные полномочия в отношении всех дипломатических и консульских миссий Латвии, за исключением миссий в следующих государствах: Эстонии, Литве, Финляндии, Швеции, Германии и Советском Союзе.

5. Если посланник Карлис Зариньш во время пребывания в силе его чрезвычайных полномочий, умрет или потеряет свободу дей-

[524] Карлис Улманис (1877–1942) – первый президент министров Латвии (глава правительства), под руководством которого 18 ноября 1918 г. была провозглашена ее независимость. После этого еще 3 раза назначался премьером парламентом. В ночь с 15 на 16 мая 1934 г. совершил государственный переворот. С 11 апреля 1936 г. – президент государства. Потворствовал советизации, находясь в должности президента до 21 июля 1940 г. Выслан в Ставрополь, затем арестован, скончался в тюрьме в Красноводске 20 сентября 1942 года.

ствий, присвоенные данным решением чрезвычайные полномочия переходят посланнику Латвии в Соединенных Штатах Америки, Алфредсу Билманису.

6. Чрезвычайные полномочия дают право:

a) защищать интересы Латвии наилучшим образом во всех странах, исключая Эстонию, Литву, Финляндию, Швецию, Германию и Советский Союз;

b) отдавать с этой целью обязывающие распоряжения всем латвийским миссиям, исключая миссии в вышеназванных государствах;

c) распоряжаться государственными средствами и движимым и недвижимым имуществом, находящимся в распоряжении миссии;

d) на время освобождать от должности посланников, а также освобождать от должности или перемещать всех иных сотрудников миссии;

e) ликвидировать миссии, за исключением миссии в Соединенных Штатах Америки;

f) назначать делегатов на собрания и конференции;

g) в чрезвычайных обстоятельствах, задерживающих осуществление данных прав, передавать данные полномочия посланнику Алфредсу Билманису.

Подписали: Р. Булсонс, и. о. директора Государственной канцелярии. Б. Розе, и. о. начальника отдела.

Подлинность копии подтверждаю: Т. Аншевицс, директор Административного департамента».

Впервые данный текст был опубликован Микелисом Валтерсом[525] в Стокгольме в 1951 году[526].

---

[525] Микелис Валтерс (1874–1968) – первый из латышских левых выдвинул в 1903 г. в журнале «Proletarietis» лозунг «Долой самодержавие! Долой Россию!» В 1917 г. от эсеров перешел в Крестьянский союз. В 1918–1919 гг. – министр внутренних дел. Посол в Варшаве, Брюсселе. Критиковал политику Улманиса в письмах диктатору. Во время войны жил в Швейцарии. 27 января 1945 г. вместе с латвийскими послами в Швейцарии Юлийсом Фелдманисом и в Эстонии Вилисом Шуманисом направил письмо Черчиллю с протестом против оккупации и аннексии.

[526] *Valters M.* 15. maija apvērsums un ārkārtējās pilnvaras: ar pilnvaru tekstu. [Stokholmā]: Jaunās Latvijas apgāds, [1951].

«Нет такого документа, который можно было бы обозначить как "чрезвычайные полномочия", – возражал М. Валтерс в своей публикации, – *Есть только распоряжение министру иностранных дел полномочия издать, причем даже само это распоряжение не существует, есть только какая-то выписка из протокола, подписанного исполняющим обязанности чиновника государственной канцелярии, из которого какая-то копия. Министру иностранных дел дано право определить "время, когда полномочия вступают в силу"? Но есть ли распоряжение министра о вступлении в силу? В протоколе лишь выражено вероятное, гипотетическое действие, что-то предусмотрено, не исполнено по решению, не обусловлено законным порядком учреждения».*

«Еще более нужно спросить, где под этим документом подпись Карлиса Улманиса, который был руководителем всей политики и которому как первому нужно было бы дать свое имя такому боевому документу, если бы он был задуман для борьбы. Нет, он был задуман как полуанонимный, безличностный, чтобы слишком не выпячивать сильно известные имена, чтобы не ломать совсем мостов, возможности соглашения на переговорах с оккупантом, с которым можно было маневрировать в смысле времени, удерживая это, вероятно, только в протоколе».

Неудивительно, что при реализации столь туманного документа начались коллизии. Связи с Ригой после 17 июня 1940 года действительно не было, хотя и ранее она действовала со скрипом – в Европе война все-таки.

Но если посланник в США Алфредс Билманис выступал за немедленное принятие чрезвычайных полномочий, то сам Зариньш предпочитал выжидать. Пришлось английскому Форин Оффису 20 июля вызвать посланника Латвии, чтобы, наконец, 23 июля вышел совместный с посланниками Литвы и Эстонии меморандум, в котором были опротестованы выборы и акты о вхождении в СССР.

«Покорно прошу правительство Вашего Величества признать эти недавние перемены в Латвии как произошедшие под давлением», – заявил Зариньш. Тем самым он отрезал дорогу к возвращению на родину: правительство Кирхенштейнса (премьера и по совместительству министра иностранных дел) после отказа посла явиться в Ригу с докладом 26 июля лишило его ранга и возбудило уголовное дело.

А 30 июля, за неделю до окончательного присоединения к Союзу, Кабинет министров Латвийской Советской Социалистической Республики (уникальное сочетание старых и новых названий продержалось всего пару недель) постановил: дипломатов-смутьянов лишить гражданства, конфисковать собственность и объявить вне закона.

С дипломатов, впрочем, это было как с гуся вода, а вот директор Государственной канцелярии Булсонс, завизировавший особые полномочия, был немедля арестован за сокрытие документа – причем не НКВД, а еще Политическим управлением, перешедшим под контроль коммунистов.

С июля 1940 года Зариньш вел бурную деятельность за границей. Выразил протест против оккупации Латвии Германией, а после нее назначил 25 почетных консулов. Устанавливал дипломатические отношения Латвии и франкистского режима Испании и встречался с Папой Пием XII. Организовывал встречи оставшихся за границей латвийских дипломатов (1946 – Женева, 1947 – Лондон, 1953 – Париж, всего до 1990 года таковых было 17). Посещал лагеря латвийских беженцев в Германии и общался в Вашингтоне с госсекретарем США Джоном Фостером Даллесом и вице-президентом Ричардом Никсоном. И, наконец, в 1951 году создал «Комитет восстановления Латвии». Умер в 83 года, побывав современником императора Александра II и президента Джона Кеннеди.

Миссия Латвии в Великобритании отсчитывает свой документальный массив со времени, предшествующему провозглашению государства: Зигфридс Анна Мейеровицс появился в Лондоне еще в сентябре 1918 года. Будущий министр иностранных дел привез правительству Его Величества меморандум Латвийского временного национального совета. Потому архив миссии и открывается документами до той поры, когда ЛР была международно признана.

Вначале латвийские дипломаты снимали офис на Глендхау Гарденс, 24. С 1925 года снимался дом на Итон Плейс, 87. С 1971 года адрес стал Холланд Парк Роуд, 6. Осенью 1985 года пришлось освободить и последнее помещение, архив был помещен в бюро организации Daugavas Vanagi, причем в большинстве своем хранился в приобретенном бывшими легионерами Waffen-SS поместье, названном на латышский манер «Страумени» (в 160 км от Лондона).

Из подвала господского дома МИД Латвии начал извлекать эти документы в конце 1993 года. В их разборе активное участие принимала дочь посланника Р. Зариньша – Марианна Зариня (1927–2004), с 1990 года ставшая неформальным руководителем представительства Латвии, а затем утвержденная латвийским дипломатом.

Архивизация документов миссии Латвии в Великобритании формально получила новый толчок, когда 18 декабря 2013 года, когда государственный секретарь МИД ЛР Андрейс Пилдеговичс передал директору Государственного исторического архива Латвии (ГИАЛ) Николаю Рыжову описи документов и справку о проведенной сотрудниками архива МИД первоначальной работе. Объем архива впечатляет: это около 6 тысяч дел в 505 коробках; 6 картотек – в т. ч. алфавитная картотека заграничных паспортов Латвии, центральный регистр проживающих в Великобритании подданных Латвии, картотека въехавших в Великобританию из лагерей перемещенных лиц в Германии; 3 документа и 1 дело, касающиеся секретного решения Кабинета министров от 17 мая 1940 года о присвоении К. Зариньшу чрезвычайных полномочий; 3 коробки с 15 делами почетного консульства ЛР в Сиднее (1932–1958)[527].

Все вышеназванные документы еще только начали приводиться в порядок в ГИАЛ.

В настоящее же время исследователям доступен фонд 2575, переданный еще в Государственный исторический архив Латвийской ССР. Он включает в себя относительно небольшой объем документов миссии ЛР в Великобритании, которые «осели» в миссии Латвии в Хельсинки в 1940 году. Именно скандинавский маршрут был наиболее безопасным путем дипломатической переписки Лондона с Ригой. После советизации ЛР миссия в Финляндии вместе со всеми документами была перенята представителями НКИД СССР.

В «Описи бумаг, поступивших из Латвийской миссии, находящейся в Лондоне», значатся 172 документа. Подписавший ее 10.11.40 советский дипломат Аболин (тогда найти сотрудника НКИД, понимающего по-латышски, было чудом – ведь совсем недавно репрессии выкосили практически всех совслужащих-латышей) зафиксировал, в частности, такие бумаги:

---

[527] Latvijas Arhīvi, 2013, N 3/4. 203. – 206. lpp.

«Копия ноты о снабжении сотрудников миссии специальными удостоверениями для хождения по Лондону после 12 час. ночи… О неполучении списка репатриированных немцев из Латвии… О том, что на пароходах "Клинтс", "Миервалдис", "Таливалдис" из-за недостатка моряков-латышей работают иностранцы… Сообщение о том, что с парохода "Елизабета" сбежал матрос Я. Межупе… О задержании некоторых товаров в Англии, адресованных латвийским фирмам… Отказ фирмы "Боард оф Траде" о принятии на хранение поступившей шерсти… Об отказе Англии в выдаче разрешения на вывоз смазочных масел в Латвию…»[528]

Обращает на себя внимание, что последние 3 из указанных документов касаются конца июня – начала июля 1940 года. Англичанам, таким образом, о событиях в Латвии было уже все понятно, и они сделали вывод: нечего «кормить» СССР.

Но в то же самое время поразительно спокойным тоном веет от нескольких писем посланника Зариньша, также попавших в «хельсинкский» фрагмент архива. Это оригиналы, выполненные машинописью на качественной бумаге с грифом-оттиском миссии в Лондоне и собственноручной подписью Зариньша.

Вот что он сообщает в это судьбоносное для Латвии время.

«Многоуважаемому господину министру иностранных дел, Рига.

Миссия Латвии, Итон Плейс 87, Лондон, S.W.1.

N 4134. 11 июня 1940 года.

Многоуважаемый господин министр!

Военная неудача союзников в Бельгии в сильной мере отразилась на индустрии вооружений Англии. При эвакуации армии через Дюнкерк все первые плоды английской промышленности, военные материалы, остались в руках врага; их нужно возобновлять и это требует новых усилий от перегруженной и без того британской индустрии. Рабочим фабрик и мастерских нужно отказываться от выходных, ибо более немыслима иная, нежели семидневная, рабочая неделя. Каждую унцию энергии нации необходимо использовать, чтобы вернуть утерянное. Уже видны результаты этой энергичной деятельности, ибо казавшееся ранее невозможным, сейчас нужно сделать, и это делается. Механизм правительственных учреждений достиг высокой степе-

[528] ГИАЛ. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 481. Л. 5–10.

ни работоспособности, особенно в области распределения рабочих рук и контроля производства.

Здесь властвует мнение, что уже сейчас Англия имеет очень большое преимущество над Германией в том смысле, что ее народ снабжается продуктами питания и другими жизненными потребностями меньшей рабочей силой народа, чем это возможно в Германии. Порожденный таким образом избыток рабочей силы, конечно, не останется втуне, но в настоящее время занят на избыточных для ведения войны специальностях, от которых его надо освободить, приспособив для труда, необходимого военным действиям. В земледелии не хватает рабочих рук, министр земледелия Хадсон предлагает жесткие решения для улучшения положения. Если кто-то был земледельцем, но сейчас трудится в другом месте, то им в случае потери работы нужно будет вернуться к сельскохозяйственной деятельности. Эти шаги предотвратят исход рабочих рук из земледелия. Но правильно ли и целесообразно закрывать также сельскохозяйственные академии и училища, дабы получить еще больше рабочих рук, это можно оспорить. Обученные земледельцы и агротехнические советники нужны более, чем прежде, во время мира, когда не происходило столь далеко идущее и сильное перегруппирование рабочей силы.

Как вышеназванные средства способны содействовать оттоку рабочих рук из заменяемых специальностей на необходимые для военных усилий, доказывает сильное снижение безработицы. С апреля по май с. г. число безработных снизилось до 881 000, что меньшее, из когда-либо зарегистрированного. Сужение потребительских товаров для местного рынка, введенное соответствующими законами, вызывает закрытие ненужной индустрии и посему освобождение рабочих рук. Таковые будут использованы в индустрии вооружений. Здесь существует мнение, что такие кадры безработных, из которых индустрия вооружений может черпать рабочую силу, когда и сколько она захочет, даже желанны, чтобы в случае надобности этим индустриям не нужно было бы ждать дополнительных сил. С этой точки зрения малое количество безработных даже могло бы указывать на то, что рабочие из заменяемых индустрий еще в намного меньшей мере высасываются в военную индустрию, и потому известный резерв безработных нужно было бы считать совершенно нормальным явлением.

С глубоким уважением, К. Зариньш, посланник»[529].

[529] ГИАЛ. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 453. Л. 1–2.

Послание, достойное академического экономического журнала. Рассуждения на тему благотворности постоянной безработицы для военной экономики укладываются в порожденную режимом К. Улманиса на рубеже 1939-1940 гг. идею использованию «интеллигентных безработных» на «общественных работах» по лесоповалу и добыче торфа...

Обращает на себя обилие не то что подробностей, но повторов. Стоит пристальнее всмотреться и в то, как позиционирует К. Зариньш адресата. В документе, датированном якобы 11 июня, отсутствует фамилия министра иностранных дел, на тот момент Вилхелмса Мунтерса. Мог бы позволить себе многоопытный дипломат его не указать?

Позволим себе сформулировать одну версию, которая, впрочем, может быть подтверждена после прочтения еще нескольких писем Зариньша.

«N 4135. 20 июня 1940 года. Многоуважаемому господину министру иностранных дел, Рига.

Многоуважаемый господин министр,

Сейчас, когда англо-французские взаимоотношения колеблются как чаши весов в связи с соответствующим предложением Франции Германии о заключении перемирия, разрешение которому, кажется, дадут уже ближайшие дни, характерно, что указанные обстоятельства не вызвали падения валют на английской бирже. Как отмечает хозяйственная и финансовая пресса, общественный темперамент остается на месте, несокрушимый различными неудачами и трудностями.

Несмотря на эти трудности, начиная с прошлого мая месяца, последствиями которого были финансовые потери в связи с падением курса акций и прекращением торговых и банковских связей со многими финансовыми центрами, мораль Сити остается нерушимой и намного выше, чем в начале войны, ибо нет никаких признаков паники. Средства безопасности против воздушных налетов улучшены, так что английской финансовой системе крах не грозит. Архивы банков и компаний перевезены в надежные места, счета и книги дублированы, и если даже центральные учреждения Лондона разрушат, чиновники, которые уже частично эвакуированы, будут иметь все возможности счета восстановить и держать их в порядке. Так что ожидавшаяся дезорганизация сокращена до минимума и у Сити нет никакого значения военного объекта.

Та же хозяйственная пресса отмечает и вторую характерную особенность – падение цен на ряд материалов. Среди таковых в первую

очередь можно назвать жесть, которая упала в последние дни прим. на 10%, после того как все время цены постепенно росли. Подобное падение цен потерпели резина и хлопок.

Пока ситуация во Франции не разъяснилась, конечно, нет возможности определить влияние вышеуказанных французских акций на цены главных товаров, но финансовая пресса не думает, что воздействие может быть беспокоящим, и если да, то только в отношении хлопка, ибо, хотя и вооружения требуют этого материала, прирост военного спроса перевешивается снижением гражданского потребления соответствующими недавно принятыми законами. Кроме этого Англии более не доступны в прежних размерах экспортные рынки текстильных товаров Европейского континента.

В связи с твердой решимостью британского правительства интенсифицировать военные действия, чего бы это ни стоило, ожидается большая потребность в резине и жести, за исключением, возможно, уничтоженных в большом объеме воздушными налетами фабрик, которые эти материалы, сырье, потребляли.

С глубоким уважением, К.Зариньш, посланник»[530].

То же самое многословие на исключительно экономические темы. Некоторый тренд в сторону симпатий к стране пребывания.

«Многоуважаемому господину министру иностранных дел, Рига.

Миссия Латвии, Итон Плейс 87, Лондон, S.W.1.

N 4136. 22 июня 1940 года.

Многоуважаемый господин министр!

Финансовая пресса отмечает, что в этом году в Англии введут второй государственный бюджет, ибо старый более неприемлем для новых обстоятельств, когда Англия, если можно так выразиться, является осажденной, хотя и не со всех сторон, крепостью. Оборона крепости требует новой финансовой нагрузки. Нормальные бюджеты более не эффективны, нет более места никаким преимуществам или уступкам в отношении какого-либо класса, напр.торговле. Расходы на военные нужды колоссально выросли, до 60 000 000 ф. с. в неделю. Это число было превзойдено ранее только в одну неделю, с 73 000 000 ф. с. при завершении бюджета 1939/1940 гг.

Для укрепления военных финансов правительство готовит новый выпуск 2,5-процентных ценных бумаг (бондов). Это будет краткосрочный заем. Минимальная сумма займа 100 ф. с., но для участни-

[530] ГИАЛ. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 453. Л. 9–10.

ков почтовых и прочих сберкасс она понижена до 25 ф. с., чтобы к займу привлечь также малых вкладчиков. Замыслом такого краткосрочного займа, который был бы выплачен в 1945/1947 гг., является то преимущество, что при развитии военных действий в течение сравнительно короткого времени, на заем можно будет подписаться всегда, все время, пока в нем будет нужда. Заем не будет фиксированным на известную твердую, определенную сумму и потому будет гибким и ликвидным.

Продукция, продукция и продукция – таков нынешний военный лозунг. Конечно, продукция средств обороны и военных материалов, ибо производство других, ненужных для войны предметов все более ограничивается, что поначалу делалось только в умеренных объемах. И не только продукция предметов находится на повестке дня, но также организация, обучение рабочей силы, которая это вооружение будет производить во все больших и больших размерах.

Рыночные цены на жесть и хлопок, упавшие на прошлой неделе, вновь поднялись. Также падение цен на резину остановлено и оборот всех этих трех материалов на рынке ощутимо вырос.

Статистика английского импорта и экспорта за май месяц 1940 г., по сравнению с маем 1939 г., показывает, что импорт за этот месяц вырос на прим. 34%, экспорт на прим. 8%. Сравнивая первые 5 месяцев 1940 г. с тем же периодом времени 1939 г., выясняется, что общий импорт вырос на 44%, а экспорт на прим. 9%. Прибавив к экспорту реэкспорт импортированных товаров, что сильно упал по сравнению с 1939 г., прирост общего экспорта за первые 5 месяцев 1940 г. – только ок. 4,5%.

Вышеуказанные сравнения базируются на следующих цифрах:

Импорт январь-май 367 590 332 ф. с 524 681 844 ф. с.

Экспорт 196 588 432 ф. с. 213 731 252 ф. с.

Реэкспорт 23 883 800 ф. с. 17 335 252 ф. с.

Общий экспорт 220 472 323 ф. с 231 067 213 ф. с.

С глубоким уважением, К. Зариньш, посланник»[531].

Карьерный дипломат упорно продолжает свои опыты в жанре народнохозяйственного дайджеста. Интересно, что в это время он находится в столице единственной воюющей против Германии страны (Франция уже разгромлена и запросила перемирия), где сосредоточены посольства практически всех стран

[531] ГИАЛ. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 453. Л. 13–14.

мира (кроме объявивших войну Германии и Италии), в том числе и оккупированных Гитлером.

Где же отчеты Зариньша про общение с иностранными коллегами, которыми традиционно делятся дипломаты? Неужели посол только лишь сидит в бомбоубежище и почитывает газетки?

«Миссия Латвии, Итон Плейс 87, Лондон, S.W.1.

N 4137. 5 июля 1940 года.

Многоуважаемому господину министру иностранных дел, Рига.

Многоуважаемый господин министр,

Английские финансовые связи с нейтральными государствами обозревает сегодняшняя The Financial Times.

Новое положение на континенте и Средиземном море осложнило финансовое и торговое сообщение Британии с нейтральными государствами. Со Швейцарией, напр., нет ни почтового, ни торгового обмена. Только банки, по радиотелеграфу, поддерживают связи. Можно переводить денежные суммы. Швейцарские банкноты, конечно, здесь больше не обменивают, ибо туда их переслать нельзя.

Газета указывает на одну причину, почему Гитлер не нарушил еще нейтралитет Швейцарии, что через это государство можно проводить германские банковские операции. В таком же положении находится и Швеция. Фактом является, что некоторое время назад были сообщения, что Германия перевела свои долларовые кредиты на нью-йоркские счета шведских банков, как защитное средство, чтобы официальные лица Америки те не конфисковали. Потому здесь придают большое внимание каждому переводу со шведских и швейцарских счетов и на них, в подозрениях, что Германия так может реализовывать активы, полученные в Голландии, Бельгии и Франции.

Сообщение со Швецией и Балтийскими государствами кроме радиотелеграфа ведется также почтой через Петсамо и Мурманск, но это занимает больше времени. Мне лично неизвестно, в какой мере финская пароходная линия оперирует через Петсамо и идет ли через него что-то к шведам.

Почту можно посылать также на юго-восток Европы, хотя только в теории, ибо практически никто не знает, доходит ли и когда, почта к цели.

Испания и Португалия – единственные государства Европы, с которыми почтовое и телеграфное сообщение насколько-либо нормаль-

ное. С неоккупированной Францией связь почти невозможна. Лондонские банки не знают, где находятся французские банки и даже где филиалы английских банков.

С Румынией, после объявления войны Италией, клиринговый оборот сильно сузился. В лучшем положении оборот находится с Турцией, ибо поддерживается связь. С Испанией торговля составляет лишь часть от той, что была прежде, и сейчас идет также давление Германии на Испанию.

С заокеанскими землями Англия стремится организовать базы финансовой связи. С Соединенными Штатами, являющимися заметным исключением, финансовая связь происходит нормально.

С глубоким уважением, К. Зариньш, посланник»[532].

Слова «Балтийские государства» в документе многозначительно подчеркнуты. Так как он датирован 5 июля, то, вероятнее всего, тем самым Зариньш давал понять официальной Риге, что, несмотря на советизацию, в Великобритании все еще воспринимают эти страны как суверенный фактор международной политики. Стоит обратить внимание на завуалированный антигитлеровский тренд: можно понять, что представитель Латвии разделяет мнение страны пребывания, что Адольф – «плохой парень».

Но вот, наконец, последние письма из подборки переходного периода. Самые детализированные, и, что любопытно, первое из них адресовано конкретному деятелю в Риге:

«Многоуважаемому профессору господину Президенту министров и министру иностранных дел А.Кирхенштейну, Рига.

Миссия Латвии, Итон Плейс 87, Лондон, S.W.1.

N 4295. 11 июля 1940 года.

Многоуважаемый господин президент министров,

При обсуждении здесь нынешнего положения одновременно с военными и политическими соображениями значительное место занимает также анализ экономического положения. Несомненно, что нынешний ход войны принес Германии много экономического блага, но делается вывод, что не нужно проливать крокодиловы слезы, положение не столь плачевное, чтобы не изменить ситуацию в самих основах и нужно с чувством реальности смотреть в лицо будущего.

[532] ГИАЛ. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 453. Л. 19–20.

Заполучив Францию и Люксембург, Германия весьма в значительной мере улучшила свое положение в таком столь важном сырье для ведения войны, как железо. Теперь Германия более независима от шведской руды и ее интерес к Нарвику более не столь живой.

С подчинением Франции Германия получила также выход к значительным запасам бокситов, что очень важно для производства алюминиевого сырья, но англичане замечают, что, ироническим образом, алюминий был почти единственным или единственным металлом, которого Гитлеру хватало. В свою очередь, меди, цинка, никеля, тунгстена[533]*, асбеста, резины, и, кроме всего, бензина, что все является чрезвычайно необходимыми вещами для ведения войны, у Германии имеются сравнительно небольшие запасы и расположение этих товаров находится вне круга ее власти.*

Кроме сырья Германия во Франции получила заводы и хорошо оборудованные предприятия, даже предприятия по производству амуниции. Уничтожение промышленности, чтобы та не попала в руки врага, во Франции проводилось намного в меньшей мере, нежели в Бельгии и Голландии, однако англичане думают, что, в конце концов, способность немцев использовать эти промышленные предприятия французов будет ограничена в силу недостатка сырья.

Подчинение Голландии, Бельгии и Франции дало колесный инвентарь железных дорог, насколько велико это приобретение в действительности, трудно сказать, однако оно в любом случае облегчит транспортные трудности Гитлера.

От вступления в войну своего союзника по оси Италии Германия экономически потеряет, ибо в смысле сырья последняя от нее ничего получить не сможет, совсем напротив, ей нужно будет ее давать, и кроме этого Италия была открытыми воротами для обхода оков блокады.

Наконец, идет важный вопрос снабжения продовольствием. Ни одна из подчиненных стран – ни Дания, ни Норвегия, Голландия, Бельгия, ни также Франция, в продовольственном смысле не являются самодостаточными, они все были зависимыми от импортированного продовольствия. Так, например, одним из товаров, которых не хватает Германии, являются растительные масла и масличные семена, все оккупированные страны в 1935 году импортировали 2 830 000 тонн этих товаров, все из внеевропейских источников. Так что в этой

[533] Тунгстен – вольфрам.

области оккупированные страны являются тяжкой ношей для Германии. И в зерновом смысле положение нисколько не лучше. Голландия, Бельгия и Норвегия регулярно импортировали более половины своего потребления зерна. Франция и Дания также ни в коем случае не удовлетворяют свои нужды. Правда, Голландия и Дания являются странами значительного экспорта изделий молочного хозяйства, но с другой стороны этот экспорт в большой мере зависел от импортированного силоса, который сейчас стал совершенно недоступен. Кроме того, урожай во всей Европе в этом году ожидается сильно ниже нормального и ко всему еще прибавляется один фактор, пассивное сопротивление крестьян оккупированных стран, ни у кого из них в новых обстоятельствах нет никакой радости к труду, и их производительность падет, вероятно, лишь до уровня самообеспечения.

Сведя вместе эти экономические размышления, надо будет сказать, что Германия своей военной экспансией хозяйственное положение хотя и в некотором смысле изменила, но нисколько не освободилась от наложенных блокадой оков, блокада есть и остается острым оружием в руках английского правительства и флота.

Есть еще одна экономическая проблема, принявшая после французских событий иной аспект. Англия и Франция заключили более тесное экономическое объединение, и сотрудничество между обеими империями развивалось все сильнее. Из этого ядра экономических единиц хотели развить намного более широкое. Недавно к ним присоединились Голландия и Бельгия. В денежном смысле к блоку фунта, франка, доллара присоединились также гульден и белга[534]*, также при освоении голландской и бельгийской колониальной империи существовало тесное взаимодействие. Теперь положение изменилось, ибо вышел один из главных партнеров. Англичане, однако, уверены, что идея экономического единства полностью не похоронена. Хотя бельгийское правительство находится во Франции и его мнениенеизвестно, однако голландская богатая империя действует в тесном согласии с англичанами, к тому же присоединение Америки к этому экономическому блоку есть только вопрос времени. Дабы поддерживать живую искру экономического единства, нужно делать все возможное для сотрудничества с Голландской империей, и если возможно, также бельгийским Конго.*

С глубоким уважением, К. Зариньш, посланник в Лондоне»[535]*.*

---

[534] Белга – бельгийский франк.

[535] ГИАЛ. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 453. Л. 31–34.

«У английской власти сила велика» – так можно суммировать похвалы колониализму от К. Зариньша. Германия колоний не имеет, с сырьем у нее плохо, а в оккупированных странах начнется голод...

Следующее письмо имеет аналогичную тенденцию:

«Миссия Латвии, Итон Плейс 87, Лондон, S.W.1.

N 4219. 13 июля 1940 года.

Многоуважаемому господину министру иностранных дел, Рига.

Многоуважаемый господин министр,

The Financial Times в своей редакционной статье от 10 июля обозревала экономическое оружие войны, указывая, что за первые 8 месяцев войны в основном здесь верили, что экономическими методами войны лишь можно будет Германию ослабить и таким образом победить, конечно, за долгий отрезок времени. Этот взгляд считается ошибочным, слишком оптимистичным, ибо военные события последних двух месяцев полностью затенили экономическую войну, так, что в некоторых кругах изменили свои взгляды в совершенно ином направлении. Чтобы отразить подобное изменение взглядов, правительство стремилось доказать на секретном заседании парламента необходимость продолжения экономической войны.

Что говорили на секретном заседании, конечно, не предано гласности. Но упоминаемое газетами исходит из выводов о необходимости Министерства экономической войны. Ибо есть еще ряд источников, из которых Германия может импортировать через нейтральные государства Европы – Россию, Испанию и Швейцарию. Внимание также нужно привлечь к ряду заморских нейтральных государств, с коими Германия может заключать сделки и пытаться получить импорт через английскую блокаду. Задерживать такие сделки и самой продолжать закупки различных товаров и материалов на нейтральном рынке будет дальнейшей задачей Министерства экономической войны, конечно, намного более трудной, чем раньше, ибо обстоятельства, в которых ему сейчас надо работать, сильно изменились по сравнению с первыми восемью месяцами войны. Потому лишь дальнейшее существование этого министерств оправдано и пессимизму о его ненужности нет места.

Германии с оккупацией ряда стран в руки попали запасы иностранной валюты, которые она может использовать для закупки товаров в нейтральных государствах, в особенности, заморских землях, ибо ближайшие страны намного в весе не упали. Германия ныне

может делать закупки товаров за границей, чтобы только эти товары не попали в руки англичан. Таким образом, происходит совершенно противоположное тому, что пытались достичь англичане своей политикой блокады. Чтобы дела не пошли в этом направлении, Англия будет бороться всеми своими резервами капитала за границей, привлекая также к сотрудничеству большую финансовую силу Соединенных Штатов.

В этой связи внимания заслуживает проектируемое англо-американское сотрудничество по созданию особого блока или интернациональной организации, которая собрала бы в своем ведении все значительные материалы на всем Американском континенте. Таким путем, у Англии появилась бы возможность подтянуть к своим блокадным целям против Германии сотрудничество всех нейтралов Америки. Эти материалы затем нужно будет купить Англии и Соединенным Штатам, чтобы те только не попали в руки немцев, итальянцев или японцев, или в руки дружественных им стран, блокировав, тем самым, сырье и материалы у самих их источников.

Данный план пока находится только на стадии дискуссии, к тому же указывается, что сама идея этого плана вроде бы исходит не из Лондона, но из Вашингтона. Также в прессе сообщается, что план пойдет на обсуждение Пан-Американского конгресса, который в настоящее время собирается в Гаване, на Кубе.

С глубоким уважением, К. Зариньш, посланник»[536].

Обращаем внимание: Зариньш впервые за месяц упоминает СССР. Но с достаточно негативной коннотацией. В Лондоне, разумеется, было известно, что Москва не только поставляла Берлину значительные объемы стратегического сырья, но и обеспечивала транзит такового из Японии и Маньчжоу-го. Впрочем, Россия (СССР) в документе отнесена к числу нейтральных государств, что примечательно на фоне спекуляций в современной латвийской историографии о Москве как «союзнице» Берлина, о «периоде дружбы» СССР и Третьего рейха после подписания 23 августа 1939 г. «пакта Молотова – Риббентропа»[537]. Прогнозы посла явно становятся интереснее – он раскрывает планы англо-американ-

[536] ГИАЛ. Ф. 2575. Оп. 1. Д. 453. Л. 25–26.

[537] См., например: *Feldmanis I.* Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945): jauns konceptuāls skatījums. Rīga: "LU Akadēmiskais apgāds", 2012.

ской унии, которая спустя год будет конституирована в Атлантической хартии.

Также следует отметить и соблюдение посолом официозно-уважительного формата обращения к Аугустсу Кирхенштейнсу. Ведь в папке документов посольства, присланных в Хельсинки, и доставшихся впоследствии НКИД СССР, имеется небольшая газетная вырезка из The Times, под заголовком:

«Occupied Baltic States. Soviet policy cautious» («Балтийские страны оккупированы. Советская политика осторожна»).

В этом материале на четверть газетной колонки петитом, подписанным анонимным «корреспондентом», и есть вся ценность трех государств для Британии в то время. Но не будем пенять на английское общественное мнение – у него действительно были заботы в то время посерьезнее. С поражением Франции рухнул весь миропорядок. Германия стала почти абсолютно доминирующей силой в Западной Европе.

Но ведь такой материал давал К. Зариньшу достаточно определенное представление о характере перемен в Латвии, складывавшееся в Лондоне. Отчего же он продолжает направлять депеши уже подсоветскому главе правительства и мининдел Кирхенштейнсу? Да потому что посол до конца не понимает, чего же ждать от нового правительства: какой будет дальнейшая форма государственности. Вероятно, немало проживший в России и понимающий русский менталитет Зариньш (к тому же, доселе никак не отметившийся яркими антисоветскими шагами), ожидает, что будет востребован.

Потому посол «подстилает соломку», дает сигнал лояльности новой власти в Риге. Но – дозированный, ведь следующее по хронологии письмо тоже адресовано «на деревню дедушке». Так или иначе, оба письма представляют из себя довольно качественную аналитику, с претензией на глобальный масштаб. И уж никак не предыдущий «информационный шум», который он делал только для заполнения паузы. Неясна политика – пишем про экономику (добро еще, что не про премьеры на Пикадилли).

Предыдущие послания Зариньш не адресовал конкретному лицу, потому что уже осознал, что власть переменилась – но непонятны персоналии. Маловероятно, что 11 июня Зариньш предвидел, что Советы в ближайшее время предъявят ультиматум. Можно предположить, что данное письмо было составлено задним

числом, и, как и последующие, заложено в вализу диппочты, и отправилось в Ригу по «северному маршруту», через Петсамо, осев впоследствии в латвийском посольстве в Хельсинки, откуда его уже изъяли советские товарищи.

А. Кирхенштейнс, подобно К. Улманису, по восхождении на властный Олимп, сосредоточил в своих руках не только премьерскую власть, но и внешнеполитические функции. К нему, как к министру иностранных дел, в июле 1940 года ходили представляться аккредитованные в Риге послы. Вскоре, однако, им пришлось из Латвии отбыть. Собственной внешней политики союзной республике не полагалось.

Когда после выборов в Народный Сейм и решения о вхождении в СССР Карлис Зариньш осознал, до какой степени дошла советизация, то он сделал прагматичный выбор – остаться в качестве почетного посла, пользующегося всеми привилегиями со стороны правительства Его Величества. Пускай даже его собственное государство теперь ограничивалось пределами дома с палисадником на Итон Плейс, 87.

* * *

Второй примечательной персоналией в истории увядания постулманисовской «дипломатии» в Великобритании, во многом контрастной по сравнению с К. Зариньшем, представляется Паулс Рейнхардс[538], возглавлявший в конце 1980-х годов латвийскую миссию в Соединенном Королестве. Она располагалась в Грейвсенде, графство Кент – а отдельный консульский офис располагался в Лондоне, на Куинсборо террас, 72. Соединенное Королевство с апреля 1982 года не признавало за этими институтами дипломатического статуса. Да и биография г-на Рейнхардса не способствовала высокому респекту – все-таки во время Второй мировой войны он служил нацистской оккупационной власти в «Остланде», был директором Департамента труда (в том

[538] Паулс Рейнхардс (1903–1990) – учился в Высшей школе аэронавтики в Париже, служил в ВВС Латвии, с 1934 года на дипломатической службе, в 1937–39 гг. – администратор Международной комиссии по невмешательству на франко-испанской границе. В 1944 году отбыл в Германию, в 1947 году перебрался в Великобританию. Являлся активистом различных эмигрантских организаций. С 1980 года занимал пост руководителя латвийской миссии.

числе, разумеется, регламентировал и принудительный труд на благо Третьего рейха).

Перемены на родине вызвали живой интерес Рейнхардса. 5 мая 1989 года он направляет в Вашингтон, «дорогому коллеге» Динбергсу, письмо под грифом «Конфиденциально». Оно открывает также, если можно выразиться, протокольные особенности общения дипломатов без родины:

«Очень жаль, что нам не удалось встретиться еще в июле позапрошлого года в Париже, где была бы возможность тебя конфиденциально информировать о делах, которые обычно ни в письма, ни в телефонные разговоры не включают. В том числе и о болезненной продаже бывшего латвийского участка земли в Берлине. Недавно, 15 апреля, BBC World Service повторно передало известие от своего берлинского корреспондента (на немецком языке), что участок латвийского посольства на Бургграффенштрассе в Берлине год назад был вновь продан за 3 миллиона марок (DM), не упоминая ни имена покупателя, ни законного продавца, указав лишь, что эта сумма депонирована в некоем германском банке на имя будущего правительства международно-признанной Латвии».

«Наша латышская семья и организации в Великобритании национально настроены и объективно оценивают нынешние события в оккупированной Латвии, – продолжает Рейнхардс отчет перед старшим (не по возрасту, а по статусу) товарищем, – *Особенную радость и отзывчивость высказывает молодое поколение, наслышавшись от приехавших с родины соотечественников рассуждений о жизни в сегодняшней Латвии и их оценок политических, культурных и экономических условий на родине».*

«Можно сделать вывод, что внезапно у латышей пропал страх перед ЧК, появилась вера в свои силы, смелость требовать независимость для своего государства и право самоопределения для своего народа, – пафосно пишет в Вашингтон глава лондонской миссии, – *Если еще 18 ноября 1987 года милиционеры брутально задерживали латышей, собиравшихся у Памятника Свободы в Риге, то годом позже – 18 ноября 1988 года, картина была совсем иной: тысячи людей, флаги независимой Латвии и с воодушевлением исполняемый латвийский гимн».*

На самом деле, «глядя из Лондона», г-н Рейнхардс сгущает краски - последние задержания манифестантов-неформалов были 23 августа 1987 года, а 18 ноября того же года Памятник Сво-

боды просто был оцеплен милицией и приданными курсантами училищ морского воздушного флота, чтобы не допустить возложения цветов. Ни арестов, ни беспорядков не было.

Затем П. Рейнхардс излагает общеизвестную хронологию пленума творческих союзов, создание НФЛ, и отмечает изменение отношения британских СМИ, ранее сообщавших о Прибалтике весьма скупо. «Не было почти ни одной недели, даже ни дня, чтобы в одной или другой большой газете или в радио и телевизионных передачах не упомянули бы Балтийские государства и события, вызванные там национальными чувствами».

Рейнхардс приводит, в частности, обзор публикации «The Daily Telegraph» от 23.03.89, посвященной весьма специфической для англичан теме – первым альтернативным выборам в Народные депутаты СССР. В одном из округов сошлись 1-й секретарь ЦК КПЛ Янис Вагрис и один из наиболее радикальных представителей Движения за национальную независимость Латвии (ДННЛ) Юрис Добелис:

«Когда все же Вагрису удалось получить необходимый 51% голосов, а его кандидату-противнику Юрису Добелису 38%, британские газеты это объяснили большим числом избирателей русской и украинской национальности в соответствующем районе. На число избирателей повлияли и те тысячи советских солдат, которые размещены в Прибалтийском округе и которым указано голосовать за кандидата партии. Такого глубокого понимания обстоятельств британские журналисты ранее не показывали».

А вот как дипломат-эмигрант характеризует визит в Лондон советского лидера Михаила Горбачева 5-7 апреля 1989 года:

«Надо признать, что публика на улицах Лондона действительно выказывала паре Горбачевых большую отзывчивость и сердечность. Но такова психология толпы, и Горбачев хорошо умеет использовать ее на благо себе. Разочарование, напротив, принесла произнесенная им речь на торжественном заседании в здании лондонской мэрии Лондона в Гиндхолле… Ожидалось, что он будет говорить об общих вопросах Европы, о единой Европе, в которую был бы включен также Советский Союз вместе с другими странами Восточного блока и демократиями Запада. Вместо этого Горбачев в своей речи выступил против модернизации оружия близкого радиуса действия НАТО в Европе, которую защищают британский премьер Маргарет Тэтчер и президент США

Буш. Горбачев немного уступил в сокращении производства урана, плутония и химического оружия. Больше всего похвалялся успехами перестройки».

Обратим внимание на даты – весной 1989-го уже началось брожение в Польше и Венгрии, но власть Э. Хоннекера в ГДР еще сильна, и потому Горбачев не «сливает» Варшавский договор. Что же касается перспектив собственно Латвии, то Рейнхардс делает следующие прогнозы:

«В национальных движениях Латвии наблюдаемы два варианта: первый, желающий быстрейшей скорости, радикальных требований; второй – медленного темпа, шаг за шагом. Конечная цель для обоих направлений общее – независимое Латвийское государство. Сторонникам первого направления указывают, что быстрое и неуступчивое выдвижение требований может привести к тому же самому, что сейчас пережила Грузия: вводу войск и танков на улицы городов Латвии и расправой, как во времена Сталина. Как предупреждение, 9 апреля армия, танки и бронемашины показались на улицах Риги. На следующий день, чтобы успокоить волнение жителей, сообщили, что это были маневры.

Второе направление надеется достичь прежде всего хозяйственной независимости, восстановить сельское хозяйство Латвии… и создать лучшие условия жизни прежде всего для самих латышей, что связано с остановкой въезда русских иммигрантов и побуждением уже въехавшим, уезжать обратно на свою землю».

«Для оценки этих вопросов во всех возможных аспектах значимыми являются встречи руководящих представителей национальных движений Латвии с латышскими представителями и руководителями организаций стран изгнания, – дает рецепт успеха Рейнхардс, – *Такие совещания уже проходили в США и Канаде, но в Европе пока только в узких объемах, в Швеции и, возможно, в мае во Франции. Главное – поддерживать и сохранять целенаправленное единство всех национально думающих латышей мира и вовремя анализировать деятельность Интерфронта или подобных враждебных и вредных мероприятий».*

В заключение письма Рейнхардс отчитывается перед Динбергсом за деятельность миссии в Великобритании в 1988 году: выдано 67 новых (на самом деле – старых, довоенного образца) паспортов, продлено 37, проведен торжественный акт на День Не-

зависимости 18 ноября... Не обходится и без переписки с монаршими особами:

«Я направил письменное соболезнование члену Европейского Парламента д-ру Отто фон Габсбургу, в связи с кончиной его матери, кайзерин Зиты, о чем получил очень теплое письмо благодарности. Д-р Отто фон Габсбург участвовал в балтийском собрании в доме DVF539 в Лондоне»[540].

Следует отметить, что в 1989 году из Лондона в Вашингтон была послана и своеобразная «гуманитарная помощь» – посылка с 50 загранпаспортами Латвийской Республики довоенного образца, ибо последних у миссии Динбергса не хватало. Последний поблагодарил Рейнхардса, но упомянул о том, что в паспортах по старинке в качестве международного языка применяется французский, что делает их применение в США затруднительным.

Паспортным вопросом задается также и. о. секретаря консула в Лондоне Аустра Лиепиня в письме к Анатолсу Динбергсу:

«Так как в анкете заявки на паспорт нет вопроса о нынешнем "втором гражданстве" запрашивающего, было бы желательно таковой присоединить? Или те, кто сейчас выехал из Латвии и отказались от гражданства СССР, то есть, практически, лица без гражданства, вправе получить заграничные паспорта Латвийской Республики? Исходя из законов Латвии, кажется, что эти лица – вправе. Была бы Вам очень признательна, получить для разъяснения этого вопроса официальное заявление, которое можно было бы опубликовать и в прессе»[541].

Интересно, что цитированное выше письмо в Вашингтон было отправлено 3 мая 1990 года и долетело через океан уже в день принятия в Риге Декларации о восстановлении независимости. Но, как видим, эмигранты уже направо-налево раздавали документы. К примеру, 27 июля 1990 года загранпаспорт был отослан по почте Эгилсу Левитсу. А через пару лет

---

[539] DVF – Daugavas Vanagu Fonds – «Фонд Даугавских Ястребов», благотворительная организация, созданная под эгидой ветеранской организации легионеров 15-й и 19-й дивизий Waffen-SS. Владела и владеет рядом объектов недвижимости в Западной Европе, Северной Америке, а теперь и в Латвии.

[540] ГИАЛ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 4089. Л. 1–49.

[541] ГИАЛ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 639. Л. 1–8.

сотни тысяч жителей Латвии будут изнывать в очередях и испытывать чиновные мытарства, порожденные юридическими новациями, точкой отсчета которой, что ни говори, стало 4 мая 1990 года.

.....

Кабанов Николай,
публицист, исследователь истории (Латвия)

РАЗДЕЛ IV

Военно-политическая история

Александр Чапенко

К вопросу о демобилизации военнослужащих-латышей из 24-го территориального стрелкового корпуса РККА 29-30 июня 1941 г.: историческая ретроспектива и анализ проблемы

Трагичный для СССР и Красной армии начальный период Великой Отечественной войны до сих пор хранит массу тайн и загадок, разрешение которых серьезно затруднено в силу целого ряда объективных причин.

Во-первых, большинство документов воинских соединений, первыми встретивших врага у западных рубежей нашей Родины, погибли вместе с этими частями, навсегда сохранив в неизвестности подлинную историю их героизма.

Во-вторых, большинство из сохранившихся документов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны, до сих пор не рассекречены. Хотя еще приказом Министра обороны РФ № 181 от 8 мая 2007 года были официально сняты грифы секретности с архивных документов Красной армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны. Тем не менее, рассекречивание движется крайне низкими темпами, часть фондов до сих пор недоступна для исследователей, под предлогом защиты «*тайны личной жизни*» и сведений о «*фактах и явлениях, дискредитирующих вооруженные силы*»[542].

Все это, к сожалению, не позволяет смоделировать на основе строго документального анализа целостную картину происходивших в те дни драматических событий и ответить на очень многие спорные вопросы. Увы, невозможно дать на многие из них аргументированный и подкрепленный фактами ответ, оставляя в силу этого обширное поле для различных малодоказательных гипотез,

[542] URL: http://www.president-sovet.ru/news/1075/ (дата обращения: 26.10.2014).

опирающихся как на отрывочные документально подтвержденные факты, так и на мемуаристку и устные воспоминания немногих выживших участников этой грандиозной трагедии.

Одному из таких интригующих вопросов истории первых дней войны, который до сих пор вызывает активные споры как среди профессиональных историков, так и среди энтузиастов как в Латвии, так и в России, и посвящено данное исследование.

Суть этой проблемы вкратце можно обрисовать приблизительно так: 29-30 июня 1941 г., в самый разгар трагичного для Красной армии начального этапа Великой Отечественной войны, в 24-м латвийском территориальном стрелковом корпусе, входившим в 27-ю армию Северо-Западного фронта, было осуществлено одно крайне странное и малопонятное в тех условиях мероприятие. Все военнослужащие латышской национальности, из числа бывших офицеров, инструкторов и солдат Латвийской армии были в течение двух дней демобилизованы из Красной армии и распущены по домам.

В условиях набиравшей обороты войны, когда осуществлялась широкомасштабная мобилизация резервистов на территории СССР, когда каждый солдат, каждый штык был, что называется, на вес золота, в одном из подразделений Северо-Западного фронта внезапно начинается такое абсурдное для военного времени в любой армии мероприятие как демобилизация.

Так вкратце выглядит исторический фон рассматриваемой проблемы.

Впервые об этой процедуре военнослужащие-латыши начали говорить фактически сразу после ее проведения, то есть еще в июле 1941 г. Информация относительно данной демобилизации промелькнула в нескольких пронемецких периодических изданиях, выходивших в оккупированной гитлеровцами Латвии, например, в газете «Tēvija» («Отечество»). В № 10 этого периодического издания от 11 июля 1941 года была опубликована пропагандистская антисоветская и отчасти антисемитская статья, в которой достаточно подробно и не без гордости говорилось об убийствах красноармейцами-латышами и командирами-латышами комсостава и политработников из числа русских, присланных в части корпуса после начала его формирования[543]. Помимо этого, в данной газете было отмечено, что 29 июня 1941 года все военнослужащие латыши

[543] Tēvija. 1941. 11. jūl. Nr. 10. Lpp. 1.

были демобилизованы из РККА по статьям 43-а и 43-б Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом Рабоче-крестьянской Красной армии (Устава РККА) 1935 г. Пункт «а» статьи 43-й предусматривал, согласно Уставу, увольнение за невозможностью использования в связи с сокращением штатов или реорганизацией, а пункт «б» – за служебное несоответствие[544]. Причем в газете «Отечество» пункт «б» 43-й статьи переврали, заявив, что по этой статье солдат-латышей увольняли якобы за политическую неблагонадежность[545].

В 1966 году в Риге на латышском языке вышла фундаментальная монография, подготовленная авторским коллективом историков Латвийской ССР «Latviešu tautas cīņa Lielajā Tēvijas karā (1941-1945)» («Борьба латышского народа в Великой Отечественной войне (1941-1945)»). В этом труде, приуроченном к 25-й годовщине начала Великой Отечественной войны, авторы, пожалуй, впервые открыто заявили о демобилизации из рядов 24-го территориального стрелкового корпуса военнослужащих-латышей 29-30 июня 1941 г.: «*На переходе к рубежу Опочка был получен приказ штаба Северо-Западного фронта о демобилизации командиров и рядовых – граждан Латвийской ССР. Это мероприятие было мотивировано тем, что были случаи дезертирства из литовского и латвийского территориального корпуса. Но демобилизация из 24-го латвийского территориального корпуса была ошибкой. Это так же, как непроведение мобилизации, создало трудности в отпоре и мобилизации сил латвийского народа*»[546].

Спустя четыре года, в 1970 году, к 25-летию победы в Великой Отечественной войне, авторский коллектив историков Латвийской ССР выпустил еще более солидный и переработанный вариант вышеуказанного труда (на русском языке) – «Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945». В нем уже вполне конкретно было заявлено о том, что данная демобилизация проводилась в соответствии с приказом командующего Северо-Западного фронта. Причиной этой де-

---

[544] Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом Рабоче-крестьянской Красной армии. URL: http://rkka.ru/docs/all/p220935.htm (дата обращения: 26.10.2014).

[545] Tēvija. 1941. 11. Jūl. Nr. 10. 1. lpp.

[546] Latviešu tautas cīņa Lielajā Tēvijas karā (1941-1945). Rīga, 1966. 82. – 83. lpp.

мобилизации были объявлены «*случаи дезертирства из латышского и литовского корпусов и что некоторые из граждан молодых республик проявили политическую неустойчивость*». Также в этой фундаментальной работе подчеркивалось, что у части личного состава корпуса не было желания сражаться с врагом, и они становились фактически балластом. При этом авторы, надо отдать им должное, не обошли вниманием и такие факты, что часть демобилизованных желала продолжить службу в рядах Красной армии и что многие из уволенных из корпуса командиров и красноармейцев затем в 1943 г. были поставлены под ружье гитлеровцами (то есть фактически были мобилизованы в Латвийский легион СС)[547].

Автором этого раздела был известный латвийский историк советского периода, доктор исторических наук Василий Иванович Савченко, занимавшийся в советские годы историей начального периода Великой Отечественной войны в Латвии, в том числе – и историей 24-го территориального стрелкового корпуса. В своих публикациях 70-х – конца 80-х гг. прошлого века В. И. Савченко неоднократно затрагивал тему демобилизации военнослужащих-латышей из рядов 24-го территориального стрелкового корпуса РККА. Те факты, которые он привел в авторском труде «Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945», он затем также продублировал в своей монографии «Латышские формирования Советской армии на фронтах Великой Отечественной войны», изданной в Риге в 1975 году[548] и в ряде статей.

В частности, именно В. Савченко впервые привел точную численность демобилизованного личного состава – 600 командиров и 1400 сержантов и красноармейцев[549]. Он также был первым, кто обратил внимание, что именно деструктивные процессы, происходившие в корпусе как накануне войны, так и после ее начала,

---

[547] Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Рига, 1970. С. 134.

[548] *Савченко В. И.* Латышские формирования Советской армии на фронтах Великой Отечественной войны. Рига, 1975. С. 46–47.

[549] *Savčenko V.* 24. strēlnieku korpusa liktenis // Padomju Latvijas Komunists. 1989. Nr. 2. 68. – 69. lpp.; Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940. Biogrāfiska vārdnīca. Rīga, 1998. 44. lpp.

помешали переброске его частей для контрудара по противнику, захватившего плацдарм в районе Даугавпилса[550].

В 2007 году в Латвии была издана работа историка А. Петерсонса, в которой он непонятно из каких соображений заявил, что одной из главных причин, которая подвигла руководство РККА уволить военнослужащих латышей, – это «*боязнь комиссаров за свою жизнь*». Якобы, уволенные по этой статье бойцы-латыши получали документ, подтверждающий их демобилизацию по вышеприведенным статьям, но боялись их предъявлять, опасаясь, что отступающие кадровые части РККА примут их за дезертиров[551].

Такова краткая историографическая ретроспектива данной проблемы. Попытаемся найти ответ на главный вопрос: в силу каких причин в столь непростые дни начального периода Великой Отечественной войны потребовалось данное мероприятие?

К лету 1941 года социально-политический климат в 24-м территориальном стрелковом корпусе (как, собственно и в аналогичных эстонском и литовском корпусах) был крайне напряженным. Несмотря на предпринятые в течение 1940-1941 гг. усилия по очищению рядов корпусов от неблагонадежных лиц, к началу лета 1941 года в их рядах сохранялось значительное количество антисоветского элемента. Сгладить все более углублявшийся антагонизм между офицерами бывших национальных армий, ставших командирами Красной армии и политработниками, и кадровым комсоставом РККА не удавалось. Привыкшие к совсем иному укладу несения службы, дисциплине, военной и политической подготовке, бойцы и бывшие офицеры всех трех армий уже к осени 1940 года начали выказывать явное неудовольствие службой в Красной армии. Причем если бывшие офицеры были недовольны преимущественно политической составляющей службы, то рядовой и сержантский состав в основном связывал свое негативное настроение с плохим питанием, ухудшением условий жизни, увеличением числа нарядов, сокращением увольнительных, хозработами и политзанятиями. Свою роль сыграл и языковой барьер, который преодолевался крайне

---

[550] *Савченко В.И.* Латышские формирования Советской армии на фронтах Великой Отечественной войны. Рига, 1975. С. 46.

[551] *Pētersons A.* Krustugunīs: Latviešu kaŗotmāka 1940–1945. 60 gadus no tautas slēptais. Rīgā, 2007. 199. lpp.

медленно. В архивных документах сохранилось достаточно много подтверждений всех этих явлений.

Руководство ПрибОВО и советские командиры, направленные в корпуса, прекрасно это осознавали и предпринимали меры по нормализации обстановки и морально-политического климата в корпусах. Однако увольнение неблагонадежных командиров из числа бывших офицеров и абсолютного большинства унтер-офицеров сверхсрочников (инструкторов), попытки увеличить в корпусах численность комсомольцев, членов и кандидатов в члены КП(б)Л, активизация пропагандистской работы и попытки ужесточить дисциплину проблемы не решили.

К весьма противоречивым результатам привела и осуществленная 14 июня 1941 года, буквально накануне начала Великой Отечественной войны, акция по аресту большей части комсостава корпуса из числа бывших офицеров и генералов Латвийской армии. С одной стороны, этот шаг позволил выявить и нейтрализовать наиболее явно антисоветски настроенных – как реально, так и потенциально – командиров. С другой стороны, арест большей части комсостава сорвал нормальную боевую учебу, привел к росту антисоветских высказываний среди солдат-латышей и способствовал еще большему внутреннему напряжению среди уже теперь рядового состава корпуса. К тому же в ряды личного состава начали просачиваться сведения о масштабах первой в истории Латвийской ССР массовой депортации 14 июня 1941 года. Недовольство вызывало и полная смена комсостава. Место «своих» командиров заняли новые – русские, белорусы, татары – т.е. «чужие», кадровые командиры РККА. Первые факты дезертирства и ухода в лес личного состава частей корпуса фиксировались еще до 22 июня 1941 года. Всего до событий 29–30 июня 1940 года, по латвийским данным, из корпуса дезертировало 124 офицера и 436 инструкторов (сержантский состав)[552].

Все это позволяет утверждать, что уже к моменту нападения Германии на СССР внутри корпусов (конкретно 24-го латышского) сложилась в буквальном смысле взрывоопасная обстановка, и очень сложно даже представить, как бы она развивалась дальше, если бы не началась война.

---

[552] *Кениньш И.* История Латвии. Рига, 1997. С. 170; Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940. Biogrāfiska vārdnīca. Rīga, 1998. 44. lpp.

Начало Великой Отечественной войны 24-й территориальный стрелковый корпус встретил разбросанным по нескольким районам в глубине Латвии, далеко от линии фронта. Штаб и 181-я территориальная стрелковая дивизия располагались в районе летнего лагеря корпуса в Литене, близ Гулбене[553]. 183-я территориальная стрелковая дивизия совершала марш-маневр из Гулбене в т. н. Рижский летний лагерь (он находился в районе Царникавы, в 120 км севернее Риги) для прикрытия побережья Рижского залива в этом районе[554]. 111-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион находился в Риге[555].

В связи с началом войны личный состав корпуса поголовно должен был получить на руки оружие и боеприпасы. Однако фонды ЦАМО не дают на этот вопрос однозначного ответа – в одних документах пишут, что личный состав получил на руки и оружие и боеприпасы по полной выкладке[556]. В других – что оружие на руках имели, но патронов к ним им не выдавали, даже для тех, кто заступал в боевое охранение и караулы. Есть и третья точка зрения, что командирам и бойцам из числа бывших военнослужащих латвийской армии вообще не выдали ни оружия, ни боеприпасов[557].

Сразу начали возникать проблемы и мобилизационного характера – приписной состав из Латвийской ССР в корпус не прибыл, в силу этого развернуть многие части по штатам военного времени не удалось[558]. Еще начиная с 20-го числа и вплоть до 25 июня в корпус начали прибывать призывники из Московской области[559] (также имеются неподтвержденные сведения о призыве резервистов из Ярославля и Рыбинска), что еще более усилило

---

[553] История Прибалтийского военного округа. Рига, 1967. С. 80.

[554] Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Рига, 1970. С. 134.

[555] *Savčenko V.* 24. strēlnieku korpusa liktenis // Padomju Latvijas Komunists. 1989. Nr. 2. 69. lpp.

[556] ЦАМО РФ. Ф. 873. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

[557] Там же. Л. 9, 16, 18.

[558] Там же. Л. 4.

[559] Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Рига, 1970. С. 133; *Savčenko V.* 24. strēlnieku korpusa liktenis // Padomju Latvija Komunists. 1989. Nr. 2. 69. lpp.

неразбериху. Часть личного состава носила советское обмундирование, часть – форму бывшей латвийской армии, отдаленно напоминавшую немецкую (каски были немецкими), но с советскими знаками различия. Вновь прибывшие призывники вообще ходили в гражданской одежде.

Обстановка все более осложнялась – в руках формально солдат Красной армии, а фактически антисоветски настроенных бывших военнослужащих Латвийской армии теперь оказалось оружие и, возможно, боезапас к нему. Повторить сценарий 14 июня 1941 г. после 22 июня возможности уже не было – для этого ни у руководства 24-го территориального стрелкового корпуса, ни у местного НКВД уже не хватало ни сил, ни времени, ни возможностей. Наличие в руках у личного состава боевого оружия с боевыми патронами могло привести к тому, что любая попытка ареста или даже принудительного разоружения солдат корпуса, перед глазами которых фактически проводилась акция 14 июня 1941 г., была чревата прямыми вооруженными столкновениями между военнослужащими корпуса и теми, кто бы попытался их разоружить. С началом войны началась стрельба в спину русским командирам и политработникам, порча имущества и оружия, угон автотранспорта, дезертирство[560].

В этой ситуации демобилизация была наименьшим из зол, и в итоге этот замысел и был реализован.

Интересная история в контексте данной демобилизации связана с корпусным батальоном связи. В латвийской историографии за батальоном прочно закрепилась слава подразделения, которое практически в полном составе (три роты) с оружием в руках, вместе со своим командиром подполковником Карлисом Аператсом дезертировало из корпуса и практически сразу после этого начало боевые действия в Вецпиебалгских лесах против отступающих частей РККА[561]. В реальности демобилизацию латышей-связистов 29–30 июня пытались замедлить в силу того, что практически вся аппаратура связи в корпусе была несоветской, работать с ней советские связисты не могли. Поэтому, демобилизовав пехотинцев, артиллеристов, саперов и прочих специали-

[560] ЦАМО РФ. Ф. 873. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

[561] Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940. Biogrāfiska vārdnīca. Rīga, 1998. 69. lpp.; *Кениньш И.* История Латвии. С. 172.

стов, связистов (и шоферов) старались до поры до времени удержать. Однако это не помогло – в ночь с 29 на 30 июня и с 30 июня на 1 июля (уже во время марша к границе Латвийской ССР с РСФСР) связисты, захватив часть автотранспорта и документы части, также разбежались. Командование остатками 511-го батальона связи принял капитан А. Мильченко, который и составил по этому поводу подробное донесение в штаб 24-го территориального стрелкового корпуса[562]. Штаб корпуса фактически остался без связи со штабом армии, управление войсками было невозможно[563].

Таким образом, к границе с РСФСР корпус отступил, потеряв в результате дезертирства и демобилизации 29–30 июня 1941 года практически весь комсостав и часть рядового состава из числа бывших офицеров, унтер-офицеров и рядовых Латвийской армии. Хотя отдельные соединения корпуса сохранили верность присяге, данной Советскому Союзу 23 февраля 1941 года. Например, достойно сражался с врагом под Новосокольниками, Гжатском, Можайском и Кубинкой 111-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. Эта часть сумела, сохранив матчасть, даже вырваться из вяземского котла[564]. Но это было скорее исключение из общего правила.

Демобилизация 29–30 июня 1941 года, по сути, стала некоей финальной точкой очень странной и, по мнению автора данной статьи, в корне ошибочной попытки интегрировать в 1940-1941 гг. армию буржуазного государства, строившуюся совсем по иным принципам, нежели РККА, в состав вооруженных сил Советского Союза. Демобилизация, по сути, наглядно показала всю бесперспективность этого процесса и заставила по-новому в последующем подойти к принципам формирования национальных, в том числе и латышских, частей в Красной армии.

.....

Чапенко Александр Александрович,
к. и. н., Мурманский государственный университет (Россия)

[562] ЦАМО РФ. Ф. 873. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

[563] Там же. Л. 19.

[564] *Петренко А. И.* Прибалтийские дивизии Сталина. М., 2010. С. 6.

Борис Ковалев

Вооруженные формирования из Прибалтики на Новгородчине (1941–1943 гг.)[565]

Новгородская область не имеет общих границ с Прибалтийскими государствами. Во время Великой Отечественной войны через ее территорию проходила линия фронта: западные районы оказались под гитлеровской оккупацией с лета 1941 по зиму 1944 года.

Кроме немецких частей на Северо-Западе России находились вооруженные формирования из Испании, Бельгии, а также Эстонии и Латвии. Полковник Вермахта Хартвиг Польман так охарактеризовал Волховский фронт: «*В течение 900 дней немецкие солдаты, а вместе с ними и испанцы, голландцы, фламандцы, датчане, норвежцы, латыши и эстонцы вели здесь бои против сильного противника в суровых климатических условиях, преодолевая трудности местного ландшафта.*

У всех, кто принимал участие в этих боях, навсегда осталось в памяти то, что им пришлось пережить. На большие жертвы шли как командование, так и войска, не претендуя при этом на принятие какого-либо решения от высшего командования; это была одна из самых неблагодарных задач, которую можно было поставить перед солдатом»[566].

Но в Советском Союзе не было принято широко и подробно говорить о европейском военном коллаборационизме с нацистской Германией. Это можно объяснить тем, что немалая часть бывших союзников Третьего рейха (Румыния, Словакия, Венгрия) стали социалистическими странами и, следовательно, военными и экономическими союзниками СССР. Финляндия, с ее

[565] Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-11-53003).

[566] *Польман Х.* 900 дней боев за Ленинград. Воспоминания немецкого полковника. М., 2005. С. 6.

политикой Паасикиви – Кекконена, также воспринималась как дружеское государство. Население же Прибалтики рассматривалось как составная часть советского народа. Еще в 1961 году, выступая на XXII съезде КПСС, Н. С. Хрущев в докладе о новой программе КПСС провозгласил: «*В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, – советский народ. Они имеют общую социалистическую Родину – СССР, общую экономическую базу – социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение – марксизм-ленинизм, общую цель – построение коммунизма…*»[567]

Понятие советского народа как общности активно пропагандировалось и подкреплялось такими совместными достижениями народов СССР, как победа в Великой Отечественной войне, восстановление разрушенного войной народного хозяйства и освоение космоса. Поэтому практически во всех советских книгах жители Прибалтики рассматривались как солдаты Красной армии или антифашистского сопротивления. Так, в 1983 году в Риге вышла книга ленинградского исследователя Ивана Захарова «Сыны и дочери советской Латвии в боях за город Ленина». В ней рассказывалось о пребывании латышей и эстонцев на Северо-Западе России в годы войны.

В этой книге немало проникновенных страниц о службе эстонцев и латышей в рядах Красной армии, об их участии в боях под Ленинградом, а также в партизанском движении. И. З. Захаров постоянно сравнивает их с латышскими стрелками – честью и гордостью большевиков в годы гражданской войны, ссылается на исследователей истории войны из Советской Прибалтики: «*Член бюро ЦК КП Эстонии Л. Н. Лснцман писал: “Сыны латышского народа, как и других национальностей, до конца выполнили свой долг перед Родиной, героически сражаясь за Советскую Эстонию, за ее столицу – Таллин”*»[568].

Далее И. З. Захаров ссылается на «историка из Эстонии, подполковника запаса Я. Г. Райда», который писал о том, что «эстон-

---

[567] XXII съезд КПСС (17–31 октября 1961 года): Стенографический отчет. Том 1. М., 1962, С. 153.

[568] Цит. по: *Захаров И. З.* Сыны и дочери советской Латвии в боях за город Ленина. Рига, 1983. С. 36.

ский народ не забыл участия латышских добровольцев в героической обороне Таллина и других районов Северной Эстонии». В 1966 году в связи с 25-й годовщиной героических событий первых месяцев Великой Отечественной войны, Президиум Верховного Совета Эстонской ССР от имени благодарного эстонского народа наградил Почетными грамотами большую группу «латышей, принимавших участие в боях против гитлеровских захватчиков на территории Эстонии...»[569].

Согласно книге ленинградского историка, честные эстонцы и латыши, отступавшие вместе с Красной армией под напором Вермахта, оказались на Северо-Западе России. Здесь они приняли непосредственное участие в боях под Ленинградом и на Волховском фронте. Воюя с фашизмом на территории России, они мечтали, как можно скорее вернуться на свою родину – в социалистические Эстонию и Латвию.

В этих боях они были одни из самых лучших: рыбак стрельнинского рыболовецкого колхоза «Прогресс» А. Ф. Мохатый, служивший в то время в Кронштадтском морском отдельном отряде дымомаскировки и дегазации, вспоминал, как «латыши рассказывали о боях с фашистами в Латвии и Эстонии, особенно под Таллином. На нас они произвели впечатление храбрых, смелых, обстрелянных бойцов».

«*Мы, жители Петергофа*, – писал бывший политрук 2-й роты 79-го петергофского истребительного батальона, преподаватель производственно-технического училища В. Ф. Федоров, – *смотрели на них как на бывалых воинов, умеющих бить врага. Спокойствие, деловитость и решительность латышей вызывали чувства искренней симпатии к ним. Нам, еще не побывавшим в схватках с врагом, приятно было видеть их рядом, услышать их рассказы о боях с гитлеровцами*»[570].

Таким образом, рассказы о солдатах из Прибалтики в рядах Красной армии весьма традиционны для советской литературы: «*Из Петергофа отдельный латышский батальон был направлен в Стрельну. Там его заново обмундировали, вооружили гранатами, винтовками и минометами.*

---

[569] Там же.

[570] Там же, с. 36–37.

В батальоне была создана минометная рота, командиром которой был назначен В. Озолиньш. Под деревьями Орловского парка было проведено несколько тактических занятий по отражению атак «превосходящих сил противника». Регулярно организовывались политинформации, читались сводки Совинформбюро о положении на фронтах Великой Отечественной войны»[571].

Многое из того, о чем писал И. З. Захаров и другие советские авторы, о чем говорили очевидцы, вполне соответствует действительности. Но это была не вся правда. Ведь советская литература практически полностью замалчивала участие вооруженных формирований из Прибалтики в войне на стороне противника Советского Союза – гитлеровской Германии.

Следует признать, что вопрос об участии национальных коллаборационистских формирований на стороне Германии советскими историками практически не освещался, поскольку сама информация об этих вооруженных подразделениях шла вразрез с теорией о «нерушимой дружбе народов Советского Союза в борьбе против общего врага».

В последние годы, особенно в странах Прибалтики, на государственном уровне стала поддерживаться теория о «двух оккупациях»: советской и нацистской. При этом, участие национальных формирований в военных и карательных акциях на территории России или преуменьшается, или вовсе замалчивается. Теперь это не вписывается в новое видение своей истории прибалтийским истеблишментом.

В 1941 году одним из лозунгов, выдвинутых нацистской пропагандой в начальный период войны против Советского Союза, являлся «Крестовый поход народов Европы против ига жидобольшевизма». В этих условиях гитлеровцы стремились максимально разыграть национальную карту, привлекая на свою сторону жителей так называемых «окраинных государств», т. е. союзных республик. Особо в планах нацистов выделялись Прибалтика, Закавказье и Украина.

Любимой идеей Альфреда Розенберга в 1941 году было удвоение территорий Балтийских республик, которые после войны стали бы составной частью рейха, за счет России и Белоруссии, и депортация подавляющей части балтийцев во вновь захвачен-

[571] Там же, с. 37.

ные области. Предполагалось переселить около 50% эстонцев, всех латгальцев, свыше 50% латышей и 85% литовцев[572].

Но эти планы держались в строжайшем секрете, так как население Балтии рассматривалось в качестве потенциального союзника, поддержка которого в антибольшевистской борьбе являлась весьма желательной для немецких властей. Представители германского командования в «неофициальных» беседах заявляли, что они приветствуют идею создания «Великой Эстонии» или «Великой Латвии» с включением в них части территории России.

Уже с лета 1941 года на оккупированной территории России начался процесс создания нацистских структур управления. Из местного населения предполагалось использовать в первую очередь тех, «чьи семьи пострадали от большевиков», но при этом предпочтение отдавалось «жителям окраинных государств», то есть Прибалтики и Украины[573].

Гитлеровские пропагандистские службы отмечали, что люди со стороны, не имеющие никаких связей в данном регионе, смогут более успешно проводить политику установления «нового порядка». Кадры обычно набирались путем освобождения военнопленных из национальных меньшинств[574].

В донесении командира оперативной группы А бригаденфюрера СС Шталекера о деятельности группы в прифронтовой зоне Северо-Западной России и Прибалтийских республиках говорилось: «*Мы с самого начала стремились к привлечению надежного населения к борьбе против вредителей, в первую очередь, евреев и коммунистов*»[575].

Задачу по очищению территории от «нежелательного элемента» гитлеровские офицеры возложили на карательные отряды, находящиеся при военных комендантах. В большинстве своем они были сформированы из жителей Эстонии и Латвии. Привлечение к данным акциям граждан Прибалтийских республик захватчики объясняли тем, что они не хотят допустить повторения

---

[572] *Рутковский М. А.* Тень свастики над Балтией. Ярославль, 1993. С. 33.

[573] Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее – ГА НИ НО). Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 11.

[574] Там же. Л. 11.

[575] Палачи. Из тайных архивов спецслужб рейха // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 30.

1937–1938 годов, когда «сосед сводил счеты с соседом из корыстных побуждений»[576].

Справедливости ради следует отметить, что очень многие эстонцы, латыши и финны, постоянно проживавшие на территории Северо-Запада России, пострадали во время «большого террора». Гитлеровцы этим активно пользовались, не доверяя во многом русскому населению, они вынуждены были искать потенциальных союзников не только в жителях Прибалтики, но и в финских и эстонских деревнях на территории Северо-Запада РСФСР.

Оккупационная администрация издала распоряжение, из которого следовало, что представители национальных меньшинств, пострадавшие от коммунистов, облагаются сниженным налогом. На сараях эстонских и финских дворов вывешивались объявления на немецком языке: «Реквизировать следующим отрядам строго воспрещается!»[577] Из жителей этих населенных пунктов создавались отряды самообороны, которые должны были бороться с начинающимся партизанским движением и выявлять красноармейцев-окруженцев.

Но зимой 1941–1942 года вооруженные формирования из Прибалтики появились непосредственно на линии фронта. Здесь им пришлось воевать вместе не только с немцами, но и испанцами из Голубой дивизии.

В газетах, предназначенных для военнослужащих Голубой дивизии, Латвия рассматривалась как государство, союзное Третьему рейху и ведущее войну с СССР: «*Лыжники вечером при температуре 41 градус занимают северную часть небольшой деревни. Им осталось пройти только 10 километров! Еще 10 солдат были отправлены в госпиталь, и сейчас здесь осталось только 76 храбрых воинов Испании.*

17-летний лейтенант Отеро ведет группу из 36 испанцев и 40 латышей. Перед ними стоит задача: преодолеть сильное сопротивление противника и занять деревни: Малое Учно, Большое Учно и Жилой Чернец.

---

[576] Архив Управления ФСБ РФ по Новгородской области (далее – АУ ФСБ НО). Д. 2 А/1084. Л. 9.

[577] ГА НИ НО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 102. Л. 25.

Капитан Ордас приказал укрепиться в Малом Учно, поэтому послал туда под командованием двух лейтенантов 26 испанцев и 19 латышей»[578].

Эти данные были подтверждены допросами испанцев, попавших в советский плен: «*Пленный Хосе Кастильо Санчо показал, что южное побережье озера Ильмень в районе (ориентировочно) западнее Поле-Коростень патрулируется группами по 5–10 человек немецких и латвийских солдат. Всего в этом районе 120–130 солдат, из них 17 немцев и 50 латышей. Все на лыжах. Испанские солдаты на лыжах ходить не умеют.*

Эти показания были уточнены в процессе допроса однополчанина Хосе Кастильо Санчо. Мариану Барбажану было 24 года. Его гражданская профессия до войны – студент 1 курса Мадридского университета. Этот пленный показал, что южное побережье озера Ильмень (к западу от района, в котором находились испанские солдаты) патрулируются группами немецких и латвийских солдат по 4–10 человек в группе; общее число солдат – 110–120 (из них 30–40 латышей и 60–80 немцев), латыши на лыжах»[579].

Источники периода Великой Отечественной войны можно дополнить информацией, полученной в интервью с местными жителями в наше время. Так житель Великого Новгорода Николай Иванов рассказал о своем детстве следующее: «*Я был во время оккупации подростком. Мы жили в деревне Старое Ракомо. Отец тяжело болел, он лежал дома полупарализованный, поэтому семья не смогла эвакуироваться.*

В деревне стояли немцы, латыши и испанцы. Самыми злыми были латыши. Они были хуже немцев.

Больше с испанцами ничего страшного у нас не было, а потом пришли латыши, которые стреляли мирным жителям в трубы.

Я не помню, чтобы испанцы хоть кого-либо обидели (кроме, конечно, кражи валенок и съеденного кота. – Б. К.), как, например, латыши. Этим ничего не стоило просто так избить человека палками, выстрелить»[580].

---

[578] Цит по: *Kleinfeld G. R., Lewis A. Tambs L. A/* Hitler's Spanish Legion: The Blue Division in Russia. Southern Illinois University Press, 1979, P. 158–160.

[579] *Ковалев Б. Н.* Добровольцы на чужой войне. Очерки истории Голубой дивизии. Великий Новгород, 2014. С. 261.

[580] Там же. С. 372.

Участие в боевых действиях, контроль за местным населением – это далеко не все. В течение 1942–1944 годов на территории Новгородчины действовали несколько крупных латышских полицейских формирований. Немцы зачастую поручали им наиболее грязную и кровавую «работу».

Одно из мест массового уничтожения мирного населения и пленных красноармейцев на северо-западе России находилось в деревне Жестяная Горка Батецкого района. Карательный отряд, дислоцировавшийся здесь, был укомплектован в основном жителями Латвии.

Уже в первые месяцы после освобождения, в 1944 году, советской стороной стали собираться свидетельства о фактах массовых расстрелов. Так свидетель Большаков И. М. показал: «*В нашей деревне Жестяная Горка, в которой я проживал в период оккупации, находился карательный отряд немецких войск СС в течение более двух лет, в 1941–1943 годах, который производил аресты мирных советских граждан, коммунистов, активистов, партизан и военнопленных Красной Армии и массовые расстрелы арестованных лиц…*

За деревней Жестяная Горка расположены 4 ямы с трупами захороненных людей»[581].

В акте комиссии по содействию в работе ЧГК[582], составленном в декабре 1944 г. отмечалось, что: «*Находившийся в названной деревне отряд войск СС на протяжении времени с октября 1941 года по 1943 год производил массовые аресты и расстрелы советских граждан, коммунистов, советских активистов и военнопленных красноармейцев. Каратели советских граждан после ареста привозили группами и в одиночку в деревню Жестяная Горка.*

Здесь некоторым из арестованных производился короткий допрос с пытками. Часть людей без допроса сразу же расстреливали. Трупы расстрелянных граждан складывали по порядку в заранее приготовленные ямы, засыпали тонким слоем снега, а потом вновь расстрели-

---

[581] Цит. по: *Петров М. Н.* Тайная война на Новгородской земле. Великий Новгород, 2005. С. 155.

[582] Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, образована указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года. *(Прим. ред.)*

вали и хоронили в те же ямы. Расстрел производился в полукилометре за деревней Жестяная Горка, левее дороги, идущей из деревни»[583].

В Новгородском Кремле, в зале театра, 7 декабря 1947 года началось открытое судебное заседание военного трибунала. На скамье подсудимых находились девятнадцать бывших германских военнослужащих. Вмененные им преступления на оккупированной территории подпадали под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников родины из числа советских граждан и их пособников». Процесс в Новгороде стал одним из первых крупных открытых судов над немецкими военными преступниками.

В уничтожении мирного населения около деревни Жестяная Горка обвинялись, в первую очередь, немцы. Но по показаниям свидетелей было выявлено, что в состав этой «команды» входили не только граждане Третьего рейха: Абрам, Амман, Герман Цитцман, Пауль Фишер и Герман Винклер. В их подчинении находились прибалтийские немцы, латыши и русские (до войны проживавшие в Латвии) Янис Цирулис, Альфонс Удровскис, Евгений Рагель-Метцвальд, Порфирий Беляев, Сергей Корти, Эрих Бухрот, Рудольф Гроте, Бруно Загерс (Цагерс), Адольф Клибус, Николай Крумин, Артур Криевиньш, Харис Лиепиньш, Карл Лацис, Эгон Бедман и другие, всего около трех десятков человек[584].

Было установлено более сорока конкретных фактов расстрелов мирных граждан в Жестяной Горке. Некоторых арестованных перед уничтожением пытали. Часть людей без допроса сразу же расстреливали. Жертвы привозились из Новгородского, Оредежского, Батецкого, Лужского, Гатчинского районов, т. е. с территорий современных Ленинградской, Новгородской и Псковской областей.

Среди замученных, уничтоженных людей были задержанные партизаны, бойцы Советской армии, выходившие из окружения, мирные граждане, в том числе женщины и дети. По национальному признаку расстреливали цыган и евреев.

---

[583] Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-1793. Оп. 1. Д. 7. Л. 68.

[584] Цит. по: *Петров М. Н.* Тайная война на Новгородской земле. С. 278.

В процессе сбора улик удалось найти документы с именами жертв. Их вели сами каратели: «*1 февраля 1942 г. Расстрелян цыган Масальский Яков с четырехлетним сыном из дер. Лабожи.*

13 августа 1942 г. Казнь четырех евреев.

28 августа 1942 г. Казнен священник Александр Петров из Гатчины.

5 октября 1942 г. Бывший председатель колхоза «Ленинский труд» (под Новгородом), уличенный в помощи партизанам, казнен тайлькомандой. Также казнен бургомистр деревни Чауни. За отчетный период проверены 12 русских девушек, предназначенных для отправки в Германию.

13 октября 1942 г. За отчетный период в районе команды взяты в плен шесть партизан и два агента.

12 февраля 1943 г. Расстрелян Васильев Иван из дер. Капустно, Иванов Василий Иванович из деревни Новая Деревня, Цигенбард Наум, еврей, зоотехник…»[585]

Но на процессе 1947 года вопрос участия военнослужащих из Прибалтики в карательных операциях был практически полностью проигнорирован. Ведь судили не просто военнопленных, судили гитлеровскую Германию, **немецких** военных преступников. В первые послевоенные годы советская пропаганда активно создавала миф о нерушимой дружбе всех советских народов, всех союзных республик независимо от того, когда и при каких условиях те оказались в составе единой страны.

К активному розыску карателей из Жестяной Горки чекисты вернулись лишь в начале 1960-х годов. В это время проводились более профессиональные эксгумации, более тщательный и профессиональный опрос свидетелей. Удалось получить дополнительную информацию – были установлены некоторые из карателей. Среди них был и Янис Цирулис, 1910 года рождения, уроженец города Валка.

В 1935–1939 годах он учился в офицерской школе, получил звание старшего лейтенанта. В 1940–1941 годах служил в территориальном корпусе Латвии. В самом начале войны дезертировал из Красной армии и оказался в полицейских частях. В 1942 году его перевели на службу в Жестяную Горку.

---

[585] Архив Управления ФСБ по Новгородской области. Д. 7/141. Л. 263–265.

В 1944 году Цирулис оказался в латышском легионе, где он командовал одним из батальонов 34-го полка. Окончание войны застало его в Германии. Естественно, на родину он возвращаться не стал.

На протяжении нескольких лет бывший каратель являлся заместителем командира так называемой латышской рабочей роты при американской армии. Принимая активное участие в деятельности латышских эмигрантских кругов в ФРГ, сделал определенную политическую карьеру – стал председателем организации «Даугавас ванаги»[586].

Альфонс Удровскис, 1918 года рождения, уроженец Алуксненского района Латвии в 1940–1941 годах также служил в Красной армии. В начале войны добровольно перешел к немцам и предложил свои услуги в качестве шофера. Оказавшись в карательном подразделении в Жестяной Горке, он принимал участие в уничтожении мирного населения.

Во время побывок в Латвии гордо рассказывал знакомым, что он «наводит порядок в России». Вытатуировал на верхней части руки эсэсовский знак.

Отступая под напором Красной армии, Альфонс оказался на Западе. Здесь его интернировали англичане. В страхе перед возможным наказанием он срезал компрометирующую его татуировку – на руке остался лишь уродливый шрам.

Но британцы не спешили сделать подарок Сталину. Единственная существенная неприятность, с которой пришлось столкнуться Удровскису, – норма питания в лагере военнопленных. Англичане кормили их по тому же рациону, который отпускали гитлеровцы британским пленным. Хотя Удровскис похудел на 10 килограммов, конец этой истории был для него счастливым. Англичане «реабилитировали» его и отпустили на волю. Очень кстати тогда же канадские власти стали вербовать рабочую силу

---

[586] Там же. Л. 238–239. Daugavas Vanagi, («Ястребы Даугавы») – латышская националистическая организация; учреждена в 1945 году в лагере для военнопленных в Бельгии (Цедельхайм) бывшими латвийскими легионеры СС.

Центр организации размещался в Мюнстере (ФРГ), филиалы были созданы в 12 странах Запада. Число членов организации – более 9000 человек, состоявших в 135 местных отделениях. Из членов организации западные разведки вербовали агентов для заброски в СССР, прежде всего в Прибалтику. *(Прим. ред.).*

«с Востока». В начале 1950-х годов каратель из Жестяной Горки стал добропорядочным гражданином Канады. Он поселился в городе Торонто, провинция Онтарио, где работал в компании General Motors в отделе технического контроля[587].

Но даже когда новгородским чекистам удавалось установить о бывших карателях все, вплоть до домашнего адреса, привлечь к уголовной ответственности их было невозможно. Они находились на Западе, а выдача оттуда «бывших граждан Латвии в лапы КГБ» была невозможна.

В боевых действиях против Красной армии, в карательных акциях против мирного населения на оккупированной территории новгородчины, кроме немецких войск и полиции, принимали активное участие национальные коллаборационистские формирования из Прибалтики.

В Советском Союзе на изучение данной проблемы был наложен негласный мораторий: исследования по данной тематике могли нарушить гражданский мир в стране, обострить межнациональные проблемы, в чем советское партийное руководство было крайне незаинтересовано. Но начавшаяся политика перестройки вывела эти темы из числа табуированных, и бывшие каратели очень часто стали представляться как борцы за национальную свободу.

Ковалев Борис Николаевич,
д. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Россия)

[587] Там же, Л. 240–244.

РАЗДЕЛ V

Экономика: история и современность

Сергей Рекеда

«Локомотив перестройки»: Прибалтика в контексте экономических преобразований в СССР 1985–1989 гг.

В современной историографии стран Балтии период перестройки в СССР рассматривается, главным образом, через призму национальной борьбы против «советской оккупации». Однако представляется, что данная концепция – это скорее идеологический штамп, имеющий мало общего со сложными процессами, которые переживал СССР и в частности Прибалтика в те годы. Катализатором дезинтеграционных процессов на начальном этапе в СССР выступал, скорее, не политический, а экономический фактор. Прибалтика же здесь действительно занимала заметное место, двигаясь в авангарде процессов, происходивших в стране.

Начавшаяся в 1985 г. в СССР перестройка довольно скоро выявила необходимость реформирования механизма взаимодействия между «центром» и республиками. Так, основой новой экономической модели, представленной на июньском пленуме КПСС 1987 г., должна была стать опора на самостоятельную инициативу и самоконтроль на всей производственной цепочке, на всех уровнях хозяйственного организма, начиная от отдельного государственного предприятия и включая национальные республики, также имеющие свои экономические интересы. Более эффективное использование полученных ресурсов для получения экономических результатов, по логике реформы, должно было стимулироваться заинтересованностью в этом самих предприятий. То есть требовалось расширение именно полномочий предприятий, а не государственных органов республиканского уровня. Тем не менее, преобразования межреспубликанских хозяйственных отношений после июньского пленума стали развиваться именно в этом русле: с одной стороны, упрощение управленческого аппарата, с другой – передача ряда «союзных функций» ведомствам республиканского уровня. Данная тен-

денция воплотилась в подготовке генеральных схем управления республиканскими хозяйственными комплексами.

Прибалтика также предоставила свои предложения в Совмин СССР по преобразованию механизма управления народными хозяйствами этих республик. Документы предусматривали перестройку работы республиканских и местных органов управления на всех уровнях руководства и значительное сокращение промежуточных звеньев. В целом преобразование схемы управления народным хозяйством Эстонии должно было сократить численность аппарата управления на 25%. Часть управленческой работы при этом должна была перейти к местным Советам народных депутатов[588]. На такой же процент предполагалось сократить и управленческий аппарат Литвы (или с 32,1 до 24,1 тыс. человек)[589]. В Латвии под сокращение должно было попасть 30% управленцев[590].

На примере внедрения новых Генеральных схем управления хозяйствами союзных республик отчетливо прослеживается отсутствие синхронности реализуемых реформаторами мер. Без проведения формально-юридической институционализации новых рыночных элементов хозяйственного механизма ослабление рычагов воздействия прежней экономической модели могло привести либо к стагнации, либо к перераспределению управленческих функций внутри сложившейся «переходной» модели.

Таким образом, советское руководство наступило на старые грабли, пытаясь посредством инструментария «ускорения» придать эффективность экономического взаимодействия в рамках отношений «союз – республика». Очевидная недостаточность мер, «отстающих на шаг» от провозглашенной на июньском (1987г.) Пленуме ЦК КПСС концепции экономических реформ, сама указывала на необходимость более глубокой проработки вопроса соответствия межреспубликанских отношений новому экономическому механизму.

В связи с этим в 1988 году в Верховном Совете СССР создается специальная парламентская комиссия по разграничению компетенции Союза ССР и республик. Задача стояла чрезвычайно

---

[588] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 149. Д. 32. Л. 155.

[589] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 149. Д. 31. Л. 191.

[590] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 149. Д. 40. Л. 258.

сложная: рабочей группе предстояло не просто пересмотреть механизм экономических взаимодействий между союзом и республиками, а предложить решение назревших проблем национально-государственного устройства СССР в целом. Руководителем рабочей группы был назначен заместитель председателя Президиума ВС СССР, председатель Президиума ВС Белорусской ССР Георгий Таразевич.

Для получения экспертного мнения относительно проблемных вопросов, рассматриваемых Комиссией ВС СССР, были запрошены материалы от руководителей юридических научных и учебных заведений, от Институтов экономики, социологии АН СССР. Полученные из этих источников предложения характеризовались умеренной, взвешенной позицией, которая тесно соотносилась с тезисами июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС и решениями XIX партконференции 1988г. Ученые в своем анализе отталкивались главным образом от идеи «возрождения ленинского облика социализма», то есть от осознания существующих проблем как результата отхода от ленинских идей в 1930-е гг. Экономисты настаивали, что для достижения поставленных целей необходима передача союзным республикам всех предприятий и организаций, обслуживающих местные нужды, а также значительной части предприятий союзного подчинения. Планы социально-экономического развития страны в таком случае должны были формироваться на основе планов социально-экономического развития союзных республик. При этом ученые предположили, что «землю, ее недра и природные ресурсы нельзя натурально разделить между Союзом ССР и союзными республиками, – поэтому необходимо использовать конструкцию, при которой собственником земли является Союз ССР и каждая республика»[591].

Ключевая политико-юридическая проблема в рамках реформирования федеративных отношений в СССР была связана с приоритетом законов, действующих на территории республики. Умеренная позиция предполагала возможность на республиканском уровне приостановить акты вышестоящих органов управления, затрагивающих существенные интересы этих республик. При этом обуславливалось, что данное право будет под-

[591] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 149. Д. 2916. Л. 27.

креплено разработанной юридической процедурой преодоления разногласий.

Все эти вопросы были основными темами обсуждения в рамках созданной в ВС СССР Комиссии по разграничению компетенций Союза ССР и республик. В результате предложенных мер облик советской федерации должен был принципиально измениться, стать более похожим на современные нам интеграционные образования типа ЕС, но в более институциолизированном и централизованном исполнении. Принципиальное новшество должно было заключаться в характере и направлении внутрисоюзных экономических взаимосвязей. Пожалуй, достаточно точное описание этого вопроса предложили в своей записке сотрудники Института государства и права АН СССР: «*Из-за жесткой отраслевой системы управления и всесилия центральных ведомств СССР сегодня практически все отношения между республиками идут через союзные органы. Следует создать реальные условия, чтобы республики на двусторонней и многосторонней основе могли бы объединить свои силы и средства для осуществления совместных проектов, практиковать разработку и реализацию совместных целевых комплексных программ, имеющих значение, прежде всего, для этих республик, создание совместных предприятий и т. п.*»[592]. Согласно материалам депутатской группы, предложения, направленные из подавляющего большинства союзных республик, находились в концептуальных рамках умеренной позиции, основные положения которой описаны выше (предложения ВС Армянской и Грузинской ССР, например, носили даже более консервативный характер). Несколько иначе обстояло дело с республиками Балтии.

Наиболее радикальную позицию первоначально занял Верховный Совет Латвийской ССР. Причем крайность предложений латвийских депутатов выражалась именно в политических предложениях. Ссылаясь на необходимость получения рычагов управления хозрасчетной республиканской экономикой, было предложено установить «верховенство закона, в том числе закона союзной республики над нормативными актами органов управления Союза ССР»[593] и ввести гражданство республики[594].

---

[592] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 149. Д. 2916. Л. 23.

[593] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 149. Д. 2916. Л. 83.

[594] Там же. Л. 84.

Вопрос верховенства республиканского законодательства в своих предложениях затронули и литовцы. Но сформулировали они это положение в компромиссной форме, признав паритет союзных и республиканских законов[595]. Эстонские же депутаты, как и парламентарии большинства других республик, вообще опустили этот вопрос в своих рекомендациях.

Вопрос гражданства республики затрагивался всеми тремя Балтийскими республиками. Но формулировки литовских и эстонских депутатов были менее конкретными и, вероятно, могли при необходимости трактоваться по-разному.

В остальных положениях предлагаемой реформы Балтийские республики были в основном солидарны друг с другом, но не все из них укладывались в рамки общесоюзной концепции реформ. Наиболее показательным примером здесь является вопрос о собственности земли и ее недр. Литва, Латвия и Эстония единодушно выступали за их передачу из общесоюзной собственности в республиканскую. Относительно же собственности на средства производства мнения Балтийских республик разошлись. Латвия, к примеру, была готова оставить в ведении Союза объекты военной промышленности и военной техники, средства транспорта и связи, государственные банки и др. Депутаты ВС Эстонской ССР заявили в материалах для Комиссии по разграничению компетенций, что «собственностью союзной республики являются основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, государственные банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий и основной городской жилищный фонд, а также другое имущество»[596].

Таким образом, уже в первой половине 1989 года отчетливо просматривается использование политической элитой Балтийских республик мер по либерализации союзной экономии в своих политических интересах. Причем в этот период «пальму первенства» в этом процессе можно уверенно отдать Латвии, которая не только выдвигала наиболее радикальные предложения, но и наиболее настойчиво пыталась их реализовать.

---

[595] Там же. Л. 18.

[596] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 149. Д. 2916. Л. 94–95.

На заключительном заседании комиссии Таразевича, состоявшемся 20 марта 1989 года, депутаты единогласно одобрили предложения о разграничении компетенции Союза ССР и союзных республик. Итоговые рекомендации носили компромиссный характер, исходивший из принципа «сильный центр – сильные республики», и отражали в целом «умеренную» позицию ученых и большинства союзных республик. За субъектами советской федерации закреплялось регулирование вопросов гражданства, не отнесенных к компетенции Союза ССР, административно-территориальное деление, осуществление внешнеполитических и внешнеэкономических связей союзных республик, право оспорить решение Совета Министров СССР, определение основных начал планирования экономико-социального развития, утверждение и организация исполнения государственного бюджета и др. В компетенции Союза оставалась координация отношений союзных республик с иностранными государствами и международными организациями, определение внешней политики, представительство в международных организациях, общее руководство внешней торговлей и другими видами внешнеэкономической деятельности, разрешение территориальных и иных споров между союзными республиками, переданных ими на рассмотрение органов Союза. Кроме того, в союзной собственности оставался ряд отраслей промышленности: топливно-энергетическая транспортная, металлургическая, машиностроительная, химико-лесная (за исключением деревообрабатывающей и мебельной промышленности), оборонная, медицинская, микробиологическая и пр.[597]

При этом поддержки не получили предложения конфедеративного характера от Верховных советов Литвы, Латвии и Эстонии, а также их идея о заключении нового Договора об образовании Союза ССР. Таразевич в отчетной записке А. И. Лукьянову объяснил это следующим образом:

«*По мнению депутатской группы, постановка вопроса о заключении нового Договора не учитывает закрепленных Договором 1922 года об образовании СССР и исторически сложившихся принципов формирования советской федерации. Конституция СССР 1924 года и последующие Конституции СССР не предусматривали необходимости пере-*

[597] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 149. Д. 2919. Л. 128–137.

смотра Договора об образовании Союза в каждом случае принятия в его состав других членов. Решение о заключении нового Договора по сути дела означало бы роспуск Союза ССР как федеративного государства и прекращение действия норм Конституции СССР. Создание нового Союза потребовало бы длительных переговоров, учитывая возможность возникновения многочисленных разногласий. Поэтому вопросы разграничения компетенции между Союзом ССР и республиками можно и нужно решать путем внесения в Конституцию СССР и конституции союзных республик соответствующих изменений»[598].

Всю подготовительную правовую, планово-экономическую и организационную работу, связанную с переходом союзных республик на принципы самоуправления и самофинансирования планировалось осуществить в 1989–1990 годах. По предварительным расчетам, удельный вес продукции промышленных предприятий, полностью находящихся в ведении республик, в результате хозяйственной реформы должен был увеличиться в общем объеме промышленного производства в среднем по СССР с 5% до 36%, при этом в РСФСР – с 4% до 27%, Украинской ССР – с 5% до 42%, Белорусской ССР – с 7% до 49%, республиках Закавказья – с 6–10% до 50–71%, Прибалтики с 7–9% до 57–72%, Средней Азии и в Казахской ССР – с 7–10% до 50–73% и в Молдавской ССР – с 8% до 75%[599]. Предшествовать этому должен был эксперимент по переходу Белорусской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР на условия хозяйственного расчета и самофинансирования с 1990г.

Однако эти планы так и остались на бумаге. Политическая ситуация в стране и в Прибалтийских республиках стремительно менялась. Безрезультатность коренной экономической реформы наращивала общественную поддержку радикальных крыльев Народных фронтов Литвы, Латвии и Эстонии. Народные фронты, совершая стремительный идеологический дрейф в сторону от движений «в защиту перестройки» и «обновленного социализма», предлагали свои рецепты решения общественных проблем, которые к 1989г. вышли за рамки требований большей экономической независимости. На фоне безрезультатной деятельности центральной власти и ухудшения социально-экономической обстановки радикальные идеи позволяли наращивать популяр-

[598] Там же. Л. 110–111.

[599] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 4210. Л. 26.

ность фронтов, усиливать влияние на политическую обстановку в регионе, а затем фактически возглавить республики и перетянуть на себя политическую инициативу в диалоге с «центром».

Идеи Народных фронтов по налаживанию экономической ситуации в республиках по факту стали сводиться в итоге к необходимости отделиться от огромного дестабилизирующегося экономического организма. Конечно же, подобные требования возникли не в одночасье. Первые сепаратистские сигналы из прибалтийских советских республик доходили до союзного руководства еще в середине 1988 г.

Например, в августе 1988 года Институт советского государственного строительства и законодательства АН СССР предоставил в ВС СССР оценку работы Игоря Грязина[600] «Проект конституционной реформы Эстонской ССР (концепция, текст, комментарии)». Главная идея работы – доказательство того, что суверенитет неделимо принадлежит только союзной республике, а Союз ССР, в свою очередь, им не обладает. Автор заключал: «Сам факт существования Конституции СССР, обремененный нашей действительной историей, являет собой средство подрыва суверенитета союзных республик»[601].

Однако в этот момент советское научное сообщество в лице Института советского государственного строительства и законодательства четко обосновала несостоятельность подобных концепций, рассмотрев тезисы Грязина с точки зрения общепризнанных юридических доктрин и международной практики существования федеративных государств (особенно капиталистических: США, Швейцария). Оценки работы советскими учеными были направлены в ВС СССР и были учтены в работе над рекомендациями по разграничению компетенций Союза ССР и республик.

В 1989 году идеи Грязина в изменившихся политических условиях получили вторую жизнь, но уже в гораздо более серьезной форме – форме официального проекта закона СССР о переходе Эстонской ССР на республиканский хозяйственный расчет (хозяйственную самостоятельность). Данный документ вместе с подроб-

---

[600] И. Грязин – доктор юридических наук, бывший депутат Верховного Совета СССР, один из основателей Партии реформ Эстонии, ныне депутат Рийгикогу (парламента Эстонии).

[601] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 149. Д. 2916. Л. 165.

нейшей концепцией хозрасчета Эстонской ССР в апреле 1989 года лег на стол первого заместителя председателя Президиума Верховного Совета СССР А.И. Лукьянова, а затем для рассмотрения этих материалов была создана специальная рабочая группа в ВС СССР. Интересно в этой связи взглянуть на оценки центральных экономических ведомств и советских научных организаций концепции эстонского хозрасчета. Как свидетельствуют архивные источники, документы вызвали очень высокий градус критики научных организаций. При этом некоторые государственные ведомства постарались донести тот же смысл в крайне завуалированной и мягкой форме, что позволяет предположить, что у чиновников, оказавшихся, в эпицентре преобразований существовал страх быть обвиненным в консерватизме и сопротивлении реформам.

В итоге 12 мая 1989 года А. Рюйтелю было отправлено заключение рабочей комиссии по присланным материалам на основе экспертных оценок за подписью Лукьянова. В записке коротко признавалось, что «предлагаемый пакет документов представляет попытку законодательно регламентировать использование принципов хозрасчета в руководстве экономикой и социальной сферой союзной республики и поиск нестандартных подходов к решению этой проблемы»[602]. Однако затем следовала поэтапная критика главных положений концепции эстонского хозрасчета. При этом первым пунктом шла принципиально важная констатация: «*Рассматриваемые проекты носят политический характер и выходят за пределы решения конкретных вопросов, связанных с реализацией концепции республиканского хозрасчета…*»[603]

Однако политический вес подобных радикальных инициатив балтийских элит могли девальвировать лишь положительные результаты политики «центра». Проблема при этом состояла в том, что союзное руководство, имея вполне рабочую концепцию преобразований, представленную в первоначальном виде еще на июньском Пленуме 1987 г., оказалось не в состоянии системно и полноценно воплотить ее в жизнь. В условиях неспособности провести свою концепцию реформ отказы от предложений союзных республик (даже если последние носили действительно радикальный антигосударственный характер) выглядели лишь

[602] ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 2920. Л. 166.

[603] Там же. Л. 166.

как попытки сопротивления либерализации политической жизни в стране и дискредитировали центральную власть. На руках же у региональных балтийских элит появлялись новые программы преобразований, которые концептуально произрастала из идей того же июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС и XIX партконференции 1988 г. о либерализации экономической и политической жизни в стране. В итоге 1990 год для СССР стал не годом хозрасчетного эксперимента, а началом политического выхода республик из Союза. Манипуляция же концепциями экономических реформ в этот период, легализовав в глазах общественности прямое столкновение региональных и союзных элит, перестает оказывать решающее влияние на процесс политической дезинтеграции СССР.

Рекеда Сергей Вячеславович,
к. и. н., Информационно-аналитический центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве при Московском государственном университете (Россия)

Николай Межевич

Экономическая модель государств Прибалтики: в поисках утраченного будущего

Рассматривая вопрос об экономических моделях с привязкой к конкретным странам или регионам, следует помнить о том, что любая экономическая модель, это упрощенное изображение ключевых экономических процессов. Попытка сравнения национальных экономических моделей, как правило, показывает то, что двух одинаковых подходов к макроэкономическому регулированию нет. Однако выявление экономических моделей позволяют выявить ключевые особенности функционирования национального хозяйства, и на основе этого предсказывать будущее не только в экономике, но в конечном счете и в политике. Возможность предвидеть, смоделировать изменение цен на рынке недвижимости, динамику экспортных и импортных операций, благосостояние домохозяйств не может опираться лишь на интуицию. Выявление «модельных» признаков позволяет более точно определить динамику ключевых экономических показателей.

Основные критерии для определения специфики разных рыночных моделей как правило: формы собственности (доля государственной и частной собственности в объеме ВВП), социальная политика и формы вмешательства государства в экономику.

Вопрос о роли государства в современной экономике является одним из важнейших. Официальная позиция Организации экономического сотрудничества и развития такова: «Правительства отвечают за продвижение экономического роста и социальных преобразований, предоставление товаров и услуг, регулирование поведения предприятий и отдельных лиц и перераспределение дохода». Назвать ее либеральной или кейнсианской не представляется возможным т. к. подобное определение не дает ответа на вопрос о том, как измеряется и как регулируется роль государства в экономике. Отметим и то, что после мирового экономического кризиса большое количество государств от США до Эсто-

нии и Латвии увеличили государственное участие в экономике. По мере купирования кризиса этот сектор несколько уменьшился. Такую ситуацию можно проследить на примере Швеции, Германии, чьи экономические модели хорошо изучены и часто служат примерами для подражания, в том числе в Прибалтике.

Нам необходимо дать объективную оценку места экономических систем различного типа. Это связано с тем, что достаточно часто объективное исследование национальных экономических моделей заменяется на навешивание идеологических и политических ярлыков. К примеру, что означает термин «демократическая экономика»[604]? Неужели то, что ключевые экономические решения принимаются по результатам всенародного обсуждения? Ответ достаточно очевиден. Все три системы хозяйствования рациональны с той точки зрения, что они ориентированы на решение главной задачи экономики – максимизации удовлетворения потребностей имеющимися ограниченными ресурсами.

Отметим также то, что экономики государств Прибалтики не могут относиться к классической либеральной модели хозяйствования, так как она прекратила свое существование примерно тогда, когда начала формироваться государственная экономическая модель Эстонии, Латвии, Литвы – в конце 20-х гг. XX века. Равным образом классическая кейнсианская модель к современной экономике государств Прибалтики не имеет отношения[605]. Рассмотрим основные экономические модели характерные для стран с развитой экономикой.

Современная американская неолиберальная модель характеризуется не только долей госбюджета в ВВП, более важен объем расходов государства на удовлетворение социальных потребностей граждан. Это связано с высокой долей частной собственности, высоко йпокупательной способностью и уровнем доходов граждан. Влияние государства на экономику осуществляется посред-

---

[604] *Межевич Н. М.* О социальных и экономических показателях применимых для косвенной оценки уровня развитии демократии в контексте мягкой безопасности в регионе Балтийского моря http://www.civisbook.ru/files/File/Mejevich.pdf (дата обращения: 23.01.2013).

[605] Экономическая модель государств Прибалтики конца 20-х – конца 30-х гг. XX века имеет право на упоминание как «классическое» кейнсианство с некоторым синдикалистским уклоном.

ством косвенных мер государственной бюджетно-финансовой политики, налоговой системы, направленных на формирование рационального предложения при помощи регулирования цен и торможения инфляционных процессов. Подчеркнем, в отличие от государств Прибалтики такой подход имеет давние исторические традиции, ресурсные и географические предпосылки.

Немецкая версия неолиберальной модели гораздо менее критична к государственному участию. Хозяйственная практика направлена на воспроизводство условий ограниченно свободной конкуренции. Такая конкуренция предполагает то, что рост рынка происходит на основе следующих принципов: рынок для всех, благосостояние для всех, а общий рост экономики сопровождается ростом доходов большинства субъектов рынка и покупательной способности денежной единицы.

Важными формами влияния государства на развитие экономики в рамках немецкой модели является кредитно-денежная и валютно-финансовая системы регулирования. Влияние на уровень цен, структуру спроса и предложения осуществляется посредством поддержки оптимального соотношения между величиной совокупного заемного капитала и величиной капитала, занятого в промышленности и торговле, через связанную с ним величину кредитного процента. Важно обратить внимание на то, что немецкая модель хозяйствования построена на согласовании и интересов всех субъектов рыночной экономики, в т. ч. влиятельнейших профсоюзов. Именно этот принцип положен в основу системы государственного регулирования экономики. Мощные предпринимательские союзы, «сталкиваясь» с влиятельными профсоюзами вынуждены привлекать государство даже там, где без этого можно было бы обойтись. Важнейшую роль в немецкой модели хозяйствования занимает политика доходов и занятости трудового населения.

Немецкая модель близка шведской модели с ее социальной направленностью. Объектом государственного регулирования выступают трудовые отношения на общенациональном уровне. За счет государственного бюджета обеспечивается высокий уровень удовлетворения социальных потребностей населения посредством трансфертных платежей. Однако для этой модели характерны и определенные противоречия между политикой государства по поддержке высокого уровня занятости, реализации социальных

программ и возможностями обеспечения высоких темпов роста экономики, повышения эффективности хозяйствования[606].

Швеция занимает третье место в мире по интегральному показателю государственной институциональной способности, рассчитанным по показателям Worldwide Governance Indicators, при этом доля совокупных расходов госсектора в ВВП 50.62%, существенно больше, чем в любом прибалтийском государстве. Высокий уровень налогов в этой стране влечет за собой повышение цен на отечественные товары, что обусловливает некоторую замкнутость этой системы, необходимость защиты внутреннего рынка от экспансии более дешевых товаров из других стран и активную внешнеторговую политику. Кроме того, низкий уровень доходности капитала способствует его перетоку в другие страны. Именно это одна из причин захвата шведским банковским сектором государств Прибалтики – здесь просто более благоприятная экономическая среда, практически лишенная ограничений, связанных с социальной политикой.

Подведем промежуточные итоги. Либеральная и неолиберальные модели сами по себе не являются «плохими» или «хорошими». В рамках данного исследования мы исходим из того, что они могут быть весьма успешны, в том случае если они адекватны историческим, географическим, политическим предпосылкам и стартовому экономическому капиталу. Именно этот вопрос следует рассмотреть применительно к государствам Прибалтики.

* * *

Для Прибалтики, которая была и есть будет, частью Восточной Европы вопросы модернизации следует рассматривать в соответствующем региональном контексте. Переход Восточной Европы и республик СССР к новому качеству экономического развития был обусловлен всей совокупностью внешних и внутренних факторов развития. Дискуссия могла возникнуть и возникла лишь по вопросу о темпах развития, приоритетах, стратегических целях. Основной экономической целью трансформации провозглашалось повышение уровня и качества жизни населе-

---

[606] *Дэли М., Льюис Дж.* Концепция социальной поддержки и анализ современных государств благосостояния // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2014, № 19. С. 128.

ния на основе устойчивого экономического роста. Реализация поставленной цели была связана со следующими задачами.

1. Преодоление кризисных явлений, углубившихся после вступления общества в переходную экономику.
2. Формирование рыночных отношений и рыночной инфраструктуры, включая фондовую, валютную, товарные биржи. Дерегулирование.
3. Финансово-экономическая стабилизация посредством проведения, как правило, жесткой денежно-кредитной политики с целью ограничения инфляции.
4. Использование государства как механизма защиты формирующейся рыночной экономики.
5. Реформирование отношений собственности как основы экономической системы. В том числе реституция собственности и земельная реформа.

Трансформационная или переходная экономика представляет собой особое состояние экономической системы, когда она функционирует в период перехода общества от одной сложившейся модели (системы) к другой. При этом главная характеристика системы – это устойчивые взаимосвязи между элементами и подсистемами, состав которых может меняться, не внося при этом дисбаланса в существование системы в целом. Трансформационный период – это временной отрезок, в течение которого общество осуществило радикальные экономические преобразования, а экономика страны перешла в новое, качественно иное состояние в связи с кардинальными реформами экономической системы Трансформационная экономика характеризуется следующими основными чертами, отличающими ее от других сложившихся систем. С нашей точки зрения современное состояние экономики Прибалтийских стран позволяет говорить о завершении процессов радикальной трансформации экономики. (Трансформация политической системы, с нашей точки завершилась существенно раньше, но это не является темой данной статьи).

Следующий принципиально важный вопрос о соотношении трансформации и модернизации. С нашей точки зрения, любая модернизация – это трансформация. Однако обратной связи нет. Трансформация может быть успешной, способствующей социальному и экономическому прогрессу, в этом случае это модернизация. Возможен и иной вариант: трансформации, привед-

шие к деградации экономической системы. Такие примеры на постсоветском пространстве тоже есть.

Если говорить об экономических системах Прибалтики, то изначально они формировались не просто под лозунгом трансформации и модернизации. Именно здесь ключевым компонентом стала т. н. вестернизация. Отрицание собственного историко-экономического опыта в республиках (государствах) Прибалтики может быть объяснено пропагандистской победой тех ученых и политиков, которые заявляли то, что без полноценной вестернизации, – процветания еще никто не достигал. При этом авторитаризм и тоталитаризм, идеологии и практики коммунизма, фашизма, рассматривались как досадные отклонения на светлом пути к цивилизации через вестернизацию. Отрицание вестернизации, в том числе в форме евроскептицизма в государствах Прибалтики до недавнего времени было равносильно маргинализации. Лишь в 2015 году произошло знаковое событие. Распределение Брюсселем миграционных квот вызвало масштабную дискуссию на тему, в какой степени Европейский союз – это не только права, но и обязанности.

* * *

Версии модернизационных теорий примененные в Прибалтике предполагали, быстрый и эффективный прорыв к евро-атлантической экономической системе, основанной на концепции постмодерна и неолиберализма. Однако «ни постмодернистская, ни неомодернистская (включая неомодернизм на этнооснове) теории не объясняют сложностей и особенностей задач, стоящих перед этими странами, не характеризуют перспективу их развития с достаточным учетом их специфики и не позволяют управлять процессами изменений в этих странах»[607]. Политические элиты государств Прибалтики, находящиеся еще в процессе формирования, отметим, что тезис о том, что «существует только один способ управления современной экономикой»[608], наиболее

[607] *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. Институт философии РАН М. 1997. С. 13.

[608] *Уайт С.* Европейский союз, Восточная Европа и «империализм ценностей» // Европейские проблемы на VIII Конвенте РАМИ // Вестник МГИМО-Университета. Выпуск № 4 (37) / 2014. С. 118.

активно продвигался именно в Восточной Европе, а особенно в государствах Прибалтики. Так началась эпоха трансформации. При этом в государствах Прибалтики игнорировали, в общем, то известное обстоятельство: модернизационные проекты могут быть связаны с деградацией традиционных институтов и игнорировании традиционных национальных ценностей. Ситуация начала меняться после 2009 года, а дискуссия о том, всегда ли евроинтеграция благо, возникла еще позже – в 2015 году[609].

В государствах Прибалтики идея прорыва в глобальную и европейскую экономику сформировалась в условиях, когда общество было расколото в этническом и политическом плане, а предельно замкнутые элиты ориентированы на удержание власти без какой-либо внятной программы действий в экономической сфере. С другой стороны, парадоксальным образом советский режим в Прибалтике способствовал не только формированию новой элиты, но и способствовал формированию общегосударственных экономических интересов. М. Олсон, не касаясь специально прибалтийской проблематики, пишет: «...оккупационные власти[610] устраняют узкие спаянные интересы, носители которых в прошлом присосались было к государственной власти. И тем самым освобождается поле для реализации общих и всеохватывающих интересов». Т. е. «в обществе есть носители «сверхохватывающих интересов», или «сверхинтересов»: группы, которые ... при перераспределении дохода от меньшинства в пользу их самих потерпели бы убытки»[611]. Советская партийно-политическая элита в соответствии с декларируемой идеологией и являлась в Прибалтике таким носителем «сверхинтересов» регулируя производство и потребления, обеспе-

---

[609] Ханнес Румм: аргумент о советских мигрантах в споре о квотах на Еврокомиссию не действует. URL: http://rus.err.ee/v/estonia/5c909cfb-3d92-4fa5-822e-8580d742d7bc (дата обращения: 03.06.2015); Кристина Каллас: не следует путать беженцев с иммигрантами. URL: http://rus.err.ee/v/estonia/6cad0dc5-6e23-4df9-b9fe-3ed443853042 (дата обращения: 05.06.2015).

[610] Автор просит не рассматривать указанную цитату как согласие с концепцией «оккупации» лежащей в основе политической и экономической модели государств Прибалтики. С точки зрения автора, правильнее говорить о советизации в конкретном случае советских республик Прибалтики.

[611] *Олсон М.* Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012. С. 22.

чивая экономическую и социальную стабильность. Целесообразно выделить и аспект экономической психологии. «Демонстрационный эффект» западных стандартов качества жизни, превосходящих восточноевропейские, был очевиден. Также следует отметить то, что 25 лет назад значительная часть общества в Прибалтийских республиках СССР действительно была готова к экономическим издержкам обретения независимости. Это стало одним, но не единственным признаком трансформационной модели в этом регионе.

Рассматривая вопрос об оценке российских и европейских подходов к проблематике трансформационного развития следует признать то, что большинство работ российских политологов, посвященных постсоветским политико-режимным трансформациям написано с четко видимых идеологических позиций. Политические приоритеты в дискуссиях о трансформационных процессах в Прибалтике также оказались очень существенны. Тем не мене, с нашей точки зрения трансформационная экономика в государствах Прибалтики характеризовалась рядом ключевых характеристик. Рассмотрим их последовательно.

1. Эффект исторической базы как фактор формирования экономической модели

Отвечая на данный вопрос, следует выявить основные характеристики современной экономической модели в государствах Прибалтики. Следует уточнить, какие фундаментальные факторы определяли характер развития экономики Балтийских стран в прошлом, в настоящее время. Экономика государств Прибалтики развивается под влиянием ряда исторических эпох. В экономике указанных еще прослеживается влияние модели сельского хозяйства имперской эпохи, последствия запуска крупных инфраструктурных проектов советской эпохи.

Социально-экономическое развитие в 1920-е – 1930-е гг. и в последние двадцать пять лет протекало по несколько различным сценариям. При всех сложностях развитие в начале двадцатого века было разновекторным, с ориентацией на западные и восточные рынки. В настоящее время реализуется модель одновекторной западной интеграции.

В начале 90-х годов XX века наши соседи разработали достаточно сходные модели экономического развития примерно одинаковые

в Вильнюсе Риге и Таллине. В республиках советской еще Прибалтики осмысление предстоящих реформ началось с ностальгических, а потому и не всегда адекватных воспоминаний о «первых республиках» и создания концепций регионального хозрасчета.

Мифологическое восприятие своей экономической истории стало важнейшим компонентом отрицания настоящего.

Следует отметить, то, что в канун перестройки, в 1986 году, на одного жителя страны приходилось 5875 рублей стоимости основных фондов. Разброс по этому показателю между республиками носил характер острейшей диспропорции: с одной стороны, в Эстонии – 8007 р., в Латвии – 6923, Литве – 6111, с другой и Белоруссии – 5500, Молдавии – 4500, Азербайджане – 3823, Таджикистане – 2291 р.

Еще более ощутимы были возраставшие различия между республиками по уровню заработной платы. В 1940 г. «расстояние» в заработной плате рабочих и служащих в межреспубликанском сопоставлении доставляло 10 рублей, в 1960 г. – 21 рубль, в 1970–33, а в 1988 г. уже 78 рублей. Если учитывать только сельское хозяйство, то в сельской местности контрасты были еще более резкими: в 1970 г. оплата труда колхозников в межреспубликанском сопоставлении различалась между верхними и нижними значениями на 74 рубля, а в 1989 г. уже на 159 рублей[612]. Не трудно догадаться все лидирующие позиции были заняты Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. Интересно и то, что советская Эстония по данному и другим показателям была впереди советской Латвии и Литвы. В 2015 году ситуация осталась идентичной. «Реконструкция и расширение производства проводились в Прибалтийских республиках более высокими, чем в других регионах СССР, темпами, прежде всего потому, что Латвия и Эстония представляют собой резерв квалифицированной рабочей силы для всего Советского Союза. Да и инфраструктура в Прибалтике почти не пострадала во время войны»[613].

В прибалтийских республиках к 1990 году доля населения, имеющая совокупный доход свыше 300 рублей, была наиболее значительной. Если в целом по СССР этот показатель был на уров-

---

[612] *Агафонов Н. Т., Литовка О. П., Исляев Р. А.* Государственная стратегия регионального развития России: смена парадигмы территориальной организации общества. СПб., 1998. С. 39.

[613] *Misiunas R. Taagepera R.* The Baltic States: Year of dependence 1940–1980 L. 1983. P.104.

не 8,8%, то в Эстонии он равнялся 19,8%, Латвии – 14,5%, Литве – 13,8%. В этих же республиках уровень бедности был самым минимальным. Доля населения с доходом до 75 рублей в Эстонии и Латвии не превышала 1%, а в Литве была на уровне 1,2%. Республики с наибольшей долей бедного населения показали и высший уровень автократии в период постсоветского развития[614].

Получая более высокую отдачу от капиталовложений, Центр старался именно здесь размещать новые производственные мощности, которые осваивались быстрее, чем в других регионах. Доля новых основных фондов в республиках Прибалтики была выше, чем в целом по СССР, а материально-техническая база более современной и менее изношенной. Аналогичная картина наблюдалась и в сельском хозяйстве. Колхозы и совхозы пользовались льготами при распределении фондов удобрений, сельхозтехники и кормов, элитных пород скота, закупленных за рубежом, и т. п. «Сельское хозяйство дотировалось на десятки миллиардов долларов в год за счет экспортировавшейся СССР нефти. Например, от колхозов и индивидуальных крестьян молоко закупалось по 55 копеек за литр, а в магазинах литр молока стоил 22 копейки. То же самое было с мясом и другой сельхозпродукцией. Представляете, какая огромная государственная дотация! Независимому латвийскому государству негде было взять такие деньги»[615]. Для нас, очевидно, то, что первоначальные экономические успехи государств Прибалтикибыли во многом, но, конечно же, не полностью обусловлены «советским наследством» ввиде инфраструктурного и промышленного потенциала, качества человеческого капитала.

Тезис о значимости советского наследства в экономическом развитии был поставлен нами еще в 1991 году[616]. В дальнейшем он

---

[614] *Гареева Н. Э., Шкель С. Н.* Теория модернизации и социально-экономические факторы демократизации в контексте политических трансформаций на постсоветском пространстве. URL: http://gisap.eu/ru/teoriya-modernizatsii-i-sotsialno-ekonomicheskie-faktory-demokratizatsii-v-kontekste-politicheskikh (дата обращения: 26.04.2015).

[615] *Круминьш Г.* СССР Латвию потреблял. URL: http://nra.lv/latvija/138988-gatis-krumins-psrs-latviju-patereja.htm (дата обращения: 26.04.2015).

[616] *Межевич Н. М.* Геополитическое положение Эстонской ССР: мифы и реальность // Политическая география и современность. Региональные и прикладные аспекты: Л.: ЛГУ, 1991.

неоднократно затрагивался и развивался в ряде работ[617]. По мнению коллектива авторов под руководством Л. М. Григорьева, в странах Балтии существовали наилучшие стартовые условия (среди республик бывшего СССР) для построения рыночной экономики. Здесь был накоплен обширный инновационный потенциал. В советские времена регион служил своеобразной лабораторией по совершенствованию хозяйственного механизма.

Международный фонд «Демократия» издал в 2015 году уникальный сборник документов: «Советская модель экономики: Союзный Центр и республики Прибалтики. 1953 г. – март 1965 г. В этой фундаментальной книге, не имеющей аналогов в советской и российской исторической науке, содержится комплекс убедительных доказательств того, что в экономике Прибалтика превратилась в масштабный инвестиционный проект, обеспечивший опережающее повышение уровня жизни населения[618]. Иными словами, уровень жизни в Прибалтике рос быстрее производительности труда.

Прибалтийские республики всегда были на особом положении в СССР, что выражалось и в объеме средств, направляемых на развитие региона: в 1970–1980-е годы они лидировали по объему инвестиций в основной капитал на душу населения. По этому показателю Эстония фактически находилась на первом месте в СССР: он превышал общесоюзный на 6–8%. (Формально первое место занимала РСФСР, но здесь концентрировались общесоюзные инвестиции в ВПК, за вычетом которых инвестиции в Эстонии превышали общесоюзные более, чем на 15%.).

Традиционно большими были инвестиции в Латвии, а во второй половине 1980-х гг. заметно возросли вложения в экономику Литвы[619].

В республиках Прибалтики продвижение к рыночной экономике обусловлено рядом факторов: существованием основ ры-

---

[617] *Самонис В.* Трансформация литовской экономики: от Москвы к Вильнюсу и от плана к рынку. Варшава: CASE, 1995; *Григорьев Л.М.* Конкуренция и сотрудничество: экономические перспективы Восточной Балтики. Москва, 2005.

[618] Советская модель экономики: союзный Центр и республики Прибалтики. 1953 г. – март 1965 г. Международный фонд «Демократия». М. 2015.

[619] Актуальные вопросы мировой экономики: 2010–2012 / под общей редакцией Л. М. Григорьева, А. С. Иващенко. Балтийский форум. 2012. С. 55.

ночной экономики до поворота к административно-командной системе; экономическими и историческими связями с Западной Европой; относительной сбалансированностью структуры народного хозяйства; консенсусом среди всех слоев населения в отношении необходимости перехода к рыночной системе.

Начало реформ в Латвии, Литве и Эстонии – 1991–1992 гг., однако уже в 1989–1990 гг. понимание необходимости и неизбежности реформ стало фактором, консолидирующим общество. Общий характер реформ был очевиден – разгосударствление экономики, сочетающееся с обретением новой территориальной рамки масштаба экономики. Оперативно проведен был и ряд ключевых реформ: денежная, ЖКХ, медицинская, местного самоуправления были проведены или начаты до 1993 года начале реформ и их общего направления. Предпринимательские способности населения и помощь западных стран также способствовали относительно быстрому преодолению кризиса, связанного с распадом хозяйственных связей в рамках т. н. единого народнохозяйственного комплекса СССР. Закономерно и то, что был провозглашен лозунг о переориентации экономики на хозяйственные связи с Западом. Справедливости ради следует отметить то, что первоначально руководители советских Прибалтийских республик, а затем и независимых Прибалтийских стран очень осторожно говорили о перспективах экономического развития и подчеркивали необходимость сохранения экономических отношений с Россией.

Понимание ограниченности возможностей в связи с ориентацией на запад придет позже. В начале 1990-х гг. все самые ценные объекты государств Прибалтики были скуплены за бесценок западными партнерами. Фактически повторилась ситуация начала 20-х годов прошлого века, когда скандинавские, а затем и немецкие банкиры скупали активы, является в этом вопросе показательным. И в 1920-е, и в 1990-е гг. у власти не было понимания реальной стоимости продаваемого и уничтожаемого имущества. Оно пришло значительно позже, когда перераспределять было нечего.

Первое десятилетие второй независимости потребовалось для осознания реальной стоимости национальных богатств. Матти Маасикас, зам министра иностранных дел Эстонии так оценивал советское наследство: «Мы выбрали самый радикальный из всех возможных вариант экономической реформы. Политические силы, пришедшие к власти в 1992 году, шли на вы-

боры с лозунгом «Очистим площадку от старого!» Они исходили из того, что советская экономика не оставила Эстонии ничего, чем можно воспользоваться. «Все нужно было переделывать или создавать заново, причем быстро и решительно»[620]. Однако только транзит, транспорт и торговля с Россией давали чуть менее половины ВВП. В настоящее время оценки экономического потенциала советских республик несколько изменились, но эта дискуссия приобрела исключительно академический смысл.

2. Волатильность ключевых экономических процессов как региональная особенность экономик государств Прибалтики

Большинство экономистов, относящихся к разным экономическим школам, не без оснований отмечают то, что быстрый рост не менее, чем быстрое падение, свидетельствует о серьезных структурных и финансовых диспропорциях в национальных экономиках. Этот тезис не относится к начальному периоду реформированию, трансформации национальных экономик. То, что в ходе трансформационного кризиса экономический спад в странах Балтии оказался очень глубоким: –35% в Эстонии, –49% в Литве и –52% в Латвии, закономерно. Эту картину мы наблюдали от Казахстана до Чехии. Столь же предсказуемо то, что первой последствия кризиса преодолела Эстония, которая в 2001 г. вышла на докризисный уровень 1989 г. В результате к началу 2008 г. ВВП страны составил 158% от этой базы. Экономические успехи Латвии и Литвы существенно скромнее: соответственно 115 и 111 %[621]. Однако кризис 2008 привел к новой дестабилизации. К примеру, за три года (2007–2009 гг.) 10% рост ВВП в Латвии сменился 19% падением. Вплоть до настоящего времени мы наблюдаем не только непредсказуемость экономики, но и непредсказуемую волатильность прогнозов[622]. Но и в этом контексте прогноз

---

[620] Путь в Европу // Под общ. ред. И.М. Клямкина и Л.Ф. Шевцовой. М.: Новое издательство, 2008. С. 15.

[621] Актуальные вопросы мировой экономики: 2010–2012 / под общей редакцией Л. М. Григорьева, А. С. Иващенко. Балтийский форум. 2012. С. 53.

[622] *Соэ Р.-М.* 2009 год: экономический рост 5,6%. URL: http://dv.ee/Default2.aspx?ArticleID=d329f296-517d-452b-8fef-70a83e1d52cb&open=fou (дата обращения: 14.07.2014).

(2008 года) роста эстонской экономики на 5,6% в 2009 году претендует на рекорд антинаучности и политизированности.

Рассмотрим душевой ВВП в странах Прибалтики в 2006 и 2007 году. В Латвии он вырос более чем на 33%. Возникает вопрос, за счет чего? «После десяти лет расцвета, питавшегося бумом строительства, дешевым производством и российским транзитом, Латвии сегодня необходимы новые источники доходов»[623]. Об этом же думают и в Эстонии. Аналитик крупнейшей финансовой группы Скандинавии – Skandinaviska Enskilda Banken (SEB) Рута Арумяэ считает, что экономический спад носит широкий характер и его влияние на потребителей – вопрос времени. Ситуацию могло бы изменить ускорение внешнего спроса, однако признаков такого ускорения нет[624]. Факторы, способствовавшие масштабному кризису можно разделить на две группы.

Первая группа – внешние факторы. К ним относятся сформировавшийся дефицит платежного баланса, неконтролируемый приток капитала, игнорирование валютных рисков, раздувание «пузырей» на рынке недвижимости. При всей их значимости, по нашему мнению, список этим далеко не ограничивается, иначе глубина спада была бы на уровне большинства других стран (а мы наблюдали больший спад в рассматриваемом регионе).

Вторая группа – национальные практики. Пытаясь открыть дорогу частной инициативе, к примеру, эстонское правительство выбрало путь максимальной либерализации: абсолютное дерегулирование, свертывание субсидирования любых предприятий, оказавшихся неэффективными в 1991 году, отказ от прогрессивных налогов. В результате вновь возникший частный сектор переживал настоящий бум. Каждый год регистрировалось около 15 тыс. новых фирм, правда, разорялось чуть меньшее количество юридических лиц.

---

[623] Economist: Латвия смогла достичь невозможного. http://rus.delfi.lv/news/daily/business/economist-latviya-smogla-dostich-nevozmozhnogo.d?id=30262511 (дата обращения: 01.03.2010).

[624] Economist: Латвия смогла достичь невозможного. URL: http://rus.delfi.lv/news/daily/business/economist-latviya-smogla-dostich-nevozmozhnogo.d?id=30262511 (дата обращения: 01.03.2010).

Макроориентиром стала политика евроинтеграции любой ценой, с односторонней внешнеэкономической ориентацией стран Прибалтики на партнеров в Европейском союзе и игнорировании экономических возможностей, связанных с восточным вектором политики, о политической деиндустриализации и деаграризации экономики, передаче контроля над финансово-кредитной сферой скандинавским банкам.

В течение первых десяти лет такая политика давала хорошие результаты. Однако эксперты во всем мире в том числе и в России, и в Прибалтике отмечали нарастание кризисных явлений как минимум с середины 2007 года. Во второй половине 2007 года начала нарастать неустойчивость на мировых финансовых рынках, возникло напряжение в банковской сфере, специалисты все чаще стали говорить о возможности замедления темпов роста мировой экономики. Поскольку указанные процессы развиваются в условиях глобализации, когда события даже на периферийных рынках могут серьезно подорвать общую стабильность в мире, для нейтрализации последствий негативных тенденций в таких важнейших секторах экономики развитых стран, как фондовый рынок и банки, потребовались скоординированные действия их денежных властей. На постсоветское пространство проявления кризиса, прежде всего, пришли в Латвию, Эстонию, Литву (именно в этом порядке). Форсированная интеграция, не основанная на реальных экономических достижениях, не могла продолжаться бесконечно.

В чем же причины глубокого спада 2009 года? С нашей точки зрения, это следствие гипертрофированного развития нескольких секторов экономики: финансового, операций с недвижимостью и торговли. Экономистам давно известен феномен спекулятивного экономического роста, не обеспеченного развитием реального сектора. При этом в банковской сфере Латвии, Литвы и Эстонии сегодня безраздельно доминируют транснациональные финансовые корпорации Северной Европы. Такая структура банковского сектора – готовый механизм формирования тенденций в прибалтийских экономиках. Выбор направлений предпочтительного кредитования, например, позволяет стимулировать рост тех отраслей, которые не составляют конкуренции материнскому капиталу. Литва, Латвия и Эстония еще несколько лет назад позиционировались

как «балтийские тигры»: их экономики, разогретые на доступе к дешевым кредитам, строительном буме, расширении сферы услуг, поддержке из структурных фондов ЕС, демонстрировали «завораживающие»[625] темпы роста. Их считали странами, продемонстрировавшими не просто наиболее успешные на всем постсоветском пространстве результаты европейской интеграции, но и наиболее убедительный пример для всех остальных, раздумывающих над тем, какой геополитический вектор избрать в дальнейшем. Неслучайно именно Прибалтика была «назначена» на роль популяризатора идей программы Восточного партнерства.

Важно отметить то, что даже полный провал указанной политики не привел к пониманию необходимости переосмысления итогов 1991–2009 гг. Вместо этого появилась еще одна книга, содержание которой полностью противоречит экономическим реалиям и частично названию[626]. Во время кризиса экономика Балтийского региона сократилась примерно на 20%. В 2011 г. страны Балтии продемонстрировали самый высокий рост, составивший в среднем 6,3%.

Провал по всем экономическим показателям привел к запуску механизма пересмотра прогноза ключевых экономических показателей государств Прибалтики в сторону уменьшения. Так, в 2014 году Danske Bank прогнозировал для Эстонии экономический рост – 1,5%, а на 2015 – в 1,8%. Аналогично для Латвии банк прогнозировал 3,7% экономического роста на 2014 год и 2,6% на 2015, для Литвы – соответственно 2,4 и 2,7 %[627].

Однако уже согласно утвержденной правительством Латвийской программе стабильности на 2015–2018 гг., в 2015 году рост латвийской экономики планируется в 2,1%. По прогнозу Банка Латвии, сделанному в конце апреля 2015 года, ВВП в 2015 году может вырасти

---

[625] Именно такой термин употребил российский журнал «Эксперт» в 2001 г., анализируя благоприятнуюэкономическую ситуациюв Прибалтике. См. подробнее: *Денисенков А.* Далеко ли прыгнут балтийские тигры? // Эксперт. 2001. 8 окт. № 21(50).

[626] *Åslund A., Dombrovskis V.* How Latvia Came Through the Financial Crisis. Peterson Institute, 2011.

[627] Банк: экономика ЭР в грядущем году вырастет на 1,8%. URL: http://stolitsa.ee/77375 (дата обращения: 25.08.2014).

на 2%[628]. Напомним, что и Европейская комиссия тоже понизила Латвии прогноз экономического развития. По мнению Брюсселя, ВВП Латвии в 2014 году вырастет только на 2,6%. Весной в Брюсселе полагали, что этот рост составит у нас 3,8%, то есть экономические перспективы Латвии за полгода рухнули в полтора раза. По мнению Европейской комиссии, Латвия оказалась «слишком чувствительна к внешним рискам»[629]. Более того, экономический советник представительства Еврокомиссии в Латвии Мартиньш Земитис в мае 2015 года отметил, что в Латвии в 2016 году предстоит консолидация бюджета в размере 0,3% от внутреннего валового продукта (ВВП). По его мнению, Еврокомиссия не возражает против планов Латвии увеличить расходы на оборону и провести реформы в здравоохранении, но Латвия не должна тратить больше, чем может себе позволить. «Еврокомиссия не уверена, что у Латвии есть столько денег, сколько она намерена выделить на эти отрасли»[630].

В профессиональной среде складывается понимание того, что ход нормального экономического развития государств Прибалтики нарушен. Если раньше мы говорили о диалектическом взаимодействии экономики и политики, то сегодня политика экономику подчинила своим целям. Золотой век европейской экономики (50-е гг. XX века – первые семь лет XXI века) закончился. Европа не будет расти темпами в 3–5% в течение длительного времени, до смены парадигмы политико-экономического развития. Для нашего случая это означает то, что при любых формах поддержки экономики Эстонии, Латвии, Литвы Европейский союз не будет и не может обеспечивать реальное развитие, максимум возможного – удержание достигнутого.

---

[628] Домбровскис: прогноз прироста латвийского ВВП, возможно, придется снизить. URL: http://rus.db.lv/ekonomika/makroekonomika/dombrovskis-prognoz-prirosta-latvijskogo-vvp-vozmozhno-pridetsja-snizit-65892 (дата обращения: 24 апреля 2015).

[629] В 2015 году экономику Латвии ждет стагнация. URL: http://bb.lv/rinki-i-kompanii/item/9160837-v-2015-godu-ekonomiku-latvii-zhdet-stagnatsiya (дата обращения: 27.12.2014).

[630] Еврокомиссия: Латвии предстоит бюджетная консолидация в размере 0,3% от ВВП. URL: http://rus.db.lv/ekonomika/makroekonomika/evrokomissija-latvii-predstoit-bjudzhetnaja-konsolidacija-v-razmere-0-3-proc-ot-vvp-66196 (дата обращения: 14 мая 2015).

3. Промышленная политика в общей системе экономических приоритетов государств Прибалтики

Сегодня трудно представить то, что в Российской империи Рига была одним из крупнейших промышленных центров европейской части, равным Варшаве, Киеву, Харькову. Промышленность Риги специализировалась на высокотехнологичный отраслях и характеризовалась большой долей предприятий с иностранным капиталом, уступая по этому показателю только столице империи. В межвоенной Латвии машиностроение не то что бы развивалось динамично, но и не исчезло. Авторитарный режим К. Ульманиса способствовал сохранению промышленности, развитию транспорта и энергетики. При этом промышленность практически исчезла в Эстонии и не существовала в этот период в Литве в принципе. Как уже было отмечено, СССР создавал современную промышленность, в Прибалтике исходя из экономических соображений, сокращая издержки и учитывая комплекс факторов региональной экономики.

Бывшие промышленные флагманы-гиганты Латвийской ССР, такие как рижские РАФ, ВЭФ, «Радиотехника», «Альфа», даугавпилсский Завод химического волокна были приватизированы и обанкрочены в течение 90-х гг. Рижский вагоностроительный завод, лиепайский металлургический, даугавпилский локомотиворемонтный оказались более успешными, но вектор промышленной политики не оставил для них шансов. В 1990 году рижский вагоностроительный завод можно было назвать ненужным придатком советской экономики и создать для него банкротные условия в 2013 году. В 2015 году очередным провалом закончилась попытка найти для него эффективного инвестора. Развернувшаяся в кругу специалистов дискуссия показала, что инвестора интересуют потенциальные рынки, как минимум российского размера. Автосборочный завод «Руссо-Балт» был предприятием иностранного капитала, но собирал машины для всего рынка российской империи. Рижский вагоностроительный завод как предприятие для латвийского и даже европейского рынка не может быть инвестиционно привлекательным. Единственное крупное промышленное предприятие – бренд Латвийской Республики, еще не испытывающее системных

трудностей, – это АО «Latvijas balzams» – более 600 рабочих мест, действительно один из крупнейших экспортеров в Латвии – его продукция отправляется в более чем 30 стран мира, и каждый год осваиваются все новые экспортные рынки.

Результаты деиндустриализации очевидны. Рассмотрим причины. Во-первых, постиндустриальное общество (постмодерн), использующее знания и глобальные электронные технологии в качестве главного ресурса развития, формируется лишь на базе зрелой экономики модерна. Именно таким путем прошла Германия. При этом ряда стран некоторое контролируемое свертывание промышленного производства в пользу сферы услуг свидетельствует о движении к «новой экономике». Управляемая деиндустриализация в США – пример.

Во-вторых, «Если скандинавские страны чрезвычайно искусно хеджировали и «социализировали» риски, связанные с развитием научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), инновациями и модернизацией промышленного производства, то балтийские экономики в 1990-е – начале 2000-х гг. занимались хеджированием и «социализацией» рисков, сопутствующих краткосрочному буму активов и потребления. Первые научились справляться с финансовой нестабильностью и обеспечили долговременный экономический рост, а у вторых не осталось никаких средств для преодоления колоссальной нестабильности, привнесенной в систему стремительным краткосрочным ростом экономики»[631].

В-третьих, ставка на деиндустриализацию имела двойной политический подтекст. Рабочие на крупных и средних предприятиях в республиках Прибалтики, как правило, не принадлежали к титульным нациям, при этом были организованы именно по социально-производственному признаку. Разгром промышленности в силу этого стал не экономической, а политической задачей. Далее реализация либерального проекта неизбежно должна была столкнуться с сопротивлением тех, кто ориентировался на концепцию социального государства, столь популярную в Герма-

---

[631] *Каттель Р.* Взлет и падение Балтийских государств. URL: http://europeandcis.undp.org/data/show/6D3DABEF-F203-1EE9-B76AC2297A6967A (дата обращения: 06.06.2009).

нии и северных странах. Для этого методика силового подавления профсоюзов, апробированная латиноамериканскими правыми диктатурами, не подходила, либерализация в сочетании с постепенным закрытием восточных рынков дала нужный политический эффект.

В настоящее время, столкнувшись с указанным явлением, общество и государства в регионе ищут новые, сугубо нестандартные для государств Прибалтики, варианты участи в международном разделении труда[632]. Независимо от результатов для нас очевидно то, что, уничтожив промышленность (впрочем, как и сельское хозяйство), государства Прибалтики не стали современными постиндустриальными странами. Индустриальная цивилизация будет по-прежнему существовать и тогда, когда утопический эксперимент саморегулирующегося рынка уже успеет стать историей. Позиционирование государств Прибалтики в этой неиндустриальной цивилизации маловероятно.

4. Неолиберальная социальная политика в системе приоритетов «прибалтийской модели»

Неолиберальный подход, «обосновывающий» целесообразность отказа от любых гарантий государства, пропагандируется в государствах Прибалтики с 2008 года. Ведущий эксперт Swedbank по социальной экономике писал в 2009 году так: «Структуру общественного сектора необходимо преобразовать так, чтобы ее работа стала эффективнее... Передача функций частному сектору. Это не означает, что прежде бесплатные услуги станут платными – государство может передать только выполнение функций, сохранив за собой их финансирование. Перераспределение средств между основными функциями общественного сектора (государственное управление, безопасность, образование и пр.). Структурные изменения в рамках функций общественно-

[632] Министр экономики: космическая индустрия – хороший бизнес для Латвии. URL: http://www.mixnews.lv/ru/economics/news/2015-05-02/175319 (дата обращения: 02.05.2015); Бизнес по выращиванию улиток в Латвии потерпел крах. URL: http://www.gorod.lv/novosti/256056-biznes-po-vyraschivaniu-ulitok-v-latvii-poterpel-krah (дата обращения: 29.05.2015).

го сектора, например, объединение учреждений. Реформы в рамках организаций общественного сектора с целью повышения эффективности и качества. Реализация структурных реформ не только необходимость, но и возможность. Хотя это понятие сегодня ассоциируется с отъемом и урезанием, целью реформ служит не ухудшение, а улучшение жизни – через какое-то время»[633]. Это время так и не наступило, хотя правительства государств Прибалтики де-юре провозглашают подобные цели. К примеру, в Эстонии: «Цель политики правительственной коалиции в области рынка труда и социальных отношений – рост доходов, качества жизни и социальной безопасности людей. Относительная ставка безработицы – 16,5%. Процент занятости в возрастной группе 20–64 года – 72%»[634]. О какой социальной политике может идти речь, если изначально закладывается подобные параметры безработицы?

«Все эстонские стратегии и программы развития единодушны в том, что налоговая политика должна содействовать экономическому развитию и мотивировать предпринимательство. Из этого следует вывод, что налоги с дохода от предпринимательской деятельности и рабочей силы должны быть низкими»[635]. С точки зрения экономической теории и практики неолиберализма – это вполне логично, однако, этот подход категорически не позволяет отнести Эстонию, Латвию к северным странам.

В основе государственной социальной политики государств Прибалтики лежит отказ от концепции «социального государства» предполагающей контракта между государством и гражданским обществом, а конкретно – между государством, работодателями, профсоюзами и общественными ассоциациями и неправительственными организациями. На практике это означало изменение и резкое сокращение изначально развитой системы социальной защиты и социальных гарантий, коммерциализация здравоохранения. «Изменения в экономической

---

[633] *Страутиньш П.* Что такое структурные реформы? https://www.swedbank.lv/ru/eksperta_komentari/01.06.09/ (дата обращения: 01.06.2015).

[634] Цель правительственной коалиции https://valitsus.ee/ru/meropriyatiya/cel-pravitelstvennoy-koalicii (дата обращения: 11.12.2015).

[635] *Вырк А., Каарна Р.* Распределение налоговой нагрузки в Эстонии и анализ ее влияния // Praxis Nr 1 / 2010, с.4.

структуре не повысили производительность в намеченном масштабе и тормозят возможности решения внутригосударственных социальных проблем. Эстония по-прежнему тратит на социальную защиту одного жителя менее 40% аналогичной средней суммы ЕС. Ставка социальной отверженности не сократилась в Эстонии за последнее десятилетие, в группу риска отверженности входит четверть населения»[636]. Swedbank провел анализ расходов жителей Таллина Риги и Вильнюса на питание и жилье. Анализ показал, что семья из четырех человек, живущая в принадлежащей ей квартире площадью 70 м^2, тратит на еду, жилье и транспорт в Риге 44%, Вильнюсе 41,5% и в Таллине 25,5% семейных доходов. Семья, состоящая из двух взрослых и двух детей, тратит на минимальную продуктовую корзину, жилье и общественный транспорт в Риге 591, Вильнюсе 513 и в Таллине 499 евро в месяц[637]. Из стран Прибалтики самая высокая брутто-зарплата в первом квартале 2015 года была в Эстонии – 1010 евро, самая низкая – в Литве, где она составила 700 евро, сообщает LETA со ссылкой на данные Центрального статистического управления Латвии. В Латвии в первом квартале брутто-зарплата составляла 785 евро. По сравнению с 1-м кварталом 2014 года быстрее всего росли брутто-зарплаты в Латвии – на 6,1%. В Эстонии и Литве годовой прирост зарплат составил соответственно 4,5% и 4,3%. Однако в Латвии после уплаты налогов работники получают более низкие зарплаты, чем в соседних странах. Средняя нетто-зарплата в Латвии составила в первом квартале 74% от брутто-зарплаты, тогда как в Литве – 78%, а в Эстонии – 81%[638]. Данный раздел следует закончить программ-

---

[636] Отчет о человеческом развитии Эстонии указал на обилие иерархических ловушек. URL: http://rup.ee/rus/novosti/obshchestvo/otchet-o-chelovecheskom-razvitii-estonii-ukazal-na-obilie-ierarkhicheskikh-lovushek (дата обращения: 29.05.2015).

[637] Чтобы жить в Таллине, нужно минимум 500 евро в месяц. URL: http://dv.ee/novosti/2015/04/27/chtoby-zhit-v-tallinne-nuzhno-minimum-500-evro-v-mesjac (дата обращения: 27 апреля 2015).

[638] Среди стран Балтии самая высокая брутто-зарплата в Эстонии, самая низкая – в Литве. URL: http://www.delfi.lv/biznes/bnews/sredi-stran-baltii-samaya-vysokaya-brutto-zarplata-v-estonii-samaya-nizkaya-v-litve.d?id=46029481 (дата обращения: 28.05.2015).

ных тезисом британских экспертов, полностью применимым к практике социальной политики государств Прибалтики: «Происходящие сегодня перемены имеют большое значение и не являются просто сокращением уровня предоставления услуг. Концепция разгосударствления тоже не отражает полноты происходящего, хотя во многих странах баланс обеспечения перешел от государства к «независимому» (частному и добровольческому) сектору»[639].

5. Внешнеэкономические факторы постсоветской трансформации в государствах Прибалтики

Как уже было отмечено, первоначально руководители советских Прибалтийских республик, а затем и независимых Прибалтийских стран очень осторожно говорили о перспективах экономического развития и связывали их с необходимостью сохранения экономических отношений с Россией. Была поставлена задача развития транзитного потенциала, и как минимум до 2004–2007 гг. она более-менее решалась. Объем экспорта стран Балтии в Россию в этом году уменьшится из-за санкций примерно на пятую часть, считают аналитики Bloomberg. Снижение экспорта составит от 18% до 25%, что обойдется Латвии, Литве и Эстонии примерно в 690 млн евро, прогнозирует Danske Bank. В Латвии экспорт в Россию составляет 6,3% от общего объема экспорта, в Литве – 4,4%, в Эстонии – 5,5% от общего объема. Снижение экспорта будет обусловлено рецессией в России и падением рубля. По мнению экспертов Bloomberg, именно из-за этого развитие экономики Балтии в 2015 году будет более медленным, а экспорт государств Прибалтики в Россию уменьшится в этом году на 18–25%[640].

Еще один важный момент – учет реэкспорта. Весь экспорт литовских товаров в Россию в 2014 году составил 2,5 млрд литов, между тем стоимость товаров, реэкспортированных из других

---

[639] *Уилан К., Мэтр Б.* Тип государства благосостояния и различия социальных классов по уровню бедности и экономической уязвимости в Европе // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2011. № 15. С. 193–216.

[640] Bloomberg: экспорт стран Балтии в Россию уменьшится в этом году на 18–25%. URL: http://www.freecity.lv/biznes/19629/ (дата обращения: 23.02.2015).

стран, была в 6 раз больше и превысила 14 млрд литов[641]. К сожалению, в научном и экспертном сообществе не всегда присутствует адекватное восприятие процессов, проходящих в государствах Прибалтики: «страны Балтии заинтересованы в сохранении торговых отношений с Россией. Для того, чтобы оградить прагматическое экономическое сотрудничество от ухудшающейся атмосферы в высокой политике, потребуются значительные усилия с обеих сторон»[642]. Непонятно, на каком основании сделан подобный вывод, неясно и на каком основании государства Прибалтики (в том числе Литва) отнесены к северной Европе.

Да, в настоящее время в государствах Прибалтики идет поиск нового равновесия между экономикой и политикой. Задачу укрепления экономических связей с другими странами провозглашал президент Латвии[643], но советник президента по экономике и бывший еврокомиссар А. Пиебалгс сразу же дезавуировал эту позицию уходящего президента, прямо указывая на, то, что от идеи моста между западом и востоком надо отказаться[644]. Реализация этой идеи, безусловно, скажется на общей устойчивости экономики Прибалтики. Отметим то, что достаточно редко именно транзитный потенциал лежит в основе внешней торговли. В государствах Прибалтики происходит именно так. «Транзитный потенциал страны – совокупность внешних и внутренних факторов, определяющих возможности страны по обслуживанию международных транзитных грузовых и пассажирских транспортных потоков, следующих по ее территории без применения к объектам транспортировки мер государственной экономиче-

---

[641] Экспорт литовских продуктов в РФ составлял почти 2 млрд литов. URL: http://ru.delfi.lt/news/economy/eksport-litovskih-produktov-v-rf-sostavlyal-pochti-2-mlrd-litov.d?id=65501216#ixzz3c6CElsoC (дата обращения: 07.08.2014).

[642] Северная Европа: внешнеполитическая дилемма // Россия и мир: 2015. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 134.

[643] Берзиньш: без стремительного развития Латвию ожидает мрачное будущее. URL: http://rus.db.lv/nachalo/politika/berzin-sh-bez-stremitel-no-razvitija-latviju-ozhidaet-mrachnoe-buduschee-66231 (дата обращения: 15.05.2015).

[644] Пиебалгс: от идеи моста между западом и востоком надо отказаться. URL: http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/piebalgs-ot-idei-mosta-mezhdu-zapadom-i-vostokom-nado-otkazatsya.d?id=45839323 (дата обращения: 19.04.2015).

ской политики»[645]. Академик Эстонской Академии уаук, д. э. н. М.Л. Бронштейн писал: «По моим данным, транзит, будучи самой динамично развивающейся областью экономики, в 1990-х гг. формировал 10–12% внутреннего валового продукта Эстонии. А если рассматривать сопряженные сферы – например, финансовые и логистические услуги, то эта цифра значительно возрастет».

О значении транзита в экономике государств Прибалтики всегда шли споры. Но неоспоримо, что в конце 1990-х и в начале 2000-х гг. доля этой области экономики вместе со связанными видами деятельности действительно доходила до 20% ВВП[646]. Отметим, эта цифра без собственно транспортного комплекса, с его учетом она бы еще больше возросла. Вступление Прибалтики в ЕС в принципе могло способствовать развитию торговли и транзита. Однако предположение о том, что «вступление Латвии, Литвы и Эстонии в Европейский союз стало предпосылкой для дальнейшего развития торгово-экономических отношений», закономерно не оправдалось[647]. В понятие транзитной политики в XXI веке не может не входить и оценка политического климата. Признаком политической составляющей является то, что порты стран Балтии за первые четыре месяца 2015 года перевалили в общей сложности 53,239 млн тонн грузов – на 3,638 млн тонн (6,4%) меньше, чем за тот же период 2014 года[648].

Каспарс Озолиньш, госсекретарь Министерства сообщений Латвии отмечал в середине 2015 года то, что доля транспортной отрасли в ВВП страны составляет около 10%, а услуг транзита еще 4%[649]. С нашей точки зрения доля транзита и транспорта в ВВП

---

[645] *Кудряшов Н., Нечай А.* Транзитный потенциал: сущность, факторы реализации, подход к оценке // Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 3. С. 94.

[646] *Бронштейн М.* Латыши оказались мудрее нас // Бизнес & Балтия. 2007. 15 июня. № 113 (3236).

[647] *Козлов О.* Особенности внешнеторговых связей стран Балтии и России (1991–2012 гг.) // Власть. 2014. № 3. С. 122.

[648] Четырехмесячный грузооборот портов стран Балтии уменьшился на 6,4%. URL: http://rup.ee/rus/novosti/ekonomika-i-biznes/chetyrekhmesiachnyi-gruzooborot-portov-stran-baltii-umenshilsia-na-6-4 (дата обращения: 09.06.2015).

[649] *Павук О.* Будущее портов Балтийского моря зависит от России. URL: http://www.baltic-course.com/rus/transport/?doc=110239 (дата обращения: 04.09.2015).

Латвии не менее 15–16%. Если будет прекращен транзит российских грузов через Латвию, железнодорожная отрасль страны потеряет 43,7 млн тонн грузов или примерно 90% всего грузопотока. При этом, с одной стороны, в весеннем (2015 г.) докладе Минсообщения ЛР о влиянии санкций на транзитную отрасль Латвии мы читаем: «Латвия потеряет в первую очередь грузы угля и нефтепродуктов, идущие через порты и по железной дороге», но при этом «концепция Латвии как моста между западом и востоком не работает, и от нее нужно отказаться». Об этом в том же 2015 году, заявил советник президента Латвии по экономике и европейским делам, в прошлом комиссар ЕС А. Пиебалгс (в настоящее время экс-советник экс-президента). В Риге и Вильнюсе подсчитывают прибыль от перенаправления российских и белорусских грузов, сориентированных ранее на Одессу и Ильичевск в свои порты. Часть этой прибыли уходит на поддержку киевского режима. Украинский кризис выгоден Литве и Латвии с экономической точки зрения. В этих условиях именно государства Прибалтики продолжают насыщать политическими рисками остатки прежних моделей экономического сотрудничества. Поиск компромисса практически исключен не из-за российской политической позиции, но из-за объективных экономических причин. Инфраструктура транзита стоит дорого, окупается медленно и требует политической стабильности, т. е. именно того, чего так не хватает в отношениях государств Прибалтики и России.

Вопрос о транзите и его экономическом значении связан с экономической оценкой железнодорожного транспорта. Роль железнодорожного транспорта в экономике современных европейских государств, как правило, невелика. Государства Прибалтики – исключение. Роль транспорта в экономическом развитии объясняется тем, что «помимо прямых эффектов, имеющих значение непосредственно для железнодорожного транспорта, существует… спектр мультимодальных эффектов, которые реализуются в целом в транспортной системе страны. Значительная часть внешних эффектов от развития железнодорожного транспорта является мультипликативной по степени воздействия на социально-экономическое развитие страны»[650].

[650] Оценка крупных инфраструктурных проектов. Задачи и решения. Разработки врамках проектов ЦСР. М., 2013.

Учитывая структуру экономики стран Прибалтики и масштабы внутренних рынков, следует признать то, что самосуществование железных дорог в этом регионе без российского участия бессмысленно, а без них невозможен и транзит. Несмотря на то, что рассматриваемые государства уже двадцать три года не используют тезис о «транзитном мосте», на практике железные дороги остались ключевой отраслью их национальных экономик, и правительства трех Прибалтийских республик уделяют большое внимание железнодорожной инфраструктуре. При этом неоднократно предпринимались попытки реформирования железных дорог. Вопрос об их организационной структуре находится вне зоны наших интересов. Исходя из общей темы исследования, в данной статье мы сосредоточимся на крупнейшем инфраструктурном проекте – «Рейл Балтика» (Rail Baltica).

Официально главной целью «Рейл Балтика» является возобновление непосредственной связи государств Прибалтики с европейской железнодорожной сетью и развитие региональной интеграции. Интеграция железных дорог стран Балтии в транспортную систему Евросоюза гипотетически позволит увеличить скорость движения поездов, рост пассажиро-, грузопотоков и прибылей. Согласно проекту, единая европейская колея должна соединить Таллин, Ригу, Каунас, улучшив, таким образом, сообщение между Центральной и Восточной Европой. В конце октября 2006 года в Вильнюсе состоялась первая презентация «окончательного» отчета о возможностях железнодорожного проекта «Рейл Балтика». В июле 2007 года Литва, Латвия и Эстония подготовили и согласовали графики своих действий по выполнению проекта и подали заявки на получение финансовой помощи для их осуществления в рамках программы на 2007–2013 гг.

В июне 2010 года в Роттердаме была подписана декларация о перевозке грузов по железнодорожному коридору № 8 «Страны Бенилюкса – Германия – Польша». Железнодорожная ветка Каунас-Варшава, входящая в часть пути «Рейл Балтика», стала частью этого железнодорожного коридора. Первый проект «западной» интеграции – железнодорожная линия «Рейл Балтика» (Варшава – Каунас – Рига – Таллин – Хельсинки) – изначально рассматривался как неотъемлемая часть трансъевропейской транспортной сети TEN-T, которая поможет сформировать конкурентоспособную европейскую железнодорожную сеть. Об этом

говорилось в подписанной 19 октября 2009 г. в Вильнюсе декларации министров транспорта Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии комиссара Еврокомиссии по транспорту. Экс премьер-министр Литвы Альгирдас Буткявичюс полагал, что проект трансъевропейской железной дороги «Рейл Балтика – 2» начнет реализовываться лишь после 2020 г. По его словам, до 2016 года будут проведены исследования по проекту, так, что строительство продолжится и в 2021–2027 гг.[651]

24 ноября 2015 года в Таллине был подписан договор между агентством инноваций и сетей Европейского союза (INEA) и совместным предприятием трех Балтийских стран RB Rail AS о финансировании на средства ЕС в объеме 442 млн евро (500 млн $) международной скоростной железной дороги Rail Baltica. Поток журналистского красноречия с энергией Фукусимской АЭС ударил в ослабевшие от пропаганды балтийские головы. Никому не пришло в голову то, что это никакое не строительство. Неслучайно «Деловые ведомости» указывают на то, что «эти средства пойдут на финансирование международной скоростной железной дороги Rail Baltic в течение первого периода строительства»[652]. В чем смысл этого заявления? Дело в том, что это деньги не на строительство, а на финансирование организации этого строительства. Стоимость самого строительства следует уточнить.

Стоимость строительства 1 км ВСМ в Китае составляет порядка 15 млн $, в США – 40–80 млн $. Приведем еще одну цифру для иллюстрации финансовой составляющей проекта: управляющая железнодорожной инфраструктурой в Польше компания (Polskie Linie Kolejowe S. A.) получила в 2014 году от Евросоюза порядка 1,3 млрд злотых (311,3 млн евро) на модернизацию 70-километрового участка, который является частью проектируемой железной дороги «Рейл Балтика – 1» с евроколеей. Итак, на 70 км – дотация в 300 млн евро, помимо собственных расходов Польши и при условии реконструкции, а не нового строительства. Таким образом, стои-

---

[651] Премьер: проект Rail Baltica – 2 – долгосрочный // ИА «15 минут LT(RU)». URL: http://www.15min.lt/ru/article/ekonomika/premer-proekt-rail-baltica-2-dolgosroch-nyj-505-383526#ixzz2k4faIU9W> (дата обращения: 08.11.2013).

[652] В странах Балтии появится скоростная железная дорога. URL: http://dv.ee/novosti/2015/11/24/v-stranah-baltii-pojavitsja-skorostnaja-zheleznaja-doroga (дата обращения: 24.11.2015).

мость Rail Baltica не может быть 4–5 млрд евро[653]. Минимально реалистичная цена в два – три раза больше. Директива ЕС № 2012/34 определяет единый механизм определения и покрытия расходов на содержание инфраструктуры на всем железнодорожном пространстве Сообщества. В соответствии с ней, если доходы от услуг управляющего инфраструктурой в этот период не покрывают соответствующие расходы, разницу компенсируют из государственного бюджета. Таким образом, нет смысла говорить о том, что эта сумма непосильна для национальных экономик государств Прибалтики, это очевидно. В текущих условиях подобный проект непосилен для Европы в целом.

Укажем на некоторые промежуточные итоги. Крупные инфраструктурные проекты признанный драйвер национальной экономики в любой стране. Однако для государств Прибалтики они несут не типичную смысловую нагрузку. Все они ориентированы на достижение ложнопонимаемой геоэкономической независимости, игнорирование объективных законов рынка и логики международного разделения труда.

6. Коррупционная составляющая в экономической практике государств Прибалтики

На протяжении 10–15 лет с момента провозглашения независимости Литвы, Латвии и Эстонии как внутри этих государств, так и в научных кругах России в представлении общественности преобладала точка зрения, что им не присущи некие черты восточноевропейской и советской действительности, в том числе определенная склонность к коррупционным схемам. 25 лет назад Литва, Латвия и Эстония достаточно быстро стартовали и провели успешные реформы. Например, в ЖКХ. В Прибалтийских странах реформы в сфере ЖКХ закончились, когда в России о них только начали говорить. В целом, неплохо была проведена земельная реформа. Меньшее количество ошибок и скандалов было с прибалтийской формой приватизации. При этом наблюдатели из Варшавы, Берлина и Лондона видели, что процессы в Прибалтике идут позитивно в сравнении с Москвой, Киевом, Минском,

[653] *Межевич Н.М.* Внешняя политика государств Прибалтики и крупные инфраструктурные проекты // Балтийский регион. 2014. № 1. С. 21.

Кишиневом, Тбилиси. На определенном этапе положительное воздействие оказало демонстративное желание Прибалтики позиционировать себя в качестве западных и северных стран. Все это в совокупности работало на пользу этих государств и стало для них своего рода уникальным политико-психологическим ресурсом. В настоящее время мы наблюдаем исчерпание и этого ресурса.

Рассматривая вопрос об участии политических сил в продвижении и реализации крупных инфраструктурный проектов, следует отметить то, что политическая система государств Прибалтики существенно отличается от российской, не только формально правовым признаком, но и по размеру, величине политических элит, масштабом потенциально коррупционного капитала. Однако тезис о том, что малые государства в силу своего размера имеют качественно иные характеристики своего правящего класса, следует считать ошибочным. Действительно размеры территории, численность населения и объемы распределяемых ресурсов предполагают наличие более сложных схем сращивания интересов политиков и бизнесменов. Ресурсы госбюджета настолько ограничены, что средства Евросоюза становятся практически единственным источником возможного перераспределения. Причем специфика системы контроля в ЕС и государствах Прибалтики такова, что прямые дотации находятся под жестким контролем. С другой стороны, средства на инфраструктурные проекты в классической Европе традиционно являются оптимальным инструментом перехвата ресурсов политическими элитами. Однако лоббирование бизнесом своих интересов повсеместно. В Эстонии и Латвии модель отношений «политика-бизнес» с середины 90-х годов прошлого века пытались строить как подражание «северной или скандинавской модели». Эксцессы типа продажи рублевой массы в Чечню и перевозки оружия на пароме «Эстония» с последующей гибелью судна вместе с большинством пассажиров, вызвали достаточно жесткую реакцию в компетентных структурах США и Европы. Скандалы удалось погасить, но именно после этих событий произошла ревизия внешних признаков сращивания политических элит и бизнеса, был успешно запущен PR – проект, рекламирующий правящую элиту в категориях традиционных национальных ценностей. Экспортно-ориентированные легенды

типа «президент Мери в такси» призваны снять общественное внимание с таких проблем как масштабный «seemukapitalism» т.е. «капитализм братанов». Примерами масштабных коррупционных проектов, основанных на сращивании политической власти и бизнес-проектов в Литве, следует считать закрытие Игналинской АЭС[654], продажи и перепродажи Мажейкяйского НПЗ, строительство национального стадиона в Вильнюсе. По неофициальным данным, строительство национального стадиона использовала в своих целях коалиция «Порядка и справедливости». Строительство Дворца правителей в Вильнюсе и как символ текущей политики Литвы новое здание Департамента госбезопасности – примерно 400 млн литов и более 10 лет строительства считается проектом «Союза Отечества»[655].

В Прибалтике проблема коррупции стоит достаточно остро. Согласно проведенному недавно опросу компанией Ernst & Young, выяснилось, что 21% работающих в Латвии, Литве и Эстонии предприятий готовы давать взятки. Ранее Министерство внутренних дел Эстонии провело исследование, в результате которого выяснилось, что 35% местных предприятий не видят в коррупции большой проблемы[656]. Выраженный в процентах от внутреннего валового продукта (ВВП), объем теневой экономики Латвии в 2014 году составил 23,5%. По сравнению с 2013 годом уровень теневой экономики в Латвии сократился всего лишь на 0,3% от ВВП. В свою очередь, в Эстонии и Литве теневая экономика в 2014 году достигала 12,5–13,2% от ВВП, и эти страны продолжали свою

---

[654] «Бесконечные командировки, экспертизы, изыскания, анализы, согласования, консультации, семинары, форумы, фуршеты и банкеты. Причем после очередного коммерческого провала, во время которого часть денег успевают “распилить”, следуют заверения, как правило, из уст министра энергетики: приобретен опыт, который на следующем этапе поможет избежать ошибок и даст неоспоримые плюсы – в общем, “чтобы провал не слишком проваливался”. Коррумпированная Прибалтика: Бриллианты власти, самый дорогой мост в мире и «скучная» Эстония http://www.regnum.ru/news/1406809.html (дата обращения: 20.05.2011).

[655] Обзор литовских газет. Вильнюс, 30 октября. (ЭЛЬТА). http://www.leta.lv/rus/news/baltics/1332CD69-70DE-CF33-7799-AC8414939868/ (дата обращения: 20.05.2011).

[656] В Прибалтике четверть предприятий готова давать взятку. URL: http://www.newsbalt.ru/detail/?ID=340 (дата обращения: 7.06.2011).

долгосрочную тенденцию к постепенному снижению объема теневой экономики[657].

Спецификой рассматриваемого региона является предельно высокая степень интегрированости правящего класса. Политики и бизнесмены заканчивает одни и те же школы, учатся в одном и том же университете, проводят время в одних и тех же студенческих корпорациях и, естественно, сохраняют эти связи на всю жизнь. Безусловно, внедрение в политический класс влиятельный группы лиц, чья карьера состоялись за пределами Прибалтики, в США и Канаде, несколько изменило указанную ситуацию. Тем не менее сделанные выше оценки остаются в силе. Масштабы скандалов и конфликтов бизнес интересов носят в Прибалтике такой же характер и масштаб, как и на остальной части постсоветского пространства. Сегодня прямое лоббирование тех или иных инфраструктурных проектов в Прибалтике возможно только при их грамотном легендировании под «национальный проект». Именно это мы и наблюдаем при вбрасывании т. н. крупных инфраструктурных проектов. Определить личную заинтересованность конкретного политика в большинстве случаев затруднительно. Как правило, сегодня используются схемы с использованием дружественных бизнесменов с последующими пожертвованиями посредникам и сбросам в партийные кассы, зарубежные активы, родственникам. Проследить цепочки зависимости между теми или иными политиками и инфраструктурными проектами сложно.

Наличие мощных, но не официальных каналов информации, (все знают всех) практически исключает прямое личное использование тех или иных бизнес проектов в личных целях. Отметим, что организационная деятельность по предпроектным подготовкам и экспертизам, выполняемая «своими» фирмами, юридически безупречна. Последующие перечисления в партийные кассы де-юре законны, т. е. лоббирование де-факто очевидно, но де-юре отсутствует. В этом и заключается специфика прибалтийской модели.

---

[657] Объем теневой экономики в Латвии не уменьшается. URL: http://www.chamber.lv/ru/jaunumi/obem_tenevoi_ekonomiki_v_latvii_ne_umenjsaetsj-340 (дата обращения: 7.06.2011).

7. Финансово-экономические отношения с Европейским союзом

Рассматривая перспективы экономики государств Прибалтики, можно с уверенностью сказать то, что эти страны достаточно эффективно воспользовались всеми возможностями европейской интеграции. Именно ресурсы ЕС способствовали тому, что со времени вступления в эту организацию в 2004 году внутренний валовой продукт (ВВП) Эстонии в расчете на душу населения вырос с 55% от среднего по Европе до почти 75% в 2014 году. Этот тезис применительно к своим странам используется и в Латвии и Литве. В данном случае следует отметить то, что за прошедшие годы существенно изменилась методика расчета ВВП (обеспечив его бумажный рост). Во-вторых, расширился ЕС, причем и Болгария, и Румыния объективно уменьшили средние европейские показатели.

«Если сравнить на уровне Балтии, заплаченные в бюджет ЕС и полученные от ЕС суммы в период с 2000 по 2011 г., удачнее всего деньги в оборот пустила Литва, даже если не считать особую поддержку ЕС на закрытие Игналинской АЭС. Литовцы с каждого заплаченного в бюджет ЕС евро возвращают себе 4,4 евро, Латвия – 3,7 евро, а Эстония – 3,4 евро. Но если сравнивать общую полученную поддержку ЕС на одного жителя страны, в конкурентной борьбе между странами Балтии сильнее оказывается Эстония (2,72 евро на одного жителя), которая немного опережает Литву (2,68 евро на жителя) и на 20% – Латвию (2,17 евро на жителя)»[658]. Тем не менее существует «опасность, что приток средств окажется пирровой победой… слишком большой поток может вызвать негативный эффект. Часто инвестиционные решения принимаются исходя из «возможностей», предлагаемых различными европейскими программами, а не на основе «потребностей» населения. В условиях, когда подрядчик не чувствует всех издержек распоряжения своим бюджетом, есть риск чрезмерного капиталовложения. Есть множество примеров, когда крупные строительные проекты начинались без учета реальной потребности в них или без достаточных ресурсов для покрытия

[658] Эксперт: среди стран Балтии нет абсолютного лидера по освоению еврофондов. URL: http://bnn-news.ru/ekspert-sredi-stran-baltii-net-absolyutnogo-lidera-po-osvoeniyu-evrofondov-84672 (дата обращения: 03.06.2015).

хотя бы текущих расходов в долгосрочной перспективе»[659]. В последние годы у правительств государств Прибалтики на переговорах о дотациях в национальные бюджеты были три приоритетные задачи: 1) увеличить средства Фонда сплочения, 2) увеличить субсидии фермерами по линии общей сельскохозяйственной политики (ОСП), 3) обеспечить финансирование проекта «Рэйл Балтика» по линии программы «Соединить Европу»[660].

Надежда на помощь ЕС – ключевой фактор формирования текущей политики государств Прибалтики. Однако вопрос об экономических перспективах ЕС в целом не ясен. Существующие в настоящее время проекты взаимодействия Прибалтийских государств и Европейского союза в области инфраструктуры потребуют затрат, сопоставимых с затратами на строительство советской инфраструктуры в 1950–1980-х гг. Разница заключается в том, что тогда окупаемость затрат на инфраструктуру опиралась на потенциал трехсотмиллионного советского рынка. Сегодня у ЕС нет возможностей оплачивать подобные проекты, однако нет и желания прямо сказать об этом Таллину, Риге, Вильнюсу. Сегодня инвестиции в общественный сектор на 75–90% осуществляются за счет различных дотаций Евросоюза. Если исходить из того, что бюджет Эстонии состоит из ста единиц, то 76% из них зафиксированы законами – пенсии, пособия, прочие расходы, предусмотренные законами. Свободными являются 24%, эта та часть бюджета, которую может обсуждать парламент. В последние годы доля средств ЕС составляла в бюджете Эстонии 16–18%[661]. Прибалтийская модель экономики держится и будет держаться за счет денежных вливаний из ЕС. Сама система не генерирует постоянного потока средств.

---

[659] *Хольмгаард А. Р.* Эстония // Bulletin on European and CIS Studies EU Budget 2014–2020: Views from across Europe after 7–8 February 2013. М. Институт Европы РАН, 2013. С. 13.

[660] See, e.g., Estonian Government press release 'Peaminister Ansip osaleb Euroopa Ülemkogu kohtumisel' (February 6, 2012, in Estonian). URL: http://valitsus.ee/et/uudised/74044/peaminister-ansip-osaleb-euroopa-%C3%BClemkogu-kohtumisel (дата обращения: 01.06.2015).

[661] Варблане: для нас государство – клуб миллиардеров. URL: http://rus.postimees.ee/1173604/varblane-dlja-nas-gosudarstvo-klub-milliarderov (дата обращения: 19.03.2013).

8. Политические аспекты экономической трансформации

Предельная политизация процессов экономического развития, большая, чем где бы то ни было на постсоветском пространстве, является характеристикой экономического режима Прибалтийских стран. Экономическая мифология в Эстонии и Латвии стала частью политики, нормой государственного управления. Объяснение сложнейших экономических процессов через простые политические лозунги и критику предшествующих экономических практик. Отметим то, что «запаса» политизации экономики хватило почти на двадцать лет, но «в данный момент все большее количество людей интересуется конкретными результатами политики, а не ее идеологическими основами»[662]. В качестве конкретных результатов общество требует предъявить именно эти западные стандарты качества жизни, но их как раз и нет.

Дэвид Вудрафф профессор политологии в Массачусетс комтехнологическом институте, полемизируя с известнейшим экономистом – транзитологом М. Олсоном пишет: «Успех демократии состоял в том, что она способствовала выработке адекватной политики, приспособленной к локальным условиям. То есть речь идет о политике, основанной на понимании и того, что просто взорвать унаследованную от социализма промышленность вряд ли будет наилучшим выбором...»[663] только 25% жителей Латвии, 25% – Литвы и 22% – Эстонии «скорее согласны» с мнением о том, что их голос учитывается в ЕС (в среднем по ЕС – 33%). Впрочем, для сравнения: 32% латвийцев, 16% литовцев и 53% эстонцев «скорее согласны» с мнением, что их голос учитывается в их собственных государствах (в ЕС – 52%).[664]

---

[662] *Гечев Р.* Институциональные рамки устойчивого развития в Восточной Европе // *Олейник А., Гаман-Голутвина О.* (ред.). Административные реформы в контексте властных отношений. М. РОССПЭН, 2008. С. 211.

[663] *Вудрафф Д.М.* Власть и процветание: перерастание коммунистических и капиталистических диктатур // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. № 2 (35), С. 216.

[664] Special Eurobarometer 379. Future of Europe. Report / TNS Opinion & Social. 2012, April. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_379_en.pdf, p. 23–25 (дата обращения: 05.06.2015).

Подведем итоги. Государства Прибалтики прошли через две волны трансформации. Первая волна – 1990–2004 год. На этом этапе были в целом успешно решены задачи ключевых структурных реформ. Вступление государств Прибалтики в ЕС стало формальным подтверждением этого обстоятельства. С определенной долей условности этот период можно отнести к модернизационному проекту. Вместе с тем в этот период были заложены основы для формирования экономической модели, которая при всей ее неустойчивости способна функционировать в режиме привилегированной периферии Европейского союза.

На втором этапе страны Прибалтики безуспешно пытались преодолеть периферийность путем догоняющего развития, но, несмотря на такие попытки, все-таки остаются периферийной зоной затухающего модернизационного процесса, центр которого находится в Западной Европе. Безусловно, этот центр для своего функционирования нуждался в периферии и потому создавал ее в ходе собственной эволюции. Улучшение качества жизни населения в принципе было способно привести к изменению базовых характеристик экономической модели, однако это не является целью существующей модели в экономике и политике. Элитам Прибалтики нужен управляемый кризис, в рамках которого стабилизация достигается через поиск внешнего врага.

Формирование значительного массива эмпирических данных, творческое обобщение российских и мировых теорий и российского опыта позволяет экономистам и политологам перейти к построению теорий, основанных на новой модели исследования трансформаций в Прибалтике. Во-первых, она основана на использовании компаративистских методов исследования в транзитологии. Во-вторых, она базируется на признании того факта, что время, когда в российской науке использовались преимущественно линейно-прогрессивные концепции постсоветских трансформаций, закончилось. Условно рыночные и условно демократические экономические и политические системы в Эстонии, Латвии, Литве построены. Эта часть трансформационного развития в Прибалтике и ЦВЕ оказалась практически идентичной. Однако примерно с 2004 года начался новый этап постсоветских трансформаций, исход которых далеко не предрешен и во многих случаях трудно предсказуем.

Еще один важный момент. Прибалтийская экономическая модель, несмотря на ритуальные заклинания о евроинтеграции, оказалась далекой от базовых европейских ценностей и приоритетов, эволюционировав в направлении экономической практики англосаксонских неоконсерваторов 80-х годов XX века. Параметры, формирующие основу европейской экономической политики, даже сегодня, в 2016 году, предполагают масштабное регулирование, связанное с идеей государства всеобщего благосостояния. Текущая ориентация на сферу обслуживания предполагает столетие(я) индустриального развития и протекционистское отношение к национальной промышленности. Проведение успешной экономической политики в Европе предполагает политический плюрализм, сменяемость власти. В государствах Прибалтики этого нет. К примеру, в Эстонии полтора десятилетия у власти правые партии, в оппозиции не левые, их просто нет, а центристы Э. Сависсара – «отца» эстонских экономических реформ.

Кратко подведем некоторые итоги. Постсоветская трансформация в государствах Прибалтики завершена. Действующая экономическая модель может быть охарактеризована как либерально-англосаксонская. Однако классическая экономическая модель либерализма предполагает свободу рынка во всех географических и экономических направлениях. Именно это не характерно для государств Прибалтики.

Межевич Николай Маратович,
д. э. н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

РАЗДЕЛ VI

Конструирование национальных идентичностей: современный опыт

Максим Кирчанов

Создание латвийской национальной идентичности: от стандартной национальной культуры к постнациональным культурам массового потребительства[665]

Нации возникают как следствие развития националистических идеологий и движений. Национализм может быть отнесен к числу инструменталистских политических идеологий, которые используются для легитимации различных процессов и состояний, а также для создания, институционализации и продвижения новых политических и этнических наций и их идентичностей. Латышская идентичность в ее национальном, гражданском, этническом и политическом измерениях принадлежат к классическим «воображаемым сообществам». Воображение нации и изобретение необходимых для ее успешного существования политических традиций невозможны без визуальной имагинализации идентичности. Автор понимает имагинализацию как процесс постепенной визуализации придуманной национальной идентичности и придуманных традиций. Имагинализация латышской идентичности в XX веке имела различные формы и измерения, развиваясь под вли-

---

[665] Данная статья написана в августе – ноябре 2014 года. Моя скромная туристическая поездка в Латвию в августе 2014 года вдохновила меня вернуться к исследованию стран Балтии и дала хорошую возможность вспомнить латышский язык. Автор выражает благодарность фонду «Историческая память», который пригласил меня принять участие в конференции «Изучение стран Балтии в России» (12–14 ноября 2014 года, Москва). Участие в этой конференции напомнило мне, что я начал свою научную карьеру с изучения стран Балтии. Участники конференции Владимир Симиндей, Наталья Андреева, Сергейс Крукс, Владислав Волковс своими критическими замечаниями и вопросами помогли мне улучшить оригинальный текст работы. Особую благодарность выражаю доктору Александру Болдырихину (Воронежский государственный университет) за редактирование англоязычной версии статьи.

янием политических и идеологических процессов. Важным этапом в имагинализации латышской идентичности стал период политической независимости между двумя мировыми войнами. Советизация Латвии внесла существенные коррективы в процессы развития идентичности и ее визуализации. Восстановление независимости и интеграция Латвии в постнациональный глобализирующийся мир также повлияли на формы и проявления визуализации и имагинализации латышской идентичности.

Имагиналистическая парадигма и ее производные в исследовании национализма

В огромном количестве научной литературе, посвященной национализму и проблемам наций, представлено два основных подхода, имеющих несомненное методологическое и теоретическое подкрепление. Первый подход известен как примордиализм. Примордиализм – наследник отчасти классической романтической, отчасти позитивистской историографии с их тенденцией понимать исторические работы как линейные и хронологически последовательные повествования. Сторонники примордиализма, как правило, воспринимают нации и национализм как феномены, существовавшие в человеческой цивилизации непрерывно начиная с античности и кончая современностью[666]. Среди исследователей национализма примордиалистов немного, и это признают их интеллектуальные лидеры, в том числе британский социолог и политолог Энтони Смит[667], который отмечает, что преобладающая точка зрения в мировой историографии национализма – модернистская/конструктивистская[668].

---

[666] *Армстронг Д.* Нації до націоналізму // Націоналізм: Теорії нації та націоналізму від Йогана Фіхте до Ернеста Гелнера: Антологія. Київ, 2010. С. 294–300.

[667] *Смит Э.* Нацыяналізм у дваццатым стагоддзі. Менск, 1995; *Смит Е.* Доктрина та її критики // Націоналізм: Теорії нації та націоналізму від Йогана Фіхте до Ернеста Гелнера: Антологія. Київ, 2010. С. 104–118; *Смит Е.* Культурні основи націй. Ієрархія, заповіт і республіка. Київ, 2010; *Смит Э.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и ниционализма. М., 2004; *Сміт Е.* Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. Київ, 2004.

[668] *Смит Э.* Национализм и историки // Ниции и ниционализм. М., 2002. С. 236–263.

Второй подход к изучению национализма известен как модернизм или конструктивизм. Большая часть мирового сообщества исследователей национализма придерживается именно этой точки зрения. Признанные лидеры и классики исследования национализма – Эрнест Геллнер[669], Бенедикт Андерсон[670], Эрик Хобсбаум[671] и Мирослав Грох[672]. Сильное влияние на восприятие и понимание национализма учеными-модернистами оказали теории К. Маркса. Модернизм – попытка объяснить национализм с инструменталистской точки зрения. Склонность отцов-основателей исследования национализма к инструментализму предопределила склонность нынешнего поколения ученых к использованию концепций «изобретения» и «придумывания» в своих работах о национализме. Оригинальная, ставшая классикой работа Бенедикта Андерсона «Воображаемые

---

[669] *Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983; *Гелнер Э.* Нации и национализм. М., 1991; *Гелнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь: международный философский журнал. 1992. № 1. С. 9–61.

[670] *Андерсон Б.* Уявлена спільнота // Націоналізм: Теорії нації та націоналізму від Йогана Фіхте до Ернеста Гелнера: Антологія. Київ, 2010. С. 333–342; *Андерсон Б.* Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму. Київ,2001; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

[671] *Hobsbawm E.*Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge: CambridgeUniversityPress, 1990; *Хобсбаум Э.* Язык, культура и национальная идентичность // Логос. Философско-литературный журнал. 2004. № 4. С. 33–43; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998; *Гобсбаум Е.* Націоналізм наприкінці ХХ сторіччя // Націоналізм: Теорії нації та націоналізму від Йогана Фіхте до Ернеста Гелнера: Антологія. Київ, 2010. С. 191–210.

[672] *Грох М.* Исторические предпосылки «национализма» в центрально- и восточноевропейских странах // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 1. Неудавшийся национализм многонациональных и частично национальных государств. М., 2010. С 107–121; *Грох М.* Нацыя як прадукт сацыяльнай камунікацыі? (да праблсмы параўнання чэшскай і беларускай «мадэлей» нацыянальнага Адраджэння) // Гістарычны Альманах. 2006. Т. 12. С. 5–21; *Грох М.* Ад этнічнай групы да мадэрнай нацыі: чэшскі прыклад // Arche. 2007. № 1–2; *Грох М.* У нацыянальных інтарэсах. Патрабаваньні й мэты эўрапейскіх нацыянальных рухаў XIX ст. у параўнаўчай пэрспэктывеin // Arche. 2007. № 6.

сообщества»[673] и сборник статей «Изобретение традиций» под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера[674], увидели свет в 1983 году.

Основные идеи классических работ Бенедикта Андерсона, Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера хорошо знакомы историкам национализма. В этой статье мы будем придерживаться лишь некоторых вводных и критических заметок. Национализм и нация в них понимаются как феномен современной истории, возникший в результате сочетания социальных, экономических и интеллектуальных факторов. Модернистская историография называет интеллектуалов, создающих и придумывающих нации, их мечты и придающие им желаемые свойства, отцами-основателями национализма. Системная характеристика наций состоит в языке, истории, культуре, литературе и традициях. Все эти феномены являются современными, изобретенными и придуманными понятиями. Данное утверждение не означает, что у нации не может быть древних корней и традиций, однако они не имеют большого влияния и не могут играть независимой и решающей роли без активного придумывания, осуществляемого националистами и интеллектуалами. Изобретение и придумывание можно считать двумя социоэкономическими инструментами, используемыми интеллектуалами при политической модернизации. Конструктивистский подход основан на определении модернизации[675] как процесса постепенной трансформации архаичных традиционных сообществ в современные национальные государства.

---

[673] *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1991.

[674] *Кеннедайн Д.* Контекст, виконання і значення ритуалів: британська монархія і «винайдення традиції» у 1820–1977 рр. // Винайдення традиції. Київ, 2005. С. 124–191; *Гобсбаум Е.* Масове традиціє творення: Європа, 1870–1914 рр. // Винайдення традиції. Київ, 2005. С. 303–352; *Гобсбаум Е.* Вступ: винаходження традицій // Винайдення традиції. Київ, 2005. С. 12–28; *Тревор-Роупер Г.* Винайдення традиці: горська традиція Шотландії // Винайдення традиції. Київ, 2005. С. 29–58; *Морґан П.* З небуття на поверхню: пошуки валлійського минулого в період романтизму // Винайдення традиції. Київ, 2005. С. 59–123.

[675] *Weber E.* Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France, 1870–1914. London, 1979.

Латвия, «терра инкогнита» имагиналистского подхода к исследованию национализма

Придумывание (имагинация) и изобретение – чрезвычайно продуктивные концепции исследования национализма при изучении постколониальных сообществ Ближнего Востока, Индонезии, Малайзии, Африки и Латинской Америки. Европейский национализм является не такой популярной темой анализа среди исследователей наций и идентичностей, использующих концепции «имагинации» и «изобретения». Сторонники конструктивизма в его имагиналистической и изобретательской версиях игнорируют многие страны Европы, в том числе Латвию. Книга латвийско-канадского исследователя национализма Дайны Стукулс Эглитис «Придумывая нацию: история, модернизация и революция в Латвии», опубликованная в 2002 году[676], является одной из немногих попыток применить этот имагиналистический / изобретательский подход к истории Латвии.

Данная работа – не попытка описать или предложить новую версию латвийской теории национализма как историю националистического имагинализма или интеллектуального инвенционализма, тем самым продолжив подобную традицию. Эта цель была бы слишком смелой даже для монографии и явно не подходит для скромной статьи. Нижеприведенный текст не более, чем попытка применить концепцию инвенционализма как частный случай большой конструктивистской парадигмы в изучении латвийского национализма, сосредоточенного на факторе имагинализма. Мы проанализируем чисто формальные или формализированные формы имагинализации латвийской национальной идентичности, изначально предназначавшиеся для массового потребления гражданами исключительно в форме книг. Другие выражения визуализации латвийской идентичности в контексте различных версий национализма (изящные искусства, скульптура, киноиндустрия и т. д.) должны стать объектом дальнейших научных исследований. Имагинализация развивается в различных формах, и Латвия не стала исключением в общем правиле об имагинализации национализма и изобретении традиций.

---

[676] *Eglitis D. S.* Imagining the Nation: History, Modernity, and Revolution in Latvia. University Park: Pennsylvania University Press, 2002.

Националистическая имагинализация при Первой Республике: от демократии к национал-авторитаризму

Латвия объявила о своей политической независимости в ноябре 1918 года. Установление независимой Латвийской Республики стало важной вехой в истории латвийской нации. Латвийская Республика стала первым независимым государственным образованием на территории Латвии после многовекового разрыва в политическом развитии, начатым завоеванием Германией в XIII веке. Провозглашение независимости и последующие годы свободного развития породили различные формы латвийского национализма. В 1920–1930-х гг. латвийской идентичности не угрожали препятствия наподобие германизации и русификации, с которыми она сталкивалась в XIX веке. В этой ситуации латвийский националистский имагинализм получал неприкрытую поддержку и протекционизм со стороны властей. Интеллектуальный и культурный климат в Латвии в межвоенный период стимулировал развитие латвийской идентичности в ее визуальной и имагиналистической формах. Процесс имагинализации латвийской идентичности способствовали общеисторическому процессу изобретения традиций.

Традиции имагинализации национальной политической и этнической идентичности в Латвии в 1920–1930-х гг. имели разные формы и измерения. Активное распространение латвийских книг и других печатных материалов, которые визуально актуализировали, поддерживали, поощряли и продвигали латвийскую идентичность, стали повсеместным методом имагинализации латвийской идентичности. Латвийский национализм в годы между двумя войнами прочно закрепился в стандартизированной системе латвийской идентичности. Грамотные и образованные граждане Латвии, умеющие читать и писать, были главными потребителями этой идентичности. Они также были целевой социальной группой новоизобретенных и придуманных традиций. Латвийские книги и другая печатная продукция (политические и пропагандистские плакаты и рекламные афиши) были универсальными инструментами, используемыми элитой и интеллектуалами для национализации масс и традиционализации их нынешнего политического положения. Лат-

вийские издатели отказались от немецких шрифтов по политическим и идеологическим причинам в рамках дальнейшей национализации книг в Латвии и последовательным разрывом с немецким культурным влиянием.

Мы сделаем попытку проанализировать различные измерения и формы визуального националистического дискурса в Латвии в межвоенный период в контексте имагинализации латвийской идентичности.

Имагинализация латвийской идентичности в 1920–1930-х гг. стала путем возрождения традиционной латвийской культуры, возвращения на повестку дня романтических идей и концепции латвийских народных традиций, этнической самобытности и исторической оригинальности. Сотни книг, опубликованных между двумя мировыми войнами, были составной частью этого значительного дикурса о трепетном и теплом отношении к национальным традициям, основанном на абсолютном, почти религиозном принятии и понимании. Официальные публикации формировали и предлагали позитивный образ Латвии. В таких книгах, как «Леттланд»[677], опубликованной в 1938 году и ориентированной прежде всего на потенциального зарубежного читателя, предлагался новый подход к пониманию Латвии. Образ страны, представляемый в книгах второй половины 1930-х гг., имел синтетический характер, а их визуальные измерения были элементами новой традиции придумывания латвийской политической идентичности в качестве сопутствующего проекта. Визуальные формы этой новоизобретенной традиции верности Латвии выводили на первый план одновременно романтические и идиллические картины аграрной страны и нового государства из стекла и металла, его рост, прогресс и динамичное развитие. Фундаментальные академические публикации и книги, опубликованные при Первой Республике, можно анализировать как своеобразные исторические памятники с мощной визуальной составляющей. Книга «*Talsu novads. Enciklopēdisks rakstu krājums*» является одним из таких памятников истории второй половины 1930-х гг., в которых актуализировались национальные и региональные тенденции развития и трансформации латвийской национальной идентичности.

[677] Lettland. Landschaft, Volksleben, Baukunst und Museen. Riga: Pagalms, 1938.

Книга «*Talsu novads. Enciklopēdisks rakstu krājums*» актуализировала некоторые традиции имагинализации и инвентализации традиций, а также различные уровни и измерения латвийской национальной идентичности. Речь идет о следующих формах имагинализации латвийской идентичности:

а) визуализация традиционной народной архитектуры как одного из столпов латвийской идентичности;
б) актуализация преемственности поколений культурных и литературных деятелей как системная база развития латвийского национализма;
в) визуализация военных форм идентичности как попытки придать ореол славы оборонному и армейскому потенциалу латвийской нации и процесса построения государства;
г) визуализация национального романтизма в форме репродукций картин латвийских художников на национальную и романтическую тематику.

Имагинализация этнической идентичности при Первой Республике имела другие свойства. Латвийские интеллектуалы считали, что традиционная этническая культура была универсальной формой этнической преемственности поколений латвийцев. Визуализация идентичности основана на этнической и фольклорной традициях и позже приобрела форму активных научных исследований различных форм захоронений в деревенских районах Латвии, традиционных крестов, оград, сельской архитектуры, паттернов и орнаментов традиционной деревенской одежды и вышивки, домашней утвари, предметов обихода латвийских крестьян в XIX и в начале XX века. Статьи К. Андерманиса[678] и А. Карнупса[679] представляли из себя формы придуманных традиций, сосредоточенных на имагинализации и визуализации умирающего традиционного обихода. Имагинализация этих форм этноса имела своей целью актуализацию традиционной культуры латвийской национальной идентично-

---

[678] *Andermanis K.* Tautas celtniecība un ēku iekārta Talsu novadā // Talsu novads. Enciklopēdisks rakstu krājums. Rīgā: Talsu un Tukumu studentu biedrības izdevums, 1935–1937. 116. – 147. lpp.

[679] *Karnups A.* Talsu novada apģērbs un rotas // Talsu novads. Enciklopēdisks rakstu krājums. Rīgā: Talsu un Tukumu studentu biedrības izdevums, 1935–1937. 148. – 161. lpp.

сти. К началу независимого политического развития в 1918 году латвийцев нельзя было назвать архаичной или традиционалистской нацией. Социальные и экономические признаки— такие, как политическая модернизация, экономическое развитие и уровень грамотности жителей, позволяют относить Латвию к быстро развивающимся национальным государствам. В период между двумя войнами правящая элита понимала роль и важность этнической культуры и традиционализма, сохранения и укрепления национальной идентичности. Они пытались интегрировать архаичную и традиционную культуры в контекст независимой Латвии. Эти попытки происходили на фоне актуализации процессов имагинализации идентичности в форме визуального дискурса.

Одним из форм придумывания и имагинализации политических традиций было визуальное выражение преемственности поколений в национальном движении Латвии. К началу 1920-х гг. Латвия была одним из немногих национальных государств Восточной Европы, появившихся в результате распада многонациональных империй и оставшихся недовольными неожиданными результатами Первой мировой войны, а также социальными и политическими революциями в Европе. Латвия в качестве национального государства столкнулась с несомненными и значительными проблемами, включая отсутствие традиции, и испытывала острую нужду легитимизировать существование государства. Хорошо известно, что националисты, являясь особым видом политических активистов, свято верующих в свою правоту, заинтересованы в доказательстве преемственности в качестве законных духовных преемников своих исторических и политических предшественников. В 1920–1930-х гг. латвийские интеллектуалы активно развивали и продвигали культ отцов-основателей латвийской нации, ярко подчеркивая идею о том, что они являются их истинными политическими преемниками. Например, латвийский ученый З. Граудс[680]пытался совместить

[680] *Ezerkalns K.* Talsu novads literātūrā// Talsu novads. Enciklopēdisks rakstu krājums. Rīgā: Talsu un Tukumu studentu biedrības izdevums, 1935-1937. 357. - 386. lpp.; *Grauds Ž.* Talsu novada rakstnieki un zinātnieki // Talsu novads. Enciklopēdisks rakstu krājums. Rīgā: Talsu un Tukumu studentu biedrības izdevums, 1935-1937. 402. - 429. lpp.

национальные и региональные проекции латвийской идентичности; один из его текстов, написанный в межвоенный период, был полон образов латвийских национальных активистов. Эта политическая вера была формой самоактуализации инвентизации и имагинализации традиций политической преемственности и неминуемости установления независимого Латвийского государства в 1918 году.

Имагинализация и визуализация латвийской идентичности при Первой Республики приобрела неожиданные формы милитаризации латвийской идеи. К началу 1920-х гг. у Латвии был ограниченный военный и политический опыт. Латышские стрелки стали несколько неожиданным достижением властей Российской империи, которые пытались использовать военный и политический потенциал пограничных земель в Первой мировой войне. Война за независимость против Германии, белогвардейцев и местных большевиков позволила латвийским националистам получить первый, хотя и крайне ограниченный, опыт боевых действий. К началу 1920-х гг. латвийская армия лишь делала первые самостоятельные шаги. Латвийской армии нужны были победы, ей не удавалось сформировать свой позитивный, привлекательный образ. Латвийские национально ориентированные интеллектуалы и журналисты (А. Фабрициус[681], М. Эглитис[682] и другие) в своих работах формировали патриотическую позицию латвийской армии. Их тексты были наполнены национально окрашенными иллюстрациями и фотографиями еще живых на тот момент борцов за свободу и независимость Латвии, что актуализировало новую и придуманную политическую традицию официально разрешенного патриотизма. Латвийские интеллектуалы были в числе волонтеров, которые пытались сформировать новую политическую традицию милитаризированного патриотизма с чрезвычайно привлекательной визуальной составляющей. К 1930-м годам латвийские политики уже могли предложить формализованное, канонизированное определение латвийской

[681] *Fabriciuss A.* Atbrīvošanas cīņas Talsu novadā // Talsu novads. Enciklopēdisks rakstu krājums. Rīgā: Talsu un Tukumu studentu biedrības izdevums, 1935–1937. 667. – 675. lpp.

[682] *Eglītis M.* Talsu aizsargu pulks // Talsu novads. Enciklopēdisks rakstu krājums. Rīgā: Talsu un Tukumu studentu biedrības izdevums, 1935–1937. 676. – 678. lpp.

армии. Его представлял уникальный стиль военной униформы, отличный от форм соседних стран. В этой ситуации латвийская политическая элита активно пыталась изобрести, придумать и институционализировать военную традицию, основанную на рассказах и идеях национального героизма, военной романтики и возврату к исторической памяти о бесстрашной борьбе древних латышских племен против немецких захватчиков.

Политическая и научная деятельность латвийских националистов в период между мировыми войнами подстегнула процесс визуализации и имагинализации национальной идентичности, однако их воздействие нельзя сравнить со схожими достижениями визуальных изящных искусств. Значительная часть представителей латвийского искусства при Первой Республике была истинными патриотами и умеренными националистами. Их различная деятельность помогла актуализировать и усилить различные измерения латвийской идентичности, основанной на идее об исторической преемственности поколений. Латвийские люди творчества также романтизировали прошлое своей нации, идеализировали латвийское крестьянство как костяк нации, актуализировали традиционные деревенские формы национальной идентичности. Книжная индустрия и рынок при Первой Республике быстро ответил на патриотические запросы общества, заинтересованного в этих живых визуальных образах и формах латвийской идентичности. Специализированные и научные публикации, посвященные подробному изучению истории и географии регионов Латвии, представляют интерес в контексте исторических памятников, актуализирующих различные формы придумывания политических традиций. Фундаментальный научный труд «*Talsunovads. Enciklopēdisks rakstu krājums*» в главе «*Talsu novada gleznotāji*»[683] содержит национально окрашенные иллюстрации, в том числе «Рыбаки» (*Zvejnieki*) Марии Муценице, актуализирующую латвийскую рыболовную традицию, «Смерть полковника Калпакса» (*Pulkveža Kalpaka nāve*) Заниса Сунинса, романтизирующую решающие моменты военной истории Латвии 1918 года, «Возвращение» (*Atgriešanās*) Карлиса Сунинса, также ос-

[683] *Sūniņš K.* Talsu novada gleznotāji // Talsu novads. Enciklopēdisks rakstu krājums. Rīgā: Talsu un Tukumu studentu biedrības izdevums, 1935–1937. 351. – 358. lpp.

нованную на этнографических и фольклорных мотивах. Карлис Меснекс[684], признанный мастер художественной интерпретации традиционного латвийского крестьянства, также был одним из художников Первой Республики, участвовавших в имагинализации и визуализации придумывания традиций и латвийской политической идентичности.

Государственный переворот 1934 года внес новые тенденции в визуализации латвийской идентичности. Карлис Ульманис[685], глава нового авторитарного режима, значительно изменил основные векторы имагинализации и придумывания новых политических традиций. После событий 1934 года Ульманис стал центральной фигурой политической и частично исторической национальной имагинализации. Местные интеллектуалы определили и представляли его как *vadonis*-а (т. е. лидера) и сделали главным героем политической журналистики и близкой к власти латвийской поэзии. Образ Ульманиса представлялся как визуальное олицетворение латвийской идентичности и новых придуманных политических традиций. Вторым в неформальной иерархии отцов-основателей латвийской политической нации был генерал Янис Балодис. Автором официальной биографии президента Карлиса Ульманиса был Альфонс Франсис[686]. Ульманис также был одним из героев политических текстов Аиды Недры[687]. Образ Яниса Балодиса был интегрирован в новые придуманные традиции Адольфсом Контровскисом[688].

---

[684] *Miesnieks K.* Artura Bērziņa un J. Dombrovska apcerējumi. Rīgā: Valters un Rapa, 1939.

[685] *Stranga A.* LSDSP un 1934. gada 15. maija valsts apvērsums. Rīga, 199); *Straume A.* Kārlis Ulmanis un mazākumtautību politika Latvijā 1920. – 1940. gadā // Latvijas Vēsture. 1995. Nr. 1 (16). 23. – 25. lpp.; *Ščerbinskis V.* Pašvaldību amatpersonu atlaišanas un iecelšanas pēc 1934. gada 15. maija apvērsuma // Latvijas Arhīvi. 2007. Nr. 2. 54. – 76. lpp.; *Sprūde V.* Top dokumentu krājums par 15. maija apvērsumu // Latvijas Avīze. 2006. 15 maijs; *Zunda A.* Kārlis Ulmanis un Zemnieku Savienība // Latvijas Vēsture. 1997. Nr. 3 (27). 3. – 8. lpp.

[686] *Francis A.* Dr. Kārļa Ulmaņa dzīve un darbi // Tev mūžam dzīvot Latvija. Rīga, 1938. 43. – 108. lpp.

[687] *Niedra A.* Vadonim // Tev mūžam dzīvot Latvija. Rīga, 1938. 112. lpp.

[688] *Kontrovskis A.* Ģenerālis Jānis Balodis // Tev mūžam dzīvot Latvija. Rīga, 1938. 169. – 171. lpp.

Процесс имагинализации идентичности в общем был основан на образах Ульманиса и Балодиса. Их представляли как настоящих национальных лидеров и героев. Их фото копировались в качестве визуального отображения латвийской национальной души в официальных публикациях. Латвийские дети, крестьяне, рабочие, солдаты, активисты *aizsargi* были лишь задним планом визуализации исторической, политической и национальной миссии Карлиса Ульманиса. После 1934 года официальные публикации культивировали и продвигали истории об особой роли Ульманиса в современной политической истории Латвии. Развитие этих сюжетов было бы невозможно без имагинализации идентичности. Фигура президента стала центральным элементом в этой новой системе имагинализации идентичности и придумывания политических традиций. Образ президента в официальных публикациях к концу 1930-х гг. превратился в базовый элемент пафосных историй о современной латвийской истории, и Карлиса Ульманиса представляли, придумывали, позиционировали и прославляли как краеугольный камень латвийского политического и исторического процесса.

Первая Республика была важным шагом имагинализации и визуализации латвийской идентичности. Усилия и попытки латвийских интеллектуалов были основаны на принципе этнического и политического национализма. С одной стороны, этнические ценности были не так влиятельны, как идеи гражданского национализма, которые отличались от них и даже противостояли им. С другой стороны, гражданский или политический национализм после переворота 1934 года потерял лицо. Смена власти способствовала обновлению помпезных форм актуализации и имагинализации идентичности, однако расчет на них был недостаточно продуман. Процесс их развития прервался с началом событий 1940 года, когда Латвия потеряла независимость. Включение Латвии в состав СССР привело к радикальной трансформации имагинализации латвийской национальной идентичности.

Националистическая имагинализация в Латвийской ССР: изобретая новые старые традиции

Имагинализация национальной идентичности в советской Латвии, или Латвийской ССР, отличалась от схожих процессов в Первой Республике. Насильственное присоединение Латвии

к СССР, советизация политической, культурной и интеллектуальной сфер социальной жизни значительно изменили формы визуальных проекций и образное выражение латвийского этноса, традиционной культуры, национального искусства, формировавшего визуальные уровни латвийской идентичности. Советский период – особый, уникальный этап политической истории Латвии. Мы полагаем, что изучение процессов имагинализации идентичности в советское время можно выделить в отдельное исследование. Поэтому в данной части статьи будут представлены для будущего анализа лишь общие векторы и проблемы имагинализации латвийской национальной идентичности в советский период.

Латвийские интеллектуалы в Латвийской ССР потеряли возможность свободно и открыто выражать свою идентичность и политические предпочтения – особенно в случаях, когда эти предпочтения не были коммунистическими. Дискурс об идентичности и национализме мигрировал из политической сферы в культуру и гуманитарные науки. Имагинализация идентичности к началу 1950-х гг. в корне отличалась от процессов имагинализации и придумывания традиций при Первой Республике. Процесс деполитизации определил развитие имагинализации идентичности в 1970-х гг.[689] Латвийские интеллектуалы предпочитали продвигать, сохранять и развивать идентичность, однако в то же время старались избегать политизированного языка. Они пытались поддержать европейскость Латвии, ее традиции, фольклор, а также уделяли внимание уникальной природе. Эти сюжеты стали основными в политическом языке, на котором говорили латвийские интеллектуалы в целях имагинализации идентичности и развития новых придуманных традиций. К началу 1980-х гг. попытки сохранить европейский характер идентичности выражались в активной публикации книг, в которых речь шла о формировании, развитии и продвижении европейского образа Латвии. Латвийские интеллектуалы чрезвычайно активно актуализировали уникальную культурную атмосферу, подобной которой не существовало нигде более в Советском Союзе. Имагинализация латвийской идентичности также затронула гуманитарные науки, исследования, посвященные истории

[689] *Skudra I.* Sigulda. Rīga: Avots, 1982.

латвийской литературы и искусству книгопечатания[690]. Латвийские интеллектуалы, авторы этих работ, обновляли визуализированную близость культурного пространства Латвии с общеевропейском контекстом.

Какие предпринимались попытки выработать различные тактики, формы и стратегии имагинализации и визуализации идентичности в Латвийской ССР[691]? Рекламные туристические брошюры и книги на своих страницах сочетали европейскую экзотику и повседневную советскую жизнь. Туристы из регионов России, культурно отличающихся от Латвии, увозили в качестве сувениров с Прибалтики книжки с яркимии картинками, где статуи Ленина[692], экспонаты музея Революции, фотографии актуализации советского мифа о труде соседствовали с видами латвийской природы, средневековых руин, фото с многолюдных фестивалей песни, органных залов, музеев этнографии и фольклора, церквей, соборов и архитектуры, резко отличающейся от стандартизированной и централизированной, типической и неразнообразной, монотонной и серой массовой советской застройки российских городов.

Националистическая имагинализация в постнациональном мире: да здравствует культура потребления

Восстановление политического суверенитета и национальной независимости Латвии в начале 1990-х гг. повело за собой радикальные трансформации и изменения в имагинализации и визуализации идентичности. Автор статьи предполагает, что с 1990-х гг. сосуществовали и содействовали две взаимосвязан-

---

[690] Из истории латвийской книги. Рига, 1988.

[691] Padomju Latvija. Rīga: Liesma, 1977.

[692] Автор не берется анализировать роль идеологически и политически мотивированных скульптур и произведений искусства в развитии латвийской идентичности в советский период. Информативное введение в эту область истории латвийского национализма дается в книге латвийского историка Сергея Крука, опубликованной в 2011 г.: *Kruks S.* Ārtelpas skulptūras semiotika, ekonomika un politika. Rīga: Neputns, 2011 (а также в статье того же автора, опубликованной в настоящем сборнике).

ные тенденции в развитии и трансформации придуманных и изобретенных традиций.

Во-первых, политическая и интеллектуальная элита Латвии была заинтересована в последовательной десоветизации и резком разрыве с советским прошлым. Коннотации, связанные в латвийской исторической памяти и национальном самосознании с советским периодом, являются крайне негативными и подпадают в массовом восприятии под категорию «*оккупация*». Во-вторых, в 1990-х и 2000-х гг. имели место попытки восстановить политические, культурные и интеллектуальные практики Первой Республики. Образ независимой Латвии в период между двумя войнами стал весьма популярен. Он активно использовался в новых тактиках и стратегиях имагинализации идентичности в целях легитимизации новых изобретенных политических и культурных традиций.

Анализируя современные процессы имагинализации латвийской национальной идентичности, автор полагает, что существует несколько уровней, измерений и форм этого процесса, большое разнообразие интеллектуальных тактик и стратегий национальной имагинализации и изобретения традиций. Разнообразие это включает имагинализацию латвийского пути к независимой государственности и политическому суверенитету, имагинализацию Первой Республики, ее политического и военного опыта, имагинализацию политического, исторического, интеллектуального, культурного и литературного опыта латвийцев в эмиграции, имагинализацию периода советской оккупации и борьбы за независимость, интегрированную имагинализацию вышеупомянутых измерений национальной идентичности в контексте массового потребления.

Имагинализация пути Латвии от статуса периферийного региона Российской империи к независимому национальному государству играет особую роль в визуализации политической идентичности и изобретении новых традиций. Рассказы о государстве слишком важны для латвийского сообщества интеллектуалов, которые предают легитимность латвийской независимости, а также уделяют особое внимание преемственности различных исторических форм латвийской государственности. Недавние исторические исследования стимулировали

процесс имагинализации латвийской идентичности, а иллюстративный материал этих публикаций отвечает за визуальный уровень и измерения латвийских политических процессов, а также актуализирует борьбу латвийцев с внешними угрозами. Иллюстративный материал исторических книг представляет военный опыт активной фазы борьбы за независимость, политическую активность и преемственность латвийского национального движения. Невозможно представить современные научные публикации по латвийской истории[693] без иллюстраций и фотографий солдат и волонтеров из первых отрядов латвийских войск и представителей политической элиты, участвовавших в создании независимого Латвийского государства.

Некоторые исторические фотографии, сделанные в Латвии, запечатлели коллективную национальную и историческую память. Фото, сделанное при провозглашении Латвией независимости 18 ноября 1918 года, играет особую роль в имагинализации латвийской идентичности. Это фото особенно ценно для имагинализации латвийской идентичности[694]. С одной стороны, это запечатленный и четкий исторический момент независимости. С другой стороны, эта фотография имеет центральное и системное значение для формирования формального пантеона «отцов нации». Более 30 политиков (Густавс Земгалс, Карлис Ульманис, Янис Акуратерс, Микелис Вальтерс и др.), игравших ключевую роль в напряженной и динамичной политической истории Латвии в первой четверти XX века, одновременно попали в кадр фотографа Вилиса Ридзенекса. История фотографии, которую латвийские патриоты скрывали в советский период и сделали достоянием публики лишь в 1989 г., также стала предметом имагинализации, мифологизации и создания новых политических традиций. Публикация специализированных многоязычных и междисциплинарных иллюстрированных книг была направлена исключительно на то,

---

[693] *Vārpa I.* Ceļš uzLatvijasvalsti, 1914. – 1922 . Rīga: Jumava, 2012.

[694] *Butulis I.* 18. Novembris // Valsts pirmā. Vilis Rīdzenieks. Latvijas valsts pasludināšana 1918. gada 18. novembrī. Rīga: Neputns, 2008. 4. – 17. lpp.; *Janaitis G.* Valsts pirmā // Valsts pirmā. Vilis Rīdzenieks. Latvijas valsts pasludināšana 1918. gada 18. novembrī. Rīga: Neputns, 2008. 42. – 57. lpp.

чтобы актуализировать роль этой фотографии в изобретении политических традиций, которые привели к установлению независимости Латвии.

Первая Республика – одна из самых популярных тем имагинализации латвийской идентичности. Визуализация истории Первой Республики в современной независимой Латвии имеет два измерения: политическую историю латвийского авторитаризма Карлиса Ульманиса и военную историю Латвии.

Латвийские историки, интеллектуальное сообщество и несколько специализированных научных учреждений, таких, как *Kara muzejs* (Военный музей), актуализируют военные уровни и измерения имагинализации латвийской национальной идентичности[695]. Имагинализация рассказов о военной истории Латвии способствует актуализации вооруженной борьбы за независимость, и придает особую и уникальную роль армии в Первой Республике. Визуализация опыта военных действий также актуализирует трагические страницы истории Латвии. Значительное число латвийских офицеров стали жертвами политических репрессий во время советской оккупации. Визуализация военной истории также способствует дальнейшему развитию имагинализации и изобретения традиций военного и гражданского патриотизма, а также придания образа жертвы латвийской нации в XX веке.

В 1990-х и 2000-х гг.[696] фигура Ульманиса представлялась как уникальный национальный бренд, а образ самого президента занимал особое место в латвийской исторической памяти. Имагинализация Первой Республики зачастую служит для визуализации Карлиса Ульманиса. Переиздание работ, опубликованных

---

[695] *Gelderiņš E.* Latvijas armijas karavīru ietērps, atšķirības zīmes un noteikumi to nēsāšanai, 1918. – 1940. Rīga: LKM, 2007; *Ciganovs J.* Latvijas neatkarības karš 1918. – 1920. Rīga: Zvaigzne ABC, 2013; *Hartmanis J.* Latviešu strēlnieki Ķekavas kaujā 1916; gada martā.Rīga: Jumava, 2012; *Treijs R.* Latvijas ģenerāļi (1918. – 1940.). Armijas komandieri un štāba priekšnieki. Rīga: Latvijas Vēstnesis, 2006.

[696] *Butulis I.* Sveiki, aizsargi! Aizsargu organizācija Latvijas sabiedriski politiskajā dzīvē 1919. – 1940 gadā. Rīga: Jumava, 2011; *Virza E.* Kārlis Ulmanis. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010; *Hanovs D., Tēraudkalns V.* Laiks, telpa, vadonis: autoritārisma kultūra Latvijā 1934. – 1940.Rīga: Zinātne, 2012; *Avots V.* Kārlis Ulmanis valstiski un privāti. Rīga: Jumava, 2010.

в межвоенный период в Латвии, различные мемуары и современные публикации с качественными иллюстрациями, посвященные историческим исследованиям 1920-х и 1930-х гг., также способствуют глубокой интеграции образа Ульманиса в контекст национальной идентичности Латвии и в канон придуманных и изобретенных традиций национальной памяти и политической преемственности.

Имагинализация политической, исторической, интеллектуальной, культурной и литературной активности латвийцев в эмиграции, имагинализация периода советской оккупации и борьбы за независимость также являются важным измерением придумывания и имагинализации политических традиций. Их развитие идентично схожим тенденциям общих трансформаций в латвийской политической и национальной имагинализации, которые мы проанализировали ранее. Эти сюжеты активно используются для развития и дальнейшего продвижения латвийской национальной идентичности и памяти о дальнейших событиях латвийского прошлого. Советский период латвийской исторической памяти чрезвычайно политизирован и идеологизирован. Доминирование негативных образов советского периода, который считается «*оккупацией*», привело к формированию политической традиции антикоммунизма. Имагинализация советской истории в латвийской идентичности также участвует в соответствующем воспитании молодых поколений.

В 2010-х гг. латвийская идентичность развивается под все усиливающимся влиянием культа потребления. Окончательный триумф стандартизированных и глобализированных культур, основанных на культе потребления, привел к устранению идентичностей современных наций, которые считались слишком архаичными для Латвии, многонациональной и жестко управляемой властями Евросоюза в Брюсселе. Лишь небольшое количество интеллектуалов занимается сохранением классических форм латвийской идентичности. Их фактическая маргинализация в ситуации триумфа свободного рынка привела к появлению новых версий имагинализации латвийской идентичности, представленных экономически мотивированными сообществами и придуманными традициями «*Lāčplēsis alus*», «*Ulmaņlaiku kvass*» или ресторана «*Zvejnieka dēls*».

Националистская имагинализация в Латвии: общий обзор

Исторический фон имагинализации латвийской идентичности в контексте изобретения традиций был впервые предложен латвийскими националистами в XIX веке. В 1918 году начался новый период имагинализации латвийской идентичности после провозглашения независимости Республики Латвия, способствовавшего деятельности интеллектуалов, которые придумывали, изобретали и продвигали позитивные и привлекательные визуальные формы латвийской идентичности. Государственный переворот 1934 года и установление недемократического авторитарного политического режима Карлиса Ульманиса привели к значительным трансформациям и изменениям в имагинализации латвийской идентичности – новые основатели и поборники идентичности пытались изменить ценности этнических корней, латвийского традиционализма и романтических традиций в контексте политического авторитаризма. Политические трансформации, начавшиеся после событий 1940 года, дальнейшая советизация и потеря суверенитета государства радикально изменили главные векторы имагинализации латвийской идентичности. Политическая идеология и классовая ориентация стали главными факторами, влияющими на процессы национальной имагинализации и создания традиций в Латвийской ССР. Процессы имагинализации идентичности с XIX века до времен Латвийской ССР носили длительный характер, но также коренились в простом народе. Идентичность характеризовалась стандартизированностью и была основана на языке, истории и единой системе воспроизводства идентичности. Автор полагает, что латвийские книги и национальное искусство в XIX и XX вв. являли собой универсальные формы имагинализации идентичности. Латвийская идентичность в этом отношении, а также научное восприятие ее являются типичным случаем *имагинализированного сообщества* и *придуманных традиций*. В начале 1990-х гг. в результате восстановления политической независимости начался новый период имагинализации идентичности. Имагинализированные версии идентичности в современном постнациональном мире говорят прежде всего о потребностях культа потребления и массового рынка.

С одной стороны, нынешние измерения в имагинализации латвийской национальной идентичности представлены новыми, ранее не существовавшими формами, например – рекламой, Интернетом, электронной торговлей и т. д. С другой стороны, формы и уровни имагинализации латвийской национальной идентичности, представленные архитектурой, скульптурой (статуи латвийских исторических и культурных лидеров, статуи Ленина, Сталина и других советских лидеров в контексте их придумывания, изобретения, забывания и вспышек исторической и политической памяти), модой, кинематографом, народные традиции, народными фестивалями, также могут быть подвергнуты анализу в независимых исторических исследованиях, посвященных трансформациям латвийской идентичности и национализма в контексте интеллектуальной и идеологической истории Латвии XX века.

Кирчанов Максим Валерьевич,
д. и. н., Воронежский государственный университет (Россия)

Владислав Волков

Идентичность этнических меньшинств Латвии: общественно-политический и научный дискурсы в 1991–2014 годах

Понятие «этническое меньшинство» в правовом пространстве и общественно-политическом дискурсе

Латвия традиционно является полиэтнической и многокультурной страной. По данным Управления по делам гражданства и миграции на середину 2013 года из 2188 тыс. населения страны латыши составляли 1304 тыс. (59,6 % всего населения), русские – 590 тыс. (27,0%), белорусы – 75 тыс. (3,4%), украинцы – 53 тыс. (2,4%), поляки – 49 тыс. (2,2%), литовцы 28 тыс. (1,3%), евреи – 6 тыс. (0,4%), цыгане – 8 тыс. (0,4%), немцы – 5 тыс. (0,2%). При этом доля этнических меньшинств особо весома в самых крупных городах страны. Так, в столичной Риге представителей этнических меньшинств более половины населения (57%), во втором крупнейшем городе Латвии – Даугавпилсе – более 80%, в Лиепае – 47%, в Елгаве – 41%, в Юрмале – 49%[697].

К тому же и сама структура этого этнического своеобразия имеет важные особенности, связанные с тем, что доля крупнейшего этнического меньшинства – русских – более, чем вдвое превышает число всех остальных этнических меньшинств Лат-

[697] Etniskais sastāvs un mazākumtautību kultūras identitātes veicināšan. URL: http://www.mfa.gov.lv/lv (дата обращения: 28.05.2014); Iedzīvotāju skaits un galvenie demogrāfiskie rādītāji. URL: http://www.csb.gov.lv/statistikas-temas/metodologija/iedzivotaju-skaits-un-galvenie-demografiskie-raditaji-36803.html (дата обращения: 28.05.2014); URL: http://lv.wikipedia.org/wiki/Daugavpils (дата обращения: 28.05.2014); URL: http://lv.wikipedia.org/wiki/Liepāja (дата обращения: 28.05.2014); URL: http://lv.wikipedia.org/wiki/Jelgava (дата обращения: 28.05.2014); URL: http://lv.wikipedia.org/wiki/Jūrmala (дата обращения: 28.05.2014).

вии, вместе взятых. Латвийские русские отличаются от других этнических меньшинств и численно, и качественными показателями организации «собственной» социально-культурной инфраструктуры, включающей в себя широкое распространение русского языка в сфере латвийского предпринимательства, системе частного образования (включая и высшее), в сфере развлечений и в средствах массовой информации. Для значительной части латвийских белорусов, украинцев, поляков, евреев русский язык является родным языком. На русском языке функционирует и часть профессиональной культуры Латвии (старейший за пределами России Рижский русский драматический театр им. А. Чехова, публикующиеся научные труды и т. д.) Существенное влияние на воспроизводство русского культурного пространства оказывают тесные межличностные и информационные связи с Россией, ее культурой, историей, политико-информационными полями. Сохранение социальных функций русского языка в общественной жизни Латвии становится целью социал-демократической партии «Согласие», партии «Русский союз Латвии» и партии «За родной язык!»[698] Эти факторы объективно формируют потребность латвийских русских в артикуляции своей лингвистической и этнической идентичности в публичном пространстве Латвии. Именно то, что этническая идентичность русских носит в общественной жизни Латвии ярко выраженный коллективный характер, к тому же стремящийся к своему воспроизводству, в значительной степени и определяет современные правовые, политические взгляды и научные представления в Латвии об идентичностях этнических меньшинств в целом.

Доминирующая общественно-политическая, а также научная мысль в Латвии в оценке места идентичностей этнических меньшинств в стране исходит из двух основных положений, которые в той или иной форме реализовались в законодательстве, регулирующем формы проявления идентичности этнических меньшинств. Во-первых, это признание Латвии как «*националь-*

[698] Центр Согласия. URL: http://www.saskanascentrs.lv/ru/ (дата обращения: 28.05.2014); Русский союз Латвии. URL: http://www.pctvl.lv/index.php?lang=ru&mode=party&submode=program (дата обращения: 28.05.2014); Пять пунктов партии «За родной язык!» URL: http://zarya.lv (дата обращения: 28.05.2014).

ного государства латышской нации» и «*латвийского народа*» (понятия включены в преамбулу Конституции (Сатверсме) в 2014 году). Причем эта идея разделяется как большинством консервативно и националистически ориентированных политиков, общественных деятелей и интеллектуалов, так и латышскими либералами. А политики «Согласия», самого влиятельного политического объединения в среде этнических меньшинств, стремятся найти компромисс с этими политико-правовыми формулами. Во-вторых, это признание индивидуального права лиц, принадлежащих к этническим меньшинствам, на сохранение своей идентичности. Эта норма также включена в Конституцию, 114-я статья которой предполагает право этнических меньшинств на «*сохранение и развитие своего языка, этнической и культурной самобытности*» как проявление основополагающих прав человека[699]. Латышские либералы, разделяющие идею о национальной идентичности, источником которой выступают ценности национального государства, в то же время, в отличие от националистов, в своих выступлениях подчеркивают необходимость уважения права этнических меньшинств к сохранению и развитию своей идентичности.

Учитывая реальную этнолингвистическую и этнополитическую ситуацию, для современной Латвии всегда актуальным был вопрос об определении оптимальных идентификаторов понятия «этническое меньшинство». Дискуссии по этому вопросу велись с 1991 года и до середины 2000-х гг. В качестве таких идентификаторов назывались этнокультурные отличия от этнонационального большинства[700], наличие длительных связей со страной проживания[701], необходимость для представителей этих групп политического участия вместе с этнонациональным большинством в развитии латвийской государственности[702],

---

[699] Latvijas Republikas Satversme. URL: http://likumi.lv (дата обращения: 28.05.2014).

[700] *Dribins L.* Etniskās un nacionālās minoritātes Eiropā. Rīga: Eiropas Padomes informācijas birojs, 2004. 11. lpp.

[701] *Apine I.* Latvijas minoritātes integrācijas procesa kontekstā // Nacionālā politika Baltijas valstīs. Rīga: Zinātne, 1995. 66. lpp.

[702] *Apine I., Vēbers E.* Demokrātija un etnopolitika // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1992. Nr.10. 10. lpp.

развитость культурной жизни[703]. Мотивация этих представлений диктовалась не только отказом от советского опыта организации этнокультурных различий и общей ориентацией на модель национального государства. Главной методологической и идеологической проблемой оставались поиски идентификаторов именно для латвийских русских и русскоязычных. Многие исследователи, учитывая и высокий удельный вес русских в населении Латвии, и характерные отличия от латышей в ценностно-культурных преференциях, говорили об искусственности определения русских как «этнического меньшинства»[704]. В то же время подавляющее большинство латышских исследователей отказывается признавать русское население в качестве самостоятельной общины[705].

На политико-правовом уровне важнейшей вехой в таких дискуссиях стало принятие закона о «Всеобщей конвенции по защите национальных меньшинств» (2005 г.), который содержит определение этнического меньшинства. По этому закону, любой житель Латвии как гражданин государства, так и ее постоянный житель, этнокультурная идентичность которого отличается от идентичности латышей, имеет право считаться представителем той или иной группы этнических меньшинств[706]. Однако сама

---

[703] *Apine I.* Latvijas minoritātes... 66. lpp.

[704] *Ezera L., Zvidriņš P.* Etniskās asimilācijas izpete Latvijā // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1994. Nr. 11/12. 32. – 34. lpp.; *Laķis P.* Nacionālās kultūras identitāte un multikultūras sabiedrība // Integrācija un etnopolitika. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2000. 387. lpp.; *Zepa B.* Sabiedriskā doma pārējas periodā Latvijā: latviešu un cittautiešu uzskatu dinamika (1989–1992) // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1992. Nr. 10. 22. lpp., 26; *Zepa B., Kārkliņa R.* Latvija un Eiropa: konkurējošas un saskanīgas identitātes // Nacionālā politika Baltijas valstīs. Rīga: Zinātne, 1995. 177. – 179. lpp.

[705] *Birkavs V.* The Goverment and Society: the Problem of Legitimicy in the Context of Transition // Ceļā uz demokrātiju: Latvija un pasaules pieredze. Rīga: Latvijas Universitāte, 1995. 5. lpp.; *Dribins L.* Nacionālās valsts un minoritātes kā Eiropas un arī Latvijas problēma // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1995. Nr. 5/6. 39. lpp.; *Pabriks A.* Komunitārisma un individuālisma vertību ietekme uz politiskās nācijas veidošanos Latvijā // Pilsoniskā apziņa. Rīga: Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūts, Etnisko pētījumu centrs, 1998. 104. – 105. lpp.; *Vēbers E.* Latvijas valsts un etniskās minoritātes. Rīga: LZA Filozofijas un socioloģijas institūts, 1997. 8. lpp.

[706] Par Vispārējo konvenciju par nacionālo minoritāšu aizsardzību. URL:http://likumi.lv/doc.php?id=109252 (дата обращения: 28.05.2014).

«Всеобщая конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств» была подписана Латвией еще в 1995 году, но была ратифицирована Сеймом только в 2005 году. Фактически из всех стран, принятых в 2004 году в Европейский союз, Латвия была единственной, кто эту конвенцию не ратифицировал[707]. Однако и сейчас национал-радикальные политики и публицисты выступают против признания русских в качестве этнического меньшинства, полагая, что этот термин легитимизирует последствия советской политики по перемещению в Латвию большого числа «колонистов»[708]. Все это свидетельствует о серьезной внутриполитической борьбе в Латвии по самому вопросу о признании легитимности идентичности этнических меньшинств в рамках национальной идентичности.

К тому же некоторые положения этой конвенции в Латвии не были приняты. Это касается 2-й части 10-й статьи, в которой говорится о том, что в районах компактного проживания этнических меньшинств, имеется возможность использовать язык меньшинства в отношениях между ним и административными органами. Не принята была и 3-я часть 11-й статьи, где говорится об обеспечении установки «*указателей традиционных местных названий, названий улиц и других топографических указателей для населения и на языке меньшинства, если имеется достаточная потребность в таких указателях*»[709].

Еще до принятия конвенции о защите национальных меньшинств латвийское законодательство содержало признание права этнических меньшинств на сохранение своей этнокультурной идентичности как одного из прав человека. Если же идет речь о коллективной идентичности, то государство берется защищать ее общенациональную и общегражданскую форму, а также коллективную идентичность этнонационального большинства – латышей. В некоторых законодательных актах

---

[707] Latvijas Republikas 8.Saeimas pavasara sesijas astotā sēde 2005.gada 26.maijā. URL: http://www.saeima.lv/steno/2002_8/st_050526/st2605. htm#s2 (дата обращения: 28.05.2014).

[708] *Briedīte V.* Okupācijas sekas – Latvijas lielā sāpe. URL: http://www.nacionalaapvieniba.lv/aktualitate/latvijas-liela-sape/ (дата обращения: 28.05.2014).

[709] Framework Convention for the Protection of National Minorities. URL: http://conventions. coe.int/Treaty/en/Treaties/html/157.htm (дата обращения: 28.05.2014).

признается также и коллективная идентичность ливов как объекта правовой защиты. Но при этом ливы рассматриваются не в качестве этнического меньшинства, а как «*древняя основная народность*»[710]. В латвийском законодательстве нет места норме о коллективных правах этнических меньшинств. И доминирующий общественно-политический дискурс к этой идее настроен крайне отрицательно.

Подход, который рассматривает идентичности этнических меньшинств как исключительно проявление индивидуальной идентичности людей, был заложен в самом начале 1990-х годов, когда Латвия еще юридически находилась в составе СССР. В Законе от 19 марта 1991 года «О свободном развитии национальных и этнических групп Латвии и их праве на культурную автономию» право этнических групп на развитие «*их образования, языка и культуры*» понималось именно как индивидуальное право человека на сохранение своей идентичности[711]. Вне правового пространства Латвии оказались все предложения со стороны наиболее политически активной части этнических меньшинств – латвийских русских – законодательно закрепить их коллективные права в сфере образования или использования родного языка в публичном пространстве страны.

Правовые нормы реализации лингвистической идентичности этнических меньшинств присутствуют и в «Законе об образовании» (1998 г.). Представители этнических меньшинств имеют право получать образование на их родном языке в частных учебных заведениях, а также в государственных и муниципальных учебных заведениях, в которых реализуются учебные программы для этих меньшинств[712]. Право этнических меньшинств по сохранению своей лингвистической идентичности относится только к сфере неофициальной жизни. Согласно «Закону о государственном языке» (1999) его сфера действия «*не относится к использованию языков в сфере неофициальной коммуникации жителей Латвии, а также к коммуникации внутри национальных и этни-*

---

[710] Par Latvijas nacionālo un etnisko grupu brīvu attīstību un tiesībām uz kultūras autonomiju. URL: http://likumi.lv (дата обращения: 28.05.2014).

[711] Ibid.

[712] Izglītības likums. URL: http://www.likumi.lv (дата обращения: 28.05.2014).

ческих групп, равно как и в богослужениях, религиозных церемониях, ритуалах и других подобных действиях»[713].

В латвийском законодательстве используются различные термины, характеризующие языки этнических меньшинств. Так, в законе о государственном языке употребляются два термина по отношению к языкам этнических меньшинств Латвии: «*родной язык представителей этнических меньшинств*» и «*иностранные языки*»[714]. В законе о радио и телевидении, который действовал в 1995–2010 гг., употреблялся термин «*языки этнических меньшинств*»[715]. Однако в сменившем этот закон в 2010 году законе об электронных средствах массовой информации кроме использования термина «*латышский язык*» применяется только термин «*иностранные языки*»[716].

Акцентирование этнической идентичности в программах политических партий и объединений

Накануне выборов в 2011 году в XI Сейм (парламент Латвийской Республики) политические партии и объединения представили в своих программах видение взаимодействия национально-гражданской и лингвистической идентичностей латвийцев. Приведем выдержки из предвыборных программ тех политических партий и объединений, которые стали парламентскими партиями.

Объединение политических партий «Центр Согласия» (прежнее название нынешней социал-демократической партии «Согласие»), за который традиционно голосует подавляющее большинство представителей этнических меньшинств, получило наибольшую поддержку избирателей. (Из 100 мест в парламенте у объединения 31 место.) Программа содержит понятие «*интересы латышей и этнических меньшинств*». При этом партийная программа этого объединения не выдвигает требования официального статуса русского языка в Латвии или сохранения русских школ.

---

[713] Valsts valodas likums. URL: http://www.likumi.lv (дата обращения: 28.05.2014).

[714] Ibid.

[715] Radio un televīzijas likums. URL: http://www.likumi.lv (дата обращения: 28.05.2014)

[716] Elektronisko plašsaziņas līdzekļu likums. URL: http://www.likumi.lv (дата обращения: 28.05.2014).

Программа считает важным «*обучение языкам традиционных национальных меньшинств Латвии в рамках системы образования*» и «*за использование языков национальных меньшинств в общении с институциями государства и самоуправлений в местах, где национальные меньшинства проживают традиционно или в значительном количестве*».

Программа «Партии реформ Затлерса» не содержит упоминания о Латвии как национальном государстве, но и ничего не говорит об этнических меньшинствах. В то же время эта партия выступает против «*преувеличения этнических различий в латвийском обществе*», а также «*против проявления любых форм ненависти*». (Партия состоит в правящей коалиции; в парламенте – 22 места.)

Праволиберальная партия «Единство» не упоминает ни в какой связи о наличии этнических меньшинств в Латвии, акцентируя необходимость «*формирования национального европейского и демократического государства*», укрепления позиций «*латышского языка как единственного государственного и официального языка в Латвии*». (Партия формирует правящую коалицию; в парламенте – 20 мест.)

Программа Национального объединения «Все Латвии! – Отечеству и Свободе / Движение за национальную независимость Латвии» содержит понятие «*латышское государство*», призывая к постепенному переводу всей системы образования, начиная с детских садов, на латышский язык. Для этнических меньшинств возможно преподавание на родном языке их народной «*истории и культуры*». (Партия состоит в правящей коалиции; в парламенте – 14 мест.)

Программа «Союза зеленых и крестьян» ничего не говорит об этнических меньшинствах Латвии, в то же время в ней нет и упоминания термина «*национальное государство*». Эта партия выступает за «*латышскую культурную среду*», которая выражается в необходимости «укреплять роль латышского языка как государственного и его использование во всех общественных сферах». (В парламенте – 13 мест.)

Характерно, что партия «За права человека в единой Латвии» (сейчас – «Русский союз Латвии»), не прошедшая в XI Сейм, в своей предвыборной программе как раз позиционировала себя в качестве «*партии русской общины Латвии*», выступающей за придание русскому языку официального статуса[717].

---

[717] Программа Социал-демократической партии «Согласие». URL: http://saskanascentrs.lv/ru/programma/programma-social-demokraticheskoj-partii-

Как видно, само понятие «этническое меньшинство», являющееся одним из основных в латвийском законодательстве, регулирующим вопросы этнополитики, в политическом же процессе носит характер маркера, разделяющим латвийские политические партии и публичную политическую риторику по сугубо этническому признаку. В правительственной декларации 2014 года политика государства по отношению к этническим меньшинствам рассматривается только по линии «*поддержки общественных организаций этнических меньшинств*»[718].

Наиболее развернутое изложение позиции правых партий по отношении к месту коллективной идентичности этнических меньшинств в структуре национальной идентичности можно найти в «Основах политики национальной идентичности, гражданского общества и интеграции на 2012–2018 годы», которые были утверждены Кабинетом министров в 2011 году. Согласно этому документу, языки и культуры этнических меньшинств присутствуют в национальном государстве, но именно как существующие «*рядом*» с латышскими культурными ценностями. Более того, утверждается, что сами по себе школы с русским языком обучения «*воспроизводят различия между этническими общинами, отчуждения и предрассудки*», говорится о «*самодостаточности пространства русского языка*». Утверждается, что «*большая часть русскоязычных не желает признавать латышскую культуру в качестве объединяющего элемента латвийского культурного пространства и национального государства*»[719].

Отсутствие интереса партий правящей коалиции к серьезной представленности идентичности русских жителей в политической системе проявляется, например, и в том, что эти партии строятся, исходя из сильнейшего влияния мононацио-

---

soglasie/?view=2 (дата обращения: 28.05.2014); Latvijas Republikas 11. Saeimas vēlēšanas. URL: http://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiw/base/komisijas2010.cvkand11.sak (дата обращения: 28.05.2014).

[718] Laimdotas Straujumas topošās valdības deklarācijas pilns teksts. URL: http://www.delfi.lv/news/national/politics/laimdotas-straujumas-toposas-valdibas-deklaracijas-pilns-teksts.d?id=44060321 (дата обращения: 28.05.2014).

[719] Nacionālās identitātes, pilsoniskās sabiedrības un integrācijas politikas pamatnostādnes (2012–2018). Rīga: Latvijas Republikas Kultūras ministrija, 2011. 5. – 6., 13., 15. lpp.

нального принципа. Это отчетливо проявляется в национальной принадлежности не только нынешних депетатов Сейма от этих партий, но и в списочном составе кандидатов на выборы очередного, XXII Сейма в октябре 2014 года. Так, среди кандидатов в депутаты от партии «Единства» латыши составляют 83,5%, не указавших свою национальность (н/у) – 11,3%, русские – 3,5%. В эту партию влилась и «Партия реформ Затлерса». В Национальном объединении «Все Латвии! – Отечеству и Свободе /Движение за национальную независимость Латвии»: латыши – 96,5%, н/у – 2,6%. В «Союзе Зеленых и Крестьян»: латыши – 84,3%, н/у – 14,8%, русских – 0,9%[720].

Как видно, примерно половина нынешнего электората «латышских» партий открыто выступает против присутствия выраженной коллективной идентичности этнических меньшинств, прежде всего русских, в публичном пространстве Латвии. Об этом свидетельствует тот факт, что эта часть избирателей активно поддерживает те политические партии, которые открыто провозглашают укрепление «национального государства» или «латышской Латвии». Сама по себе защита ценностей национального государства вполне может быть вписана в либерально-демократический контекст. Однако **акцентирование этих ценностей без учета как реального присутствия значительной доли этнических меньшинств в стране, а также латвийского законодательства, обязывающего государство защищать право этнических меньшинств на сохранение и развитие своей идентичности, выхолащивает либерально-демократический смысл современной трактовки идеи национального государства**. Одновременно в латышской среде присутствуют и либеральные силы, которые считают важным привлечение этнических меньшинств к политическому участию. Именно эти силы создали рижскую региональную партию «Честь служить Риге», которая составляет совместно с «Центром Согласия» правящую коалицию в столичной думе второй созыв подряд с 2009 года[721].

---

[720] 2014. gada 4. oktobra 12. Saeimas vēlēšanu deputātu kandidātu saraksti. URL: http://sv2014.cvk.lv/saraksti/aaceb3ec20.html (дата обращения: 28.05.2014).

[721] Programma. URL: http://www.godskalpotrigai.lv/programma/ (дата обращения: 28.05.2014).

Известные представители латышской либеральной интеллигенции выносят негативные оценки сознательному невниманию правящих партий к проблемам защиты идентичностей этнических меньшинств Латвии. Прежде всего это касается того, что носители этой идентичности очень слабо привлечены к сфере исполнительной власти, к политическому участию[722].

Профессор Института философии и социологии Илга Апине считает, что виной тому – отчетливые элементы этнической демократии в политической системе Латвии[723]. А основой латвийской этнополитики по отношению к этническим меньшинства стал «*этнонационализм*»[724].

Доктор филологии А. Янельсиня-Приедите призывает отказаться от механического копирования опыта довоенной Латвии по отношению к этническим меньшинствам, что приводит к утверждению авторитарных методов уже в современной латвийской этнополитике[725].

Профессор Латвийского Университета Юрис Розенвалдс объясняет практически полное отсутствие русских во властных структурах латвийского государства тем, что правящий политический класс рассматривает их исключительно как объект манипуляции: «*...С начала 1990-х годов в латвийской политической элите*

---

[722] *Apine I.* Politkorektums. URL: http://politika.lv/article/politkorektums (дата обращения: 28.05.2014 г.); *Brands-Kehre I., Pūce I.* Politiskā nācija un pilsonība // Cik demokrātiska ir Latvija. Demokrātijas audits. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2005. 27. – 28. lpp.; *Muižnieks N.* Secinājumi // Cik integrēta ir Latvijas sabiedrība? Sasniegumu, neveiksmju un izaicinājumu audits. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2010. 282. lpp; *Rozenvalds J.* Padomju mantojums un integrācijas politikas attīstība kopš neatkarības atjaunošanas // Cik integrēta ir Latvijas sabiedrība? Sasniegumu, neveiksmju un izaicinājumu audits. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2010. 5., 39., 45., 53. – 54. lpp.

[723] *Apine I.* Etnopolitikas analīze // Pretestība sabiedrības integrācijai: cēloņi un pārvarēšanas iespējas (etnicitātes, valsts un pilsoniskās sabiedrības mijiedarbības analīze). Rīga: Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūts, LU aģentūra, 2006. 28. lpp.

[724] *Apine I.* Latvijas etnopolitiskā attīstība neatkarības gados // Sabiedrības integrācijas tendences un prettendences: Latvijas un Igaunas pieredze, 2008. Rīga: LU Akadēmiskais Apgāds, 2008. 11. lpp.

[725] *Janelsiņa-Priedīte A.* Latviešu valodas apguves valsts programmas nozīme sabiedrības integrācijā // Pilsoniskā apziņa. Rīga: Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūts, Etnisko pētījumu centrs, 1998. 166. – 168. lpp.

доминирует представление, что исключительно латышские политики знают, что русским в Латвии следует желать. Из этого следует также убеждение, что русскоязычные граждане без оговорок должны принять выставляемые им условия». Ю. Розенвалдс полагает, что ведущая мотивация отношения к этническим меньшинствам связана с бытующем среди латышей представлении о том, «*что они пострадали в XX веке так сильно, как никакая нация. Поэтому у западных стран должны быть особые обязанности по отношению к Латвии и латышам, а латыши для преодоления исторических несправедливостей вправе действовать не всегда в соответствие со стандартами цивилизованного политического поведения, принятыми в западном обществе*»[726].

Одновременно критике подвергаются и те положения закона о государственном языке, которые сводят статус русского языка в Латвии к иностранному. В оценке закона об образовании и многочисленных поправок к нему обращается внимание на то, насколько система образования позволяет этническим меньшинствам сохранять свою языковую и культурную идентичность[727]. Тем самым известные представители латышской либеральной интеллигенции выступили за воспроизводство коллективной идентичности русского меньшинства, в котором важнейшую роль играет русский язык.

Эволюция взглядов русскоязычного населения по вопросу о политическом признании своей коллективной идентичности

Ведущей тенденцией русского и русскоязычного избирателя последнего десятилетия являлось ориентация на политическое объединение «Центр Согласия» (сейчас – Социал-демократической партии «Согласие»), которое пытается минимизировать акцентирование коллективной идентичности латвийских русских, а защиту идентичности этнических меньшинств решать на основе последовательного и без изъятий применения латвийского законодательства и международных нормативных актов, защищающих право на этническую идентичность как одно из универсальных прав человека. Тем самым латвийские русские

[726] *Rozenvalds J.* Padomju mantojums un integrācijas politikas... 35., 45. lpp.

[727] Ibid. Lpp. 41–48.

существенно откорректировали свое политическое поведение по сравнению с периодом с начала 1990-х и до середины 2000-х гг., когда ставилась задача добиться признания со стороны государства артикулированных интересов русской общины в сфере образования и функционирования языков национальных меньшинств.

Эта эволюция затронула развитие представлений об идентичностях этнических меньшинств как формы индивидуального выбора людей, а также и представлений о коллективной природе этой идентичности и ее взаимодействии с идентичностью этнонационального большинства. Наиболее ярко эти процессы отражены в программных установках политических партий и объединений, ориентированных на защиту интересов латвийских, русских и этнических меньшинств в целом.

С начала 1990-х и до середины 2000-х гг. в программах политических партий и объединений, за которые голосовали в основном представители этнических меньшиств и которые были представлены в латвийском Сейме, присутствовало либо требование присвоения официального статуса русскому языку, как вариант – «*признание официального статуса языков меньшинств и применение этих языков в местах компактного проживания этнических и лингвистических меньшинств*». Эти требования разделялись большинством русских и русскоязычных избирателей. В результате удельный вес «русских» партий в Сейме постоянно рос. В V Сейме (1993–1995 гг.) партия «Равноправие» располагало семью местами (из 100). В VI (1995–1998 гг.) партия Народного согласия имела восемь мест. В VII Сейме (1998–2002 гг.) партия Народного согласия – 16. В VIII (2002–2006 гг.) объединение политических партий «За права человека в единой Латвии (ЗаПЧЕЛ)», состоявшее из партии Народного согласия, «Равноправия», Социалистической партии и Русской партии – 25[728].

[728] Программа партии «Равноправие». URL: http://www.pctvl.lv/index.php?lang=ru&mode=party&submode=program&page_id=544 (дата обращения: 28.05.2014); Tautas Saskaņas partijas programma. URL: http://cvk.lv/pub/public/27752.html (дата обращения: 28.05.2014); Tautas saskaņas partijas politiskā platforma 7. Saeimas vēlēšanām. URL: http://cvk.lv/pub/public/27719.html (дата обращения: 28.05.2014); Par cilvēka tiesībām vienotā Latvijā priekšvēlēšanu programma. URL: http://cvk.lv/pub/public/27454.html (дата обращения: 28.05.2014).

Однако объединение различных политических сил, в основном опирающихся на русскоязычных избирателей, не смогло выработать единого политического отношения к массовым акциям протеста 2003–2004 гг. против планов правительства о переводе школ этнических меньшинств в основном на латышский язык обучения. В результате в IX Сейме (2006–2010 гг.) оказались две «русские» политические силы с разным отношением к статусу русского языка в Латвии. «Центр Согласия», получивший 17 мест в парламенте, отказался от требования об официальном статусе русского языка, выступив за развитие «*культурного и языкового многообразия Латвии*», «*признания латгальского языка» и «свободного выбора языка в образовании*». А объединение «За права человека в единой Латвии», выступавшая за необходимость придания русскому языку официального статуса и рассматривавшее себя как «*партию русской общины Латвии*», получила лишь шесть мест в Сейме[729]. В X (2010–2011 гг.) и XI (2011–2014 гг.) Сеймы ЗаПЧЕЛ не смог пройти. А вот «Центр Согласия» добился больших успехов: в X Сейме располагал 29 депутатскими местами, а в XI – 31. При этом программа «Центра Согласия» перед выборами XI Сейма вообще обходила молчанием даже вопрос о свободе выбора языка обучения. Одновременно «ЦС» призвал «*объявить мораторий до конца полномочий 11 Сейма на любые законодательные инициативы, которые связаны с чувствительными национальными и историческими вопросами*»[730]. «Центр Согласия» придерживался этой позиции не только в своих законодательных инициативах. Его видные представители уже длительное время даже избегают и выступлений в латвийских СМИ по вопросам этнополитики, в то время, как ведущие политики от латышских партий «Единство» и «Национальное объединение» регулярно выносят свою оценку этнополитическим проблемам. Причем те депутаты нынешнего состава Сейма от «ЦС», кто в прессе выступал против проявлений русофобии (Н. Кабанов, И. Цветкова), не были включены в список кандитатов от партии «Согласие» на выборы XII

[729] Kandidātu saraksti un programmas audio versijā. URL: http://cvk.lv/pub/public/28712.html (дата обращения: 28.05.2014).

[730] 11. Saeimas vēlēšanām reģistrēto partiju un partiju apvienību kandidātu sarakstu un programmu audioieraksti. URL: http://cvk.lv/pub/public/30158.html (дата обращения: 28.05.2014).

Сейма в октябре 2014 года. А в нынешней предвыборной программе этой партии вообще отсутствуют любые упоминания о проблемах этнических меньшинств. «Согласие» – это единственная партия, представленная в Сейме, которая отвергает мононациональный принцип в своей комплектации. Так, среди кандидатов в депутаты XII Сейма от этой партии латыши составляют 32,2%, русские – 24,3%, не указавшие свою национальность – 30,4%[731].

Такая позиция «Центра Согласия» была связана с желанием войти во властные структуры, прежде всего – в правительство, путем завоевания симпатий у латышского избирателя. Однако, как в новейшей истории Латвийской Республики с 1991 года, так и в период 1918–1940 гг. состав правительства никогда не формировался с участием русских партий. К тому же до последнего времени с 1991 года во всех составах латвийского правительства ни разу не было ни одного министра русской национальности. И только в 2013 году от Партии реформ Затлерса таким министром стал Вячеслав Домбровский (сначала он возглавил министерство образования и науки, затем – министерство экономики)[732].

Однако сами русскоязычные граждане, а также часть руководства «Центра Согласия» вовсе не отказались от идеи артикуляции своей коллективной идентичности, выраженной в повышении статуса русского языка в Латвии. В 2011 году мэр Риги и руководитель «Центра Согласия» Н. Ушаков призвал членов партии подписаться за референдум в поддержку русского языка как второго государственного[733]. При этом официально «Центр Согласия» не поддерживал идею проведения этого референдума, к которому призвала партия «За родной язык!». Идею присвоения русскому языку статуса государственного на референдуме 2012 года поддержало более 273 тыс. латвийских граждан, то есть около четверти принявших участие в голосовании[734].

---

[731] 2014. gada 4. oktobra 12. Saeimas vēlēšanu deputātu kandidātu saraksti. URL: http://sv2014.cvk.lv/saraksti/aaceb3ec20.html (дата обращения: 28.05.2014).

[732] Vjačeslavs Dombrovskis. URL: http://lv.wikipedia.org/ wiki/ Vja%C4%8 Deslavs_ Dombrovskis (дата обращения: 28.05.2014).

[733] Ушаков призвал всех членов ЦС подписаться за русский язык. URL: http://www.mixnews.lv/ru/society/news (дата обращения: 28.05.2014)

[734] 2012. gada referendums par grozījumiem Satversmē. URL: http://lv.wikipedia.org (дата обращения: 28.05.2014).

Понимание идентичностей этнических меньшинств в современной этносоциологии

В социальной науке идентичность этнических меньшинств анализируется в рамках двух научных традиций, которые хотя и близки друг к другу и периодически взаимодействовали, но все же отстаивают различные ракурсы рассмотрения. Во-первых, это традиция исследования этнокультурных различий в обществе как одного из сопутствующего фактора изучения феномена нации и национализма. В этом смысле идентичности недоминирующих этнокультурных групп рассматриваются исходя из того, способствуют ли они утверждению национальной солидарности граждан одного национального государства, невзирая на их социально-классовые, этнокультурные, религиозные отличия[735].

Эта традиция, рожденная в эпоху подъема европейских наций и национализма в XIX веке, и до сего дня культивирует в общественном сознании идею о том, что идентичности этнических меньшинств представляют собой сплав ценностей национальной идентичности и тех элементов этнической культуры, которые отличают этнические меньшинства от представителей этнонационального большинства. Однако делается акцент на том, что национальная идентичность по отношению к этнокультурным элементам идентичности обладает императивной силой[736]. Причем для такого известного исследователя национализма, как Эрнест Геллнер, идентичности этнических меньшинств оказываются интересны настолько, насколько успешны они будут на пути к модернизации, базирующейся на «*всеобщей, стандартизирован-*

---

[735] *Armstrong J. A.* Nations before Nationalism. The University of North Carolina Press, 1982. P. 127, 241–282; *Berry J. W.* Immigration, Acculturation, and Adaptation. – Applied Psychology. An International Review. 1997. Nr. 46 (1). P. 6, 13; *Breuilly J.* Nationalism and the State. Manchester: Manchester University Press, 1982. P. 3, 300–332; *Кон Х.* Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 35-36; *Кедури Э.* Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. С. 88–108; Смит Э. Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004. С. 25; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. С. 25–73.

[736] *Calhoun C.* Nationalism and Ethnicity // Annual Review of Sociology. 1993. Vol. 19. P. 214–219, 221–222.

ной и типовой» культуре[737]. Именно эта традиция стимулирует многих ученых исследовать идентичности этнических меньшинств исключительно как объект политики национальной интеграции.

В общесоциологической перспективе эта традиция опирается на различные версии функционализма и структурного функционализма (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс). Т. Парсонс считал, что в обществе легитимна только одна нормативная культура, а носители иных культурных традиций должны быть лояльны по отношению к доминирующей культуре. Тем самым идентичности недоминирующих культурных групп воспринимаются как субординированные по отношению к доминирующей нормативной культуре[738].

Именно идеи структурного функционализма легли в основу первого в рамках социологии определения этнического меньшинства, предложенного в середине 1940-х гг. Л. Виртом, которое в той или иной степени встречается и в современных словарях по социологии[739]. По мнению Вирта, идентичность этнических меньшинств характеризуется не только отличительными «*физическими и культурными характеристиками*», но и отражает дискриминированное положение этой группы в обществе[740].

Во-вторых, это гуманистическая традиция исследования социальной идентичности личности как целостного явления, ярко проявившаяся задолго до эпохи расцвета наций, еще в период Возрождения и Просвещения. Эта традиция провозглашает идеи равных прав людей на социальный выбор, а тем самым – и на культурные, в том числе и этнокультурные, способы осуществления этого выбора. Тем самым не может быть речи о субординации ценностей, которая императивно навязывается обществом личности, большинством меньшинству[741]. Идентичности этниче-

---

[737] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 27–76, 89–128, 132–140, 210–253.

[738] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. С. 335–337, 359, 366, 452; Minority group // A Dictionary of Sociology. Oxford: Oxford University Press, 2005.

[739] A Dictionary of Sociology. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 197.

[740] *Wirth L.* The problem of minority groups // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. Chicago: University of Chicago Press, 1956. P. 237–238.

[741] *Hall S.* The Question of Cultural Identity // Modernity. Introduction to Modern Societies. Blackwell Publishers, 1996. P. 596–611.

ских меньшинств не сводятся только к универсальным и общенациональным ценностям, как это предпочитали считать представители либерализма и либертарианизма[742]. Они – дуальны, и только поэтому возможна полноценная интеграция этнических меньшинств[743]. Эти идентичности к тому же целостны, культурно опосредованы, включают в себя и те ценности, без которых представители этнических меньшинств не мыслят целостность свой идентичности и своего «неповторимого образа жизни»[744].

В рамках современной социологической науки идеи о целостности идентичностей этнических и иных социальных меньшинств наследует либеральный мультикультурализм в понимании идентичностей этнических меньшинств как содержания одного из универсальных прав человека[745]. Здесь общая национальная идентичность рассматривается уже в рамках «дифференцированного гражданства»[746]. В частности, это означает не только признание обществом индивидуального права выбора меньшинствами своей идентичности, но и признание

---

[742] *Barry B.* Second Thoughts – and Some First Thoughts Revived // Multiculturalism Reconsidered. Culture and Equality and its Critics. Cambridge: Polity Press, 2005. P. 205, 208, 213.

[743] *Baysu G., Phalet K., Brown R.* Dual Identity as a Two-Edged Sword Identity Threat and Minority School Performance // Social Psychology Quarterly. 2011. Nr. 74 (2). P. 121–143; *Manning A., Roy S.* Culture clash or culture club? National identity in Britain // CEP Discussion Paper. 2007. Nr. 790. April. P. 3–5; Martinovic B., Verkuyten M. URL: The political downside of dual identity: Group identifications and religious political mobilization of Muslim minorities // The British Psychological Society. URL: http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/24571398 (дата обращения: 28.05.2014); *Sam D. L., Berry J.W.* Acculturation: When Individuals and Groups of Different Cultural Backgrounds Meet // Perspectives on Psychological Science. 2010. Nr. 5(4). P. 472–481.

[744] *Уолцер М.* О терпимости. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 17, 22, 41–42, 57; *Хеффе О.* Справедливость. Москва: Праксис, 2007. С. 140; Taylor C. The Politics of Recognition // Multiculturalism. Examoning the Politics of Recognition. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2004. P. 25–42, 58–59.

[745] Kelly P. Introduction: Between Culture and Equality // Multiculturalism Reconsidered. Culture and Equality and its Critics. Cambridge: Polity Press, 2005. P. 5–13; Смит Э. Национализм и модернизм. С. 362–368.

[746] *Karolewski I. P.* Citizenship and Collective Identity in Europe. London, New York: Routledge, 2010. P. 23, 34, 81, 88–99; *Кимлика У.* Современная политическая философия. Введение. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. С. 271, 288, 424–462.

легитимности коллективных продуктов этого выбора, если он совершается в соответствии с принципами либеральной демократии, а тем самым и признание ценности коллективной идентичности этих меньшинств[747].

Современные представления либеральной линии мультикультурализма об идентичностях этнических меньшинств в большинстве своем сходятся в том, что если этнические меньшинства придерживаются либеральных ценностей в своем поведении и признают конституционный порядок в государстве, то их идентичность нельзя противопоставлять общенациональной идентичности. Более того, в таком случае идентичность этнических меньшинств выступает одной из легитимных и признаваемых обществом форм проявления национальной идентичности. Однако научные и общественно-политические представления, исповедующие как либертарианские, так и националистические идеи, ставят под сомнение ценность идентичностей этнических меньшинств как форму проявления и воспроизводства национальной идентичности. Именно в рамках либертарианизма и национализма актуализирован вопрос о необходимости субординации идентичностей этнических меньшинств по отношению к национальной идентичности, ее локализации в основном в частной жизни людей или же в тех фрагментах публичной сферы, которые связаны лишь с воспроизводством этнографических особенностей этих этнических групп населения. А под видом единой национальной идентичности утверждается лишь идентичность этнонационального большинства.

По мнению У. Кимлики, логика исследований идентичностей этнических меньшинств в исторической перспективе как раз и состоит в усилении интереса к культурному плюрализму гражданских обществ и правам социальных групп. Кимлика отмечает, что в современной социальной науке все активнее звучит критика того понимания своеобразной идентичности этнических меньшинств,

---

[747] *Tully J.* Strange Multiplicity // Political ideologies. A Reader and Guide. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 417–418; *Young I. M.ru*ling Norms and the Politics of Difference: A Comment on Seyla Benhabib // The Yale Journal of Criticism. 1999. Nr. 12.2. P. 415–421; Хабермас Ю. Борьба за признание в демократическом правовом государстве // Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 332–334.

которое полностью растворяет ее в национальной идентичности, исходя из соображений «национальной интеграции», что в реальной жизни не избавляет этнические меньшинства от маргинализации и стигматизации. Важно добиться двуединой цели в рамках современных либеральных демократий: с одной стороны, признать ценность нациестроительства, а с другой, – ценность прав этнических меньшинств как одно из проявлений прав человека[748].

На стороне этого взгляда на идентичность этнических меньшинств как одного из возможных видов проявления национальной идентичности – международные нормы по защите этнических меньшинств и их идентичности, которые отнесены к сфере универсальных прав человека[749]. Хотя при этом многие известные юристы отмечают и то, что бытующая правовая культура в некоторых странах не может полностью принять представления о равноценности идентичности большинства и этнических меньшинств[750].

Исследования идентичностей этнических меньшинств в латвийских социальных науках

Исследования идентичностей этнических меньшинств в независимой Латвии начались уже в 1990-е годы. Для авторов политологических и социологических исследований в основном важно показать, насколько национально-гражданские ценности проявляются в сознании представителей этнических групп в Латвии. В этом ученые видели показатели политической, гражданской и лингвистической интеграции этнических меньшинств в латвийском обществе, а следовательно, и уровень межэтнической дистанции, в том числе и в интерпретации истории Латвии в XX

---

[748] *Кимлика У.* Современная политическая философия. С. 413–460.

[749] Declaration on the Rights of Persons Belonging to National or Ethnic, Religious and Linguistic Minorities // United Nations General Assembly. URL: http://www.un.org/documents/ga/res/47/a47r135.htm (дата обращения: 28.05.2014).

[750] *Eide A.* Mazākumtiesību vesture un vieta starptautiskajās tiesībās // Mazākumgrupu (minoritāšu) integrācijas aspekti Latvijā. Rīga: LU Juridiskās fakultātes Cilvēktiesību institūts, 2001. Lpp. 7–11; *Khan B. U., Rahman M. M.* Protection of Minorities: Regimes, Norms and Issues in South Asia. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 1–16; *Šmihula D.* National Minorities in the Law of the EC/EU // Romanian Journal of European Affairs. 2005. Vol. 8. Nr. 3. P. 51–52, 60, 71.

веке. Одновременно показывался характер этнокультурного разнообразия различных секторов социально-экономической жизни, публичного политического пространства, государственного и муниципального управления, культурной, образовательной и информационной среды, практикуемой политической культуры. Для социологов и политологов актуальным был вопрос, насколько успешен процесс натурализации неграждан Латвии, какова ценность латвийского гражданства и чувства принадлежности к Латвии в среде этнических меньшинств. В целом представления о том, что идентичности этнических меньшинств должны быть интегрированы в национальную идентичность, которая базируется на латышском языке и культуре, занимают самое значительное место среди всех исследований этнических меньшинств в Латвии. Такой подход практически полностью доминировал в 1990-е годы, востребован он и сейчас[751].

Востребованность такого подхода стимулируется опасениями латышей, что усиление коллективной идентичности латвийских русских может угрожать национальной идентичности и стимулирует не межэтническую солидарность, а этнополитический конфликт. Особенно такие оценки распространены в части исследований, анализирующих ту часть системы образования Латвии, которая функционирует на русском языке[752].

---

[751] См., например: *Rungule R.* Olaines dažādu tautību iedzīvotāju attieksme pret dzīvesveidi savā pilsētā // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1992. Nr.10; Zepa B. Sabiedriskā doma pārējas periodā Latvijā...; Nacionālā politika Baltijas valstīs. Rīga: Zinātne, 1995; Pilsoniskā apziņa. Rīga, 1998; *Zepa B., Ozoliņa I., Čaplinska L.* Ceļā uz pilsonisku sabiedrību. Rīga: Baltijas Datu nams, 1998; *Djačkova S.* Valodas loma reģiona attīstībā. Rīga: LU Socioloģijas katedrā, 2000; *Pabriks A., Vēbers E., Āboltiņš R.* Atsvešinātības pārvarēšana: sabiedrības integrācija. Rīga: Sorosa fonds - Latvija, 2000; *Indāns I., Kalniņš V.* Sabiedrības integrācijas institucionālās politikas analize. Rīga: Latvijas Ārpolitikas institūts, 2000; Integrācijas prakse un perspektīvas. Rīga: Baltijas sociālo zinātņu institūts, 2001. 43., 77. lpp.; *Ījabs I.; Golubeva M.* Konsolidējot pilsoniskās sabiedrības dienaskārtību. Rīga: PROVIDUS, 2009. 1. - 2. lpp.;. Inclusion Unaffordable? The Uncertain Fate of Integration Policies in Europe. Rīga: PROVIDUS, 2011. P. 14.

[752] *Curika L.* Dalīta izglītība - dalīti pilsoņi? Rīga, 2009. Lpp. 2-17; *Čekse I., Geske A., Grīnfelds A., Kangro A.* Skolēnu valstiskā un Eiropas piederības apziņa, dzīvojot multikulturālā sabiedrībā: Igaunijas un Latvijas salīdzinošais piemērs // LU raksti. Izglītības vadība. 2013. Nr. 792. 15. - 21. lpp.

Существенные различия в этносимволическом поведении латышей и русских (высокий уровень этнополитической мобилизации на выборах государственных и муниципальных органов власти, разновекторные политико-идеологические дискурсы «латышских» и «русских» СМИ, ярко выраженное межэтническое противостояние анонимных комментариев в Интернете и т. д.) также побуждают исследователей считать нормальным явлением субординацию идентичностей этнических меньшинств по отношению к идентичности этнонационального большинства[753].

В этих исследованиях отчетливо проявляется влияние структурно функционалистской интерпретации идентичностей социальных и этнических меньшинств. Особенно когда это касается обоснования необходимости субординации этнической и лингвистической составляющей идентичности меньшинств по отношению к национальной идентичности и даже их противопоставлении[754]. Некоторые авторы в 1990-е годы допускали и возможность ассимиляции этнических меньшинств[755]. Подобная интерпретации идентичности этнических меньшинств подпитывалась и тем, что в этот период активность русскоязычного населения не приобрела видимых черт в публичной сфере[756].

Однако в 1990-е годы некоторая часть латвийских исследователей использовала идеи либерального мультикультурализма в изучении связей идентичностей этнических меньшинств и национальной идентичности. Например, были попытки рассмотреть латвийское общество как объединение двух этнических общин – латышей и русских, тем самым ставился под со-

---

[753] *Broks J.* Nacionālā identitāte: vispārējie modeļi un Latvijas gadījums // Akadēmiskā dzīve. 49. rakstu krājums. Rīga: LU, 2013. Lpp. 21; *Tabuns A.* Nacionālā identitāte un integrācija (1995–2003) // Drošība un tiesiskums Latvijā. Rīga: LU FSI, 2007. 93. lpp.; Pārskats par tautas attīstību, 2010/2011: Nacionālā identitātes, mobilitāte un rīcībspēja. Rīga: LU SPPI, 2011. 22. – 27. lpp.

[754] *Levits E.* Valstnācija un kultūrnācija – franču un vācu nācijas vēsturiskie modeļi // Pilsoniskā apziņa. Rīga: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, Etnisko pētījumu centrs, 1998. 79. lpp.

[755] *Pabriks A.* Latvijas pilsonība: etnopolitikas mērķis vai lidzeklis // Nacionālā politika Baltijas valstīs. Rīga: Zinātne, 1995. 122. –133. lpp.

[756] *Apine I.* Latvijas minoritāšu apziņa ceļa uz politisko naciju // Pilsoniska apziņa. Rīga: LU FSI, 1998. 252. lpp.

мнение либертарианский взгляд о сведении идентичностей недоминирующих этнических групп исключительно к частной сфере и необходимость учета интересов каждой из этнических общин[757].

Еще в середине 1990-х гг. профессор И. Апине считала вполне нормальной для национального государства ситуацию, когда идентичность этнических меньшинств реализуется в создании ими своей элиты, интеллигенции, развитой системы национально-культурных обществ, образовательных учреждений, средств массовой информации, регулярного функционирования сферы культуры и т. д. Именно в таком качестве возможна интеграция этнических меньшинств в общество[758]. Однако такое широкое понимание идентичности этнических меньшинств редко было вплетено в социологические исследования.

Отход от структурно-функциональной парадигмы в исследованиях идентичности этнических меньшинств, рассматривавшей их как субординированные по отношению к идентичности этнонационального большинства, был связан с потребностью взглянуть на эти группы как на «индивидуальные» этнические общности, самостоятельно конструирующие свою идентичность в условиях восстановленной государственности. Наиболее полно в то время такой подход был представлен в историко-социологических трудах ученых из среды самих этнических меньшинств[759].

В течение последнего десятилетия идеи либерального мультикультурализма приобретают б*о*льшую популярность среди

---

[757] *Ķeniņš G. J. (Kings), Bārnovs Dž., Baņkovska S.* Krievvalodīgo vadošo darbinieku individuālās vērtības Latvijā // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1995. Nr.1/2. 15. lpp.

[758] *Apine I.* Latvijas minoritātes... 66. – 78. lpp.

[759] *Абызов Ю.* Русское печатное слово в Латвии. 1917–1944 гг. Стенфорд, 1991; *Гаврилин А.* Очерки истории Рижской епархии (19 век). Рига: Филокалия, 1999; *Инфантьев Б.* Балто-славянские культурные связи. Лексика, мифология, фольклор. Рига: Веди, 2007; *Ковальчук С.* «Взыскуя истину». Рига: Институт философии и социологии Латвийского университета, 1998; *Никонов В.* Староверие Латгалии. Резекне: Издание Резекненской кладбищенской и старообрядческой общины, 2008; *Пазухина Н.* Культурные традиции латвийских староверов в 20–30 гг. XX века // Староверие Латвии. Рига, 2005; *Подмазов А.* Рижские староверы. Рига: Институт философии и социологии Латвийского университета, 2010; *Фейгмане Т.* Русские в довоенной Латвии. Рига: Балтийский русский институт, 2000.

части известных латвийских ученых. При этом в осмыслении идентичности этнических меньшинств характерно отсутствие какой-либо одной доминирующей парадигмы. Более того, многообразие теоретических подходов воспринимается как несомненная ценность. Основные идеи, лежащие в основе социологического анализа идентичности этнических меньшинств, следующие:

1. Обоснование важности мультикультурного подхода в понимании идентичностей этнических меньшинств происходит в контексте интереса к посмодернистскому исследовательскому дискурсу, который предполагает рассматривать идентичности как «меняющиеся, фрагментарные, процессуальные». В то время как модернизм связывается с националистическими идеями о нации, связанной «*одним языком и общей культурой*». Одновременно идентичность этнических меньшинств рассматривается как социокультурная форма индивидуальной субъективности личности, а общество – открытое к культурному многообразию, в том числе и в публичной сфере (например, в системе образования)[760].
2. Делаются важные методологические заключения о необходимости пересмотра восприятия интеграции идентичностей этнических меньшинств в рамки национальной идентичности в духе Дюркгейма и Парсонса, идеи которых стали методологическим обоснованием ассимиляции этнокультурных различий[761]. Некоторые латвийские социологи признают схематизм доминировавших стереотипов, отчасти и в научной среде, о том, что национальная идентичность всецело совпадает исключительно с идентичностью этнонационального большинства. Признается и внутренняя противоречивость понятия «национальное государство», которое предполагает практически нереальное совпадение

[760] *Austers I., Golubeva M., Strode I.* Skolotāju tolerances barometrs. Rīga: PROVIDUS, 2007. 2. – 19. lpp.; *Kļave E., Zepa B.* Modernisma un postmodernisma nacionālisma diskursi nacionālās identitātes skaidrojumā // Identitātes. Kopienas. Diskursi. Rīga: LU Akadēmiskais apgads, 2012. 10. – 21. lpp.; *Šņitņikovs A.* Nacionālās identitātes subjektu veidošanās īpatnības Latvijā 21. Gadsimtā // Akadēmiskā dzīve. 49. rakstu krāj. Rīga: LU, 2013, 67. – 70. lpp.

[761] *Muižnieks N.* Secinājumi. 15. – 20., 25., 29. lpp.

этнического и территориально-политического принципов, но при этом является основой большинства распространенных представлений о латвийской национальной идентичности[762].

3. Критика представлений о национальной идентичности как культурно гомогенном образовании, истоки которых коренятся в концепциях представителей немецкой «исторической школы» XIX века, а также критика редукции индивидуальной идентичности человека, его многообразных социально-экономических практик исключительно к этногрупповой идентичности[763]. Подобные идеи проникают в некоторые исследования коллективной лингвистической идентичности этнических групп Латгалии, историко-культурного региона Восточной Латвии. И. Шуплинска и С. Лаздыня полагают, что адекватное изучение этнического многообразия Латгалии и Латвии в целом возможно в том случае, если рассматривать гражданскую и национальную идентичности жителей как включающие в себя идентичности этнических групп: «*Особенность Латвии и Латгалии в том, что… национальная идентичность формируется из двух составных частей – латвийской идентичности с государством и присутствием этнических меньшинств*». Важно и то, что в основе методологии исследования не было заложено представление о нормативной субординации языков и лингвистических идентичностей в Латгалии[764].
4. Критика влиятельного в Латвии этнополитического дискурса, который ориентирован на технологии власти, на при-

---

[762] Integrācijas prakse un perspektīvas. 4. – 10. lpp.

[763] *Крук С.* Критика концепции интеграции латвийского общества // Балтийский акцент. 2012. № 1. С. 33–44; *Rozenvalds J.* Ilgtspējīga nācija un sabiedrības integrācija // Latvija. Pārskats par tautas attīstību 2012/2013. Ilgtspējīga nācija. Rīga: LU SPPI, 2013. 56. – 58. lpp.; *Šūlmane I., Kruks S.* Neiecietības izpausmes un iecietības veicināšana Latvijā. Laikrakstu publikāciju analīze (Diena, Neatkarīgā, Latvijas Avīze, Vakara Ziņas, Телеграф, Час, Вести-Сегодня). [B. v.], 2006. 4. – 86. lpp.

[764] Languages in the Eastern Latvia: the data and results of the research. Via Latgalica: humanitāro zinātņu žurnāla pielikums. 1. Rēzekne: Rēzeknes Augstskola, 2006. P. 57, 116, 387–401.

нижение ценности индивидуальных прав по сравнению с коллективными правами нации, на «*исключающую политическую культуру*» в отношении этнических меньшинств, распространенного по отношению к ним дискурса ненависти. Критика противопоставления идентичностей этнических меньшинств национальной идентичности как единственной нормативной («*правильной*») идентичности[765]. Исследователи отмечают распространенное беспокойство этнических меньшинств о своих правах, о проблематизации их идентичности в латвийском обществе[766]. Обращается внимание на обязательность принципов равноправия в политическом участии представителей этнонационального большинства и этнических меньшинств[767].

5. Акцентирование позитивной роли этнических меньшинств как полноправных субъектов в формировании современного гражданского общества в Латвии[768]. Общегражданская ценность идентичностей этнических меньшинств в политическом пространстве Латвии рассматривается теми исследователями, кто считает важным утверждение либеральных принципов в политической жизни Латвии и критично настроен по отношению к националистиче-

---

[765] *Hanovs D.* Kā pētīt "nepareizas" atmiņas Latvijā? // Letonica. Humanitāro zinātņu žurnāls. 2012. Nr. 2 (23). 7. – 20. lpp.; Izaicinājums pilsoniskajai līdzdalībai. 2008.gada gala ziņojums. Rīga: PROVIDUS, 2008. P. 3–47.

[766] Pētījums par cilvēktiesībām Latvijā. Grafiku atskaite. 2006. gada septembris. Rīga: Sociālo zinātņu institūts, 2006. 7. – 11. lpp.

[767] *Brands-Kehre I., Pūce I.* Politiskā nācija un pilsonība // Cik demokrātiska ir Latvija. Demokrātijas audits. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2005. 95. – 102. lpp.

[768] *Makarovs V., Strode I.* Uzskati par starpetniskajām attiecībām Latvijā. 2005. gada augusts. Latvijas iedzīvotāju aptaujas rezultātu apkopojums. Rīga: SKDS, 2005. 6. – 20. lpp.; *Rungule R., Koroļeva I., Ņikere S.* Jauniešu iekļaušanās analīze identitātes un līdzdalības diskursu kontekstā // Sabiedrības integrācijas tendences Latvijā: īpatnības un kopīgās iezīmes salīdzinājumā ar citām Eiropas Savienības valstīm. Etnisko attiecību aspekts. Rīga: LU FSI, 2006. 25. – 44. lpp.; *Šūpule I.* Etniskās attiecības un akulturācijas procesi Latvijā: iedzīvotāju attieksmes pret dažādām akulturācijas stratēģijām // LU raksti. Socioloģija. 2007. 714. sēj. 34. – 41 lpp.; Pārskats par tautas attīstību, 2010/2011: Nacionālā identitātes, mobilitāte un rīcībspēja. Rīga: LU SPPI, 2011. 12., 28. lpp.

ской риторике политиков[769]. Такие исследования касаются главным образом изучения возможности проявления самостоятельного политического дискурса этнических меньшинств и уровня толерантности по отношению к нему со стороны правых партий и близких к ним СМИ[770]. Либерально-мультикультурные идеи в восприятии идентичностей этнических меньшинств проявляются и в тех исследованиях, где признается ценность относительной автономии информационного и культурного пространства Латвии, функционирующего на русском языке, а важная роль этнических меньшинств в стимулировании динамизма современного политического пространства[771]. По отношению к русскому этническому меньшинству все чаще употребляется понятие «большая языковая община», которая, как и латышская языковая общность, формирует свой этнополитический дискурс[772]. Говорится и о том, что латвийские русские за годы независимости смогли создать разветвленную систему СМИ, инфраструктуры культуры и образования, с которыми должно считаться все общество[773]. А политики и гражданское общество должны исходить из очевидного факта, что идентичность латвийских русских и в целом русскоязычных реализуется в осознании своих специфических коллективных интересов, которые и институционализированы в значительных фрагментах латвийского гражданского общества, функционирующих на русском языке[774].

---

[769] Inclusion Unaffordable? The Uncertain Fate of Integration Policies in Europe. Rīga: PROVIDUS, 2010. 60. lpp.

[770] Izaicinājums pilsoniskajai līdzdalībai. 2008.gada gala ziņojums. Rīga: PROVIDUS, 2008. 2., 10., 59. lpp.

[771] Integrācijas prakse un perspektīvas. 16. – 19. lpp.; *Šūpule I.* Etniskās attiecības un akulturācijas procesi Latvijā. 10. lpp.

[772] Nacionālo minoritāšu konvencija – diskriminācijas novēršana un identitātes saglabāšana Latvijā. Rīga: LU Akadēmiskais apgads, 2007. 19. lpp.

[773] *Šulmane I.* Mediji un integrācija // Cik integrēta ir Latvijas sabiedrība? Sasniegumu, neveiksmju un izaicinājumu audits. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2010. 227. lpp.

[774] *Ījabs I., Golubeva M.* Konsolidējot pilsoniskās sabiedrības dienaskārtību. Rīga: PROVIDUS, 2009. 1. – 2. lpp.

Исследования идентичности этнических меньшинств в оценке латвийских ученых.

В августе 2013 – январе 2014 г. автор статьи провел опрос латвийских ученых, профессионально занимающихся исследованием межэтнических отношений. Цель исследования состояла в выявлении оценки респондентами проводимых в Латвии исследований этнических меньшинств, их основных достижений и существующих проблем. Одновременно ставилась задача понять, каким теоретическим подходам в исследовании этнических меньшинств респонденты отдают предпочтение. Автор отобрал 20 респондентов, хорошо известных в Латвии специалистов, из которых 10 – это исследователи-латыши, а 10 – из среды этнических меньшинств. 18 респондентов – доктора наук, из них 10 профессоров и ассоциированных профессоров. Специализация респондентов отражала и разнообразие социальных и гуманитарных наук, которые исследуют вопросы национальной и этнической идентичности (два социолога, три политолога, два философа, пять историков, четыре специалиста по социальной коммуникации, два психолога, один культуролог и один языковед)[775].

Если кратко обобщить высказывания респондентов, то можно сказать, что структурно-функциональная модель понимания идентичности этнических меньшинств теряет свою популярность. Ей на смену приходят социально-конструктивистские, мультикультурные версии, а также методологические подходы критической теории, неомарксизма и персонализма. Причем для латвийских исследователей, особенно из среды этнических меньшинств, дистанцирование от структурно-функционалистской версии идентичности этнических меньшинств сопровождается также критикой его идеологизированной версии, проявляющейся в националистическом дискурсе. Эти респонденты склонны воспринимать идентичность этнических меньшинств в большей степени не столько как структурный элемент в рам-

[775] Принятые обозначения в цитировании. Первый символ: Л – респонденты-латыши, ЭМ – респонденты из среды этнических меньшинств; второй символ: С – социолог, П – политолог, Ф – философ, И – историков, СК – специалист по социальной коммуникации, К – культуролог, Я – языковед.

ках национальной идентичности, сколько как форму реализации социальной идентичности личности, принадлежащей к одному из этнических меньшинств страны.

Востребованность структурно-функционалистской парадигмы в исследованиях этнических меньшинств. Необходимость применения этого подхода проявлялась в основном в ответах именно латышских респондентов, а также тех представителей этнических меньшинств, кто длительное время занимался исследовательской и организаторской работой в рамках политики интеграции латвийского общества. Для них чрезвычайно важно подчеркнуть необходимость субординации идентичности меньшинств по отношению к общенациональной идентичности и латышской культуре (Л, Ф; Л, И; Л, СК). С другой стороны, критики латвийской этнополитики настаивают на том, что коллективную идентичность этнических меньшинств необходимо постоянно артикулировать и защищать.

Так, один из таких респондентов считает, что латвийские русские ведут себя иначе, чем другие этнические меньшинства: «*Меньшинство не хочет концептуализировать себя в публичном пространстве как меньшинство. Оно хочет быть равным партнером. Это создает ряд проблем, потому что такая модель возможна в федеративном государстве и вызывает очень большие опасения со стороны большинства*» (ЭМ, СК).

В свою очередь, респондент, критично настроенный по отношению к латвийской этнополитике, особо артикулирует термин «*русская лингвистическая община Латвии*»:

«*За русской общиной правящая политическая элита не признает статуса национального меньшинства. Латышская официальная наука считает, что русской общины в Латвии нет вообще*» (ЭМ, И).

Критика представлений об этнических меньшинствах как субординированных группах. Такая критика, как правило, звучала в высказываниях респондентов из самой среды этнических меньшинств, но также и в интервью тех латышских исследователей, кто считает важным выстраивание диалога между латышами и этническими меньшинствами. В качестве альтернативы структурно-функциональному подходу, который легитимизирует субординированных статус этнических меньшинств, респонденты отдали различным версиям социального конструктивизма (ЭМ, К; ЭМ, Ф), теории действия (ЭМ, СК; ЭМ, П), персонализма

(ЭМ, СК; Л, Я), критической теории (ЭМ, СК; Л, С), либеральной версии мультикультурализма (ЭМ, СК; Л, И; Л, П; Л, И) и неомарксизма (Л, П).

Часть опрошенных ученых призналась, что по отношению к латвийским русским не использует понятие «этническое меньшинство», которое отсылает к идее этнической стратификации и субординации. Поэтому эти исследователи использует такие более нейтральные термины, как «этнолингвистическая группа» (Л, С) или «малая народность» (Л, И). Для некоторых респондентов сама по себе проблема категоризации на «национальное большинство» и «этническое меньшинство» не выглядит затруднительной, так как легко интерпретируется статистически. Главная сложность – это понимание меньшинства как носителя этничности. Тем самым обесценивается подход структуралистов об идентичности этнических меньшинств как неполной, подчиненной гражданской идентичности и идентичности этнонационального большинства (Л, Ф).

Однако наибольшее неприятие категоризации этнического пространства на «большинство» и «меньшинства» проявляется среди русских респондентов, которые видят в такой категоризации и политическую составляющую. Одна из респондентов, которая профессионально занимается исследованием историей и духовной культурой латвийских русских, отметила чрезмерную политизацию понятий, описывающих отношения этнических меньшинств и латвийского государства:

«“Агрессивность” (политическая) терминов “этническое меньшинство”, “нация”, “политическая нация”.., которые так часто читала/слышала от коллег по родному институту, использовать в аудитории просто не хотела» (ЭМ, Ф).

Однако вопрос о научной категоризации этнических меньшинств Латвии чрезвычайно сильно связан с интерпретацией респондентами политической истории страны. Некоторые респонденты особенно критичны к такой категоризации этнических меньшинств в Латвии, которая выражается в их делении на «традиционные» и «нетрадиционные»:

«*Когда все так смешалось в обществе. Все, кто приехал в Латвию после 1945 года – уже не традиционные? Они тут похоронили родителей. Их уже третье поколение тут живет. И они не традиционные? Это создание искусственных барьеров*» (Л, П).

Эти высказывания близки мнению тех респондентов, кто считает, что субординиционный подход к идентичностям этнических меньшинств провоцирует отношение к ним как «чуждым» идентичностям:

«*В Латвии политическая культура на данный момент (не важно, на какой стороне) вообще не в состоянии принять Другого в политическом ландшафте… Его мы не понимаем… Не ожидаю я этого и от научной среды потому, что у нас нет ресурсов, чтобы сформировалось независимое научное пространство с его критическим голосом*» (ЭМ, СК).

Несколько респондентов, специалистов по социальной коммуникации, полагают, что это связано с широко распространенным рассмотрением идентичностей этнонационального большинства и этнических меньшинств исключительно в сфере символико-культурной, игнорируя социально-экономическую сферу:

«*Сама по себе повестка для исследований меньшинств в Латвии отличается от ситуации в других странах Европы именно тем, что здесь в большей степени анализируются политические и символико-культурные проблемы взаимодействия нация – меньшинства, а не социально-экономические. Этому есть свое объяснение: активное использование концепции национального государства мотивирует исследователей обратиться к возможному потенциалу конфликта*» (ЭМ, СК).

Однако среди латышских респондентов в большей степени распространен взгляд, что приоритетный интерес в исследованиях этнических идентичностей к их культурно-символическим проявлениям – это не только результат волюнтаристского навязывания исследователем своей картины мира. На самом деле этносоциальная реальность в Латвии такова, что именно культурные и символические признаки этнических идентичностей в наибольшей степени появляются в общественной жизни, по сравнению, скажем, с социально-экономическими различиями между латышами и латвийскими русскими (Л, С).

(Ре)конструкция идентичности латвийских русских. Большинство респондентов считает, что идентичность латвийских русских не вкладывается в привычные схемы «этнического меньшинства»: *«У нас русские в Латвии – это довольно большая, самодостаточная группа населения. Самодостаточность проявляется количественно, представлена не только техническая, но и гумани-*

тарная интеллигенция, газеты, журналы, СМИ, развиваются вузы, школы. Это драма и фарс, когда русский язык остается в статусе иностранного. Нужен хотя бы статус языка нацменьшинства» (Л, П).

Для русских исследователей эта тема является одновременно и формой саморефлексии:

«*Как человек, родившийся в Латвии, имеющий наследственное гражданство, а не приобретенное гражданство, мне режет слух, когда меня причисляют к этническому меньшинству. Я считаю себя (но другие не считают) русской латвийкой, знающей язык, культуру и традиции этой страны. Втиснуть в одно словосочетание "этническое меньшинство" тех же русских, евреев – национальные группы пестрые по составу и по историческим корням этом государстве – задача от лукавого*» (ЭМ, Ф).

4. Вместо заключения

Социологическая традиция, в том числе и в современной Латвии, все реже рассматривает идентичности этнических меньшинств в парадигме структурного функционализма, что неизбежно приводит к ее оценке ее как субординированной по отношению к идентичности этнонационального большинства. Интеллектуальный ресурс структурного функционализма в анализе идентичностей этнических меньшинств наиболее востребован в период исторических трансформаций национальной идентичности, когда остро стоит проблема интеграции этнокультурных различий в пространство с доминирующей национальной культурой. В политической сфере эта научная парадигма теснейше переплетена с националистическим дискурсом, а также с теми разновидностями либертарианства, которые сознательно игнорируют социально-культурное наполнение прав людей, относящихся к этническим меньшинствам. Однако со второй половины XX века, когда задачи нациестроительства в целом оказались выполнены, важным представляется защита прав и идентичности людей, идентичность которых отличается от идентичности этнонационального большинства. В этих условиях социологическая мысль разрабатывает подходы, которые позволили бы представить идентичности недоминирующих социальных групп, этнических меньшинств, если они базируются на общенациональных ценностях, равноценными с идентич-

ностью этнонационального большинства. В таком случае идентичность этнических меньшинств из маркера принадлежности к группе внутри этносоциальной стратификации имеет шансы стать одной из форм социального самоопределения личности.

В латвийских исследованиях идентичностей этнических меньшинств некоторую популярность приобретают идеи либерального мультикультурализма о необходимости признания в контексте гражданского общества не только индивидуального права выбора людьми своей этнокультурной идентичности, но и коллективных продуктов реализации этого права представителями этнических меньшинств. Но нужно иметь в виду, что в современном латвийском обществознании только в настоящее время разворачиваются научные дискуссии о приемлемости мультикультурных моделей для общественно-политического устройства латвийского национального государства. Однако влияние этих идей на общество ограничено доминированием националистических практик в политическом процессе, стремящихся сузить рамки присутствия коллективных идентичностей этнических меньшинств в публичном пространстве Латвии. И, как показывает опыт, латвийское общество с большей открытостью обращается к идеям либерального мультикультурализма тогда, когда оно видит серьезность интереса самих этнических меньшинств к культивированию своей коллективной идентичности.

.....

Волков Владислав Викторович,
PhD, Институт философии и социологии Латвийского Университета
(Латвия)

Михаил Родин

Этнополитические конфликты и национальная идентичность в Латвии

Контекст исследования

В качестве концептуальных и методологических ориентиров для анализа этнополитических конфликтов и национальных идентичностей в Латвии в нашем исследовании мы опираемся на теорию С. Хантингтона о существовании культурных идентичностей, или «цивилизаций», вовлеченных, вследствие своих глубинных этнических корней и культурного наследства, в неизбежные конфликты. Данные конфликты приводят в итоге к «столкновению цивилизаций». Наше внимание будет сконцентрировано на микроэтнополитических и культурных общностях и идентичностях одного региона – Латвии. Наш основной интерес в том, как особенная латвийская нация и ее этнические группы, а также образующие их идентичности (безусловно входящие в западную и славяно-православную цивилизации) конституируют столкновение или толерантное сосуществование.

На неизбежный характер политизации этничности и этнических конфликтов в мультикультурных этнических обществах указывал в своих работах Горовиц, что дает методологические основания для понимания причин и динамики этнокультурных отношений в Латвии. С точки зрения теории демократии, этнический конфликт представляет собой опасность для демократического режима, особенно в случае доминирующей этнической группы, субординирующей этнические меньшинства.

В рамках существующих подходов к анализу конфликтов и идентичностей мы придерживаемся примордиалистской версии конфликтологии. Согласно данной версии исследований этнополитики, тип примордиалистской этнической группы служит причиной конфликта, который иррационален, аффектативен и в принципе неразрешим; «питательной основой»

данных конфликтов являются «священные символы» прошлого, религиозное, этническое и культурное наследие. Примордиалистские этнические конфликты и национальные идентичности чаще воплощаются в различные формы насилия или открытого противостояния.

Несмотря на всеобщую признаваемость инструменталистского влияния экономических факторов на массовое сознание и поведение, мы не считаем, что этнические и культурные конфликты можно безусловно объяснить только дефицитом социально-экономических ресурсов или экономическим кризисом макросреды. Объяснительные причины этноконфликтов априори включают в себя ряд «труднообъяснимых факторов». Поэтому примордиализм традиционно рассматривает clashofcivilizations Хантингтона как неизбежный и неразрешаемый феномен.

Полем тестирования примордиалистского подхода к анализу конфликтов и идентичностей для нас служит этническая демократия в Латвии (теоретическое обоснование которой дают Смуха С. и Ярве П., 2005). Этническая демократия в Латвии включает в себя ряд особенностей. Во-первых, существование институционального доминирования титульной нации и полное ресурсное обеспечение моноэтнической властной элиты политической гегемонии; во-вторых, отсутствие демократического представительства этнических меньшинств и неравенство в обладании гражданскими правми и свободами.

Цели. Целью настоящей работы является анализ взаимодействия этнических и культурных идентичностей как катализатора этнокультурного плюрализма или конфликтов в латвийском обществе. Отсюда основными вопросами будет выяснение того, каковы основные модели национальной идентичности в рамках иерархизированной этнополитической стратификации в Латвии; при каких условиях политическая идентичность и разнообразие этнокультурной самобытности разных национальностей способствуют демократическому согласию или приводят к взаимной конфронтации.

Зависимые и независимые переменные. Этническая и культурная идентичности как факторы этнокультурных конфликтов для нас выступают в качестве независимых переменных. Демонстрация мотивационной готовности и поведенческих ак-

тов на конфликт между различными этнокультурными и этническими общностями являются зависимыми переменными.

Исследовательские гипотезы:

1) готовность к конфликту и его реализация в актах противостояния режиму в Латвии напрямую подключена к этнополитическим и этнокультурным составляющим национальной идентичности доминирующей титульной нации и субординированных этнических меньшинств;
2) кризис либерализма демократических мультикультурных и этнических обществ способствует политической радикализации требований этнокультурными меньшинствам большего признания и осуществления своих культурных практик и идентичностей.

Методы и данные. В основу анализа национальной идентичности и этнополитических конфликтов в Латвии было положено социологическое исследование, проведенное в августе – сентябре 2011 года сотрудниками латвийского Института европейских исследований проф. А. Гапоненко и ассоц. проф. М. Родиным. Анализ этнополитических и социальных отношений в Латвии был осуществлен накануне и после парламентских выборов 2010 года. На фоне углубляющегося экономического и институционального кризиса в Латвии дается описание и анализ радикализации этнополитического поведения и массового сознания. Анализ институтов и акторов латвийской этнодемократии приводится с учетом как внутренней, так и внешней политики.

Используемые методы исследования представляют собой сочетание количественного анализа при измерении национальной идентичности и этнических конфликтов и качественных методов описания характеристик латвийской этнодемократии. Основное намерение состояло в проведении однопанельного исследования населения, основанного на пропорциональной репрезентативной выборке, отражающей национальные социально-демографические и стратификационные параметры. Данные опроса общественного мнения были собраны посредством формализованных анкет-интервью у 1102 респондентов в Латвии. Анкета, выполненная на русском и латышском языках, содержит более 1000 переменных и их параметров.

Результаты исследования

Политическая идентичность в латвийском политическом процессе

Национальная идентичность может быть объяснена как набор интернализованных политических и культурных норм и типов поведения, которые трансформируются через политическую социализацию от одного поколения к другому конкретной этнической группой. Структурно национальная идентичность состоит из двух общностей: политической идентичности и этнокультурной идентичности.

Представим вначале общие данные замеров политической идентичности жителей Латвии. Политическая идентичность, как правило, рассматривается в качестве официальной принадлежности к политическому сообществу (или государственно-территориальному образованию). Согласно выбранной методологии, политическая идентификация обнаруживает себя в процессе включения в политическое сообщество и интернализацию в государствообразующие национальные символы. В процессе отождествления с национальной символикой образуется коллективная идентичность и чувство преемственности. Национальные символы, с трудом подверженные коррекции временем и историческими модификациями, обладают большой этномобилизующей ролью в интеграционном процессе государственного строительства.

Каждая из областей политической идентификации имеет определенный набор переменных, которые были отобраны после предварительного обследования и отражают эмпирические значения. Причем исследовательское внимание было сосредоточено больше на персональном акцентировании и идентификации с помощью набора формализованных отношений с политическим сообществом и политической символикой. Базируясь на предшествующих исследованиях этнополитических процессов в Латвии в рамках Института европейских исследований, в качестве «работающих» переменных идентификации с политическим сообществом для респондентов были предложены: общая привязанность к Латвии, поддержка латвийской независимости, удовлетворенность демократией в Латвии и отношение к инсти-

туту гражданства. Альтернативные идентичности касались отношения к России и Европейскому союзу в родственных областях.

В свою очередь, выстраивание персональной идентичности посредством соотнесения с политически значимыми и этнически образующими символами и ценностями дает возможность более отчетливо представить границы и содержание этнической сплоченности и интегрированности. К таким этнокультурным и политическим символическим маркерам, образующим собирательный образ этнического большинства и этнических меньшинств общества, можно отнести: символы национальной государственности – гимн и флаг; национальные праздники – День Независимости (18 ноября), День восстановления Независимости Республики Латвии (4 мая), Лиго (23 июня); национальные памятники – Памятник Свободы в Риге, Памятник Воинам-освободителям в Риге, Латгальская Мара в Резекне; национальные кладбища – Братское кладбище, Покровское кладбище и Гарнизонное кладбище в Риге. В качестве альтернативных этнокультурных и политических символов, отображающих общественный спектр этнических культур и самоидентификаций, в исследовательский инструментарий были включены российская политическая символика, а также этнокультурные образующие – Кремль в Москве, День Победы (9 мая), День труда (1 мая).

Помимо индикаторов этнокультурного и политического значения исследовательская модель политической идентификации включает в себя индикаторы личностной удовлетворенности и мотивации на проживание в Латвии: желание родиться и жить в Латвии. Аналогичные индикаторы были адресованы к территориальной мобильности по отношению к России.

Согласованность положительных образов и самоидентификация представителей титульной нации и этнических меньшинств в выбранных концептуальной моделью переменных гипотетически образует идеальную модель успешной и интегрированной политической идентичности в Латвии.

Общее представление о политической идентичности среди жителей Латвии содержится в таблице 1. Данные показывают, что больше 80% жителей идентифицируют себя с Латвией, что, по сути, является серьезным аргументом в пользу политической интеграции между этническим большинством и этническими меньшинствами. Вместе с тем факторы статуса гражданства

и этнической принадлежности чувствительно корректируют общую картину формальной соотнесенности с национальной идентичностью. Русские и представители других этнических меньшинств значительно уступают латышам по идентификации с формальным членством в латвийском государстве. Более того, этнические русские практически в одинаковой степени идентифицируют себя как с Латвией, так и с Россией, что, впрочем, не является противоречием, а лишь фиксирует ситуацию «наложенных» идентичностей, ввиду как исторического сосуществования, так и мобильности в эпоху интенсивно размывающихся национальных и государственных границ. Проблема, скорее, заключается в том, насколько идентичность этнического большинства, субординирующего этнические меньшинства, порождает или, наоборот, нивелирует этнические конфликты в рамках национального общего.

Факторами, принципиально отличающими этническое большинство и этнические меньшинства, является выражение поддержки латвийской независимости и удовлетворенность демократией в Латвии. Как показывают данные таблицы, лишь 13.9% латвийских русских поддерживают латвийскую независимость, считая, что для них «независимость Латвии всегда была одной из важнейших вещей».

ТАБЛИЦА 1.
Политическая идентичность и этнические группы (%)*

Вопрос: Как велико чувство Вашей привязанности к…?

Вопрос: В какой степени поддерживаете Вы…?

Вопрос: В какой степени является для Вас…?

Вопрос: Где Вы хотели бы родиться/жить…?

Переменные	Этнические группы			
	Всего	Латыши	Русские	Другие
Привязанность к Латвии	83.3	90.1	74.4	81.3
Привязанность к России	26.8	6.4	54.6	26.1
Привязанность к Европейскому Союзу	34.9	41.2	23.4	21.6
Поддержка латвийской независимости	45.0	72.0	13.9	27.6
Удовлетворенность демократией в Латвии	34.7	51.0	18.6	16.4
Удовлетворенность демократией в России	31.6	19.7	47.8	31.4
Важность латвийского гражданства	62.4	60.2	64.4	65.7

Переменные	Этнические группы			
	Всего	Латыши	Русские	Другие
Национальный гимн Латвии	83.0	97.5	67.8	68.6
Национальный флаг Латвии	85.3	92.6	74.6	70.9
Национальный гимн России	13.6	2.4	27.6	17.1
Национальный флаг России	13.0	2.8	25.4	27.0
Памятник Свободы в Риге	71.6	93.9	47.5	52.2
Памятник Воинам-освободителям в Риге	48.9	26.0	78.3	53.7
Латгальская Мара в Резекне	25.2	34.1	13.5	24.7
Кремль в Москве	21.3	11.9	34.5	38.1
День Независимости (18 ноября)	58.6	86.6	31.2	34.3
День восстановления Независимости Республики Латвии (4 мая)	44.4	72.2	15.1	17.9
Лиго (23 июня)	84.4	92.4	76.6	74.7
День Победы (9 мая)	47.3	15.5	82.4	72.4
День труда (1 мая)	21.3	15.6	25.6	31.3
День легионеров (16 марта)	25.9	29.2	2.2	2.2
Братское кладбище в Риге	64.1	81.5	48.1	46.3
Покровское кладбище в Риге	14.0	7.2	20.5	23.2
Гарнизонное кладбище в Риге	9.9	6.4	12.1	17.1
Саласпилский мемориал	39.3	34.2	45.8	41.0
Братское кладбище в Лестене	26.5	41.6	9.5	15.6
Желание родиться в Латвии	52.3	68.5	34.9	38.1
Желание жить в Латвии	17.2	56.8	33.7	35.8
Желание родиться в России	8.4	1.3	18.0	9.0
Желание жить в России	30.0	1.8	22.2	9.7

* В данной таблице содержатся только положительные ответы («очень привязан» и «скорее привязан», «полностью согласен» и «согласен»).

18.6% опрошенных русских удовлетворены демократией в Латвии. Такая же невысокая оценка уровня демократии со стороны латвийских русских присутствует и в адрес России. Чуть выше показатели поддержки независимости и удовлетворенности демократией в Латвии у остальных представителей этнических меньшинств.

Крайне невысока среди представителей этнических меньшинств и территориальная идентичность с Латвией. Доля тех, кто выразил желание родиться и жить в Латвии, находится в пределах 30%, «территориальной привязкой» которых является возрастной и семейный уровень. Среди представителей латышской национальности личностная удовлетворенность и мотивация на проживание в Латвии не превышают 70%, а миграционная моти-

вация на проживание в странах Западной Европы, США и Канаде превышает подобный интерес у представителей этнических меньшинств.

Показательны данные о персональной идентификации с национальными символами, выполняющими важную роль в успешной политической интеграции и национальной гомогенизации. Фактически именно национальные символы и их персонификация социальными группами создает nation-state с устойчивыми признаками стабильности и устойчивости. Как видно из таблицы 1, существуют разительные отличия в уровне идентичности с национальной символикой среди опрошенных. На данные расхождения в распределении идентификация, помимо этничности как принципиального фактора, играет гражданский статусный фактор, возрастной и образовательный факторы.

Если доля ответивших на вопрос о личной привязанности к таким символам, как национальный гимн и флаг Латвии, Памятник Свободы в Риге и их значимости среди латышей на треть превышает такие же позиции среди представителей нетитульной нации, то в отношении других факторов, образующих идентичность, картина еще более резкая. Данные нашего исследования позволяют утверждать, что важнейшие национальные символы, такие как национальные памятники, праздники и кладбища, группируются и выступают в качестве формы этнического воспроизводства вокруг строго разделенных групп этнического большинства и этнических меньшинств. Ориентация латвийских русских и других этноменьшинств на российские и советские национальные символы усиливает их многослойную политическую идентификацию и стратегию защиты от институциональной гегемонии этнического большинства. Принципиальные отличия в виде процентных соотношений между титульной нацией и этническими меньшинствами в области политической символической идентификации фиксируют процесс «негативной идентификации» как результата псевдоинтеграционной этнополитики. Этническое разделение, неразрешимые этноконфликты, а также прибретенный статус периферийных социальных образований этнических меньшинств – таковы итоги этнополитики и политической социализации населения Латвии.

В ходе исследования наши гипотезы о политической модели Латвийского общества подтвердили существование двухобщинного разделенного общества: латыши ориентированы на восстановление и поддержку национального государства, а этнические меньшинства (прежде всего русские) больше ориентируются на достижение политического равенства и демократического представительства.

Этнокультурная идентичность в латвийском политическом процессе

Согласно нашим исследованиям 1996, 2000, 2003 и 2011 годов, институциональное доминирование латышской нации с характерными для нее ресурсами защиты и внутренней сплоченности сочеталось с практикой этнического и лингвистического «нарциссизма» и культурного реваншизма. В то же время развитие этнокультурных меньшинств в Латвии строго происходило в подчиненных рамках ассимиляционной политики.

Наша концептуальная модель этнокультурной идентичности в Латвии включает в себя дименсии этнической, лингвистической, культурной идентификаций, а также культуры межэтнических взаимоотношений.

Обратимся к анализу этнической идентификации. По данным ЦСУ ЛР на 2011 год, население Латвии составляло 62.1% латышей, 26.9% русских и 11.0% представителей других национальностей. В нашем исследовании мы пользовались демографическими данными до публикации итогов национальной переписи, поэтому общее количество латышей составляло 57.7%, русских – 30% и 12.3% – лиц других национальностей. Статистические данные, а также данные массовых опросов убедительно показывают на численно превосходящую группу этнических латышей, общее количество которых увеличилось на 4% к 2011 году и составляет более 2/3 населения страны. Этническая идентификация, согласно нашему исследованию, принципиально не отличается от статистических данных об этнической принадлежности. Более дробные индикаторы об этнической идентификации позволяют уточнить общую картину. На вопрос «Представители какой этнической группы есть в Вашей семье?», 94.1% латышей

указало на лиц латышской национальности и 12.2% – на представителей других этнических групп. Аналогичная ситуация наблюдается среди лиц нетитульной нации: у русских среди членов их семьи и друзей 78.5% составляют этнические русские, и 2.7% – латыши. Представители иных этнических образований также составляют большинство среди членов их семьи и друзей.

Достаточно сплоченная этническая идентификация в Латвии родственна строгой дифференциации статуса этнических меньшинств. На вопрос «Как Вы считаете, Вы принадлежите к этническому меньшинству?» 6.8% латышей готовы принять статус этнического меньшинства, 33.7% – русскими и 55.5% – лицами других групп (табл. 2).

Неразрывно от этнической идентификации выступает языковая идентификация, служащая одной из важнейших предпосылок строительства нации. А владение и использование языка титульной нации этническими меньшинствами является не только выражением лояльности к нации, но и служит одним из ключевых факторов в интегративных процессах. Зона пользования национальными языками была тестирована путем обращения к лингвистической ситуации в семье. На вопрос «На каком языке Вы говорите в семье?», 92.7% латышей ответили, что используют в семье свой родной язык, 7.3% русских и 13.4% лиц других этнических групп также используют латышский язык в своей семье.

ТАБЛИЦА 2.
Этнокультурная идентичность и этнические группы (%)*

Вопрос: На каком языке Вы говорите в семье?

Вопрос: существует ли угроза исчезновения в Латвии нации и национальных языков?

Вопрос: В какой мере Вас беспокоит проблема языковой дискриминация в Латвии?

Вопрос: Как Вы думаете, хотят латыши взять реванш у русских и у других этнических групп?

Вопрос: Какие, по-Вашему, социальные характеристики человека являются определяющими в Латвии?

Вопрос: Что произойдет в будущем с культурой этнических меньшинств в Латвии?

Вопрос: Кто является Вашим национальным героем и писателем?

Вопрос: Что, по Вашему мнению, надо сделать нелатышам, чтобы улучшить межнациональные отношения в Латвии?

Переменные	Этнические группы			
	Всего	Латыши	Русские	Другие
Говорю на латышском в семье	51.3	92.7	7.3	13.4
Говорю на русском в семье	46.6	5.6	91.2	80.6
Говорю на латгальском в семье	0.6	0.4	0.2	3.0
Угроза исчезновения латышской нации	16.7	15.6	19.0	14.2
Угроза исчезновения латышского языка	18.2	16.3	21.7	15.7
Угроза исчезновения латгальского народа	36.6	28.3	35.3	44.8
Угроза исчезновения латгальского языка	33.5	35.8	51.2	52.7
Языковая дискриминация	48.7	27.6	74.9	56.8
Доминирование этнической принадлежности	61.4	58.0	66.6	59.0
Этнический реванш	44.7	24.9	67.3	57.5
Культура этноменьшинств в будущем растворится в латышской культуре	16.2	26.0	4.9	10.4
Выучить латышский язык	86.6	96.6	75.6	78.4
Отправлять детей в латышские сады и школы	46.1	63.1	28.8	27.6
Ввести преподавание в школах на латышском языке	35.9	64.7	5.4	11.9
Поддержать латышские культурные организации	38.9	58.8	16.6	24.6
Принять латышские ценности и культуру	55.4	72.8	33.6	50.0
Лачплесис	49.0	75.4	20.2	26.1
Карлис Улманис	26.0	43.0	7.1	13.4
В. Ленин	4.5	2.0	7.6	5.2
И. Сталин	2.8	1.1	5.3	2.0
В. Путин	17.2	2.7	33.7	27.6
Д. Медведев	18.8	2.1	26.3	24.0
Я.Райнис	52.0	76.4	23.4	38.1
Ф. Трасун	5.4	6.7	3.4	6.7
А. Пушкин	43.6	13.5	79.8	58.2
Т.Шевченко	8.3	3.4	11.4	18.7
А. Мицкевич	4.2	2.5	3.7	12.6
Я.Колас	3.9	2.7	3.1	11.2
Ш.Алейхем	3.9	2.0	4.6	9.7

* В данной таблице содержатся только положительные ответы («очень привязан» и «скорее привязан», «полностью согласен» и «согласен»).

Наоборот, 5.6% латышей говорят в своей семье на русском языке, 91.2% русских и 80.6% других этнических групп используют в семье русский язык. Использование в целом латгальского языка в семье незначительно – не более 0.6%, среди представителей латгальской нации объем пользования данного языка

не превышает 3%. Отметим, что этнические меньшинства, в отличие от русских, демонстрируют большую степень ассимиляции в латвийское общество через латышский язык. Согласно нашим данным, представители всех этнических групп меньшинств высоко оценивают значимость латышского языка в обществе и выражают активную мотивацию в изучении и использовании языка титульной нации. Различия касаются значительного сокращения зоны употребления русского языка среди латышей (несмотря на их высокий уровень владения русским языком); также немного выше квота использования европейских языков среди этнических групп меньшинств, особенно среди молодого поколения.

Лингвистическое разнообразие в мультикультурных и этнических обществах неизбежно приводит к определенным барьерам в социальных коммуникациях и дискриминационной политике. Языковая дискриминация, как социальная проблема, вызывает беспокойство у 27.6% латышей, 74.9% русских и 56.8% у остальных этнических групп. Вместе с тем угроза исчезновения латышской нации и латышского языка как расхожие катализаторы этнических конфликтов не превышает 20% среди всех опрошенных, невзирая на национальную принадлежность. В целом институциональная гегемония латышского языка и лингвистическая ассимиляция вызывают чувства обеспокоенности среди представителей этнических меньшинств и служат причиной этноконфликтов и миграции.

Культурная идентификация, как и этническая идентичность, в Латвии отличается отчетливо консервативным характером. Мультикультурные идентичности обладают значительным уровнем гомогенизации, внутренней сплоченности и собственной защиты для дистанцирования от других социальных групп. Согласно нашему исследованию, этнические группы в Латвии обладают высокой степенью культурной самоидентификации, в то время как межкультурные коммуникации носят дефицитный характер культурного плюрализма и общественного диалога. Причем доминирующая этнокультурная общность титульной нации обладает всеми институциональными и идеологическими ресурсами для этнокультурной гегемонии и ассимиляции меньшинств. По мнению преобладающего количества респондентов-латышей, этни-

ческие меньшинства должны отправлять детей в латышские сады и школы, поддержать латышские культурные организации, принять латышские традиции и другие культурные ценности, а преподавание в школах должно вестись на латышском языке. В связи с этим показательно отношение респондентов к перспективе будущего развития культуры этнических меньшинств: 26,0% латышей, 4.9% русских и 10.4% представителей остальных меньшинств считают, что культура русских и других национальных меньшинств в Латвии в будущем растворится в латышской культуре.

Обращение к анализу ориентаций и разделения этническими группами социально значимых и культурнообразующих символов также позволяет дать более дробную картину разделенной этнокультурной идентификации в Латвии. На вопросы «Кто является Вашим национальным героем?», среди предложенных респондентам альтернативных персоналий (Лачплесис, Карлис Улманис, В. Ленин, В. Путин, Д. Медведев), и «Кто является Вашим национальным писателем?» (Я. Райнис, Ф. Трасун, А. Пушкин, Т. Шевченко, А. Мицкевич, Я.Колас, Ш. Алейхем), были получены ответы, демонстрирующие принципиальные различия у существующих этнокультурных сообществ.

Культурное и ценностное обособление, резкая демаркация этнокультурных идентичностей в Латвии служат препятствием для согласительной и толерантной этнополитики. На основании нашего исследования можно прийти к заключению о том, что в Латвии существует сильное культурное разделение между этническим большинством и меньшинствами с взаимно отталкивающей ориентацией к мультикультурной интеграции.

Этнические конфликты: причины и степень протекания

Важным атрибутом анализа межэтнических конфликтных отношений является выявление источников или причин данных конфликтов. Однако отслеживание причин этнических конфликтов методами социологии наталкивается на ряд сложностей ввиду как их видового многообразия, так и отсутствия

четких границ между рядом ближайших, видимых на поверхности причин и более глубоких, уходящих своими корнями в сферы менталитета и культурных атрибутов. Каждый такой конфликт (или ряд конфликтов) уникален, и для него характерен только ему присущий набор компонентов, их специфическое сочетание. Отсюда любые попытки представить объяснительную схему этнического конфликта на основе ряда гипотетических причинных утверждений или, наоборот, выверенных обнаружений изначально будут неточны и неполны.

Так, в качестве расхожих причин этнических конфликтов в Латвии среди экспертов и представителей массового сознания указываются этническое происхождение и язык титульной нации, отношение к историческому прошлому и его интерпретация, страх перед современной Россией. С целью выяснения возможности, причин и степени протекания этнических конфликтов в Латвии было выдвинуто несколько вопросов респондентам, предусматривающих формализацию ответов. На вопрос «В какой мере Вас беспокоят следующие проблемы в Латвии?», применительно к этническим конфликтам, положительно ответили 27.8% латышей, 36.6% русских и 41.0% представителей иных групп. В таблице 3 приведены данные о возможной конфронтации между этническим большинством и этническими меньшинствами. Если вопрос об этнических конфликтах в целом беспокоит лишь четверть из опрошенных, то мнение о возможной конфронтации между этими группами выразили около 15% респондентов. Как видится, большинство опрошенных не считают возможным этническую конфронтацию.

ТАБЛИЦА 3.

Этнополитические конфликты в Латвии (в %)

Вопрос: Сегодня в Латвии проживают различные этнические группы.

Каково Ваше мнение о возможной конфронтации между этими группами?

Пожалуйста, определите по шкале от 1 до 5, в какой мере эта конфронтация возможна*.

Конфронтация возможна				Конфронтация маловероятна
3.2	11.7	26.1	28.0	29.8

* Представлены только положительные ответы: «Конфронтация возможна», «Конфронтация маловероятна».

ТАБЛИЦА 4.

Причины этнической конфронтации (в %)

Вопрос: По Вашему мнению, каковы причины данной конфронтации, в какой мере? Пожалуйста, пользуйтесь шкалой от 1 до 5, где « 1 « означает – «в большой мере», а 5 означает «в малой мере» (Один ответ в каждом ряду.)*

Переменные	В большей мере				В малой мере
Экономическое неравенство групп	20.6	21.7	24.8	16.3	16.6
Политическое неравенство групп	27.5	24.3	24.9	11.6	11.7
Экономический кризис	21.9	24.0	23.1	14.0	17.1
Угроза ассимиляции	12.7	22.2	29.0	19.9	16.2
Борьба за власть между элитами этнических групп	25.6	24.1	21.5	14.8	14.0
Отсутствие гражданства	23.6	19.0	24.3	18.6	14.5
Влияние России	16.3	17.4	27.4	16.6	22.2

* Представлены только положительные ответы: «В большей мере», «В малой мере».

Анализу причин этнических конфликтов в Латвии посвящена таблица 4. К числу причин этнических конфликтов в Латвии, создающих наиболее широкую среду для проявления активного межэтнического взаимодействия, можно отнести: экономическое и политическое неравенство этнических групп, экономический кризис, угрозу ассимиляции, борьбу за власть между элитами этнических групп, отсутствие гражданства, влияние России. Как показывают данные, гипотетический набор причин этнических конфликтов достаточно выражает позиции у половины опрошенных респондентов. Причем на отсутствие гражданства и влияние России как причин этнических конфликтов указало вдвое больше русских и других представителей этнических меньшинств, что было вполне ожидаемым.

Дискуссии и выводы

Этническая стратификация и неравенство в Латвии

Особенностью этнической политики в полиэтнической Латвии с момента провозглашения независимости является постоянный поиск эффективных способов и средств инкорпорации этнических групп титульной нацией. Формаль-

но провозглашаемые латышской властной элитой равенство и идеология общественной интеграции (наибольший интерес к которым спорадически обнаруживается в моменты общенациональных и региональных выборов) окончательно дискредитированы ассимиляционными процессами к 2014 году. Провал интеграционной политики и доминирование процессов ассимиляции, а также нарастание признаков этнической иерархии в Латвии в целом разделяются как властными кругами, так и достаточно неоднородным экспертным сообществом и массовым сознанием.

Этнополитическое неравенство и субординация в распределении прав и привилегий, власти и ресурсной базы воплотились в нынешней этнической стратификации. Отметим, что границы и внутренняя структура этностратификации в Латвии до сих пор окончательно не оформлены и значительно уступают пройденному ею пути демократического транзита к концу 1990-х. Этносоциальная стратификация, основанная на этнической иерархии и неравенстве разных этнических и социальных групп, включает в себя разнообразные способы их воспроизведения (чаще всего консервации) и легитимации. Этническая стратификация задается всем многообразием этнокультурных сфер национального развития и преемственности, прежде всего выражаемых в национальной культуре, языке, традициях. Очевидно, что осознание и оценка сложившихся неравноправных форм этнополитических отношений, представленности во властных структурах и сферах занятости, достатка, уровня образования, культуры и т. д. являются основными причинами этноконфликтов в Латвии.

В свою очередь, оценочный аспект этнической стратификации, а также демонстрация различных форм отношения к ней со стороны этносоциальных групп являются объектом современных исследований этносоциологии и других родственных ей гуманитарных дисциплин. Вместе с тем, несмотря на внушительный объем проведенных исследований и накопленных знаний в области этнополитики как в Латвии, так и в Балтийском регионе местными исследователями (Апине И., Муйжниекс Н., Волков В., Зепа, Б., Гапоненко А. и др.) и зарубежными экспертами, собственно тематика этнической стратификации представлена явно недостаточно. Отсюда кар-

тина объяснения этнических конфликтов и их типов в Латвии зачастую выливается в социолингвистические и общекультурные замеры сознания и поведения взаимодействующих этнических групп.

Этнодемократический режим в Латвии имеет два одинаково важных и относительно независимых измерения: социальное (или вертикальное) и культурно-политическое (или горизонтальное). Первое измерение отражает иерархическую структуру общества. На его основе выделяются социальные слои, различающиеся как уровнем социального статуса, масштабом и структурой используемых ресурсов, механизмами воздействия на политический процесс, так и близкими социально-политическими и культурными характеристиками. В основе же групп, образуемых с помощью второго измерения, лежит общность убеждений, культуры и интересов. Эта общность выражается в действиях, сознательно направляемых или опосредованно способствующих разным сценариям общественного развития. Объединение таких общностей «по горизонтали» дает социальные слои, а «по вертикали» – основные общественно-политические силы, различающиеся наличием ресурсного потенциала, социальной встроенностью и сплоченностью. «Пересечение» названных аналитических дименсий позволяет выделить социальные группы, играющие значительную роль в процессе преобразования общества, то есть выступающие в качестве иерархических акторов политического процесса (в частности, титульной нации или доминирующего этнического большинства или моноэтнической политической элиты). Такой подход к идентификации реальных акторов современного общественного процесса представляется продуктивным, поскольку позволяет оценить и прочность социальной базы основных общественных сил, и возможности их консолидации друг с другом, характер и масштабы ресурсов, которыми они располагают для достижения своих целей. Тем самым исследователи современного этнополитического процесса получают надежный методологический аппарат, с помощью которого можно более обоснованно судить о возможных и наиболее вероятных сценариях общественного развития.

Отметим, что понимание вертикального и горизонтального измерений этнической стратификации как исследователь-

ских инструментов значительно отличаются среди политологов, вследствие чего описание и анализ этнополитических конфликтов и их классификации так же сильно разнятся. Так, представители школы плюралистических этнокультурных обществ традиционно описывают влияние «институционального плюрализма» на процессы этнической политики, результирующегося в этническую сплоченность и демократический плюрализм. Напротив, в этнически разделенных сообществах Горовиц предлагает различать вертикально разделенные общества от горизонтально стратифицированных.

Базируясь на исторических примерах этнической сегментации и исключенности, Юнг предлагает ввести в научный оборот модель «единственно доминантной группы и меньшинств» или «ведущую культуру с центральными институтами с различными этническими группами на периферии». Родственной является концепция этнической стратификации у Ротшильда, рассматривающего существование в этнически разделенных обществах доминирующего большинства и подчиненного меньшинства или этнических периферийных сегментов; причем с целью стабилизации мультикультурного и этнически сегментированного общества допускается достижение биполярного баланса этнических, отверженных меньшинств. Классифицируя различные этнократические режимы, Ротшильд выделяет модели вертикальной иерархии, параллельной сегментации и сетевидной смешанной модели. Если в вертикальной иерархии пирамидальной конструкции наличествует жесткая этническая субординация и мобилизация, а при параллельной сегментации различные этнические группы также достаточно асимметричны и разбросаны по своим ресурсным составляющим, то при сетевидной смешанной модели все этажи социальной структуры включают в себя представителей всех значимых этнических групп.

Предполагается, что при достижении сетевидной смешанной модели полинационального общества создаются предпосылки для постепенного и мирного разрешения этнических конфликтов.

Поиск причин этнических конфликтов, факторов их влияния и сопутствия, а также представленные типы этнической стратификации с успехом базируются среди балтийских экс-

пертов на ставших классическими моделях объяснения Дж. Ротшильда и Д. Горовица. Вместе с тем границы применения и интерпретативная адаптация достаточно проблематичны и не всегда вписываются в рамки конкретного случая. Можно вполне согласиться с выводом группы латвийских исследователей во главе с Б. Зепой о том, что было бы ошибочным считать этническую ситуацию в Латвии стабильной и неизменной, сделанными ими в результате исследования «Этнополитическая напряженность в Латвии: поиски путей разрешения конфликта». Возражение может вызывать приписывание структуре этнической стратификации жителей Латвии сетевидной смешанной модели, благодаря чему общие выводы об этнополитической ситуации в Латвии смещаются от конфликтогенности и вертикальной этностратификации к невнятной асимметрической форме латвийского общества с предпосылками для постепенного и спокойного разрешения этнических конфликтов. Эмпирической базой для данных выводов служат общие демографические данные, исследование рабочей силы по материалам ЦСУ, данные массовых опросов. Как утверждают авторы, в Латвии есть определенные сферы, в которых больше заняты латыши (государственное управление, образование, сельское хозяйство), и есть сферы, где выше доля нелатышей (транспорт, промышленность, строительство), но существенных различий в доходах латышей, русских и представителей других национальностей не наблюдается. К ослабляющим факторам риска этнического конфликта, как полагает Зепа и ее коллеги, следует отнести то, что в Латвии этнические группы не сконцентрированы однородно в конкретных регионах и хозяйственных отраслях, а представлены во многих и разных сферах деятельности, выполняют разные экономические функции и рассеяны по разным регионам, образуя сетевидную смешанную модель.

Итоговый вывод исследовательской группы Б. Зепы состоит в том, что в случае с Латвией ситуация, когда каждая этническая группа представлена в разных видах деятельности и нет существенных отличий в доходах по этнической принадлежности, оценивается как фактор, который снижает возможность эскалации этнического конфликта. Приведенная оценка состояния латвийской этнополитической ситуации

в терминах лишь возможности существования этнического конфликта и сглаживающей противоречия этностратификацией достаточно распространена как в современных публикациях, так и в средствах массовых коммуникаций. Да и само включение признания и терминологии этнического конфликта в научный оборот и политическую риторику в качестве оценочного знания в большинстве случаев вызывает крайне враждебную реакцию, упреки в ненаучности и отсутствие лояльности к режиму. Думается, что приводимая выше оценка (как и сетевидная смешанная модель этностратификации Ротшильда) скорее правомерна по отношению к средним и низшим этажам социальной пирамиды латвийского общества. По умолчанию отсутствует наиболее важное с точки зрения источников и рисков этнических конфликтов – анализ властной и, в частности, моноэтнической политической элиты, концентрирующей в своих руках властные и экономические ресурсы. Латышская политическая элита демографически, социально и интеллектуально не репрезентируя латвийское общество, составляет всего лишь менее процента от всего населения, обладая всеми ресурсными возможностями этнической политики и мобилизации и выстраивая господствующую политику этнического ренессанса и этнополитического реванша. Абсолютная этническая гегемония (более 90%) характеризует бюрократический класс и органы национального и регионального управления, на содержание которого отводится несопоставимо с другими социально-профессиональными группами значительная часть национального бюджета. Отсутствие соразмерной политической представленности этнических меньшинств в органах власти и управления служат не только препятствием для выражения и защиты ими своих интересов, но также и является причиной дефицита репрезентативной демократии в Латвии.

Существование вертикальной этнической стратификации в Латвии, а также наличие закрытой и сплоченной элитной и корпоративной композиции латвийского общества позволяет прийти к выводу об искусственности и функциональности для властных кругов этнополитических конфликтов как инструментов сплочения и воспроизводства латвийской этнодемократии.

Национальная идентичность как конфликтообразующий ресурс в Латвии

При первом же приближении к феномену этнокультурной идентичности в Латвии возникает недоумение по поводу необходимости каких-либо новых эмпирических данных, обнаружениях и оценках происходящего. Вместе с тем потребность в постоянном мониторинге латвийских этнополитических отношений и динамики нарастающих эноконфликтов в условиях интенсивной европейской территориальной мобильности и кризиса европейского мультикультурализма явно актуальна и востребованна.

«Спящие» этноконфликты и «замороженные» этнические отношения с присущей им оппозиционной устной исторической памятью в советской Латвии трансформировались в открытое противостояние в постсоветский период. В нынешней Латвии устойчиво сформировались этнокультурные идентичности доминирующей титульной нации и этнических меньшинств. Интенсивный и болезненный период поиска и обретения новых режимных идентичностей к середине 1990-х был закончен, а политической формулой латвийской государственности стала следующая конструкция: «этнокультурные и этнические множества в одном целом». Однако данные мультикультурные и этнические сообщества, а также практика их взаимоотношений не обернулась либерализацией этнических отношений. Ни один из сложившихся демократических институтов Латвийской Республики так и не смог привести к сколь-нибудь заметному нивелированию социально значимых культурных различий и этнических границ, как и подключению богатейшего опыта взаимоотношений предшествующих поколений.

Этнокультурная преемственность русских и других латвийских этнических меньшинств, предшествовавшая периоду «Атмоды» (1987–1991), однозначно трактуется как нежелательная, просоветская и вызывающая разнообразные формы остракизма. Образ «матрешки, воблы и водки» старательно «прикреплен» к этнокультурной составляющей этнических русских, наиболее количественно представленной в латвийском обществе. Невзирая на провозглашаемые демократические принципы и публичную

риторику этнокультурной толерантности и интеграции властной элитой, этнические меньшинства были эффективно «выведены» из ролевых позиций принятия политических решений.

Отслеживая содержательные и нормативные изменения в латвийской этнополитике, можно утверждать об их введении и реализации как результата ожиданий и воздействий (а иногда и санкций) внешних структур и политических акторов, в частности Европейского союза и России. Противодействие рекомендациям ОБСЕ и другим международным правозащитным организациям по поводу защиты и расширения индивидуальных прав и свобод этнических меньшинств систематически наталкивалось на патетику их непригодности ввиду существования «национальной специфики».

Как считает канадский политолог У. Кимлика, суть проблемы этнических дискриминируемых групп состоит в требовании уже большего, чем индивидуальные права и свободы. Этнокультурные меньшинства в современных сообществах хотят не только общегражданских прав, но также особых прав, которые позволили бы признать их особые этнокультурные практики и идентичности. Игнорирование прав этнических меньшинств, дискриминационная политика в адрес их притязаний, а также представление об идентичности меньшинств как зоны культурной аномалии, становится острой проблемой и катализатором пересмотра и либерализации демократических норм и ценностей.

В случае с Балтийскими странами существование балтийских русских и представителей других этнических групп, их особые и сложившиеся этнокультурные идентичности являются достаточной причиной необходимости признания их особых прав, а также закономерным условием демократического развития данных политических режимов.

Главным выводом нашего исследования является то, что этническое большинство и субординируемые этнические меньшинства в Латвии идентифицируют себя с идентичностями «разных миров», что потенциально или явно результируется в этнополитических и культурных конфликтах. На основе факторного анализа было выявлено существование устойчивых и высоких корреляций между переменными этнической принадлежности, языка и национальных символов культуры. Высокая этно-

культурная самоидентификация национальных и этнических общностей в Латвии характеризуются также устойчивыми этническими связями и групповой сплоченностью. Данные исследования свидетельствуют в целом о снижении этнической предвзятости и предрассудков, враждебных настроений по отношению к этническим меньшинствам; представление респондентов об исчезновении латышской нации, культуры и языка, а также национальной мести как расхожих стереотипов не являются статистически значимыми и противоречат утверждениям властной элиты.

Несмотря на наличие положительных условий для национальной консолидации, латвийское государство не заинтересовано и не обладает действенными инструментами для решения этнокультурных конфликтов.

Заключение

Общее заключение, к которому привели концептуальные подходы и эмпирические данные нашего исследования, как и обнаружения и взгляды в процессе гражданской включенности в общественно-политическую жизнь, позволяют судить о существовании двух принципиально разделенных политических и этнокультурных общностей при институциональном доминировании титульной нации. Интегративный ресурс в обществе полностью исчерпан, а сама риторика общественной интеграции (навязанная извне как одно из условий евроинтеграции) вызывает лишь раздражение и смутные ассоциации. Представления о политической общности (иначе – отношение к государству), достаточно оптимистично разделяемые большинством населения Латвии к концу 1990-х, полностью девальвированы к 2014 году. Атрибуты латвийского государства и его узнаваемые маркеры, так же, как и идеология независимости, стремительно нивелируются в общем котле рыночных отношений, европейской интеграции и неконтролируемой миграции.

В контексте примордиалистского подхода национальной идентичности и этнических конфликтов титульная идентичность консервативна и капсулирована. Ее запас прочности значительно подпитывается историческими, культурными и лингвистическими символами прошлого. Доминирующая ла-

тышская национальная идентичность, встроенная в вертикальную иерархизированную этническую стратификацию, выступает главным модератором в этнических отношениях. Мобилизуемая этничность на топовых позициях этнической статификации приводит к концентрации элитарных и гегемонистских инструментов по созданию границ и устойчивости собственной национальной идентичности и эффективной защите от давления извне. «Правильная» этничность как определяющий фактор обладает наибольшим ресурсом конкурентности в сравнении с иными личностными, профессиональными и деловыми качествами. Помноженная на статусные позиции и роли, этничность выступает важнейшим строительным материалом для этнонационализма. Этнический национализм в Латвии является функциональным инструментом властной элиты в целях консервации этнополитической стратификации и неравенства, а также необходимым периферийным средством поддержания европейского экономического иерархического неравенства в условиях экономического кризиса.

Общая этническая ситуация в Латвии конфликтогенна, однако этнический конфликт не находится в фазе открытой манифестации и не ориентирован на насильственные формы противостояния. Ориентация на сопротивление режиму и другие формы оппозиционной борьбы с целью защиты собственных интересов этническими меньшинствами соотносится с конституционными нормами индивидуального и коллективного самовыражения. Политический протест как выражение демократической ценности и гражданской ответственности не обладает ресурсом легитимности со стороны правящей элиты и в основном, реализуется лишь представителями этнических меньшинств. Вместе с тем можно охотно допустить провокационную локальную режиссуру массовых этнических противостояний с целью маскировки социального неустройства и продолжающегося экономического кризиса.

Вопреки расхожим мифологемам о структурной рыхлости латвийских этнических меньшинств, неспособности к артикулированию своих интересов, отсутствием политических лидеров, способных взять на себя ответственность, и культивирование властной элитой исключительно культурологической миссии нетитульной части населения, этнические меньшинства

стали действенным политическим актором, активно борющейся за политическую государственную власть. Политические притязания этнических меньшинств в Латвии за власть и передел власти с целью построения консенсуальной представительской демократии носят конституционный и легитимный характер, что, в свою очередь, вызывает этническую мобилизацию титульной нации и всплеск радикального этнического национализма.

Практика экономической и политической изоляции этнических меньшинств в Латвии тесно увязана с их культурным отчуждением и статусной культурной иерархией. Разделение русскими и другими этническими меньшинствами этнической принадлежности, языка, культуры, религии этнической родины вызывает со стороны латвийских государственных структур упреки в нелояльности и приводит к ограничению их политических прав и подавлению культуры этноменьшинств. Данное обстоятельство служит препятствием для демократического развития этнокультурного многообразия в Латвии через культурно инклюзивную политику.

Латышская властная элита, обладающая всеми ресурсами институциональной и идеологической гегемонии, является главным конструктором и проводником этнополитики. Содержанием латвийской этнополитики фактически является политический и социально-экономический реванш титульной нации и защита латышского языка. Национальная этнополитика является, вероятно, наиболее последовательной и неизменной среди выдвигаемых стратегий внешней и внутренней политики Латвии.

Итогом латвийской этнополитики служит применимость для латвийского политического режима известной идеи С. Хантингтона о культурном столкновении цивилизаций с вакуумом этнической толерантности и манифестацией культурного противостояния. Прежние ориентации на развитие национальных мультикультур и форм межнационального общения (чаще – в виде намерений, реже – в актах социальной политики) в результате длительного этнополитического противостояния и неравенства воплотились в существование жесткой демаркационной линии между доминирующим этническим большинством и субординированными этническими меньшинствами. Политическая формула «мы и они», прежде являвшаяся журналистской метафорой, стала новой латвийской политической реальностью.

Приложение 1

Техническая информация модели выборки исследования, 2011*

Регионы	Демографическая статистика (%) (с 18 лет)	Общее количество респондентов перед опросом (%)	Общее количество респондентов опроса (%)
Вместе	100	100	100
1. Рига	34.0	34.6	34.8
2. Видземе	22.0	22.3	25.2
- Юрмала			
- Рижский район			
– Лимбажи			
– Валмиера			
– Цесис			
– Гулбене			
– Алукснес			
– Валка			
– Мадона			
– Огре			
3. Курземе	11.0	10.8	16.5
– Лиепая			
– Талси			
– Вентспилс			
– Кулдига			
– Салдус			
4. Земгале	17.0	16.8	12.5
– Добеле			
– Тукумс			
– Елгава			
– Бауска			
– Екабпилс			
– Айзкраукле			
5. Латгале	16.0	15.5	10.8
– Прейли			
– Даугавпилс			
– Резекне			
– Лудзас			
– Балви			
– Краслава			

Стратификационные параметры	Демографическая статистика (%) (с18 лет)	Общее количество респондентов перед опросом (%)	Общее количество респондентов опроса(%)
Пол			
Вместе	100	100	100
Мужчины	46.3	46.3	42.1
Женщины	53.7	53.7	57.9
Национальность			
Вместе	100	100	100
Латыши	57.7	57.7	50.6
Русские	30.0	30.0	37.2
Другие	12.3	12.3	12.2
Возраст респондентов			
Вместе	100	100	100
18–24 g.v.	16.4	17.4	15.6
25–34	18.8	18.0	25.6
35–44	21.5	21.2	19.9
45–54	18.1	18.6	18.1
Больше 55	24.2	24.7	20.8
Статус			
Вместе	100	100	100
Работающий	63.5	63.6	69.4
Безработный	36.5	36.4	30.6
Образование			
вместе	100	100	100
Начальное	11.6	11.5	2.0
Среднее	69.5	69.6	51.0
Высшее	18.9	18.9	46.2
Гражданство			
Вместе	100	100	100
Граждане Латвии	74.2	73.8	82.2
Негражданe	25.8	26.2	17.8

* В таблице приведены только положительные данные.

Родин Михаил,
PhD, Международная балтийская академия (Латвия)

Ольга Петровская

Литовский фактор в формировании национально-государственной идентичности населения Республики Беларусь

В 1991 году, в момент распада СССР, Литва и Белоруссия – две западные республики, были достаточно близки по уровню и перспективам развития. Однако в дальнейшем пути их самостоятельного государственного строительства разошлись. Если Литва провела демократические преобразования, прочно встала на путь либерализма и примкнула к Европейскому союзу, то Белоруссия после 1994 года превратилась в авторитарное государство со своеобразной формой госкапитализма и включилась в несколько интеграционных проектов с Россией. Несмотря на то, что некоторые исследователи склонны искать причину в бессменном президенте Белоруссии А. Г. Лукашенко, сегодня можно утверждать, что одной из основных причин своеобразия белорусского пути стало слабое чувство национального единства белорусов, обусловленное особенностями их исторического развития.

Территория Белоруссии много столетий находилась на культурном пограничье католического Запада и православного Востока. На ней сменяли друг друга разные государственные модели (Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя, Вторая Польская Республика, Белорусская Советская Социалистическая Республика) и различные религиозные системы (православие, униатство, католицизм). Перипетии исторического развития привели к запоздалой урбанизации белорусов, что, в свою очередь, обусловило устойчивость традиционной крестьянской культуры. Такие ее черты, как склонность к эгалитаризму и авторитаризму, в свое время создали почву для сильной советизации. В силу этого советская идеология в БССР не наложилась на национальную,

как в Литве, а вытеснила ее[776]. Так, на вопрос «Что более важно – улучшение экономической ситуации Белоруссии или независимость?» в 2003 году 62,6% белорусов отвечали – улучшение экономической ситуации, только 25,4 % – независимость, а 12% не могли дать ответ[777]. В силу того, что государство в крестьянском самосознании выступает враждебной структурой, а власть вызывает опасение, гораздо сильнее в Белоруссии выражено региональное самосознание, отождествление себя населением с местным локальным сообществом (пинчуки, полещуки, минчуки и т. д).

Своеобразной оказалась и языковая ситуация в стране: белорусский язык является сильным элементом белорусской идентичности только для узких кругов белорусских интеллектуальных элит, чаще оппозиционно настроенных к действующей власти. Белорусскоязычное же население сел, в значительной степени преклонного возраста, выступает за интеграцию с Россией даже в большей степени, нежели русскоязычное население городов[778].

Поэтому с момента неожиданного для белорусов появления независимого белорусского государства перед руководством страны стоит задача конструирования новой национально-государственной идентичности, то есть перехода к новой системе ценностей. Однако характерными чертами формулирования национальной идеи, опирающейся на прошлое и ориентированной в будущее, являются изменчивость и непостоянство. Оценки, в том числе и исторического прошлого, зависят от текущих событий, изменения внешнеполитических векторов и внутриполитической ситуации. Следовательно, конструирование белорусской идентичности в идеологическом дискурсе Белоруссии носит прагматический, конъюнктурный характер. К настояще-

---

[776] *Radzik R.* Białorusini między wschodem a zachodem. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2012. S. 133.

[777] Повышение роли независимых социальных исследований и экспертных сетей в Беларуси. Результаты изучения общественного мнения. Декабрь 2003 // Новости НИСЭПИ. 2003. Вып. 4 (30). С. 10. URL: http://iiseps.org/old/bullet03-4.html (дата обращения: 28.05.2015).

[778] Доведет ли язык до Киева? // Новости НИСЭП. 2004. Вып. 4 (34). С. 37. URL: http://iiseps.org/old/bullet04-4.html (дата обращения: 28.05.2015).

му времени оно прошло несколько этапов и остается открытым проектом, мимикрируя под всевозможные изменения.

Первый период, 1991–1995 гг., характеризовался лозунгом «возвращения в Европу», активным обсуждением необходимости десоветизации белорусской идентичности. Идеологи-романтики этого периода опирались на концепцию этнокультурной общности и искали опору в древней истории Белоруссии, прежде всего – в Великом княжестве Литовском (ВКЛ), добивались повсеместного перехода на белорусский язык.

На втором этапе с 1995 года до начала 2000-х гг. претворялся курс на ресоветизацию и реинтеграцию Белоруссии и России, европейский же вектор в официальном белорусском дискурсе маргинализовался. В исторической политике конца 90-х гг. XX века доминировала идеология панславизма/западнорусизма с элементами советскости. Русский язык в результате референдума 1996 года приобрел официальный статус. Наибольшее значение в исторической концепции придавалось советской культурной и политической преемственности. Поэтому истоки белорусской государственности стали искать в БССР. Бескомпромиссная борьба власти с идеей белорусского возрождения и независимости в эти годы привела лишению господдержки несогласных с официальным курсом национально ориентированных интеллектуалов. Однако в массах этими гражданскими активистами параллельно проводилась неофициальная политика памяти. По оценкам социологов, она затронула умы 20–30% населения[779]. Эта альтернативная сфера создала собственную инфраструктуру поддержки и создания исторического знания за рубежом, прежде всего в соседних странах – Литве и Польше.

С окончанием эпохи романтических белорусско-российских отношений Б. Н. Ельцина и перехода к прагматическому курсу В. В. Путина неэффективность транслируемых белорусской властью идей как с точки зрения потребностей общества, так и политического процесса привела к необходимости создания новой идеологической концепции. Рубежным для *третьего периода* принято считать 2003 год, когда президент А. Г. Лукашенко сделал

[779] *Kazakievič A.* Współczesna białoruska tożsamość historyczna // Tożsamości zbiorowe Białorusinów. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2012. S. 251.

доклад на семинаре руководящих работников по вопросам совершенствования идеологической работы[780]. В дальнейшем идеологический дискурс дополнился множеством книг, программ, учебных пособий по идеологии белорусского государства. Вместо интеграционной славянской идеи был взят курс на идеологию суверенитета. Центром идеологической концепции стало белорусское государство, с которым должны были себя идентифицировать белорусы. Возник закономерный вопрос о его генезисе и преемственности. С середины первого десятилетия XXI века утвердилась культурно-политическая концепция исторического прошлого. В отличие от этнокультурного варианта первой половины 90-х гг. XX века она объединила в национальном «историческом наследстве» традиционные элементы (Полоцкое княжество, ВКЛ, БНР) с достаточно амбивалентными, с точки зрения культурного и политического развития белорусов, государственными образованиями (БССР, Российская империя, Вторая Польская Республика)[781].

В формировании современной белорусской идеологии играет роль смена внешних факторов. С 2007 года стала активно использоваться риторика многовекторности – были открыты, например, венесуэльский и китайский векторы. А с 2008 года с включением Белоруссии в программу Восточного партнерства начал более активно использоваться европейский дискурс. При этом после событий в декабре 2010 года на Площади Независимости в Минске, несмотря на очередной внешнеполитический поворот в сторону России, европейская идея не ушла из идеологического поля, хотя и трансформировалась. Она осталась горизонтом конструирования белорусской идентичности, легитимизирующим ее сопричастность Европе. Белоруссия, отвергая такие западные политические и культурные институты как демократия, парламентская республика и пр., позиционирует себя в идеологическом дискурсе истинной хранительницей европейских ценностей, неизменно

---

[780] Сильная и процветающая Беларусь должна иметь прочный идеологический фундамент: Доклад Президента А. Г. Лукашенко на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов по вопросам совершенствования идеологической работы 27 марта 2003 г. // Рэспублика. 2003. 29 марта. 2003 г. С. 1-7.

[781] *Kazakievič A.* Współczesna białoruska tożsamość historyczna. S. 247.

подчеркивая собственные достижения в экономике, технологиях, безопасности, качестве жизни[782]. Иначе говоря, негативное отношение к мировоззрению европейской/западной цивилизации не мешает белорусским идеологам обозначать свое государство как европейское и формировать европейскую идентичность белорусов.

В целом эклектичная, компромиссная идеологическая концепция Республики Беларусь, подверженная колебаниям внешнеполитического вектора, не носит системного, консолидированного и завершенного характера. В последнее время она развивается по пути консенсуса официальной и неофициальной националистической трактовок прошлого. Однако согласие между группами элит достигнуто лишь по незначительному числу исторических комплексов, связанных с генезисом белорусской нации и государства. Таким образом, формирование белорусской идентичности остается открытым процессом, что повышает значимость тех структур, которые, не найдя условий для деятельности в авторитарной Белоруссии, получили моральную и материальную поддержку за ее пределами, прежде всего в Литве.

После вхождение в ЕС Литва, как и Польша, оказавшаяся на границе объединенной Европы, приняла на себя миссию дальнейшего продвижения ее ценностей на постсоветском пространстве. В 2008 г. Литва охотно включилась в польско-шведскую инициативу Восточного партнерства, проявляя наибольший интерес именно к Белоруссии. Литовское руководство постоянно подчеркивает, что Белоруссия и Литва объединены культурными и политическими интересами, а бывший премьер-министр Литвы Андрюс Кубилюс (2008–2012) даже заявлял, что нынешние границы существуют короткое время и могут исчезнуть[783]. На территории Белоруссии Литва оспаривает у Польши пальму первенства в формировании европейской идентичности белорусов, укреплении их национально-государственного самосознания, в отрыве их от России.

---

[782] *Роленок А.* «Идея Европы» в белорусском идеологическом дискурсе // Перекрестки. Журнал исследований Восточноевропейского пограничья. 2012. № 3–4. С. 194.

[783] Андрюс Кубилюс предсказывает упразднение границы Беларуси и Литвы. 2010. 28 июля. URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2010/07/28/ic_news_112_349493/ (дата обращения: 28.05.2015).

Можно выделить несколько уровней такой работы и условно разделить их на блоки внешней и внутренней ориентации. Внешние направления деятельности выходят за пределы Литвы и концентрируются на территории Белоруссии и международных площадках. Они исходят в первую очередь от властных и бизнес-структур и ориентированы на использование институтов межгосударственной коммуникации.

Очевидно, что Литва должна действовать в соответствии с собственными ценностями и политикой, проводимой ЕС в отношении недемократической Белоруссии. Поэтому, например, в 2000-2007 гг. политический диалог Белоруссии и Литвы был практически свернут. В 2005 г. президент Валдас Адамкус даже заявлял, что не исключает, возможности «нападения белорусских войск Лукашенко на Литву»[784]. Официальный Вильнюс неустанно напоминает о необходимости освобождения политзаключенных из белорусских тюрем и настаивает на проведении демократических выборов, выражает протесты по поводу разгона демонстраций. В литовском Сейме существует группа «За демократическую Беларусь»[785].

Защищая ценности демократии и свободы, литовское правительство играет роль адвоката белорусских оппозиционеров и поднимает белорусскую тему в ЕС и в США[786]. МИД Литвы оказывает поддержку политзаключенным, добивается проведения справедливого суда, выступает против белорусских правовых актов, ограничивающих развитие гражданского общества. Традицией регулярного напоминания Белоруссии о январских событиях 1991 года в Литве неизменно подчеркивается ценность собственной независимости, которая, по мнению литовцев, досталась белорусам слишком легко и потому они ее не ценят.

---

[784] Валдас Адамкус не исключает возможности «нападения белорусских войск президента Александра Лукашенко на Литву» // TUT.by. 2005. 26 октяб. URL: http://news.tut.by/politics/59480.html (дата обращения: 28.05.2015).

[785] В сейме Литвы собирают подписи за создание рабочей группы «За демократическую Беларусь» // БЕЛАПАН. 2013. 28 марта. URL: http://belapan.com/archive/2013/03/28/eu_614328/ (дата обращения: 28.05.2015).

[786] Ажубалис о Беларуси: Литва хотела бы иметь соседа, который не подожжет ни свой дом, ни соседские // Naviny.by. 2012. 13 марта. URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2012/03/13/ic_news_112_388983/ (дата обращения: 28.05.2015).

Первой из стран Евросоюза Литва, например, отреагировала в 2008 году на освобождение Александра Козулина[787], оценила как позитивный шаг освобождение Алеся Беляцкого в 2014 г.[788] и т. д. Почти 25 лет Литва безуспешно добивается выдачи генерала Владимира Усхопчика, который возглавлял Вильнюсский гарнизон во время событий 13 января 1991 года. В Литве генерала обвиняют не только в «умышленных убийствах», но и в участии в «антигосударственных организациях», то есть в подготовке государственного переворота[789].

Вместе с тем Литва традиционно противостоит жесткой политике ЕС, которая, по мнению литовского руководства, не дает результатов. В 1997 и 2009 г. непризнанный Европейским Союзом президент Белоруссии А. Г. Лукашенко был принят в Литве. Регулярно проходят встречи премьер-министров и министров иностранных дел. Президент Д. Грибаускайте в своих речах выступает за мягкую посредническую демократизацию Белоруссии. Так, еще в ноябре 2010 года она заявляла, что только посредством диалога Белоруссию удастся вывести из сферы влияния России и приблизить к Евросоюзу[790]. Эта точка зрения не изменилась и после президентских выборов 2010 года. В частности, Литва, вынужденная в русле политики ЕС критиковать белорусское руководство, в то же время поддерживала активность своих бизнесменов по налаживанию связей с белорусскими госпредприятиями. Иначе говоря, выстраивая отношения с Белоруссией на прагматической основе, Вильнюс пытается стать

---

[787] Литва первой из стран ЕС приветствовала освобождение Козулина // Naviny.by. 2008. 17 авг. URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2008/08/17/ic_news_112_295884/ (дата обращения: 28.05.2015).

[788] Интервью министра иностранных дел Л. Линкявичюса // Посольство Литовской Республики в Республике Беларусь. 2014. 30 июля. URL: https://by.mfa.lt/by/ru/news/interb-jyu-ministra-inostrannjyh-del-l-linkaabichyusa (дата обращения: 28.05.2015).

[789] Генерал Усхопчик – предшественник ГКЧП? // Белорусский партизан. URL: http://www.belaruspartisan.org/bp-forte/?page=102&news=48397 (дата обращения: 28.05.2015).

[790] Грибаускайте: Лукашенко – это гарант независимости Беларуси // Naviny.by. 2010. 11 нояб. URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2010/11/11/ic_news_112_355230/ (дата обращения: 28.05.2015).

флагманом диалога, приобрести геополитический вес в Европе и получить выгоды от торгово-экономического сотрудничества с Белоруссией.

Товарооборот Белоруссии и Литвы за последние 15 лет увеличился в четыре раза. По итогам 2013 года Литва заняла восьмое место по товарообороту среди торговых партнеров Белоруссии – более 1,5 млрд долларов, причем с положительным для Белоруссии сальдо[791]. В январе – ноябре 2014 – объем товарооборота двух стран составил 1,3 млрд долларов[792]. И без того достаточно тесное многолетнее экономическое сотрудничество Литвы и Белоруссии получило новый импульс после введения Россией эмбарго на сельскохозяйственные продукты.

В Белоруссии открываются новые литовские предприятия, хотя процесс осложняют отказы литовских страховых кампаний работать с РБ из-за непрогнозируемой политической ситуации и государственной формы собственности в стране. Тем не менее Белоруссия для Литвы к концу первого десятилетия XXI века стала вторым по значимости торговым партнером на пространстве СНГ[793], поэтому Литва выступает против возможного введения экономических санкций в отношении Белоруссии.

Растет поток грузов из Белоруссии в Клайпедский порт, где перерабатывается каждая третья тонна белорусских грузов, а их доля в общих перевозках литовских железных дорог составляет 45%[794]. Успешно реализуются проекты контейнерных поездов:

---

[791] Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Годовые данные. URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/torgovlya/vneshnyaya-torgovlya_2/osnovnye-pokazateli-za-period-s-__-po-____gody_10/ (дата обращения: 28.05.2015).

[792] Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Данные о внешней торговле Республики Беларусь по отдельным странам в январе-ноябре 2014 г. URL: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/torgovlya/vneshnyaya-torgovlya_2/operativnye-dannye_5/dannye-o-vneshnei-torgovle-respubliki-belarus-po-otdelnym-stranam/ (дата обращения: 28.05.2015).

[793] *Тихомиров А. В.* Белорусско-литовские отношения на современном этапе // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX – начало XXI в.): материалы междунар. науч. практ. конф., Витебск, 25–26 апреля 2013 г. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. С. 190.

[794] *Маненок Т.* ЛЖД и БЖД: эталон партнерства // Белорусы и рынок. № 38 (1121).

«Викинг», «Сауле», «Меркурий», «Шяштокай экспресс», «Балтийский ветер»[795]. Увеличивается численность белорусских туристов (особенно покупателей) в Литве[796]. Экономические выгоды помогают преодолевать противоречия, связанные, например, с военными учениями «Запад» у литовской границы, или игнорированием белорусской стороной запросов Литвы относительно строительства Белоруссией Островецкой АЭС в 50 км от Вильнюса[797]. Но и здесь, несмотря на многолетний спор, Литва так и не поставила вопрос о приостановке строительства атомной станции.

Такая тесная экономическая интеграция и относительно мягкая политика Вильнюса дает свои плоды. Она позволяет белорусскому руководству рассчитывать на Литву как на мост по налаживанию белорусско-европейских отношений и противовес давлению России. И литовское руководство с этой миссией охотно соглашается. По сообщениям литовского телевидения, белорусские чиновники и бизнесмены, имеющие недвижимость в Литве, общаются с литовскими миллионерами и лоббируют через них свои интересы[798]. В свою очередь, Литва, которая сейчас наиболее успешно в ЕС уменьшает зависимость от поставок российского газа благодаря сотрудничеству с Норвегией, предлагает оказать помощь Белоруссии.

Несомненная заслуга Литвы в расширении столь важных для формирования европейской идентичности контактов белорусов с Литвой и Европой в целом. Благодаря усилиям Польши и Литвы уже к 2012 году в выдаче виз белорусским гражданам был достигнут уровень 2007 года (когда в связи с вхождением

---

[795] *Маненок Т.* ЛЖД и БЖД: эталон партнерства.

[796] Юрконис Витис: Как оценивать страну, которая в альянсе с главным агрессором региона? // Беларуская праўда. 2014. 09 чэрв. URL: http://belprauda.org/vitis-yurkonis-kak-otsenivat-stranu-kotoraya-v-alyanse-s-glavnym-agressorom-regiona/ (дата обращения: 28.05.2015).

[797] Проект строительства Белорусской АЭС в 18 километрах от городского поселка Островец (Гродненская область). Согласно планам, первый блок АЭС должен быть введен в 2018 г., второй – не позднее 2019 года.

[798] *Коровенкова Т.* Белорусские чиновники и олигархи проводят политагитацию в Литве? // Naviny.by. 2012. 10 авг. URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2012/10/08/ic_articles_112_179482/ (дата обращения: 28.05.2015).

Литвы в ЕС был отменен упрощенный порядок пересечения границы), а по ряду относительных визовых показателей (общее количество краткосрочных шенгенских виз, многократные шенгенские визы, число национальных долгосрочных виз категории D на душу населения), страны Шенгена оказались открыты для граждан Белоруссии в большей степени, нежели для жителей других стран – участниц Восточного партнерства и России[799].

По количеству выданных белорусам виз Литва в настоящее время занимает второе место после Польши. При этом консульства Польши и Литвы (в Минске и Гродно) проводят более либеральную визовую политику в отношении белорусов в сравнении с консульскими учреждениями других стран Шенгенского пространства. Высокая «пропускная» способность Польши и Литвы свидетельствует о наличии политических установок в деятельности консульских учреждений[800]. В 2011 году литовские власти приняли решение о бесплатной выдаче белорусам национальных виз и расширили практику выдачи бесплатных шенгенских виз[801]. Литва продолжает добиваться упрощенного безвизового порядка пересечения границы жителями приграничных районов и введения полностью бесплатных шенгенских виз для белорусов. Не останавливает подобную политику литовского руководства и массовый, далеко не всегда легальный, приграничный бизнес, в который в силу низкого социально-экономического уровня жизни белорусов и разницы цен в Белоруссии и Литве втянуто значительное количество граждан РБ. 90% контрабандных сигарет, например, поступает в Литву через белорусско-литов-

---

[799] *Елисеев А.* Насколько изолирована Беларусь? Анализ консульской статистики стран Шенгенского соглашения в 2007-2011 г. // Belarusian Institute for Strategic Studies. Исследование. SA #01/2012RU, 7 July 2012. С. 13. URL: http://belinstitute. eu/sites/biss. newmediahost. info/files/attached-files/BISS_SA01_2012ru. pdf (дата обращения: 28.05.2015).

[800] *Елисеев А.* Насколько изолирована Беларусь?

[801] Литва отменяет плату за выдачу национальных виз для граждан Беларуси. Посольство Литовской Республики в Республике Беларусь. 22.09.2011 // URL: https://by.mfa.lt/by/ru/news/litva-otmenyaet-platu-za-vjydachu-natsional-jnjyh-viz-dlya-grazhdan-belarusi (дата обращения: 27.05.2015).

скую границу[802]. По данным таможенного комитета, границу Белоруссии с Литвой пересекает больше граждан, чем границу с Польшей и Латвией. За восемь месяцев 2014 года их число составило 2,2 млн человек[803]. Кроме того, были задержаны еще 400 граждан, которые пытались проникнуть в Литву нелегально[804].

Помимо облегчения визовых формальностей, литовское государство стремится обеспечить белорусам наглядность привлекательности европейской жизни путем культурно-образовательных мероприятий и программ, хотя по количественным параметрам эти предложения значительно уступают польским. В последнее время появились стипендии для одаренных белорусов с целью обучения в магистратуре литовских вузов. Указом Министра образования было установлено, что граждане Республики Беларусь могут претендовать на стипендию или выплату для компенсации цены обучения[805].

Структуры МИД предлагают разнообразные краткосрочные программы для студентов белорусских университетов и школьников с посещениями Литвы и Брюсселя, организуют взаимный обмен студентами, поддерживают связи и контакты студентов Литвы и Белоруссии, проводят семинары, критикуют положение со свободой СМИ и т. д. Посольство Литвы в РБ, выполняющее функции контактного посольства НАТО,

---

[802] Летува ўзмацняе нагляд на летувіска-беларускай мяжы // Польскае радые. 2014. 28 каст. URL: http://www.radyjo.net/4/90/Artykul/185615. (дата обращения: 28.05.2015).

[803] Временно приостановлено движение пешеходов через границу в Беларусь // Delfi. 2014. 1 окт. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/vremenno-priostanovlenodvizhenie-peshehodov-cherez-granicu-v-belarus.d?id=66000072#ixzz3NbP6Kzmi (дата обращения: 28.05.2015).

[804] Летува ўзмацняе нагляд на летувіска-беларускай мяжы...

[805] Министерство образования и науки Литовской Республики предоставляет поддержку для обучения граждан Республики Беларусь в Литовских высших учебных заведениях // Посольство Литовской Республики в Республике Беларусь. 2014. 08 июл. URL: https://by.mfa.lt/by/ru/news/ministerstbo-ovrazobaniaai-nauki-litobskoj-respuvliki-predostablaaet-podderzhku-dlaa-ovucheniaagrazhdan-respuvliki-belarus-j-b-litobskih-bjysschih-uchevnjyh-zabedeniaah (дата обращения: 28.05.2015).

особенно активно делится опытом сотрудничества с альянсом[806].

Однако возможности литовского влияния на территории Белоруссии ограничены, поэтому представляется, что основные усилия концентрируются на работе с белорусами на территории самой Литвы. Этот внутренний блок деятельности по формированию европейской идентичности белорусского населения сводится к двум основным направлениям: поддержка деятельности белорусской оппозиции и работа с интеллектуальными элитами, через которые, в том числе, транслируется такое видение прошлого Белоруссии, которое бы сближало белорусов с Литвой и Европой.

Помимо относительно благоприятных на европейском фоне межгосударственных отношений Литвы и Белоруссии, целый ряд предпосылок формирует для белорусов в Литве близкую культурную среду, и поэтому делает эту страну более привлекательной для белорусской оппозиции эмиграции, чем Польша. В частности, к ним можно отнести следующие факторы.

1. Историческая традиция, исходящая от ВКЛ, включавшего белорусские и литовские земли. Белорусы, как и литовцы, в последнее время все более активно относят основание своей государственности к временам Великого княжества Литовского. Причем этот период истории для белорусов очень удобен с точки зрения его позитивной наполненности героями и победами, и поэтому контрастирует как со временами нахождения в Речи Посполитой, так и в Российской империи. Особенно сильно чувство традиции ВКЛ у белорусских оппозиционеров. В частности, символика всех оппозиционных партий[807], за исключением движения «Говори правду!», связана со старинными белорусскими

[806] Посольство Литовской Республики в Республике Беларусь. 18–19 июня представители Минобороны Республики Беларусь и студенты БГУ посетили штаб-квартиру НАТО. 22.06.2007 // http://by.mfa.lt/by/ru/news/18-19-iyunya-predstaviteli-minoboronjy-respubliki-belarus-j-i-studentjy-bgu-posetili-shtab-kvartiru-nato (дата обращения: 28.05.2015).

[807] Объединенная гражданская партия, Белорусский народный фронт, Белорусская Христианская Демократия, «Рух за свабоду», Белорусская социал-демократическая партия (Громада), Белорусская партия левых «Справедливый мир»,

символами. Сочетание красного и белого цветов флага апеллируют к хоругвям Великого княжества Литовского, а герб «Погоня» – это государственный атрибут Великого княжества Литовского[808]. Являясь символами борьбы за свободу и независимость, эта атрибутика несет сильный семантический заряд[809].

2. Значение Вильно в белорусской культуре и традиции. Вильно – колыбель белорусской культуры – в XIX–XX вв. стало центром белорусского возрождения, формирования белорусской идентичности, притяжения белорусской интеллигенции и белорусской эмиграции. Надежды на то, что Вильно станет столицей Западной Белоруссии в 1939 году, были умело использованы советской властью[810]. Многие национально ориентированные белорусы до сих пор считают его белорусским городом.
3. Совместное белорусско-литовское прошлое в СССР, переход в это время территорий из одной республики в другую, что, несомненно, оставило общий след в ментальности литовцев и белорусов, по сей день имеющих родственников по обе стороны границы.
4. Географическая близость Белоруссии и Литвы, облегчающая коммуникацию. В Европе нет столиц, расположенных ближе друг к другу, чем столицы Литвы и Беларуси. Расстояние от Вильнюса до белорусской границы составляет менее 40 километров. С 2011 года реализуется совместный проект скоростного сообщения между Минском и Вильнюсом на современных дизельных поездах. Во время запуска маршрута время движения составляло

Республиканская партия труда и справедливости, Коммунистическая партия Беларуси, Либерально-демократическая партия Беларуси.

[808] *Герман Е.* Символизм соцсетей как инструмент конструирования политической культуры Украины и Беларуси // Перекрестки. Журнал исследований Восточноевропейского пограничья. 2014. № 1-2. С. 289–307.

[809] *Герман Е.* Символизм соцсетей как инструмент конструирования политической культуры. С. 294.

[810] *Boćkowski D.* Wilno 1939–1941 – cztery pamięci historyczne // Wspólne czy osobne? Miejsca pamięci narodów Europy Wschodniej. Białystok-Kraków: Avalon, 2011. S. 113.

3 часа, в 2013 г. – 2,5 часа, а в 2015 году оно должно сократиться до 2 часов[811].

5. Широкая сфера использования русского языка, что выгодно отличает Литву от Польши и делает ее комфортной для проживания русскоязычного населения со всего постсоветского пространства. В столице Литвы проживает 27% русскоязычных, 28% русскоязычного населения в Клайпеде, а в небольшом городке Висагинас русскоязычные составляют 77%[812].
6. Место проживания многочисленной белорусской диаспоры. В 2001 году в Литве проживало 43 тыс., а в 2012 году 40,2 тыс. белорусов. Несмотря на сокращение абсолютной численности, отражающей тенденцию уменьшения населения Литвы в целом[813], удельный вес белорусов вырос с 1,2% до 1,3%. Они являются третьей по численности группой среди национальных меньшинств после поляков (6,6%) и русских (5,3%)[814]. Белорусы самоорганизованы, объединены и практикуют широкий диапазон культурных мероприятий. Самым крупным из союзов является Объединение белорусских общественных организаций Литвы (ОБООЛ), включающее 17 организаций по всей стране. **Гимназия им. Ф. Скорины в Вильнюсе** – единственная за пределами Республики Беларусь белорусская школа, которая дает полное среднее образование. В гимназии учится свыше 180 учеников с 1-го по 12-й классы. Белорусское госу-

---

[811] *Маненок Т.* ЛЖД и БЖД: эталон партнерства. URL: http://www.belmarket.by/ru/293/171/23804.

[812] *Grigas A.* compatriot Games: Russian-Speaking Minorities in the Baltic States // World Politics Review. 21.10.2014 // http://www.worldpoliticsreview.com/articles/14240/compatriot-games-russian-speaking-minorities-in-the-baltic-states (дата обращения: 28.05.2015).

[813] За годы независимости Литва потеряла около 18% трудоспособного населения (*Межевич Н. М.* Отношения России и стран Прибалтики: От упущенных возможностей к реальным перспективам 28.08.13 URL: http://imhoclub.lv/ru/material/otnoshenija_rossii_i_stran_pribaltiki/ctime/6/c/41205?userlast=3590#ixzz3IgVyKiyb) (дата обращения: 28.05.2015).

[814] Moterys ir vyrai Lietuvoje. 2011. Vilnius: Lietuvos statistikos departamentas, 2012, S. 25.

дарство проявляет заботу об этой школе, укрепляя материальную и учебную базу, а также предоставляя льготы при поступлении в высшие учебные заведения Беларуси[815].

Все перечисленные факторы культурного свойства делают Литву центром притяжения для белорусских вынужденных переселенцев и удобным местом для размещения штаб-квартир белорусских учреждений и организаций, которые по политическим причинам не в состоянии вести свою работу на территории Белоруссии. Белорусское КГБ рассматривает их как базы белорусских оппозиционеров.

В 2013 году белорусы были второй по численности группой иммигрантов в Литву (486 человек) после русских (774 человека)[816]. В Литву едут прежде всего противники режима А.Г. Лукашенко. По данным статистики, в том же году 18 белорусов получили в Литве статус беженца[817]. Сюда уходит также белорусский бизнес, которому Литва дает больше свободы и трамплин для продвижения в Европу; перемещают свою деятельность аналитические и образовательные центры и организации; покупают дома белорусские чиновники и олигархи.

В 2004 году в Литве проживало 3,4 тыс. белорусских граждан, а в 2014 – 2,3 тыс. Несмотря на сокращение их абсолютного значения, удельный вес белорусов в числе проживающих в Литве иностранцев увеличился с 9,4% до 9,8%[818]. Перемещения населения между двумя республиками сохраняют активный характер. В 2013 году, по данным официальной статистики, 796 граждан Белоруссии вернулись в свою страну.

Между тем нельзя идеализировать литовцев в их отношении к белорусам, которых чаще, чем представителей других национальностей задерживают на границе. Так, в 2013 году было отказано в доступе в Литву 1278 белорусам. А согласно социологическим

---

[815] В белорусской школе в Вильнюсе открыта подготовительная группа для дошколят. Delfi. 2014. 1 сент. URL: http://ru.delfi.lt/news/live/v-belorusskoj-shkole-v-vilnyuse-otkryta-podgotovitelnaya-gruppa-dlya-doshkolyat. d?id=65714972 #ixzz3NbcGhpjx (дата обращения: 28.05.2015).

[816] Lietuvos gyventojų tarptautinė migracija. 2013. Vilnius: Lietuvos statistikos departamentas, 2014. S. 66.

[817] Lietuvos gyventojų tarptautinė migracija. 2013. S. 3.

[818] Lietuvos gyventojų tarptautinė migracija. 2013. S. 45.

опросам в апреле 2014 года Белоруссию назвали дружественной страной только 6,5% литовских респондентов, а 19,1% – враждебной. Правда, эти показатели существенно улучшились в сравнении с 2006 г., когда они составляли 5% и 50,2% соответственно, и в целом выглядят неплохо на фоне Польши, которую назвали враждебной страной 26,8% опрошенных, и особенно России – 72,5%)[819].

Таким образом, белорусская культура и общество сегодня представлены в Литве многочисленными белорусскими организациями, включая оппозиционные группы и правозащитные организации, ведущие здесь свою работу ради лучшего будущего Беларуси. Ведущая роль в этой деятельности принадлежит Вильнюсу. Особенно усилилось его значениекак центра оппозиции после событий декабря 2010 года Вильнюс наравне с Варшавой стал одним из двух центров активности белорусской оппозиции. Там живут бежавшие из Белоруссии противники А. Г. Лукашенко, создаются теневые правительства, проводятся многочисленные конференции по белорусской тематике, работают редакции оппозиционных СМИ. Правозащитные организации ставят целью развитие гражданского общества, стимулирование проевропейского пути Белоруссии, побуждение Литвы к более активной деятельности по передаче Белоруссии демократического опыта. Среди таких организаций, например, «Белорусский дом прав человека» в изгнании (открыт в 2007 г.), Международная неправительственная организация «EuroBelarus» и учрежденный ею Центр европейской трансформации (2007 г.), существующая с 2004 г. «Belarus Watch» («Беларускі дазор») и другие центры.

Регистрация этих объединений в Литве позволяет получать финансирование и организационную поддержку не только Литовского правительства, но и Европейской комиссии, Скандинавских стран, Чехии, Германии, других европейских стран и США. Организации поддерживают тесную связь с Белоруссией, являются площадкой для проведения многочисленных мероприятий, презентаций, обучающих программ и школ,

[819] Беларусь вошла в тройку главных врагов Литвы // Eurobelarus. 2014. 3 июня. URL: http://eurobelarus.info/news/society/2014/06/03/belarus-voshla-v-troyku-glavnyh-vragov-litvy.html (дата обращения: 28.05.2015).

выполняют функции центров информации и являются рупором трансляции альтернативного белорусского общественного мнения на Запад, оказывают помощь и координируют деятельность НПО в Белоруссии. Основные их проекты касаются наблюдений за выборами и помощи жертвам политических репрессий.

Постепенно в Литву перебазировались и серьезные аналитические центры – такие, как «Независимый институт социально-экономических и политических исследований» (НИСЭПИ), Белорусский институт стратегических исследований (BISS), противостоящие белорусской официальной пропаганде, ведущие социологические и аналитические исследования с использованием лучших мировых практик.

Среди крупнейших и важнейших мероприятий аналитического характера следует назвать ежегодный Международный конгресс исследователей Белоруссии, который проводится с 2010 года в октябре в Каунасе.

Наиболее крупным образовательным проектом в Литве, направленным на формирование белорусской идентичности, является Европейский гуманитарный университет (ЕГУ), основанный фондом Сороса в Минске в 1992 году. После закрытия в 2002 году белорусскими властями, он был вновь учрежден в 2005 году в Вильнюсе и позиционирует себя как университет в изгнании. Финансируют университет через Литву ЕС и США. Органом, координирующим эти финансы, является Совет министров Северных стран[820]. Например, в 2012 году ЕС по статье «Права человека» было направлено в Попечительский совет университета 1,3 млн долларов[821]. Задача этого проекта – воспитание кадров с европейскими ценностями, которые могли бы способствовать изменениям у себя на родине в сторону де-

---

[820] Plan współpracy rozwojowej w 2014 r. Warszawa: Ministerstwo Spraw Zagranicznych, 2014. S. 9. URL: https://www.polskapomoc.gov.pl/ (дата обращения: 28.05.2015).

[821] *Зуйкова А., Егоров А.* Роль и место гражданского общества в системе донорской помощи для Беларуси (2006-2012). Центр европейской трансформации, 2014. Рабочий документ. Центр европейской трансформации, 2014. С. 27. URL: http://eurobelarus. info/news/policy/2014/12/09/rol-i-mesto-grazhdanskogo-obschestva-v-sisteme-donorskoy.html (дата обращения: 28.05.2015).

мократизации[822]. Из числа опрошенных 466 выпускников, закончивших университет в 2009–2011 гг., в Белоруссии на данный момент проживают около половины. Большинство из них трудятся в негосударственном секторе: в частных компаниях, независимых СМИ или белорусских и международных некоммерческих организациях[823]. Расширяет число слушателей при сокращении затрат переход к широкому дистанционному обучению. Около двух третей студентов Университета обучаются по этому методу, не выезжая из Белоруссии.

В целом ЕГУ – востребованный белорусами проект. Согласно мониторингу Евразийского банка развития (ЕАБР), российское образовательное пространство существенно менее привлекательно для белорусов, чем европейское[824]. В 2004/2005 учебном году в Литве училось 139 белорусских студентов, в 2012/2013 году – 1919. В 2013/2014 учебном году их численность несколько сократилась до 1728 человек, но они составляют 32% всех иностранных студентов Литвы[825]. Уменьшение количества студентов связано с уменьшением финансовой поддержки правительства США через Агентство США по международному развитию (USAID) в рамках всеобщих сокращений помощи иностранным государствам[826]. В 2014 году дипломы ЕГУ получили 192 студента

---

[822] Ректор ЕГУ – американской делегации: Неудача в демократизации Беларуси явит собой опасный прецедент // Европейский гуманитарный университет. URL: http://www.ehu.lt/ru/news/pokazatj-statjju/rektor-egu--amerikanskoj-delegacii-neudacha-v-demokratizacii-belarusi-javit-soboj-opasnj-precedent (дата обращения: 28.05.2015); Депутат Европарламента надеется, что его сменят выпускники ЕГУ // Европейский гуманитарный университет. 2014. 18 июля. URL: http://www.ehu.lt/ru/news/pokazatj-statjju/deputat-evroparlamenta-nadeetsja-chto-ego-zamenjat-vpuskniki-egu (дата обращения: 28.05.2015).

[823] Студенты и выпускники // Европейский гуманитарный университет. URL: http://www.ehu.lt/ru/about/student-i-vpuskniki (дата обращения: 28.05.2015).

[824] Интеграционный барометр ЕАБР – 2014 (третья волна измерений). Аналитическое резюме. Санкт-Петербург: Центр интеграционных исследований ЕАБР, 2014. С. 23–24.

[825] Lietuvos gyventojų tarptautinė migracija. 2013. S. 62.

[826] Ректор ЕГУ – американской делегации: Неудача в демократизации Беларуси явит собой опасный прецедент // Европейский гуманитарный университет. URL: http://www.ehu.lt/ru/news/pokazatj-statjju/rektor-egu--amerikanskoj-delegacii-neudacha-v-demokratizacii-belarusi-javit-soboj-opasnj-precedent (дата обращения: 28.05.2015).

Европейского гуманитарного университета, в том числе 15 магистрантов, большинство из которых граждане Белоруссии[827].

Европейский гуманитарный университет имеет программы поддержки молодых исследователей. Его активная культурно-просветительская и научная деятельность концентрируется на таких направлениях, как гуманитарное образование, социокультурные трансформации в Восточной Европе, проблемы европейской интеграции и т. д. ЕГУ имеет крупную издательскую базу, которая публикует результаты исследований на русском и белорусском языках, в их числе научные журналы «Топос» и «Перекрестки».

На формирование белорусской самоидентификации среди студентов и преподавателей в ЕГУ направлены белорусистика и история. Один из 10 научных центров этого университета – Институт исторических исследований Беларуси – организует конференции и семинары и издает книги по белорусской истории, которые свободно распространяются в белорусских магазинах, выпускает ежегодник по антропологической истории «Homo Historicus». Университет формулирует исторические трактовки и дает установки.

Иначе говоря, Литву можно рассматривать не только как канал европеизации белорусов, но и как площадку, где кристаллизуются национальные идеи для Белоруссии. И важнейшее место в этом процессе придается закреплению роли наследия Литвы в историческом самосознании белорусов, которая активно продвигается через гражданское общество.

2009 год не только в Литве, но и в Белоруссии прошел под знаком празднования «тысячелетия Литвы» в честь первого упоминания названия в Кведлинбургских анналах. Литовцы празднуют эту дату как начало своей государственности. В Белоруссии для организации торжеств был специально создан общественный комитет. 2013 год в Литве был назван Годом Восстания 1863 года, которому много внимания уделяется и в белорусской истории.

---

[827] Депутат Европарламента надеется, что его сменят выпускники ЕГУ // Европейский гуманитарный университет. 2014. 18 июля. URL: http://www.ehu.lt/ru/news/pokazatj-statjju/deputat-evroparlamenta-nadeetsja-chto-ego-zamenjat-vpuskniki-egu (дата обращения: 28.05.2015).

В Литве культивируются белорусские национальные традиции и праздники, альтернативные тем, что утвердились в самой Белоруссии. Так, в 2013 году белорусы и литовцы вместе обратились к событиям 1918 года – провозглашению Белорусской Народной Республики – и отпраздновали 95-летие независимости Беларуси в исторической Вильнюсской Ратуше. А 2014 год был объявлен литовским сеймом годом Оршанской битвы, победа в которой, по мнению парламентариев, позволила «защитить территориальную целостность Литвы» и несет в себе историческую связь Литвы с Белоруссией и Украиной[828]. Идея была поддержана белорусской общественностью, в которой в последнее время приобретает все большую популярность литвинский миф. Защищают его прежде всего оппозиционные официальному направлению историки (А. Белый, Г. Саганович и др.).

Литвинизм базируется на том, что сегодняшние Белоруссия и Литва были частями единого этнокультурного и геополитического пространства, а народы принадлежали одной духовной и метафизической родине. Согласно мифу, нынешние белорусы – прямые потомки литвинов ВКЛ, поэтому необходимо искать и культивировать то, что объединяет белорусов и литовцев, то есть общую традиционную культуру и историческое прошлое. Эта литовская традиция, по мнению ее сторонников, коренится в белорусско-литовской языческой культуре и аристократизме древней Литвы и шляхты ВКЛ, который закалялся в многочисленных войнах, а его высокий культурный уровень формировался на лучших достижениях европейского образования, науки и культуры. Утверждается, например, что литовские элиты успешно пользовались готовыми формами государственной организации и культурными достижениями русских княжеств[829].

Сегодняшние литвины – патриоты ВКЛ, продолжатели литовской традиции – полагают что именно воинственности, место которой заняли кротость и приспособленчество, и не хватает

---

[828] Наша история: в Литве 2014 год объявлен годом… битвы под Оршей // Белорусский партизан. 2013. 24 дек. URL: http://www.belaruspartisan.org/life/252348/ (дата обращения: 28.05.2015).

[829] *Дзермант А.* Як можна быць літвінам у Беларусі? // Беларусь в европейском контексте: актуальные дискуссии о нациестроительстве. Вильнюс: ЕГУ, 2014. С. 132, 135–136.

современным белорусам[830]. Таким образом, нынешний литвинизм – это своеобразная идеология ценностей ВКЛ, форма белорусского своеобразия, которое должно стать основой любой национальной идеи.

Однако следует учитывать, что даже белорусские историки-националисты не едины в своих взглядах. Часть из них, представляющих романтическое направление, ориентированное на принципы этнокультурного национализма, твердо противостоит не только официальной и западнорусской, но и литовской и польской трактовкам истории. В их интерпретациях исторического процесса просто нет места другим этносам. За последние десятилетия они пытаются создать собственный миф белорусской истории. Они полагают, что маленький литовский народ придумал великую историю, незаслуженно приватизировал ВКЛ, чтобы оно помогало цементировать литовскую нацию, и присваивает себе белорусские победы. В романтической историографической версии ВКЛ признается не литовским, а белорусским государством, в котором участие литовцев было маргинальным[831]. Один из известных польских историков белорусского происхожения Олег Латышонок противостоит идее белорусско-литовского единства, доказывая, что «белорусская национальная идея развивалась в идеологическом противостоянии с литовской национальной идеей»[832].

Ставят под сомнение этническое единство белорусов и литовцев и представители официальной белорусской историографии. По мнению этих историков (И. Чаквин, П. Терешкович), название «Литва» было полиэтнонимом и экзоэтнонимом со стороны россиян, украинцев и поляков, которые распространяли название всех жителей ВКЛ, прежде всего литовцев и белорусов[833]. Сами же

---

[830] *Дзермант А.* Як можна быць літвінам у Беларусі? С. 136.

[831] *Kraĭcevič A.* Appropriation of the GDL history cements modern lithuanian nation // Belarusian Review. Vol. 26. No. 1. S. 19–20.

[832] *ЛатышонакА.* Нацыянальнасць – Беларус. Вільня: Інстытут беларусістыкі; Беласток: Беларускае Гістарычнае Таварыства, 2009. С. 404.

[833] *Чаквин И. В., Терешкович П.В.* Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV – начало XX в.) // Советская этнография. 1990. № 6. С. 44–45.

себя, по мнению Г. Галенченко, белорусы называли русинами[834]. Важную роль в этой дискуссии сыграл И. Марзалюк, который пришел к выводу, что литвины и русины относились к разным этническим группам, а литвинская традиция не создала ни белорусского национального движения, ни белорусского национализма[835]. Вместе с тем книги И. Марзалюка[836] вызвали бурную дискуссию в белорусском научном сообществе[837].

В целом в XXI веке по мере дистанцирования от совместного с Россией прошлого, наследство ВКЛ как белорусско-литовского государства все сильнее проникает в официальную идеологию РБ. Усиливающееся внимание к средневековому Литовскому государству характеризует современную ситуацию в официальной исторической науке и образовании. В частности, ВКЛ посвящен весь учебник по истории Белоруссии для 7-го класса, издана многотомная энциклопедия ВКЛ[838]. В июне 2014 года в Витебске открыли памятник Великому князю литовскому Ольгерду[839]. В белорусской историографии трактовка ВКЛ претерпела наибольшие изменения в сравнении с советским временем, и его традиция активно используется в оформлении и расширении

---

[834] *Дзярновіч А.* Пошукі Айчыны: «Літва» і «Русь» у сучаснай беларускай гістарыяграфіі // ARCHE. 2014. 07 студ. URL: http://www.arche.by/by/page/science/17174 (дата обращения: 28.05.2015).

[835] *Марзалюк І. А.* Міфы «Адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. Магілеў: УА «МДУ імя А. А. Куляшова», 2009. С. 82.

[836] *Марзалюк І. А.* Людзі даўняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) Магілеў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2002; *Марзалюк І. А.* Этнічны і канфесійны свет беларускага горада XVI–XVIII стст.: (Этнаканфесійны склад насельніцтва, этнічныя і канфесійныя стэрэатыпы беларускіх гараджан). Магілеў: УА «МДУ імя А. А. Куляшова», 2007; *Марзалюк І. А.* Міфы «Адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. Магілеў: УА «МДУ імя А. А. Куляшова», 2009.

[837] Абмер каваньне кнігі Ігара Марзалюка «Міфы «адрадженскай» гістарыяграфіі Беларусі» // ARCHE. 2009. № 11–12. С. 24–121.

[838] Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя ў двух тамах. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2005.

[839] Памятник Великому князю Литовскому Ольгерду открыт в Витебске в честь 1040-летия города // Столичное телевидение. 2014. 27 июня. URL: http://www.ctv.by/novosti-vitebska-i-vitebskoy-oblasti/vitebsk-otmechaet-svoy-1040-den-rozhdeniya (дата обращения: 28.05.2015).

национального понимания истории, укрепляющего процессы становления белорусской национальной идентичности и строительство суверенного государства[840].

Литовский фактор играет роль инструмента внутри- и внешнеполитической борьбы. Приверженцы литвинизма считают, что противоречия между литовцами и белорусами играют на руку внешним силам, прежде всего Москве, поэтому они апеллируют к своим северолитовским братьям, чтобы те поднялись и помогли своим южнолитовским братьям в освобождении из-под азиатско-варварского господства, а белорусов призывают сделать правильный выбор трактовки прошлого[841]. Задача литовской традиции – вытеснить западнорусизм, марксизм, интернационализм, постмодернизм и прочие идеологии из белорусской действительности.

Таким образом, Белоруссия и Литва тесно связаны не только прошлым, но и настоящим. Современный Вильнюс – альтернативная Минску площадка белорусской культурной и идеологической жизни – вновь претендует на роль центра белорусского возрождения. Отсутствие твердого стержня в официальной белорусской государственной идеологии, ее открытость внешним влияниям и склонность к компромиссам в совокупности с необходимостью отстаивать суверенитет и заинтересованность Литвы в культурном политическом влиянии способствуют тому, что в основу национально-государственной идентичности населения Республики Беларусь постепенно закладывается наследство Великого княжества Литовского как главного и ключевого этапа истории. Сможет ли литвинизм объединить белорусскую нацию – покажет время.

Петровская Оксана Васильевна,
д. и. н., Российский институт стратегических исследований (Россия)

---

[840] *Ластоўскі А.* Улада і стварэнне гісторыі ў Беларусі: нататкі да канцэптуалізацыі // Беларусь в европейском контексте: актуальные дискуссии о нациестроительстве. Вильнюс: ЕГУ, 2014. С. 28.

[841] *Біч П.* Камэнтары // ARCHE. 2014. 28 мая 2014. URL: http://www. arche.by/by/page/monitoring/17460 (дата обращения: 28.05.2015).

Именной указатель

А

Аавиксоо Я. – 47, 58
Абдулаев Э. – 45
Аболин – 274
Аболтиня С. – 37, 41
Абрам – 311
Абызов Ю. – 407
Авелинг А. Ф. – 233
Агафонов Н. Т. – 334
Адамкус В. – 60, 62, 451
Ажубалис – 451
Аймермахер К. – 45
Аккель – 212
Аксаков И. – 142
Акуратерс Я. – 380
Алейхем Ш. – 430
Александр III – 141
Алексеев М. В. – 78
Алексий, Патриарх Московский и всея Руси – 142, 144–146
Альбер де Влеешаувер – 247
Амман – 311
Андерманис К. – 371
Андерсон Б. – 366–367
Андреева З., староста Хаапсалуского прихода – 147
Андреева Н. С. – 72–73, 75, 77–82, 141–142, 364
Андрезен Н. – 198, 201
Антанавичюте Р. – 149
Антипов А. И. – 193, 207, 209, 217, 221
Антоний (Храповицкий), митр. – 133
Аншевицс Т. – 271
Аператс К. – 301
Апине И. – 395, 407, 435
Арайс В. – 22
Ардалион (Кесккюла), свящ. – 147
Армстронг Д. – 365
Арумяэ Р. – 339
Арумяэ Х. Т. – 13, 205
Асарис Г. – 166–167
Астрид, принцесса – 229
Аузиньш М. – 39

Б

Багдасарян В. – 45
Балодис Я. – 375–376
Балутис Б. – 252–253, 256, 267
Барановский В. Г. – 349
Барбажан М. – 309
Барту – 110–111
Бевин Э. – 266
Бедман Э. – 311
Белый А. – 465
Белько – 212
Беляев П. – 311
Беляцкий А. – 452
Бердников А. – 42
Берзиньш – 349
Берзиньш А. – 16, 36–37, 39–41, 43
Берия Л. – 53
Билманис А. – 271–272
Бланк Э. – 120
Блейере Д. – 23
Блок М. – 45
Бобе М. – 119
Богданас К. – 166
Болдырихин А. – 364
Большаков И. М. – 310
Борданс Я. – 41–42
Бордюгов Г. М. – 45–46
Бочагов А. – 88, 95
Брежнев Л. И. – 163
Брейкис Л. – 126
Бреикшс Я. – 91
Бродовский С. И. – 206–207
Броды А. – 94
Бронштейн М. Л. – 350
Брубейкер Р. – 84
Буле В. – 107
Булсонс – 273
Булсонс Р. – 271
Бураускайте Б. – 62
Бурдье П. – 49
Буткявичюс А. – 353
Бухрот Э. – 311

В

В. Беренс, свящ. – 147
Вагрис Я. – 289
Вагуланс М. – 124
Валге Я. – 193
Валентин (Савин), прот. – 146–147
Валтерс, Микелис – 271–272
Вальтерс, Микелис – 253–254, 380
Вальцер Х. – 46
Ванлангенхове Ф. – 233
Варблане – 359
Варес-Барбарус Й. – 52
Варик М. – 165
Варславан А. Я. – 175
Варфоломей, Константинопольский Патриарх – 145–146
Васильев И. – 312
Веверис Э. – 31
Вестерман М. – 33
Вираб Г. И. – 71
Видеман В. – 12
Вике-Фрейберга В. – 43, 62
Виксне Р. – 29–31, 34
Винклер Г. – 311
Вирт Л. – 401
Витис, Юрконис – 454
Владимир фон Беренс, свящ. – 147
Волков В. – 435
Волкович Б. – 122, 125–126
Волковс В. – 364
Вудрафф Д. – 360
Вучетич Е. – 158
Выборгский Иоанн (Соколов), еп. – 142
Вырк А. – 346
Вышинский А. – 243

Г

Габсбург, Отто фон – 291
Гаврилин А. – 407
Гагатко А. – 94
Галенченко Г. – 467
Гаман-Голутвина О. – 360
Ганеваль Ж. – 109, 112, 114–117
Гапоненко А.– 420, 435
Гареева Н. Э. – 335
Геллнер Э. – 366, 401
Герасимов А. М. – 78, 156–157
Герман Е. – 458
Гессен – 213
Гечев Р. – 360
Гильман А. – 42
Гитлер – 24, 191,194, 203–204, 218, 221, 228, 232, 280, 282
Гобсбаум Е. – 366–367
Годефрей – 225
Гольдман Я. Ю. – 74
Горбачев М. – 289–290
Горемыкин И. Л. – 76
Горовиц Д. – 418, 436–437
Гражулис А. – 94
Граудс З. – 372
Грибаускайте Д. – 452
Григорьев Л. М. – 336, 338
Григорьев С. Т. (Патрашкин С.) – 72
Грин У. – 175
Гроте Р. – 311
Грох М. – 366
Грязин И. – 323
Густав, король – 194
Гутт К. – 247
Гущин В. – 123

Д

Даллес Дж. Ф. – 273
Данилов А. – 50
Денисенков А. – 341
Джунковский В. Ф. – 75
Дзермант А. – 465
Динбергс, Анатолс – 291
Добелис, Юрис – 289
Долгошев А. – 102
Дольфус Э. – 199
Домбровский В. – 399
Домбровскис – 342
Донгаров, А. Г. – 184
Дрибинс Л. – 120
Дубин М. – 126

Дынкин А. А. – 349
Дэли М. – 329
Дюков А. Р. – 22
Дюллен С. – 106
Дюркгейм Э. – 401

Е

Егоров А. – 100, 462
Елисеев А. – 455
Елисеев Г. – 95
Елпатьевский С. Я. – 72
Ермил (Аллик), прот. – 147
Ершов Л. – 91, 95

Ж

Жансон, Поль-Эмиль – 229
Жданов А. – 157
Жидовский П. – 94
Жюгжда Р. Ю. – 13

З

Загерс (Цагерс) Б. – 311
Залите И. – 28
Залькалне П. – 165
Залькалнс Т. – 168
Зарин Ч. – 245
Зарин Ш. – 252–256, 259, 267
Зариньш К. – 269–270, 272–274, 276–281, 284–287
Зариньш Я. – 164
Зариня М. – 275
Затлерс В. – 15, 38, 43, 62
Захаров И. З. – 304, 306
Зезина М. – 156
Зеллис К. – 129
Зелче В. – 40, 43
Земгалс Г. – 380
Земдега К. – 156
Земитис Г. – 17
Земитис М. – 342
Зепа, Б. – 435, 437
Зуйкова А. – 462
Зунда А. – 16–17, 23, 39, 43, 116

И

Иванов А. – 16
Иванов В. И. – 312
Иващенко А. С. – 336, 338
Иден Э. – 203, 234, 252, 254
Икстенс Я. – 39
Ильвес Т. – 59
Ильин И. А. – 132
Ильмярв М. – 14, 106–107, 184, 199, 201, 212, 225
Ингал В. И. – 152
Инфантьев Б. – 407
Иоанн (Кесккюла), священник – 147
Исаков С. Г. – 136
Исляев Р. А. – 334

Й

Йокубонис Г. – 166, 168
Йоханссон, Пер Биргер – 220
Йыгевер Я. – 136

К

Каарна Р. – 346
Кабанов Н. – 398
Калейс А. – 164
Калейс К. – 31–32
Калинин М. И. – 151
Каллас К. – 332
Каллистратов М. – 90, 95
Калнберзиньш Я. Э. – 157–158
Калниньш П. – 87
Калпиньш. В. – 159
Каминский Й. – 94
Кангерис К. – 29, 31, 34
Капранс М. – 39
Карл, принц Шведский и герцог Вестергетландский – 194
Карлгрен В. – 218–220
Карнупс А. – 371
Карр Э. Г. – 254
Карьяхярм Т. – 74
Каспарссон Р. – 200
Каттель Р. – 344
Кедури Э. – 400
Кен О. Н. – 14
Кениньш И. – 299, 301

Кеннедайн Д. – 367
Кеннеди Дж. – 273
Кесельс Б. – 120
Кибальников А. П. – 154
Кимлика У. – 402–404, 440
Кингисепп В. – 152
Кириллов С. – 90, 95
Киров С. М. – 152
Кирхенштейн А. – 52, 281
Кирхенштейнс А. – 286–287
Клемансо Ж. – 105
Клибус А. – 311
Клычников В. – 45
Клявин Я. Ю. – 197, 201
Клямкин И. М. – 338
Клячко Л. М. (Львов Л.) – 72
Ковалев Б. Н. – 309
Ковальчук С. – 407
Козинцев Г. – 102
Козлов О. – 350
Козулин А. – 452
Колас Я. – 430
Колеватов В. – 46
Коллингвуд Р. Дж. – 45–46
Коллонтай А. М. – 208–211, 213, 216–220, 222–224, 248
Колон Ф. – 235
Комаров А. А. – 225
Кон Х. – 400
Кониц – 214
Контровскис А. – 375
Конт-Спонвиль А. – 132
Корецкий П. – 95
Корнилий (Якобс), еп. – 139
Корнильев И. – 88, 91, 95
Коровенкова Т. – 454
Корти С. – 311
Коскюль А. – 192, 198, 200, 213–214, 222
Коссей П. – 94
Краснитский А. – 32
Крестинский Н. Н. – 224
Криевиньш А. – 311
Криппс, Стэффорд – 251
Кристовскис Г. В. – 28
Крук С. – 42, 378, 409
Крукс С. – 364
Крумин Н. – 311
Круминьш Г. – 335
Круус Х. – 52
Кубилюс А. – 450
Кугель Х. – 94
Кудинов Д. – 151
Кудрявцев П. – 102
Кудряшов Н. – 350
Кузнецов Ю. – 102
Кулжинский М. С. – 100
Купер Д. – 234
Курлов П. Г. – 77
Куртяк И. – 86, 94

Л

Лайдонер Й. – 97, 101, 191–192, 199–200
Ланде А. С. ((Изгоев) – 72
Ларетей Х. – 214
Ларссон К. – 200
Ларссон У. – 192, 195, 199
Латышонак А. – 466
Лауристин Й. – 151
Лацис И. – 15
Лацис К. – 311
Лачплесис – 430
Левитс, Эгилс – 292
Ленин – 149–155, 163, 378, 430
Лепаж Ф. – 251
Лехт Ф. – 155
Лиги Ю. – 63
Лиепиньш Х. – 311
Лиепиня, Аустра – 291
Линдхаген К. – 195, 212
Линкявичюс Л. – 452
Липман М. – 45
Литвинов М. М. – 206, 209, 217–218, 223
Литвинова Е. В . – 100
Литовка О. П. – 334
Лопухов А. П. – 132
Лосский Н. О. – 133
Лснцман Л. Н. – 304
Лукашенко А. Г. – 446, 448–449, 451–452, 460–461
Лукьянов А. И. – 321, 324
Луман Н. – 49–50
Луначарский А. В. – 169–170
Льюис Дж. – 329

М

Маасикас М. – 337
Маасинг Р. – 191–192, 225
Мазалов – 191–192
Македонский А. – 95
Маклаков Н. А. – 76
Мальков В. Л. – 188
Мамонтов С. И. – 100
Маненок Т. – 453–454, 459
Мансырев С. П. – 71, 74, 78
Марзалюк И. – 467
Маркс К. – 366
Масальский Я. – 312
Мауриньш Ю. – 164
Медведев Д. А. – 15, 430
Медияйнен Э. В. – 205
Межевич Н. М. – 327, 335, 354, 459
Мейендорф А. Ф. – 73
Мейеровицс, Анна Зигфридс – 273
Мелетий (Метаксакис), Патриарх Константинопольский – 138
Мёллер Г. – 216
Мельдер А. – 155
Мельдер С. – 155
Мельников П. – 95
Мельтюхов М. И. – 183
Меннинг К. – 203
Мери Л. – 59
Меркис А. – 238
Меснекс К. – 375
Миллер А. – 45
Миллер В. О. – 176
Мильченко А. – 302
Минтаурс М. – 44
Мицкевич А. – 430
Мичулис А. – 28
Молотов В. – 233, 242, 244
Мохатый А. Ф. – 305
Муйжниекс Н. – 435
Мунтерс В. – 117
Мурниеце И. – 30
Муссолини – 108
Муценице М. – 374
Мэтр Б. – 348
Мюнтерс В. – 233, 235, 239, 243, 277
Мянни О. – 155

Н

Набоков В. В. – 74
Набоков С. Д. – 74
Назарова Е. Л. – 15
Недра А. – 375
Нейбургс У. – 29–31, 34, 44
Непартс А. – 33
Нечай А. – 350
Никез М. – 228, 231, 234, 240–242, 245–251, 256–261, 264, 267
Никифоров И. – 45
Никсон Р. – 273

О

Озолиньш В. – 306
Озолиньш К. – 350
Ойнас А. – 197, 201, 209
Олейник А. – 360
Олехнович Д. – 129
Олсон М. – 332, 360
Ольгерд, Великий князь литовский – 467
Опик – 234
Ордас – 309
Оссендовский А. М. (Чертван М.) – 70
Отеро – 308

П

Павел (Дмитровский), еп. – 139
Павлов Ф. – 95
Павловский Т. – 90–91, 95
Павук О. – 350
Пазухина Н. – 407
Палецкис Ю. – 52
Папа Пием XII – 273
Парсонс Т. – 401
Паули И. – 201
Паулус А., протоиерей – 138
Пельше А. Я. – 160
Петерсонс А. – 298
Петренко А. И. – 302
Петров А. – 312

Петров М. Н. – 310–311
Петрулис Н. – 168
Пигулевский В. – 87–88
Пиебалгс А. – 349, 351
Пийп А. – 203
Пиип, Антс – 240, 242
Пилдеговичс, Андрейс – 274
Пилсудский – 215
Платон (Кульбуш), священномученик – 136
Победоносцев К. П. – 143
Польман Х. – 303
Поммерс Я. – 87
Поска Я. – 136
Почс К. Я. – 13, 175
Пресняков В. – 95
Прокоп К. – 94
Путин В. В. – 430, 448
Пухк И. – 208–209, 217, 221
Пушкин А. С. – 430
Пьерло, Юбер – 230, 247
Пэгле В. – 19
Пятс В. – 204
Пятс К. – 55, 97, 101, 104, 136, 191–193, 198–200, 204–205, 214, 224, 265

Р

Раамот И. М. – 74
Рагель-Метцвальд Е. – 311
Рагиб Раиф Бей – 217
Развадовский – 209
Райда Я. Г. – 304
Райнис Я. – 430
Раскольников Ф. Ф. – 208
Рауд М. – 209
Раштикис С. – 232
Ревельский, архиепископ – 138
Реджинальд де Круа, герцог – 229, 245, 248, 251, 258, 261, 267
Резанов А. С. – 71
Рей Авг. – 198, 201–202, 246, 257, 260
Рейнджер Т. – 367
Рейнхардс П. – 287–289, 291
Рейтерн-Нолькен В. Е. – 72
Рейтерсвэрд П. – 220
Риббентроп, Иоахим фон – 231, 236
Ридзенекс В. – 380
Рижский (Донат), еп. – 143
Рогинский В. В. – 16
Роговский – 75
Родин М. – 420
Розе Б. – 271
Розенберг А. – 204, 223, 250, 252, 306
Розенвалдс Ю. – 395–396
Розенталь Р. – 192
Розов М. – 46
Ролёнок А. – 450
Рославец – 78
Росс Э. – 155
Ротшильд Дж. – 436–438
Рубульс В. – 115
Рузвельт Т. – 258
Рузский Н. В. – 78
Рупасов А. И. – 14
Рутковский М. А. – 307
Руутсоо Р. – 47
Рыжов Н. – 274
Рюйтель А. – 324

С

Сависсар Э. – 362
Савченко В. И. – 297–298
Саганович Г. – 465
Сазонов С. Д. – 76
Саймон Дж. – 203
Салнайс В. – 208–210, 213
Сало В. – 61
Сальгрен – 201
Самарин Ю. – 142
Самонис В. – 336
Сандлер Р. – 195–196, 200, 209–210, 219–223
Санчо, Хосе Кастильо – 309
Сауснитис К. -33
Сахаров С. П. – 136
Северянин И. – 100
Седоряк Н. – 94
Селитренников А. М. (Ренников А.) – 70–72
Сельтер К. – 209, 234
Сельямаа Ю. Ф. – 212, 214, 223–224
Сепп Л. – 204
Сепп П. – 137
Сепре О. А. – 13

Сергеев С. – 142
Сергий (Страгородский), митрополит – 139)
Сиетиньш У. – 25
Симеон (Кружков), прот. – 147
Симиндей В. В. – 22, 47, 61, 113, 364
Симонян Р. Х. – 55
Сиполс В. Я. – 13, 176, 178
Сиротин А. – 95
Смит Э. – 365, 400, 402
Смуха С. – 419
Сорос – 462
Соэ Р. – 338
Спаак, Поль-Анри – 229–230, 242, 246–247, 251, 253–254, 256–257, 259, 261, 265–268
Стадлер Ж. – 229, 246
Сталин И. – 24, 53, 151, 154–155, 255, 258
Станкевичс Э. – 26–27, 29
Стомоняков Б. С. – 193, 195, 199, 206–212, 214, 216–219, 222–225
Странга А. – 23, 30, 116
Страубе Г. – 15
Страутиньш П. – 346
Страутманис, И. – 166
Страуюма Л. – 30
Стродс Х. – 23
Струйе, Поль – 262
Суворин Б. А. – 76
Суворин М. А. – 76
Судан Э. – 229
Суйтс Г. – 104
Сунинс З. – 374
Сунинс К. – 374
Сычева Л. – 46

Т

Таразевич Г. – 318, 321
Тардьё А. – 114
Тейкманис А. – 36
Терешкович П. В. – 466
Тилгасса Э. – 29
Тихомиров А. В. – 453
Тихон, Святейший Патриарх Всероссийский – 138
Тихоницкий Э. – 95
Тойнис Ж. – 267
Томингас В. – 193
Торма Авг. – 252–256, 267
Трасун Ф. – 430
Тревор-Роупер Г. – 367
Трипье Ж. – 105–118
Трофимов С. – 84, 90, 95
Тупин А. П. – 70–72
Турбъёрн – 13,
Тыниссон К. – 12
Тыниссон Я. – 194
Тэтчер М. – 290

У

Уайт С. – 331
Удровскис А. – 311, 313
Уилан К. – 348
Улманис К. – 106–108, 112–113, 115–116, 127–128, 243, 265, 270, 272, 277, 287, 343, 375–376, 380–383, 430
Улуотс, Юри – 238
Ульманис Г. – 61
Унден, Бу Эстен – 213, 221, 226
Унт М. – 197
Уолцер М. – 402
Упмалис И. – 29
Устинов А. М. – 199, 201, 212, 214, 217–218, 222 – 225
Усхопчик В. – 452
Ушаков Н. – 399
Уэллс, Самнер – 244
Уэссон А. – 136

Ф

Фабрициус А. – 373
Февр Л. – 45
Федоров В. Ф. – 305
Федотова В. Г. – 331
Фейгмане Т. – 407
Фейгманэ Т. – 109
Фелдманис И. – 19, 23, 29, 35–39, 116
Фелдманис Ю. – 271
Фенцик Ш. – 94
Филиппова А. – 50
Философов Д. В. – 72
Фишер П. – 311

Флоран де Сели-Фансон, барон – 228, 230–231, 234, 237–239, 245
Формаков В. – 95
Франсис А. – 375
Фровейн Г. – 225

Х

Хабермас Ю. – 403
Хаксель А. В. – 210, 215
Халл, Корделл – 253
Хальбвакс М. – 46
Хамильтон К. – 219
Ханнес Румм – 332
Ханссон, Пер Альбин -216
Хантингтон С. – 418
Хейндрикс Г.– 232
Хейндрикс Ж. – 244
Хельяс М.-А.. – 140
Хеффе О. – 402
Хобсбаум Э. – 355, 366–367, 400
Хольмгаард А. Р. – 359
Хоннекер Э. – 290
Хрущев Н. С. – 53, 304

Ц

Цауне А. – 15, 17, 23
Цветкова И. – 397
Цебере Г. – 149
Цейтлин Ш. – 123
Цельминьш Г. – 127
Циганов Ю. – 17
Цигенбард Н. – 312
Циелава С. – 167
Цирулис Я. – 311–313
Цитцман Г. – 311

Ч

Чаквин И. В. – 466
Чемберлен Н. – 234, 263
Черняховский И. Д. – 152
Черчилль У. – 188, 234, 247, 258, 267, 271
Чубарьян А. О. – 15–16, 188
Чуковский К. И. – 72
Чурин А. Е. – 74

Ш

Шак фон – 112
Шарль де Ромре – 251
Шаховской С. В. – 143
Шевцова Л. Ф. – 338
Шевченко Т. – 430
Шелоумов П. М. – 99
Шепетис Н. – 47
Шестник Иоанн, священник – 134
Шилиньш Я. – 16
Шиманн П. – 93
Шкель С. Н. – 335
Шматко Н. – 49
Шмеман А. прот. – 133–134
Шне А. – 15
Шнейдере И. – 15, 23
Шнирельман В. – 45
Шполянский Л. – 90–91, 95
Шталекер – 307
Штейн Б. Е. – 210, 215
Штейнберг В. А. – 176
Шубин А. В. – 17
Шуманис В. – 271
Шчерецкий В. – 94

Щ

Щербаков К. – 102
Щербинскис В. – 44

Э

Э. Кирсс, прот. – 146–147
Эглитис М. – 373
Эглитис, Дайна Стукулс – 368
Эдуард ле Гет – 254
Эзергайлис А. – 30, 32
Эйнбунд К. – 193
Эмиль де Картье де Маршьен – 252–256, 259, 261, 267
Эрхардт Р. – 89–90
Эскель А. – 155

Ю

Юденич Н. Н. – 98, 176–177
Юнг – 436
Юпатов И. – 95
Юрашевскис П. – 90–91
Юрьё-Коскинен А. – 211

Я

Якобсон М. – 59
Янельсиня-Приедите А. – 395
Янсонс Р. – 26
Янушкевич Н. Н. – 76, 78
Ярве П. – 419
Ярослав Мудрый, князь – 134
Ярцев – 257
Ясперс К. – 129
Яунземе-Гренде Ж. – 39
Яхонтов А. Н. – 76

A

Aaviksoo J. – 48
Andermanis K. – 371
Andersen L. – 141
Anderson B. – 367
Antanavičšūtė R. – 149
Apine I. – 387–388, 395, 406–407
Armstrong J. A. – 400
Arumae H. – 203–204
Aslund A. – 341
Austers I. – 408
Avots V. – 381

Ā

Āboltiņš R.

B

Balodis Fr. – 13
Baņkovska S. – 407
Barry B. – 402
Baysu G. – 402
Bārnovs Dž. – 407
Berry J. W. – 400, 402
Bilmanis A. – 13
Birkavs V. – 388
Boćkowski D. – 458
Brands-Kehre I. – 395, 410
Bras (le) H. – 108
Brasliņa A. – 167
Bremša L. – 167
Breuilly J. – 400
Briedīte V. – 389
Broks J. – 406
Brown R. – 402
Bruģis D. – 167
Butulis I. – 380–381

C

Calhoun C. – 400
Carlgren W. M. – 196, 219, 226
Casparsson R. – 200
Cēbere G. – 149
Cielava S. – 167
Ciganovs J. – 381
Curika L. – 405

Č

Čaplinska L. – 405
Čekse I. – 405

D

Debruyne E. – 251
Djačkova S. – 405
Dombrovskis V. – 341
Dribins L. – 387–388
Dyukov A. – 22

E

Eglitis D. S. – 368
Eglītis M. – 373
Eide A. – 404

Ezera L. – 388
Ezerkalns K. – 372

F

Fabrīciuss A. – 373
Feldmanis I. – 38, 286

Francis A. – 375

G

Garleff M. – 90
Gelderiņš E. – 381
Gellner E. – 366
Geske A. – 405
Golubeva M. – 405, 408, 411

Grauds Ž. – 372
Grigas A. – 459
Grīnfelds A. – 405
Grosbois Th. – 114, 247, 268

H

Hall S. – 401
Hanovs D. – 381, 410

Hartmanis J. – 381
Hobsbawm E. – 366

I

Ilmjarv M. – 51

Indāns I. – 405

Ī

Ījabs I. – 405, 411

J

Janaitis G. – 380
Janelsiņa-Priedīte A. – 395

Jēkabsons Ē. – 120

K

Kalniņš V. – 405
Kangeris K. – 29, 31, 33–34, 109
Kangro A. – 405
Kangro A. – 405
Karnups A. – 371
Karolewski I. P. – 402
Kazakievič A. – 448–449
Kārkliņa R. – 388
Kelly P. – 402

Khan B. U. – 404
Kieft D. O. – 228
Kļave E. – 408
Kleinfeld G. R. – 309
Kontrovskis A. – 375
Koroļeva I. – 410
Kraŭcevič A. – 466
Kruks S. – 378, 409
Kuck J. – 113

Ķ

Ķeniņš G. J. (Kings) – 407

L

Laķis P. – 388
Lamey B. – 88, 90
Larsson U. – 192, 195–201, 221

Levits E. – 406
Lewis A. – 309
Liljedahl R. – 198

Maijs L. – 127
Makarovs V. – 410
Manning A. – 402

Neiburgs U. – 29, 31, 33–34

Ozoliņa I. – 405

Pabriks A. – 388, 405–406
Pelše S. – 167
Pētersons A. – 298
Phalet K. – 402

Radzik R. – 447
Rahman M. M. – 404
Roon G. Van. – 263

Sam D. L. – 402
Savčenko V. – 297, 300
Simindei V. – 22
Sirutavičius V. – 94
Skudra I. – 377
Skudra O. – 50
Sņikere S. – 410
Spekke A. – 13

Ščerbinskis V. – 375
Šmihula D. – 404
Šņitņikovs A. – 408
Šulmane I. – 411

Taagepera R. – 334
Tabuns A. – 406
Talvar H. – 203
Tambs L. A. – 309
Tēraudkalns V. – 381

Upmalis I. – 29

Valters M. – 271
Vanlangenhove F. – 227, 233

M

Miesnieks K. – 375
Misiunas R. – 334
Muižnieks N. – 395, 408

N

Niedra A. – 375

O

P

Pourchier-Plasseraud S. – 108
Pūce I. – 395, 410
Pujāte I. – 167

R

Roy S. – 402
Rozenvalds J. – 395–396, 409
Rungule R. – 405, 410

S

Sprūde V. – 375
Stankēvičs E. – 29
Stranga A. – 109, 121, 126, 375
Strautmanis I. – 166
Strode I. – 408, 410
Struye P. – 262
Sūniņš K. – 374

Š

Šūlmane I. – 409
Šūpule I. – 410
Švābe A. – 13

T

Tilgass Ē. – 29
Tingsten H. – 221
Treijs R. – 381
Tully J. – 403

U

Uustalu E. – 14

V

Vārpa I. – 380
Vēbers E. – 387–388, 405

Vestermanis M. – 33
Vīksne R. – 29, 31, 33–34
Vissher Ch. – 227, 233

W

Wachtsmuth W. – 90
Weber E. – 367
Wirth L. – 401

Y

Young I. M. – 403

Z

Zepa B. – 388, 405, 408
Zetterberg S. – 194
Zunda A. – 375
Zvidriņš P. – 388

Научное издание

Прибалтийские исследования в России
2015

Редакторы *М.А. Вилков, В.В. Симиндей*
Художественный редактор *М. Левыкин*
Компьютерная верстка *Р. Фахрутдинов*
Корректор *Г. Ражикова*

Издательский центр фонда «Историческая память»
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 5/6, стр. 9, оф. 77.
Тел./факс (495) 697-34-31
historyfoundation.ru@gmail.com

Формат 70X100/16. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-9990-0040-8

Отпечатано в ООО «БЭСТ-принт»
107076, Москва, Колодезный пер., д. 14, оф. 606.